

Эдвин Бернбаум

В ПОИСКАХ ШАМБАЛЫ

Предисловие

За пределами Тибета и Монголии тибетской легенде о Шамбале уделялось сравнительно мало внимания — и уж точно меньше, чем она того заслуживает. Идея о таинственном царстве, скрытом за дальними снежными горами, сама по себе настолько привлекательна, что должна вызвать повсеместный интерес. Потому я написал эту книгу для широкой аудитории, мало знакомой с Тибетом и не имеющей особой подготовки по части тибетской религии и мифологии. От читателя не требуется знаний в этих областях, и я избегал в этой книге специальных терминов, которые могли бы затруднить её понимание. В то же время она содержит материал, который ещё нигде не публиковался и должен представить интерес для специалистов во множестве областей.

Материалом для этой книги стали разнообразные устные и письменные источники. Впервые я услышал о Шамбале в 1969 г. от воплощённого ламы* Тенгбоचे, настоятеля буддийского монастыря возле горы Эверест. Два последующих путешествия в Непал в 1970 и 1972 г., связанных с проектами по сохранению тибетских книг в Гималаях, дали мне возможность больше узнать об этом скрытом царстве. В 1974 я начал исследования этой легенды и в 1975—76 г. провёл семь месяцев в Непале, Индии и Сиккиме, беседуя с ламами и мирянами, собирая тексты и фотографируя произведения искусства, имеющие отношение к Шамбале. Когда я вернулся в Соединённые Штаты, мне посчастливилось поработать с ламой Кунга ринпоче (Нгор Тхарце Шептунг ринпоче) над тибетскими текстами, собранными мною в путешествиях, а также текстами из его библиотеки и собрания PL480 из Калифорнийского Университета в Беркли. Если не указано иначе, то там, где я ссылаюсь на лам и мирян, сведения были получены мною из личных бесед.

* Тулку — прим. пер.

Сама книга движется от описания мифа к интерпретации его внутреннего смысла. Первые четыре главы имеют дело с Шамбалой в общем, её возможным существованием и соотношением этого мифа с другими. Глава 5 даёт общие сведения о тибетском буддизме и мистическом учении, хранимом в этом скрытом царстве. С главы 6

начинается само толкование того, что же символизирует Шамбала в контексте нашего ума. Главы 7 и 8 представляют истории о путешествиях в Шамбалу и переводы руководств, описывающих путь туда. Глава 9 интерпретирует эти путеводители как аллегории путешествия в скрытые глубины ума. Глава 10 в некоторых подробностях рассматривает пророчество о Шамбале и продолжает исследование его символизма. Глава 11 соотносит легенду с повседневной жизнью и заключает книгу.

Для простоты и лёгкости чтения тибетские и санскритские слова пишутся в этой книге примерно так, как они читаются, без всяких диакритических значков. Я избегал прямых транслитераций тибетских слов, потому что устрашающие нагромождения согласных в них могут только запутать читателя, незнакомого с их кажущимся нескладным обликом. Поскольку в английском не используется умлаут (две точки над буквой), я тоже опустил эти знаки, которые часто применяются при фонетической передаче тибетских слов. Чтобы помочь читателю с чтением тибетских и санскритских слов, которые встретятся в книге, сделаю ещё несколько дополнительных замечаний. Буква е, особенно на конце тибетских слов, произносится скорее как "эй", т.е. Тенгбоче читается скорее как Тэнгбочэй. Х, следующее за согласными, означает придыхание, и когда следует, например, после д, указывает на его взрывной характер. Точные транслитерации важных тибетских и санскритских терминов приведены в Примечаниях и Глоссарии в конце книги. Поскольку санскрит более знаком исследователям, а первоначальные тексты о Шамбале были переведены на тибетский именно с этого языка, я был склонен использовать скорее санскритские термины, чем их тибетские эквиваленты. Примечания и Глоссарий, однако, содержат тибетские версии некоторых этих терминов, — таких как, например, имена некоторых владык Шамбалы.

В этой книге я постарался дать внутренний смысл легенды о Шамбале так, чтобы её голос звучал в контексте того, что заботит людей современности. Для этого я принял взгляд, симпатизирующий тибетскому буддизму, постаравшись дать читателю некоторое понимание традиции, из которой эта легенда возникла. Однако это не значит, что я сторонник именно тибетского буддизма — просто я чувствую, что наряду с многими другими религиозными традициями, сегодня он может дать много ценных озарений. При написании этой книги моей целью было не доказать какой-то тезис и не дать на все вопросы окончательный ответ, а просто познакомить читателя с легендой о Шамбале и предложить способ подхода к этому и другим

мифам, который читатель может найти интересным и плодотворным.

1. ЗА ГОРНЫМИ ХРЕБТАМИ

Нечто скрыто. Пойди и найди это. Иди и взгляни за хребты — что-то скрылось за ними. Скрылось и ждёт тебя. Иди!
Редьярд Киплинг

За ледяными стенами Гималаев лежат пустыни и отдалённые горы Центральной Азии. Там, почти очищенное от жилищ резкими ветрами и большими высотами, на тысячи квадратных миль на север раскинулось Тибетское плато. Оно простирается вплоть до Куньлуня, малоисследованной горной цепи, которая длиннее Гималаев, а пики которой почти столь же высоки. За её малоизвестными долинами лежат две самые бесплодные пустыни в мире — Гоби и Такла-макан. Далее на север — ещё горные хребты Памир, Тянь-Шань, Алтай. Они разрывают горизонт, пока не уступают великой тайге и тундрам Сибири. Малонаселённый и отрезанный от мира географическими и политическими барьерами, этот огромный регион остаётся самой таинственной частью Азии, огромным белым пятном, в котором потеряться и найтись может что угодно.

S I B E R I A

U.S.S.R.

ARAL SEA

Kyzyl Kum

Kara Kum

AFGHANISTAN

PAKISTAN

INDIA

CHINA

TIBET

SIKKIM

BHUTAN

Dzungaria

Alma Ata

Turan Depression

SIN KIANG

Tarim Basin

Pamirs

Kunlun Mountains

KASHMIR

Mt. Kailas

Tibetan Plateau

New Delhi

NEPAL

Mt. Everest

Bodhgava

Ganges

Brahmaputra

Syr Darya

Amu Darya

Samarkand

Fergana

Kashgar

Yarkand

Takla Makan

Khofan

Indus

Hindu Kush

Karakoram

Lhasa

Yas

Tsang

Assam

Manipur

Assam

Manipur

Assam

Manipur

Assam

Manipur

Assam

Manipur

Assam

Manipur

Assam

Karakoram

MC

Tunhuang

YEN

YEN

YEN

YEN

YEN

YEN

YEN

YEN

YEN

Центральная Азия и Индия

Далеко в пустынях Центральной Азии исследователям встречались остатки великих цивилизаций, исчезнувших, подобно миражам, в глубинах времён. Некоторые оставили записи, позволяющие их идентифицировать, а другие просто стёрлись и исчезли из истории. На востоке от Такла-макан археологи открыли пещеры Дунхуана, полные древних свитков и картин, которые рассказывают нам о ранних буддийских империях. К северу, за пустыней Гоби, лежат развалины Каракорума, столицы одной из величайших империй — империи Чингисхана. Свен Хедин, шведский исследователь, проведший большую часть своей жизни в исследованиях Центральной Азии, обнаружил к северу от Хотана (главного оазиса на караванном пути из Европы в Китай) погребённый в песках город. Он писал: "Никто из исследователей до сих пор и не подозревал о существовании этого древнего города. Я стою здесь, как принц в заколдованном лесу, пробудив к новой жизни город, спавший тысячу лет."¹

За тысячу лет до Хедина один китайский путешественник сказал об этих областях следующее: "Почти всегда слышатся резкие свисты и громкие крики, и когда пытаешься выяснить, откуда они исходят, приходишь в ужас, не найдя их источника. Очень часто случается, что люди здесь пропадают, ибо это место — обитель злых духов. Через 4000 ли приходишь в древнее царство Ту-хо-ло. Уже давно эта страна превратилась в пустыню. Все её города лежат в руинах и заросли дикими растениями".²

Многие чувствовали присутствие какого-то таинственного влияния, скрытого в центральной Азии. Индийская мифология помещает к северу от Гималаев мистическую гору Меру, центр мира, где во дворце из драгоценных камней живёт царь богов Индра. Древние китайцы верили, что их Бессмертные — такие как основатель даосизма Лао-цзы — ушли жить вечно на нефритовую гору, которая находится где-то к западу от Китая на высотах Куньлуня. Старинная буддийская легенда утверждает, что Царь Мира рождается сжимающим в руке сгусток крови, и полагают, что Чингисхан родился именно так, вырвавшись из сердца Центральной Азии, чтобы покорить почти весь мир и создать империю, которая простиралась от Дуная до восточных китайских морей. Мусульмане Персии, которую он опустошил, считали, что он божья кара, посланная им за грехи. Современные учёные, ища истоки религии, обратились к духовным путешествиям шаманов Центральной Азии, которые, будучи целителями, в трансе входили в иные миры, чтобы вызволить похищенные души больных и умирающих.

В XIX в. англичане, захватившие Индию, проявили интерес к Тибету, таинственной стране к северу от их индийских владений, которая управлялась буддийскими священнослужителями, ламами, и была отрезана от внешнего мира. Теософы, члены оккультного движения, которое в конце XIX в. стало популярным в Англии и Америке, распространяли своё убеждение, что где-то за Гималаями живут сверхлюди, обладающие силами и знаниями, намного превышающими известные науке. Оттуда они тайно руководят судьбами мира. Это, а также рассказы исследователей, которых ламы старались не подпускать близко к своим тайнам, создали образ Тибета как предельного мистического святилища, защищённого высочайшими горами на Земле.

Всё это, вероятно, вдохновило Джеймса Хилтона написать "Потерянный горизонт", роман о Шангри-ла, тибетском монастыре, скрытом за снежными вершинами в идиллической долине, где люди не старея живут тысячи лет. Только заблудившиеся могут найти путь в это святилище, скрытое не в Гималаях, как можно было полагать, а на Куньлуне, на северной окраине Тибета. Они мирно живут, посвящая свою жизнь искусству, литературе, музыке и наукам, собранным со всего мира.

Как объясняет герою романа высокий лама, целью Шангри-ла является сохранение лучших достижений западной и восточной культуры в то время, когда люди, упиваясь техникой уничтожения, войдут в такой раж, что в опасности окажется всё прекрасное, любая книга или картина, любая гармония, всякое сокровище, собранное за прошедшие тысячелетия. И когда войны наконец закончатся и сильные пожрут друг друга, тогда сокровища, сохранённые а тайном святилище Шангри-ла, позволят человечеству восстать из руин прошлого и построить новый и лучший мир.³

Что-то в этом романе так сильно отозвалось в умах столь многих людей, что "Шангри-ла" стало общим названием для обозначения некоего скрытого святилища или земного рая. Франклин Рузвельт во время своего президентства построил в горах Мэрилэнда уединённую резиденцию и назвал её по имени идиллического монастыря из романа Хилтона, но после его смерти она получила своё нынешнее название Кэмп-Дэвид. По иронии судьбы во время Второй Мировой войны Рузвельт объявил что рейд бомбардировщиков на Токио генерала Джеймса Дулиттла начался из Шангри-ла. Сегодня, более чем через сорок лет после того, как Хилтон написал свою книгу, мы всё ещё находим по всему миру тысячи Шангри-ла — так называют бесчисленные рестораны, отели и санатории. Это долговременное

впечатление от романа "Потерянный горизонт" поднимает интересный вопрос — был ли он просто романтической фантазией, или он основывается на чём-то более глубоком, о чём сам Хилтон мог и не догадываться?

В начале 1969 г. мне пришлось путешествовать через непальские Гималаи с ламой тулку Тенгбоче, настоятелем буддийского монастыря у подножия Эвереста. Поскольку живописное расположение его монастыря навевало мне сравнение, я в шутку спросил его, слышал ли он когда-нибудь о Шангри-ла. Когда он ответил, что западные люди упоминали это название, но он не знает, что это такое, я рассказал ему историю "Потерянного горизонта". Когда я закончил, он улыбнулся и сказал — "Да, одна древняя тибетская книга говорит о подобном месте — стране великих владык и лам, которая называется Шамбала. Говорят, что путь туда столь долг и труден, что отправиться туда можно, только будучи совершенным йогом".

В то время как на Западе таинственным и скрытым святилищем считали Тибет, сами тибетцы искали его где-то в другом месте. Их священные тексты указывают на Шамбалу, мистическое царство, скрытое за снежными вершинами где-то к северу от Тибета. Они считают, что династия просветлённых владык хранит там самые тайные учения буддизма до того времени, когда вся истина во внешнем мире будет утеряна из-за войн и жажды власти и наживы. Тогда, согласно пророчеству, будущий Владыка Шамбалы выйдет оттуда с великой армией, чтобы разбить силы зла и установить золотой век. Под его просвещённым правлением Земля наконец станет местом мира и изобилия, и наполнится драгоценностями мудрости и сострадания.

Тексты добавляют, в что в Шамбалу ведёт долгое мистическое путешествие через пустыни и горы. Всякий, кто преодолев многочисленные трудности и препятствия на пути, сможет достичь этого удалённого святилища, найдёт там секрет, который позволит ему овладеть временем и освободиться от его уз. Но тексты предупреждают, что в Шамбалу могут попасть только те, кто позваны и имеют необходимую духовную подготовку; другие же найдут только ослепляющие песчаные бури и пустые горы — или даже смерть.

Самые ранние упоминания Шамбалы встречаются в священных книгах тибетского буддизма Канджуре и Танджуре, которые насчитывают более трёхсот томов. Эти труды, известные как тибетский канон, для тибетцев являются тем, чем для многих западных людей является Библия. Они включают в себя

высказывания Будды и комментарии к ним позднейших святых и учёных. Сами по себе эти книги состоят из длинных и узких страниц из толстой бумаги (многие из которых украшены золотыми и серебряными буквами), которые обёрнуты в шёлк и переплетены между двумя деревянным дощечками. Старейшие тома, касающиеся Шамбалы, были написаны на тибетском около XI в. как переводы трудов на санскрите, священном языке Индии. Полагают, что оригиналы этих книг хранились в Шамбале за тысячу лет до того, как появились в Индии в X в.

С тех пор множество поэтов, йогов и учёных Тибета и Монголии составили дополнительные труды об этом скрытом царстве, многие из которых теперь утеряны или забыты. Но самые тайные аспекты Шамбалы никогда не доверяли бумаге — их передавали от учителя к посвящённому ученику только устно. Ламы говорят, что без этих устных учений многие тексты, которые написаны туманным символическим языком, не могут быть поняты правильно. В дополнение к этому, миряне передали множество народных историй о Шамбале — некоторые из них о грядущих войне и золотом веке, а другие — об отправившихся туда мистиках и сокровищах, с которыми они возвращались. Немногочисленные художники также создали редкие картины, изображающие Владык и их мистическое царство, окружённое снежными горами.

Согласно самым ранним текстам, Шамбала лежит к северу от Бодхгая, буддийской святыни в северной Индии, но поскольку царство это скрытое, они не могли точно указать, насколько далеко. Руководства, написанные позднее, описывают путь в Шамбалу, но в терминах столь смутных и архаических, что последовать их указаниям чрезвычайно трудно. В результате у большинства лам нет уверенности в отношении места расположения этого царства, и они придерживаются разным мнений о том, где бы оно могло быть — от Северного Тибета до Северного Полюса. Вскоре после того, как я получил аудиенцию у Далай-ламы, правителя Тибета в изгнании, другой высокий лама, Сакья Тризин, спросил меня, что тот мне сказал, и заметил: "Знаете, я не так давно пил чай с Его Святейшеством, и он спросил *меня* о том, где по моему мнению находится Шамбала".

Тексты дают гораздо больше подробностей о самом царстве и дают примечательно ясную и подробную картину.⁴ Согласно их описаниям, Шамбалу окружает огромное кольцо заснеженных гор, сверкающих льдом, которые не пускают всех, кто не достоин войти. Некоторые ламы считают, что эти вершины постоянно скрыты в тумане, другие

говорят, что они видимы, но столь далеки, что немногим удавалось подойти достаточно близко, чтобы их увидеть. Тексты подразумевают, что пересечь кольцо гор можно только перелетев через них, но ламы указывают, что это должно совершаться при помощи духовных сил — того, кто попытается перелететь их на самолёте или иными материальными средствами, по ту сторону их ждёт гибель. Чтобы подчеркнуть необходимость духовных сил для преодоления гор, одна из виденных мною картин изображает группу путников, идущих в Шамбалу по радуге.

Внутри кольца заснеженных гор, вокруг центра царства, проходит ещё одно кольцо ещё более высоких гор. Реки и меньшие горные цепи разделяют область между двумя кольцами на восемь районов, расположенным подобно лепесткам вокруг центра цветка (см. рис. 1 и илл. 1). Фактически, тексты обычно описывают Шамбалу как восьмилепестковый лотос, окружённый ожерельем снежных гор. Как мы увидим в одной из последующих глав, этот образ имеет символическое значение, имеющее отношение к более глубокому смыслу мифа. Каждая из этих восьми областей в свою очередь содержит по двенадцать княжеств, таким образом получается 96 князей или меньших царей, верных Владыке Шамбалы. Эти малые царства изобилуют городами с покрытыми золотом пагодами, расположенными среди садов, где множество богатых полей и цветущих деревьев всех видов.

Рис. 1. Шамбала. Рисунок показывает внешнее кольцо заснеженных гор, восемь лепестковых областей с городами, внутреннее кольцо заснеженных гор и царя в центральном дворце Калапы.

Илл. 1. Царство Шамбалы. Рудрачакрин, будущий владыка Шамбалы, восседает в своём дворце, окружённый восемью лепестковыми областями с городами и провинциями. Фигуры, показанные наверху, слева направо: будда Амитабха, Калачакра с супругой, будда Медицины и Третий Панчен-лама, автор самого популярного путеводителя в Шамбалу.

Снежные горы, окружающие центральную часть лотоса, превращены в лёд и сияют кристальным светом. Внутри этого внутреннего кольца вершин лежит Калапа — столица Шамбалы. К востоку и западу от города находятся два красивых озера в виде полумесяца и ущербной луны, наполненных драгоценными камнями. Над ароматными цветами, плавающими в их водах, скользят водоплавающие птицы. К югу от Калапы находится прекрасный парк сандаловых деревьев, называемый Малайя (прохладная роща). Здесь первый Владыка Шамбалы построил огромную мандалу, мистический круг, воплощающий суть тайных учений, хранящихся в этом царстве, и символизирующий трансцендентальное единство разума и вселенной. К северу возвышаются десять каменных гор с святилищами и образами важных святых и божеств.

Отделанный драгоценными камнями дворец Владыки Шамбалы, находящийся в центре Шамбалы, сияет так, что ночью становится светло, как днём, а Луна выглядит лишь слабозаметным пятном в небе. Крыши дворцовой пагоды сияют чистым золотом, а с карнизов свисают украшения из жемчуга и алмазов. Внешние стены украшены резными коралловыми барельефами с изображением танцующих богинь. Дверные проёмы обрамлены изумрудами и сапфирами, а над окнами из алмазов и лазурита устроены навесы из золота. Изнутри дворец поддерживают колонны и балки из коралла, жемчуга и полосатого агата. Внутренние помещения украшены коврами и подушками из тонкой парчи. Разные виды кристаллов, вставленных в полы и потолки, позволяют управлять температурой в комнатах, подавая холод или тепло.

В центре дворца находится золотой трон царя, поддерживаемый восемью резными львами и инкрустированный редчайшими драгоценными камнями. Повсюду, на многие мили во всех направлениях от него, распространяется аромат сандаловых курений. Пока царь остаётся на этом троне мудрости и власти, все его желания позволяет ему осуществлять магический камень, данный ему божествами-змеями, которые охраняют скрытые сокровища. Министры, генералы и бесчисленные другие подчинённые окружают его, готовые выполнить любое его приказание. К его услугам также

лошади, слоны и средства передвижения всех видов, включая летательный аппарат, изготовленный из камня. В дополнение к этому, кладовые его дворца содержат сокровища из золота и драгоценных камней, превосходящие всякое воображение. С тибетской точки зрения, Владыка Шамбалы обладает всей властью и всем богатством, которые приличествуют императору вселенной.

Обитатели царства живут в мире и гармонии, свободные от голода и болезней. Их никогда не постигает неурожай, и их пища является здоровой и питательной. По внешнему виду все они здоровые, красивые и носят тюрбаны и изящные мантии из белой ткани. Говорят они на священном языке санскрит. У каждого есть большие богатства в виде золота и драгоценных камней, но им никогда не бывает нужно ими пользоваться. Законы Шамбалы мягкие и справедливые — физических наказаний в виде побоев или заключения нет. Согласно одному ламе, Гардже Кхамтрул ринпоче, "В этих странах нет даже признака недобродетели или зла. Даже слова "война" и "вражда" неизвестны. Счастье и радость там могут соперничать с теми, какими обладают боги."⁵

Фактически тибетцы заимствовали санскритское слово "Шамбала" для передачи понятия "источник счастья".⁶ Но это не значит, что Шамбала — просто рай безжизненного блаженства, как может представиться из нашего описания. В тибетской мифологии существуют и другие подобные места. Если человек совершает добрые дела и накапливает достаточно заслуг, он родится в райском мире богов, где он получит всё, чего он желал на земле — молодость, красоту, богатство, власть и чувственные удовольствия. Однако, есть одно но: после веков божественной жизни в блаженстве его запас заслуг будет исчерпан, его одежды начнёт смачивать пот, заставляя их пахнуть. Тогда он поймёт, что близка его смерть, и будет страдать от боли, которой он сумел временно избежать. Он умрёт и родится снова, но на этот раз в аду.

Согласно буддизму, благих дел, даже совершённых из сострадания, недостаточно — человек должен также приобрести мудрость, которая позволит ему пробудиться к истинной природе реальности и познать себя таким, каков он есть на самом деле. Когда это произойдёт, он превзойдёт все страдания и достигнет нирваны, конечной цели за пределамирая и ада. Достигнув таким образом просветления, он станет буддой, "пробуждённым", более не подверженным превратностям жизни и смерти.

Хотя многие тибетцы считают Шамбалу небесами, где живут боги,

большинство лам считают её *чистой землёй*, особым раем, предназначенным для тех, кто находится на пути в нирвану. Согласно текстам, это царство обеспечивает такие условия, в которых можно сделать наибольший возможный прогресс на пути к просветлению. Всякий, кто достигнет Шамбалы или родится там, уже не может упасть в более низкое состояние существования и достигнет нирваны либо в этой жизни, либо очень скоро после неё. Ламы добавляют, что Шамбала — единственная из чистых земель, которая существует на земле. Когда я небрежно заметил Далай-ламе, что должно быть, это просто нематериальный или воображаемый рай для ума, он сразу же ответил: "Определённо нет — Шамбала обладает материальным существованием в этом мире".

В силу своей сосредоточенности на достижении просветления, обитатели Шамбалы посвящают большую часть своего времени изучению и практике высшей мудрости, известной тибетскому буддизму — калачакры,* или "колеса времени". Это самое сложное и тайное из тибетских учений; ламы открывают его внутреннюю суть только посвящённым в него и добавляют, что даже среди посвящённых вне Шамбалы очень немногие могут понять глубокий символизм его текстов и медитаций. Далай-лама, передающий множество посвящений, считает калачакру одним из самых действенных и быстрых методов достижения просветления — конечно, если её практикуют правильно и с должной мотивацией.

* См. об этом Ю. Н. Рерих, "К изучению калачакры". Там же приводятся и сведения о Шамбале. Здесь и далее калачакра с маленькой буквы означает учение, а Калачакра с заглавной — главное божество калачакры. — Прим. пер.

Позже мы глубже рассмотрим это учение, но пока что нам нужно лишь исследовать, как оно соотносится с жизнью людей, которые, как считается, живут в Шамбале. Калачакра более, чем любая иная форма тибетского мистицизма, связана с нахождением вечности в проходящем моменте, и нерушимого посреди разрушения. Вследствие этого, практикующие калачакру ищут совершенного состояния нирваны прямо здесь, среди несовершенств мира. Вместо того, чтобы отречься от мирской деятельности ради монашеского или отшельнического аскетизма, люди Шамбалы скорее воспользуются всем, даже развлечениями и роскошью семейной жизни, в качестве средства достижения просветления. Они стараются освободиться от иллюзии через те самые вещи, которые привязывают к ней других.

Считается, что благодаря своему позитивному отношению к материальному миру жители Шамбалы развили передовую науку и технологию, которую они ставят на службу духовным целям. Происхождение тибетских медицинских трактатов, описывающих анатомию и психологию человека, уточнённые теории, методы диагностики и способы лечения и профилактики таких серьёзных болезней как оспа, приписывают этому царству. Другие тексты калачакры из Шамбалы дали тибетцам их систему астрономии и астрологии, а также один из календарей, которым они пользуются и сейчас. Согласно описаниям царского дворца в Калапе, особые окна в крыше являются объективами мощных телескопов, позволяющих открывать жизнь на других планетах и даже в других солнечных системах. У царя есть также стеклянное зеркало, в котором он может видеть всё, что угодно на расстоянии многих миль. Ламы, знакомые с современной техникой, описывают его как нечто вроде телеэкрана, позволяющего наблюдать события во внешнем мире. Описания "каменных лошадей с силой ветра" наводят на мысль о технологии изготовления летательных аппаратов из металла. Другие тексты описывают технику транмутации одних химических веществ в другие и способы использования природных энергий, таких как энергия ветра. Считается, что каждая область царства специализируется на какой-либо области знаний, как например, психология или философия.⁷

Изучение этих наук помогает обитателям Шамбалы овладеть высшей наукой из всех — наукой ума или медитации, которая находится в сердце калачакры. Её практикой они достигают непосредственной осознанности и владения своим умом и телом; эти способности позволяют им излечивать различные недомогания. В качестве побочного эффекта они приобретают необычайные силы, такие как способность читать чужие мысли, предвидеть будущее или передвигаться с огромной скоростью. Эти психические силы защищают обитателей Шамбалы от агрессоров — если кто-то пытается напасть на них, они просто материализуют точные копии его оружия и обращают их против него; или просто делаются невидимыми. Но они не стремятся к этим силам специально. Главная цель изучения науки ума — познать себя, чтобы достичь просветления и обрести мудрость, нужную для того, чтобы помочь другим в достижении нирваны.

Люди Шамбалы не бессмертны, но они живут долгий век около ста лет и умирают с уверенностью, что родятся вновь в условиях по меньшей мере таких же хороших, какими они наслаждались в этом царстве. Также не являются они и полностью просветлёнными — они

сохраняют некоторые человеческие недостатки и иллюзии, но их гораздо меньше, чем у людей внешнего мира. Все они, однако, стремятся достичь просветления и воспитать своих детей в таком же духе. Их общество ближе всего к тому идеалу, который только может быть достигнут в этом мире.

Их Владыки, с другой стороны, считаются просветлёнными, и тибетцы верят, что каждый из них является воплощением какого-нибудь известного бодхисаттвы — то есть человека, достигшего порога нирваны и не нуждающегося уже в рожденьях, но избравшего рождение, чтобы помогать вести к просветлению других. Поскольку бодхисаттвы остановились непосредственно перед полным состоянием будды, все эти Владыки являются воплощениями духовных сил, таких как сострадание и мудрость. Как таковые, они обладают способностью давать благословения и озарения, нужные для того, чтобы понять и практиковать самые продвинутое учения калачакры. Тибетцы верят, что их высшие ламы также являются бодхисаттвами, и что один из них, а именно Панчен-лама, был в прошлой жизни правителем Шамбалы, и родится вновь как будущий её владыка, чтобы уничтожить силы зла и принести золотой век.

Тексты калачакры дают нам подробную, но иногда мифическую историю Владык Шамбалы, которая по мнению некоторых западных учёных может основываться на реальных фактах. Поскольку тому, что произошло до прихода буддизма в Тибет около 500 г., в этих текстах уделено мало внимания, они почти ничего не говорят нам о происхождении Шамбалы. Немногие ламы, говорившие об этом, сказали, что Шамбала существовала с самого начала мира, но о её ранней истории известно очень мало. Они полагали, что у неё были владыки и религия, которые сделали её лучшим местом, чем какое-либо иное, но добавляли, что эта религия не была буддизмом.

Последователи бон, древней добуддийской религии Тибета, заявляют, что в действительности Шамбала — это Олмолунгринг, источник их учения, невидимое, окружённое снежными горами царство к северо-западу от Тибета. Их тексты прослеживают линию преемственности учителей и учеников почти на восемнадцать тысяч лет, до их первого великого учителя Шенраба, который, как считается, родился царём Олмолунгринга в 16017 г. до н.э. Согласно этим текстам, он вышел из своего царства, чтобы пересечь горящую пустыню и принести религию Бон в Тибет. После того, как в течение недолгого времени он учил в районе горы Кайлас, он вернулся в Олмолунгринг, и за ним последовала династия царей, которые оставались в своём тайном святилище, храня суть учений Бон.⁸

Буддийская история Шамбалы начинается с жизни Будды, Сиддхартхи Гаутамы. Согласно обычному описанию, после многих жизней приготовления, он родился принцем в царстве, находившемся на границе современной Индии и Непала. Услышав пророчество, что его сын станет великим религиозным лидером, если увидит признаки болезни, старости, смерти и отречения, царь, который хотел видеть его императором всего мира, заключил его в роскоши дворца и запретил даже упоминать о таких вещах. После того, как Сиддхартха вырос и получил удовольствие от всех радостей жизни, в том числе брака и отцовства, он ощутил беспокойство и ускользнул из дворца. Боги, желая напомнить ему о его предназначении, явились перед ним в образах больного калеки, немощного старика, разлагающегося трупа и странствующего монаха. Будучи поражён осознанием того, что и ему придётся заболеть, состариться и умереть, он больше не мог наслаждаться преходящими радостями жизни, и последовав примеру монаха, оставил свою семью ради поисков нирваны, состояния за пределами всяких перемен и страданий.

После лет испытания всех видов практик, самоистязания и аскетизма, он осознал, что эти крайности могут привести лишь к голодной смерти, и приняв у девушки немного молока, он сел под деревом и глубоко всмотрелся в свой собственный ум, чтобы найти то, что так долго от него ускользало. Поняв, что Сиддхартха находится на грани просветления, Мара, бог иллюзии, послал чувственных девушек, чтоб соблазнить его, а когда этот план провалился, послал устрашающие армии, чтобы отвлечь его от цели. Но Сиддхартха оставался непоколебим, и когда наступил рассвет, он достиг просветления и нашёл причину всех страданий и средство от них.

Поначалу он решил держать открытое им при себе, думая что это слишком тонко, чтобы быть понятым другими, но боги уговорили его всё равно учить этому. Буддисты Шри Ланки и Юго-восточной Азии считают, что остаток жизни он провёл, открыто проповедуя, и что все его учения зафиксированы в старейших буддийских писаниях, известных как Палийский Канон. Однако тибетцы говорят, что мудрость, открытая Буддой, действительно оказалась чересчур тонкой для широкой публики, и более глубоким и мистическим её аспектам он учил только тех, кто достаточно продвинулся духовно, чтобы ею воспользоваться. Сделал он это в божественном теле, которое большинство людей неспособно воспринимать, и по этой причине эти учения не были записаны в Палийском Каноне, а передавались устно, пока не были записаны гораздо позже. Согласно Далай-ламе, эти проповеди, занимающие значительную часть Тибетского Канона,

были произнесены в духовном измерении, которое недоступно обычному зрению, но столь же реально, как и повседневный мир, который мы обычно видим.

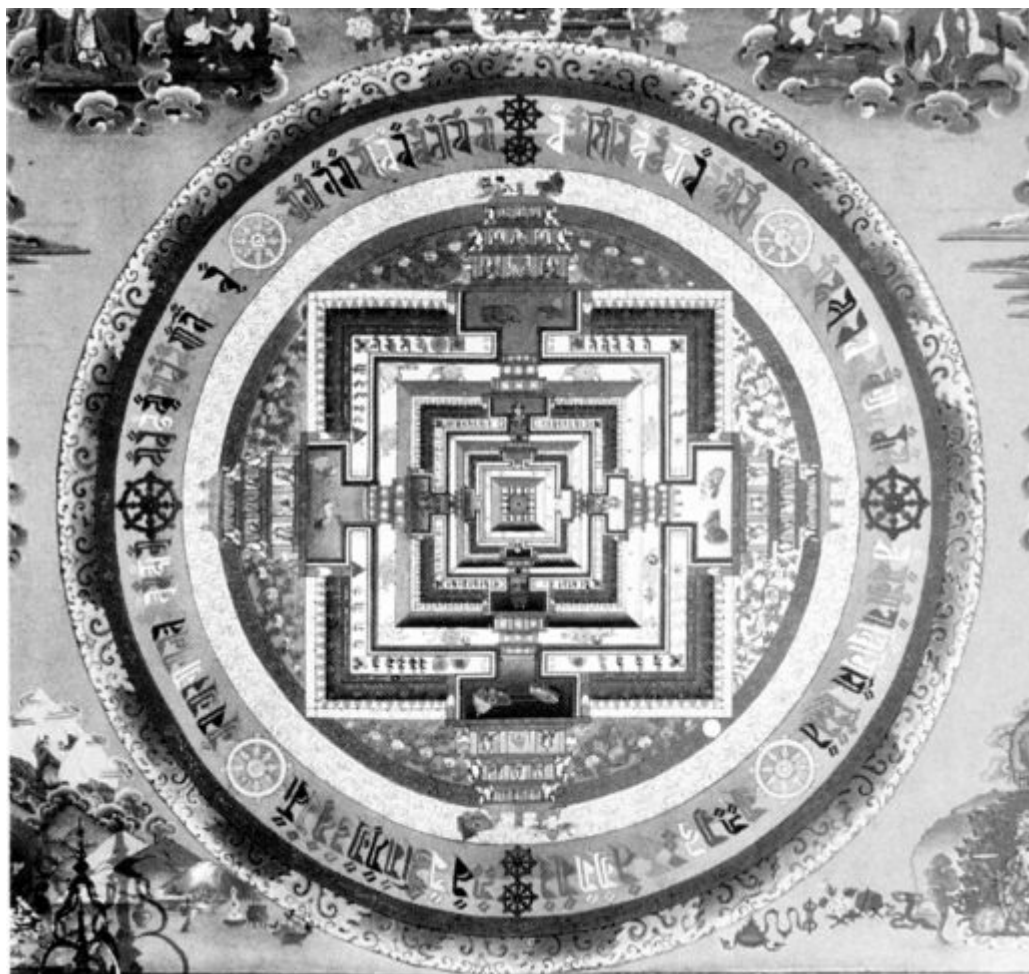
Рис. 13. Сучандра, первый религиозный царь Шамбалы.

Непосредственно перед своей смертью и окончательным переходом в нирвану Будда принял форму божества калачакры и дал высшее из своих мистических учений великому собранию мудрецов и богов в Южной Индии. Царь Шамбалы Сучандра, первый её царь, которому

придаётся важность, тоже был там и принёс учение в своё царство, где записал его и составил к нему комментарии (см. илл. 5). Он также построил великую мандалу калачакры, упомянутую ранее — мистический круг, охватывающий трёхмерную модель дворца божества (см. илл. 18). Сучандра был первым из семи религиозных владык, учивших калачакре обитателей Шамбалы.

Илл. 5. Сучандра, первый религиозный царь Шамбалы. Тибетская книга справа от него представляет учения калачакры, полученные им от Будды в Индии и записанные в Шамбале.

Илл. 18. Мандала калачакры. Три вложенных квадрата символизируют три стены или уровня дворца божества Калачакры.

Восьмой царь, Манджушрикирти, столкнулся с проблемами. Многие мудрецы сочли учение калачакры слишком длинным и сложным для понимания, и покинули царство, чтобы следовать иному учению. Осознав свою ошибку, Манджушрикирти силой своей медитации вернул этих уклонистов в Шамбалу и дал им сжатую и упрощённую версию калачакры, которую они приняли. По меньшей мере один западный учёный, Хельмут Хоффман, считает, что этот случай в мифической форме отражает важное столкновение, имевшее место в Центральной Азии между буддизмом и некой чуждой религией.⁹ Своими объединительными действиями Манджушрикирти основал вторую династию из 25 царей, которая, как полагают, достигнет своей кульминации в том Владыке, который установит золотой век во всём мире.

Рис. 14. Манджушрикирти, первый царь Шамбалы династии Кулика.

Согласно тибетским текстам, через тысячу лет после смерти Будды калачакра ещё оставалась скрытой в Шамбале. За этот период буддизм распространился из Индии по Центральной Азии и Китаю. К тому времени, когда он достиг Тибета (около VII—VIII в.), он включил в себя богов и верования других религий и склонялся к весьма усложнённым формам мистицизма. По мнению западных учёных, калачакра, которая впервые исторически признанно явилась позднее, в X в., представляет самый крайний пример развития буддизма в этом направлении. Вне зависимости от того, действительно ли она

возникла ранее, её учение определённо демонстрирует влияние позднейшего развития буддизма в Индии и Центральной Азии.

О том, как калачакра вернулась в Индию из Шамбалы, тибетские тексты рассказывают следующую историю. Где-то около X в. индийский учёный йог Чилупа узнал о существовании скрытого царства и решил отправиться туда, чтобы получить учения калачакры, без которых, как он считал, он не мог достичь просветления. По пути на вершине горы он встретил незнакомца в монашеском одеянии. "Куда ты следуешь?" — спросил тот. "В Шамбалу в поисках знаний бодхисаттв", — ответил Чилупа. "Дорога туда невероятно длинна и трудна. Но если так велика твоя жажда познаний, ты можешь обрести эти знания прямо здесь". Тут Чилупа узнал в страннике воплощение Манджушри, бодхисаттвы мудрости и простёрся перед ним. Манджушри посвятил его в тайны калачакры и дал ему много учений, которые тот принёс обратно в Индию. Через несколько лет ещё одному учёному йогу из Индии удалось пройти весь путь в Шамбалу и вернуться с более полным набором комментариев к калачакре. Имели место на самом деле эти путешествия или нет, но западные учёные считают, что калачакра попала в Индию откуда-то из Центральной Азии около 960 г. и практиковалась в Бенгалии и Кашмире.¹⁰

Рис. 2. Чилупа, первый индийский учёный йог, отправившийся в Шамбалу на поиски калачакры.

Примерно через 60 лет индийский учитель Соманатха совершил путешествие в Тибет и ввёл там калачакру вместе с её системой измерения времени. По этой причине тибетский календарь начинается с 1026 г. — того года, когда он принёс учение Шамбалы в Тибет. За Соманатхой последовали несколько других индийских учителей, отправившись за Гималаи, чтобы помочь установить калачакру в качестве важной доктрины тибетского буддизма. Вскоре после этого в Индию с запада вторглись мусульмане, в основном

уничтожив индийский буддизм, истребив монахов и разрушив монастыри. Так калачакра закончила свою недолгую историю в Индии и удалилась в горное убежище Тибета.

С тех пор ламы всех основных школ тибетского буддизма стали практиковать калачакру и написали множество комментариев к ней. Основной текст калачакры занял важное место в первом томе тибетского канона, а само учение стало важнейшей доктриной "желтошапочной" школы, или гелугпа, которая правила Тибетом при далай-ламах. Цонкапа, основатель этой школы, проявил особый интерес к калачакре, и сообщают, что он в духе отправился в Шамбалу, чтобы получить наставления от самого Владыки. Самый большой и могущественный монастырь Тибета, Дрепанг, был назван в честь Дханьякатаки, того места в Индии, где Будда впервые проповедовал это учение. Всё это ясно показывает, что Шамбала и калачакра оказали примечательное влияние на религию и культуру Тибета.

Шамбала повлияла и на политическую историю Тибета. В конце XIX в. индийский учёный и шпион Сарат Чандра Дас, посетив столицу Тибета Лхасу, сообщил о распространённом там поверии, что панчен-лама в ближайшие 200 лет собирается вернуться в Шамбалу. Согласно ему, китайские официальные лица воспользовались этим верованием, чтобы распространять убеждение, что русские и англичане и есть те самые злые варвары, которым суждено захватить мир и уничтожить буддизм, даже в Тибете. В результате тибетское правительство стало при помощи дипломатии и политики затягивания пытаться не подпускать к Тибету обе эти сверхдержавы. Чандра Дас заметил, что "китайцы всегда заняты придумыванием новых планов по защите страны от всех видов воображаемой иностранной агрессии".¹¹

Двадцатью годами после, на стыке столетий, сибирский лама Доржиев стал влиятельным наставником далай-ламы и убедил его, что раз и Россия, и Шамбала лежат к северу от Тибета, это должна быть одна и та же страна. Всякий, кто не верил это и отрицал, что русский царь есть царь Шамбалы, считался еретиком и врагом буддизма. В результате далай-лама сделал царю дружественные предложения и обменялся с ним подарками, в то же время давая отпор британцам, действовавшим в Индии. Он пытался даже посетить с визитом Петербург, но его совет в последний момент сорвал этот план. В то время Великобритания и Россия соперничали за влияние и контроль над горными цепями, разделявшими азиатские владения их империй, и эта борьба, полная шпионажа и интриг, стала известна под

названием "большая игра". Когда вице-король Британской Империи в Индии узнал, что собирается устроить Доржиев, он пришёл в смятение и направил в Лхасу экспедиционный корпус Янгхазбенда, чтобы заставить Тибет подписать торговое соглашение. Тибетцы были озадачены странными англичанами, которые вторглись в их страну и напали на их армию только для того, чтобы вырвать у них какой-то клочок бумаги и вернуться домой. Так или иначе, в Петербурге была, а может, имеется и сейчас, книга, которая притязает на то, что прослеживает династию Романовых к царю Шамбалы Сучандре.¹²

Для своих политических целей этот миф использовали даже коммунисты. Вера в Шамбалу в Монголии была столь же сильна, как и в Тибете — а фактически, вероятно, даже более. Потому во время войны за независимость Монголии от Китая и белой армии Сухэ-батор, национальный герой, основавший в 1921 г. Монгольскую Народную Республику, сочинил марш, в котором были такие слова: "Умрём на этой войне и возродимся воинами царя Шамбалы!". Несколькими годами позже, пытаясь продолжить линию хутукт, лам, традиционно правивших Монголией, съезд Монгольской Коммунистической Партии в 1926 г. принял следующую резолюцию: "...и поскольку есть предание, что после восьмого воплощения он не воплотится снова, но после этого родится великим генералом Ханамандом в царстве Шамбалы, то вопрос об установлении следующего, девятого воплощения не стоит."¹³

Миф о Шамбале имел тонкое влияние и на Западе. В конце средневековья из Европы отправилось множество католических миссионеров, чтобы обратить китайцев и тибетцев. Два из них, Жуан Кабраль и Эстебан Каселла, искали путь из Индии через Тибет в "Катай", т.е. Китай, и слышали о Шамбале, которую они называли "Хембала". В 1627 г., думая, что это просто другое название Китая, они отправились в Тибет в поисках пути в Шамбалу. Достигнув Ташилунпо, резиденции панчен-лам и главного монастыря лам, интересующихся мистическим царством, они поняли свою ошибку и вернулись в Индию. Их письма примечательны тем, что являются первым упоминанием Шамбалы на Западе.¹⁴

Через двести лет после этого путешествие через Тибет совершил ещё один католический миссионер, аббат Гюк, и услышал нечто похожее на искажённую версию пророчества о Шамбале. Согласно этой версии, последователи панчен-ламы образуют общество, известное как "келаны". Они верят, что однажды их предводитель перевоплотится к северу от Тибета, в стране между Алтаем и Тянь-Шанем, по всей видимости — в Шамбале. Когда это случится, китайцы захватят

Тибет, и буддизм станет исчезать, чтобы остаться только в сердцах келанов. Тогда панчен-лама сзовёт их всех к себе, и те, кто умер, снова вернутся к жизни. И имея под своей командой огромную армию келанов, он победит китайцев, станет всемирным сувереном и распространит буддизм по всему миру.¹⁵

Поскольку Джеймс Хилтон в качестве основного источника информации о Тибете использовал книгу аббата Гюка, эта версия пророчества о Шамбале вполне могла вдохновить его на написание "Потерянного горизонта". Во всяком случае, он использовал Гюка и других католических миссионеров в качестве моделей для высокого ламы Шангри-ла — капуцинского монаха по имени отец Перро. В его романе отец Перро задерживается в скрытой долине и решает обратить её обитателей, но в результате постепенно обращается сам, пока не становится неотличим от буддийского ламы. Это фактически почти произошло с некоторыми из миссионеров, отчёты которых читал Хилтон — например, один из них, отец Десидери, поступил в монастырь в Лхасе, чтобы изучить и опровергнуть учения тибетского буддизма, но так заинтересовался этими исследованиями и проникся таким уважением к практикующим эту религию, что не смог совершить множество обращений. Наконец он написал: "мне стыдно, что у меня такое жёсткое сердце, что я не почитал своего учителя так, как этот народ почитает своего обманщика".¹⁶

Первым из западных учёных, написавших о Шамбале, был венгерский исследователь Чома де Кёрёши. В 1819 г. он отправился из Венгрии с рюкзаком за плечами искать родину предков своего народа, считая, что она должна быть где-то в Центральной Азии. После долгого пешего путешествия через Ближний Восток в Индию он достиг Тибета и провёл остаток жизни, изучая тибетский язык и литературу. Хотя он так и не нашёл прародину венгров, он нашёл тексты о калачакре и Шамбале и пришёл к заключению, что это знаменитое царство находится к северу от Сырдарьи, протекающей в Средней Азии. Почти через столетие двое других учёных, Бертольд Лауфер и Альберт Грюнведель, опубликовали переводы на немецкий двух тибетских путеводителей в Шамбалу. Они и работы Чомы де Кёрёши пробудили на западе некоторый интерес к этому царству, главным образом, в узком кругу востоковедов.¹⁷

Внимание широкой аудитории Шамбала привлекла благодаря верованиям теософов. Во второй половине XIX в. русская женщина Е. П. Блаватская основала Теософическое Общество, всемирное мистическое движение, которое впервые широко познакомило Запад с восточными религиями, особенно с буддизмом. Она заявляла, что

получает телепатические и письменные послания от духовных учителей, живущих где-то за Гималаями. Многие из её последователей верили, что высший из этих учителей, "Господь Мира", находится в Шамбале, невидимом оазисе в пустыне Гоби. Согласно их взглядам, Шамбала является духовным центром мира и первоначальным источником тайных доктрин теософии.

Среди множества важных фигур, испытавших влияние теософии, был русский эмигрант Николай Рерих, художник и философ, который в частности разработал костюмы и декорации для знаменитой премьеры балета Стравинского "Весна священная", состоявшейся в 1913 г. Исследуя тибетскую мифологию, Рерих проявил большой интерес к Шамбале и возглавил научную экспедицию через Центральную Азию, чтобы искать следы скрытого царства. Шамбала стала для него предельным символом, соединявшим пророчества и цели поиска всех религиозных традиций. Многие из его поэтических статей по этому предмету, включая книгу "Шамбала", также могли дать Хилтону его идею о Шангри-ла.¹⁸

Во всяком случае, интерес Рериха к тибетской легенде, похоже, вдохновил его на создание и продвижение Пакта Рериха, договора, который обязывал нации уважать и сохранять культурные и научные ценности. На музеях, соборах и других памятниках и учреждениях должен был помещаться особый символ, чтобы во время войны их не бомбили и не разрушали иным способом. На церемонии в Белом Доме в присутствии Франклина Делано Рузвельта пакт подписали представители 21 страны; его поддержали также многие другие мировые лидеры и видные фигуры, такие как Альберт Эйнштейн. Связь между Шамбалой и Пактом Рериха видна из следующей речи, прочитанной на Третьем Международном Съезде Знамени Мира Рериха (1933): "Восток сказал, что когда Знамя Шамбалы окружит весь мир, тогда поистине последует Новая Заря. Заимствовав эту легенду из Азии, давайте решим, что Знамя Мира охватит весь мир, неся слово Света и предваряя Новое Утро человеческого братства."¹⁹

Следующим выступающим был Хенри Уоллес, официальный покровитель съезда и министр сельского хозяйства США. Встретив Рериха и загоревшись его идеями, Уоллес убедил Рузвельта подписать пакт. Письма, которые он писал Рериху как своему духовному наставнику, показывают, что Уоллес глубоко интересовался мистицизмом и знал о Шамбале. В 1934 г. с благословения Рузвельта Уоллес послал Рериха в экспедицию на поиски засухоустойчивых трав, спонсируемую правительством. Но согласно журналу "Ньюсуик", "в окружении министра сельского хозяйства легко признавали, что он

также хотел, чтобы Рерих искал знаки второго пришествия". Здесь Уоллес мог думать только о пророчестве о Шамбале, связывая грядущего владыку с мессией, который должен прийти. Ранняя мистическая переписка едва не стала достоянием гласности на выборах 1930 г., когда он выиграл вице-президентство при президенте Рузвельте. Но позже, в 1948 г., Уэстбрук Пеглер, консервативный журналист опубликовал эту переписку, которая стала известна под названиями "Письма гуру". Это дискредитировало Уоллеса и положило конец его политической карьере. Если бы Рузвельт умер до выборов 1944 г., а не после их, президентом соединённых Штатов вполне мог стать человек, испытавший глубокое влияние тибетской легенды о Шамбале.²⁰

Пророчество о Шамбале, вдохновившее Рериха и Уоллеса, происходит из истории этого царства. Каждый из Владык Шамбалы, начиная с первого, должен править по сто лет. Всего их должно быть 32, и со сменой их царствований условия во внешнем мире будут становиться всё хуже и хуже. Люди потеряют из виду религию и истину, станут воинственными и будут стремиться к власти ради власти. Нечестность, хитрость и жадность будут преобладать, и по Земле распространится идеология грубого материализма. Сокрушив всех своих противников, варвары-материалисты начнут бороться между собой, пока не появится злой царь, который объединит их и подчинит своей власти весь мир.

Рис. 15. Рудрачакрин, будущий царь Шамбалы.

Тогда, когда этот тиран решит, что покорять больше нечего, рассеется туман, чтобы открыть снежные горы Шамбалы. Разъярённый тем открытием, что он ещё не правит всем миром, он нападёт на Шамбалу с огромной армией, вооружённой всеми видами страшного оружия. Тогда тридцать второй владыка Шамбалы, Рудрачакрин ("Гневный с колесом") поднимется со своего трона и направит могучие множества бойцов против агрессора. И в конце великой битвы злой царь варваров и его армия будут разбиты (см. илл. 4).

Илл. 4. Рудрачакрин, будущий царь Шамбалы, в последней битве с варварами. Он едет на голубом коне и вонзает копье в их предводителя.

Популярная тибетская молитва, сочинённая Третьим Панчен-ламой, гласит:

"Ты, лучший из учителей, родишься царём Шамбалы
Чтобы победить армию варваров.
Принеси век совершенства.
В то время не забудь своего обещания
И держи меня в качестве главного из учеников.

Ты, лучший из святых учителей, поскачешь на каменном коне силой
ветра,
Твоя рука вонзит копье в сердце Чипы, царя варваров.
Так силы зла будут разбиты.
Тогда держи меня своим учеником.

Миллион твоих воинов будет многих цветов,
Четыре сотни слонов, пьяных от ярости,
Золотые колесницы с оружием и молодыми воинами —
Все они пойдут на войну гнева.

Твои слоны победят других слонов,
От твоих каменных коней другие кони погибнут,
Твои золотые колесницы разнесут другие колесницы в прах,
Твоими принцами другие принцы будут убиты,
Всё это пресечёт династию варваров навсегда."²¹

Когда битва будет окончена, правление Шамбалы распространится на весь остальной мир, и "век совершенства наступит снова, лучше, чем когда-либо прежде".²² Еда будет расти, не требуя труда, не будет ни бедности, ни болезней, и люди будут жить до ста лет. К жизни вернуться великие святые и мудрецы прошлого, чтобы учить истинной мудрости, и многие достигнут просветления с помощью практики калачакры. Другие сделают огромный прогресс в духовном развитии. Весь мир станет продолжением чистой земли Шамбалы.

Есть некоторые разногласия по поводу того, когда окончится золотой век, но все согласны, что он будет длиться как минимум тысячу лет. Также не все согласны относительно того, когда он начнётся — немногие тибетцы верят, что последняя битва совсем близка, но большинство считает, что она произойдёт где-то через двести-пятьсот лет. Для вычисления начала золотого века ламы используют количество царей Шамбалы и сроки их правления. Они получают разные даты, потому что дата, которую они используют в своих подсчётах в качестве исходной — смерть Будды — варьируется от 2000 до 500 г. до нашей эры. В дополнение к этому, некоторые ламы заявляют, что время правления некоторых царей было короче или длиннее ста лет. Согласно преобладающему мнению, мы всё же находимся сейчас в эпохе правления двадцать восьмого царя, и до того, когда тридцать второй царь освободит мир от тирании варваров, остаётся триста с небольшим лет.

Поскольку золотой век пока что не наступил, единственным способом пережить его сейчас является совершить путешествие в Шамбалу и найти его там. Для этой цели в Тибете было написано множество путеводителей, но их указания загадочны и последовать им трудно. Описываемое в них путешествие проходит по стране, наполненной курьёзным смешением реалистичных и фантастических черт — путешественник то попадает в горы, населённые богами и демонами, то при помощи магических сил пересекает обширные пустыни и перелетает реку, прикосновение к которой превращает в камень. И всё же несколько ориентиров на этом пути, похоже, соответствуют таким реальным местам как Кашмир и река Тарим, протекающая в западном Китае. В дополнение ко всему, путешественник должен совершить причудливые ритуалы, практиковать странные виды

медитации и вынести сверхчеловеческие трудности. Всё это заставляет гадать — то ли путешествие в Шамбалу — чистая фантазия, то ли в нём есть какая-то реальность.

Восточный мистический взгляд на мир может совершенно отличаться от западного научного взгляда. Один лама однажды заметил мне: "Знаете, это просто позор, что американские космонавты потратили столько времени и денег, чтобы попав на Луну, обнаружить там только камни вроде тех, которые можно увидеть и здесь. Они ни разу не увидели того, что там было в действительности — лунных существ." Когда в тридцатых годах экспедиция альпинистов поднялась на один священный пик Индии, на вершине которого согласно верованиям находился золотой храм, и сказали одному из индийских святых, что никакого храма они там не видели, он просто сказал им, улыбнувшись: "нет, вы, вероятно, не хотели его увидеть".²³

Может быть и так, что путеводители в Шамбалу описывают реальный ландшафт, видоизменённый видениями йогов, совершавших путешествия туда — там, где мы видели снежную вершину, сияющую на солнце, он мог видеть золотой храм с сияющим богом.* В этом случае мы можем следовать одним путём, но иметь разное видение реальности. Чтобы выяснить природу путешествия и куда оно на самом деле ведёт, мы должны сильнее углубиться в миф и его смысл.

Старинная тибетская история рассказывает о молодом человеке, который отправился на поиски Шамбалы. Преодолев множество гор, он вошёл в пещеру старого отшельника который спросил его: "Куда ты идёшь через эти снежные пустыни?" "Я стремлюсь найти Шамбалу", — отвечал юноша. "Тогда тебе не нужно идти так далеко", — сказал отшельник. — "Царство Шамбалы в твоём собственном сердце".²⁴

* С плотными физическими объектами вполне могут быть связаны те или иные явления тонких планов, но автору, мало знакомому с оккультными науками, это соображение, очевидно, не пришло на ум. — Прим. пер.

2. СУЩЕСТВОВАНИЕ ШАМБАЛЫ

Поскольку, по всей видимости, вся поверхность земного шара исследована и картографирована современной наукой, естественно, возникает вопрос: как может существовать такое место как Шамбала? Как царство, где полно рек, гор, храмов и городов, может оставаться

скрытым от обнаружения со спутников и самолётов? Это вопрос, который сегодня беспокоит многих тибетцев, и который склонил некоторых к тому, чтобы отбросить Шамбалу как суеверную выдумку прежних, более простых времён. И всё же многие верят в её существование, и их доводы достойны рассмотрения — они говорят нам многое о природе самого мифа и предлагают способы, какими это царство может действительно существовать — даже с современной точки зрения.

Основу для тибетского верования в существование Шамбалы дают тексты и учения калачакры. Как указал Далай-лама, "если столь многие тексты калачакры считаются происходящими из Шамбалы, как эта страна может быть просто фантазией?". Он и другие ламы находят немислимым, чтобы источником учения, которое дало множество письменных трудов и оказало самое глубокое влияние на культуру и религию Тибета, могло стать воображаемое место. На протяжении более девяти столетий тибетцы изучали калачакру, практиковали её медитацию и применяли её астрологическую систему для определения хода своих жизней. В 1976 г. восемнадцать тысяч тибетцев, многие из которых были мирянами, не прошедшими специальной религиозной подготовки, пришли в Ладак (область в Гималаях выше Кашмира), чтобы получить от самого Далай-ламы посвящение в это тайное учение, которое должно было обеспечить им следующее рождение в золотом веке Шамбалы.

Тексты калачакры содержат проповеди Будды, в которых он описывает Шамбалу и её будущую роль в истории. Поскольку считается, что он знает всё, поскольку достиг высшего просветления, это само по себе даёт тибетцам достаточное основание верить в существование этого царства. Хотя мы можем считать такой довод недостаточным и ненадёжным, большинство наших знаний о мире происходит из подобного же по природе источника, основываясь на заявлениях уважаемых нами авторитетов, которым мы доверяем. Например, свою веру в атомы мы основываем на теориях и наблюдениях учёных, которые, как считается, знают, о чём говорят, но очень немногие из нас действительно делали эксперименты и выводы из них, необходимые, чтобы показать, что эти частицы существуют. Подобным же образом тибетцы основывают свою веру в скрытое царство на авторитете Будды, который считается знающим. Ни рядовой житель запада, ни рядовой тибетец лично не видели ни атома, ни Шамбалы. И если говорить в понятиях их собственного опыта, и те, и другие располагают одинаковым типом непроверенного знания. Как однажды заметил мне лама тулку Тенгбоче, "как вы

можете быть уверены, что Эверест — высочайшая из гор в мире, если вы не видели их всех?"

Письменная история Шамбалы, имеющаяся в тибетских текстах, даёт тибетцам дополнительные основания верить в её существование. Они сообщают сведения, которые выглядят подобно историческим фактам — такие как имена царей и записи того, что случилось во времена их правления во внешнем мире. Например, эти тексты указывают, какой царь правил, когда Мухаммед захватил Мекку в 630 г., и сколько лет на троне находится нынешний правитель Шамбалы. Всё это связывает это царство с действительными событиями и даёт ощущение реальности и исторической связности, доходящей до современности и ведущей в будущее.¹

Обращаясь к самым глубоким надеждам и чаяниям людей, пророчество о Шамбале вдохновляет многих тибетцев верить в существование скрытой страны, где даже сейчас втайне созревает золотой век будущего. Насколько сильно это воодушевляло их раньше, можно понять, если вспомнить, как успешно Доржиев использовал это пророчество, чтобы убедить тогдашнего далай-ламу, что Россия и есть Шамбала, и поэтому тот должен стать союзником царя. Недавние события, которые, похоже, соответствуют предсказаниям, только усилили веру тибетцев в скрытое царство. Уничтожение буддизма в Тибете и очевидный рост материализма во всём мире, вкуче с войнами и суматохой XX века вполне совпадает с тем, что согласно предсказанию должно произойти перед последней битвой. В дополнение к этому, успехи науки и технологии, которые должны бы сделать существование Шамбалы ещё менее вероятным, по мнению многих тибетцев делают её открытие неминуемым. Кхецун Зангпо, известный учёный, сказал мне: "Ваши западные учёные летали повсюду и исследовали почти всю поверхность Земли, но и сейчас ищут новые, другие места, так что Шамбала скоро будет найдена". Согласно пророчеству, варвары, которые захватят мир, в конце концов разовьют возможности и средства найти скрытое царство.

Широко распространённая вера в то, что важные ламы в прошлых жизнях жили в Шамбале и перевоплотятся там в будущем, придаёт тибетцам ещё больше уверенности в её существовании. Панчен-лама, который был политическим соперником далай-ламы и считается равным ему по духовному уровню и даже превосходящим его, по этому верованию был Манджушрикирти, царём Шамбалы, который упростил учения калачакры и основал нынешнюю династию из двадцати пяти царей. Как мы отметили ранее, многие тибетцы верят, что панчен-лама перевоплотится также последним правителем этой

династии, тем, кто освободит мир от сил зла. Другие высокие ламы, как считается, присоединятся к нему в этой последней битве, став военачальниками его армии. Многие из них уже знают свои будущие имена и звания — главный наставник далай-ламы, например, будет полковником, возглавляющим пятую дивизию, и его имя будет Сэнге Ринчен. Поскольку эти ламы являются знакомыми и уважаемыми фигурами, они дают тибетцам чувство некоторой личной связи с Шамбалой.

Разные путеводители располагают Шамбалу в материальном мире так, что её существование выглядит правдоподобно. Маршруты, описания которых они дают, начинаются с известных мест Индии и Тибета и постепенно уводят в неизвестные области дальнего севера. Таким образом, они устанавливают физическую связь между обычным миром и магическим царством Шамбалы. Читая эти руководства, тибетец может представить, как он покидает свой дом и направляется в это царство. Хотя он может быть вполне убеждён, что у него самого недостаточно способностей, чтобы туда отправиться, он может чувствовать, что кто-то, развивший необходимые духовные силы, может следовать этим указаниям на протяжении всего пути в Шамбалу.

Укрепляют его в этом веровании истории йогов и лам, сделавших это. Считается, что в дополнение к индийским учёным йогам, ходивших туда за учением калачакры, многочисленные мистики из Тибета также совершали это путешествие и возвращались оттуда с осязаемыми свидетельствами существования этого царства. Один лама, которого я встретил, Гардже Кхамтрул ринпоче, сказал мне, что видел и трогал странный кусок засушенного плода, который прежний настоятель его монастыря принёс из путешествия в Шамбалу. Другие ламы сообщают о путешествиях, которые они совершили в снах и видениях, что является самым обычным способом попасть туда. Эти ментальные путешествия дают тибетцам дальнейшие свидетельства о том, что Шамбала существует — они верят, что высокий лама и продвинувшийся йог может испытать в медитации или во сне большую реальность, чем видят другие, когда бодрствуют.

Согласно тибетскому взгляду на реальность, мир вовсе не такой, каким кажется — наше восприятие затуманивают и искажают иллюзии, создавая видимость вещей, которые не существуют, и скрывая то, что есть на самом деле. Когда лама заявляет, что видел Шамбалу во сне или видении, это может означать, что он путём медитации достаточно очистил свой ум и смог увидеть нечто, что действительно имеет место. То, что он и другие не воспринимают этого

в своём обычном состоянии сознания, вовсе не значит, что это было лишь умственным образом или галлюцинацией. Тибетец может привести довод, что точно так же, как для того, чтобы увидеть микробов, нужен микроскоп, так нужен ясный и сосредоточенный ум, чтобы увидеть Шамбалу.*

* Точно так же в медитации можно посещать любые места, доступные и в физическом теле, и сравнив наблюдения, тем самым удостоверить подлинность этого опыта. Возможность выделения астрального тела и посещения в нём заранее назначенных мест была экспериментально подтверждена в начале XX в. Описание этих опытов можно найти в книге Э. Дюрвилля "Призрак живых". — Прим. пер.

Этот взгляд на реальность позволяет легко верить в места, подобные Шамбале. Фактически, тибетский язык определяет мир как царство "возможного существования", что, согласно ламе Кунга ринпоче, значит, что всё мыслимое может где-то существовать, и вероятно, существует, видим мы это или нет.² Это приводит к склонности признавать всё чудесное и сверхъестественное частью естественного порядка вещей. Поэтому тибетцы готовы признать реальную возможность существования мест ещё более странных, чем Шамбала.

Приводя свои доводы в пользу существования Шамбалы, что же думают тибетцы о том, где она может в действительности быть? Здесь они начинают выражаться туманно, неуверенно, и высказывают множество разных мнений. Немногие думают, что она может быть где-то в Тибете, скорей всего, в таинственных горах Куньлуня; больше людей указывают в сторону Монголии и Синцзяна (северо-западная провинция Китая), но большинство верят, что Шамбала находится в Сибири или в какой-то другой части России. Некоторые тибетцы думают, что нужно отправиться ещё дальше на север и искать это царство в ледяных пустынях Арктики. Некоторые ламы даже строят догадки, что Шамбала существует вне Земли, на какой-то другой планете.

Тексты, которыми пользуются ламы в качестве основного источника, ставят ту задачу, которая и ответственна за большую часть этой разницы во мнениях. Они описывают местоположение царства в понятиях мистической географии, которые трудно, если не невозможно, соотнести со тем миром, который мы знаем. Эта география начинается с описания мифической горы Меру в тысячи миль высотой, подножие которой находится в аду, а вершина — в раю (см. рис. 3). Эту центральную гору мира окружают семь колец золотых

гор, разделённых семью морями. Вне седьмого круга лежит океан, в котором плавают четыре континента, расположенные по четырём сторонам света, а по бокам каждого из них располагаются по два меньших континента. Каждый из четырёх континентов имеет свою отличительную форму — квадрата, круга, перевёрнутого треугольника и полумесяца. Окружает и заключает всю эту систему стена из железных гор или пылающего огня, образующая огромное кольцо.

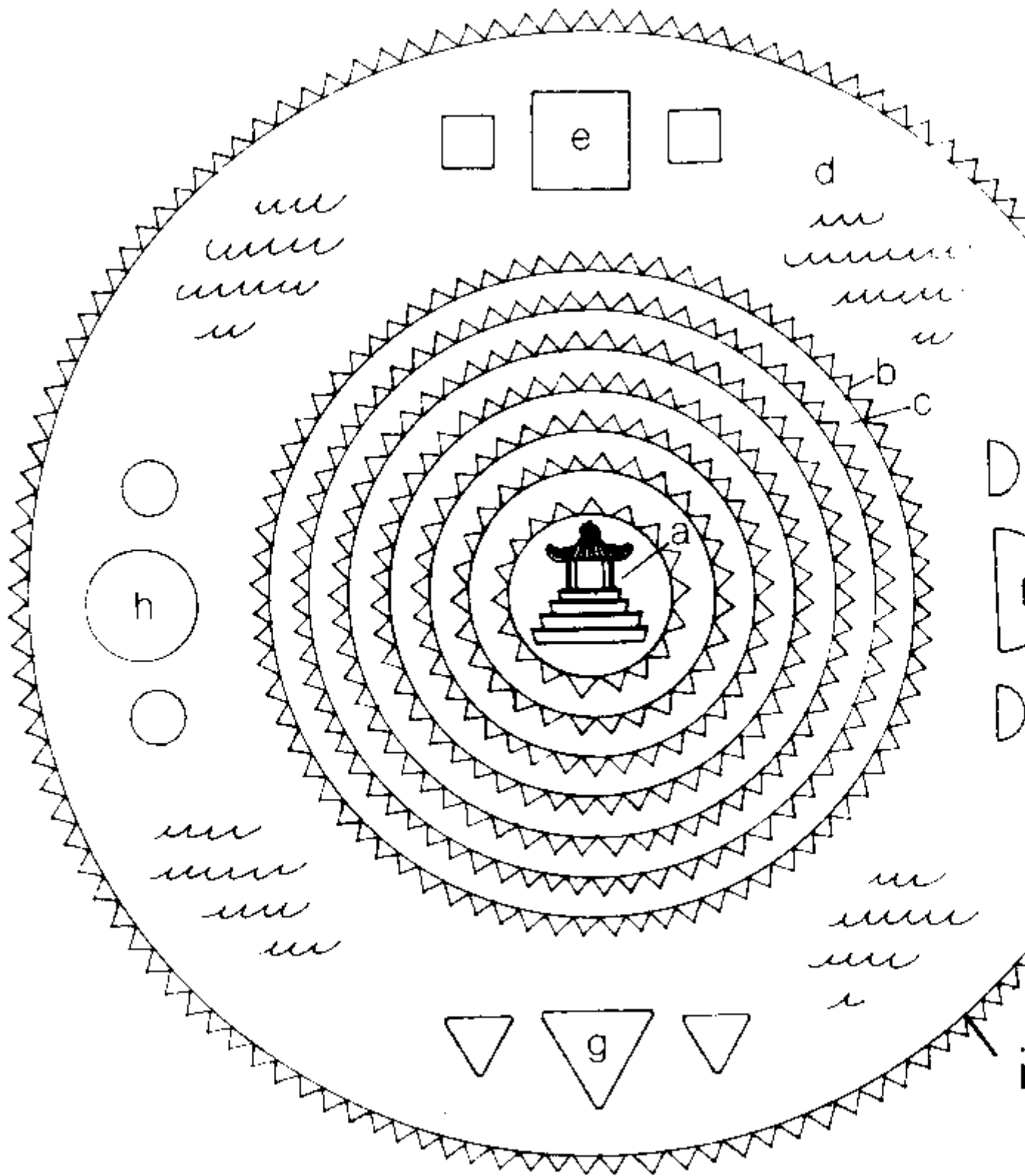

Рис. 3. Тибетская система мистической географии. а — гора Меру с дворцом Индры на вершине, и небесами и чистыми землями наверху (на диаграмме не показаны); b — одно из семи колец золотых гор, окружающих Меру; c — одно из семи морей, окружающих Меру; d — внешний океан; e — Уттаракуру, северный континент с двумя малыми континентами при нём; f — восточный континент с двумя малыми континентами при нём; g — Джамбудвипа, южный континент с двумя

малыми континентами при нём; h — западный континент с двумя малыми континентами при нём; i — внешнее кольцо железных гор.

В этой системе Шамбалу располагают на южном континенте Джамбудвипа, где-то к северу от Бодхгая. Сейчас Бодхгаю очень легко найти на карте — она располагается в северной Индии возле реки Ганг — но Джамбудвипа — это совсем другое дело. Сегодняшние тибетцы считают, что это вся планета Земля, а прочие "континенты" — другие планеты в космическом пространстве, но похоже, что в прошлом Джамбудвипу отождествляли с Азией и даже с Индийским субконтинентом. Форма Джамбудвипы, перевёрнутый треугольник, соответствует форме Индии, что сильно намекает на то, что так обозначили именно эту страну; фактически, некоторые тибетские и индийские тексты используют это название как для Индии, так и для мира в целом. Если Джамбудвипа означает Индию, тогда три других континента будут грубо соответствовать западной Азии на западе, Сибири на севере, и Китаю с Индокитаем на востоке. Тесно связанная с этим система индусской географии, которая, вероятно, вдохновила тибетскую, заимствовавшую из неё, по всей видимости отождествляет центральную точку, гору Меру, с Монгольским Алтаем и проводит аналогичное соотношение.³

Несколько тибетских комментариев на калачакру предлагают другую интерпретацию мистической географии, которая может быть легче сопряжена с нашей. Они подразделяют южный континент, Джамбудвипу, на шесть зон, покрывающих б`ольшую часть Азии и Арктику. Это наводит на мысль, что гора Меру может соответствовать земной оси, а семь колец гор, окружающих её, представляют находящиеся друг внутри друга сферические оболочки, составляющие внутренность планеты подобно слоям луковицы. Согласно этой интерпретации, четыре континента должны лежать на поверхности внешнего шара, группируясь вокруг Северного Полюса, где Меру вырывается из Земли и невидимо устремляется в небеса. Если глядеть из космоса, взяв Северный Полюс за середину компасной розетки, и считать Азию южным континентом, тогда Европа с Африкой будут западным континентом, Америка — северным, а Австралия — восточным. Сравнительно современная тибетская география, написанная ламой XIX в., очевидно, принимает именно этот взгляд, поскольку помещает Перу и Карибы на северном континенте по системе калачакры.⁴

Конечно, также существует возможность того, что география калачакры вообще не соответствует нашей — она может символизировать мистическую реальность, имеющую мало отношения

к физическому миру. Хотя она и упоминает Индию и Бодхгаю, она может использовать их лишь как отправные точки для визуализации таинственного царства мифических гор и морей, существующих вне времени и пространства. В таком случае, если мы географически движемся на север, всё становится более и более магическим, пока мы не превосходим мир всецело и созерцаем в своих умах драгоценную башню горы Меру, сияющую в центре вселенной. Это предлагает интригующую возможность того, что Шамбала лежит на границе физической реальности, подобно мосту, соединяющему этот мир и мир запредельный.

Всё это затрудняет определение местоположения Шамбалы с какой-либо степенью точности. В зависимости от интерпретации географии калачакры, она может оказаться везде, начиная от северной части индийского субконтинента до Северного Полюса и далее.* Сакья Пандита, который является одной из самых видных фигур тибетской истории, совместил географию калачакры с другой системой, которую можно найти в буддийских текстах абхидхармы, и заключил, что Шамбала находится через девять чёрных гор к северу от Бодхгая, возле горы, пахнущей благовониями. Но как указал Кхецун Зангпо, "никакого расстояния не даётся", и чёрные горы почти невозможно идентифицировать. Путеводители в Шамбалу дают больше подробностей, но как только путешественник приближается к царству, их указания становятся всё более мистическими и трудносоотносимыми с физическим миром. По меньшей мере один лама написал, что эти книги намеренно написаны неясно с тем намерением, чтобы можно было скрывать местоположение Шамбалы от варваров, которые захватят мир.⁵

* Такой разброс вполне оправдан, так как по некоторым данным ашрамы Учителей, занимающие хотя и небольшое, но вполне конкретное место в физическом мире, могут находиться непосредственно к северу от Индии, тогда как центр, находящийся на более тонких уровнях, и являющийся "мостом между мирами", соотносят с областью пустыни Гоби. — Прим. пер.

Тем не менее, путеводители указывают, что Шамбала лежит к северу от реки Сита. Хотя это название может соответствовать среднеазиатским рекам Амударья и Сырдарья, вероятнее всего, это река Тарим в западной китайской провинции Синцзян. Одно раннее руководство, написанное около XIII в., говорит, что путнику нужно пересечь эту реку и двигаться на север, в страну гермафродитов, находящуюся на южном склоне снежных гор на границе Шамбалы.

Это наводит на мысль, что царство может скрываться в Джунгарской котловине сразу за Тянь-Шанем, первой цепью заснеженных вершин к северу от реки Тарим. Слышанное аббатом Гюком пророчество о будущем рождении панчен-ламы в стране между Тянь-Шанем и Алтаем, похоже, помещает Шамбалу именно в этой области. Однако, большинство других путеводителей, включая и тот, что упоминает страну гермафродитов, помещают царство за много миль и гор дальше реки Сита, что подразумевает её нахождение где-то на севере Джунгарии.⁶

Большинство лам, отваживающихся строить догадки о местоположении Шамбалы, обращаются за руководством к тем комментариям, которые разделяют континент Джамбудвипа на шесть зон. Если двигаться в целом с юга на север, то тексты перечисляют их как Индию, Тибет, Ли, Китай, Великий Китай и Страну Снегов. В зависимости от конкретного комментария, Шамбала располагается в западной части либо Большого Китая, либо Страны Снегов. Великий Китай в этих описаниях, похоже, включает в себя Маньчжурию, Монголию и часть бывшего СССР. Один тибетский текст XVIII в. утверждает, что Шамбала находится по соседству с Аюши, царём торгутов. Торгуты — скотоводческое племя, кочевавшее между Монгольским Алтаем и Волгой.* Экаи Кавагути, японский священник и тайный агент, в начале XX в. посетил столицу Тибета Лхасу и сообщил, что слышал о другом тексте, который располагал Шамбалу на 3000 миль к северо-западу от Бодхгая. Если мы измерим это расстояние по карте, то окажемся в окрестностях Москвы. Вероятно, эту книгу и использовал Доржиев в подтверждение своей посылки, что Россия и есть Шамбала. С приходом к власти в России коммунистического режима немногие тибетцы стали верить в это, но многие из них думают, что царство Шамбалы вполне может скрываться где-то среди просторов Сибири.⁷

* По свидетельству Г. Потанина, совершившего в конце XIX в. путешествие в Синцзян, торгуты жили вдоль берегов нижнего течения р. Эдзин-гол (протекающей южнее пустыни Гоби). Согласно Советской Исторической Энциклопедии, они населяют отдельные районы Монголии и Синцзяна, хотя определённая их часть некогда влилась в состав калмыков. Это позволяет сузить нечёткую локализацию, данную автором. — Прим. пер.

Некоторые тибетцы под Страной Снегов понимают северную Сибирь и Арктику. Согласно Кхелцуну Занпо, "Шамбала — не Россия: она севернее земель, освоенных людьми, и находится где-то во льдах".

Некоторые ламы верят, что это царство может скрываться лишь в отрезанных от внешнего мира необитаемых просторах Арктики. Как выразился лама Кунга ринпоче, "Шамбала, вероятно, находится на Северном Полюсе, поскольку он окружён льдом, а Шамбала окружена ледяными горами".

В разговоре с Чопгье Триченом ринпоче, ламой, высказавшим подобные взгляды, я рассказал об одном своём сне, в котором с неким проводником путешествовал на Северный Полюс. В этом сне, по мере того, как мы приближались, воздух становился теплее, а снежный покров — тоньше, пока не появилась травянистая тундра с цветами и ароматным ветром. Наконец мы пришли к круглому пруду с маленьким островом, в центре которого был столб. Я, протестуя, обратился к своему проводнику: "Это невозможно! Это не может быть Северный Полюс, там должен быть лёд и снег." Проводник просто показал на остров и с улыбкой сказал: "Вот полюс". И я больше ничего не мог сказать. Когда я окончил свой рассказ, Чопгье Тричен заметил: "Это мог быть вход в Шамбалу".

Некоторые тибетцы в поисках Шамбалы заглядывают даже дальше. Во время дискуссии о том, где же она может быть, Далай-лама пошутил: "Если двигаться от Индии на север по прямой, мы пройдем через Северный полюс и в конце концов окажемся в Америке, так что возможно, что Америка и есть Шамбала." Позже другой лама сказал мне, что некоторые ламы принимают эту идею всерьёз, и указывают, что общая форма и размеры Америки соответствуют Шамбале, равно как и некоторые материальные характеристики земного рая. Сакья Тризин, глава буддийской школы Сакья, посмеиваясь, заметил: "вы, американцы, ищете Шамбалу, но тибетцы в наше время хотят в Нью Йорк".*

* Н. К. Рерих пишет: "Из дальних становищ съезжались на маленьких лошадках кукунорцы к нашему стану, дивовались на снимки нью-йоркских небоскребов, восклицали: "Страна Шамбалы!" ("Сердце Азии)". — Прим. пер.

Учитывая, что Земля исследована так хорошо, а космическое пространство — так плохо, тибетцы также ищут Шамбалу среди звёзд. Согласно Сакье Тризину, они с Далай-ламой обсуждали возможность существования этого царства на другой планете. Поскольку некоторые тексты утверждают, что будущий владыка Шамбалы придёт на Джамбудвипу, чтобы разбить варваров, некоторые ламы поняли это в том смысле, что он придёт на Землю из внеземного мира. Многие

тибетские мистики в своих медитациях получили одно и то же видение — железное колесо приближается к дому и превращается в Шамбалу. Согласно Чогьялу ринпоче, "дом символизирует Землю, а колесо — учения Шамбалы, приходящие с другой планеты". Если отбросить мистицизм, то с научной точки зрения многие тибетцы считают, что это царство легче спрятать в бесконечных просторах космического пространства.

Если Шамбала существует на Земле, что согласно текстам калачакры представляется более вероятным, то как же ей удаётся оставаться скрытой? Здесь мы снова обнаруживаем разницу во мнениях, главным образом на предмет того, видима ли вообще Шамбала для обычного глаза. В то время как одни тибетцы верят, что всякий, кому удастся достичь Шамбалы, увидит её так же ясно, как он видит Тибет, другие отстаивают мнение, что она явится лишь тому, кто обладает повышенной осознанностью йога. Ламы, придерживающиеся первого взгляда, указывают, что тексты калачакры ничего не говорят о том, что царство невидимо, а просто описывают удалённую страну, окружённую снежными горами. Согласно им, удалённости Шамбалы, неясности её местонахождения и трудности пути туда вполне достаточно, чтобы скрывать её от внешнего мира. Даже если кому-то случится пойти в верном направлении и преодолеть препятствия на пути, снежные горы, окружающие царство, всё же не позволят ему хоть что-то увидеть. В любом случае, Шамбала находится вне пределов досягаемости большинства людей, у которых нет сил и знаний, необходимых, чтобы её найти.

Придерживающиеся второго взгляда, что Шамбала невидима, считают, что если обычному человеку случится наткнуться на это царство, он увидит просто пустую долину, окружённую уединёнными горами. Вместо страны золотых пагод и цветущих деревьев он увидит пустынный пейзаж, покрываемый большими облаками снега и пыли. Некоторые ламы считают, что он может пройти насквозь через города и их жителей, но не узнает их и пойдёт дальше, так и не узнав, что побывал в Шамбале. Некоторые утверждают, что то же самое верно и относительно примет на пути — только йог способен увидеть горы, реки и прочие ориентиры, описанные в путеводителях.

Согласно приверженцам этих взглядов, Шамбала остаётся скрытой от внешнего мира, потому что большинство людей не обладают зрением, нужным, чтобы её увидеть. Тибетский мистицизм различает пять разных "глаз", или степеней осознанности, которые можно приобрести практикой медитации. Обычный человек владеет только одним, "водным" глазом, который видит мир таким, каким он кажется

большинству людей, находящихся в своём обычном состоянии иллюзии. Йог путём медитации очищает свой ум, его зрение становится более острым и он поочерёдно приобретает "плотский глаз", видящий на расстояние восьми дней пути, "божественный глаз", открывающий скрытые вещи и места, "глаз мудрости", проникающий в другие умы и знающий всё, что только можно узнать, и "глаз будды", который различает конечную природу реальности. Третий глаз на лбу, который обычно встречается на изображениях бодхисаттв, показывает, что они обладают "глазом мудрости", то есть духовным прозрением. Большинство лам, верящих, что Шамбала невидима, говорят, что чтобы увидеть её, нужен по крайней мере "божественный глаз" или "глаз мудрости". Олеше (Гечунг Нгаванг Леше), старый отшельник, много лет медитировавший в Гималаях, сравнивая Шамбалу с известным местом паломничества в Индии, сказал мне: "Если вы или я отправимся в Раджгир, где проповедовал Будда, мы увидим лишь разрушенные храмы, покрытые джунглями. Но, — подняв палец, заметил он, — если мы обладаем глазом мудрости, мы увидим там всевозможные поразительные вещи."

Тибетцы верят, что главное, из-за чего Шамбала является скрытой, — это карма — последствия прошлых мыслей и поступков, которые и сформировали судьбу и нынешний характер каждого человека. Те, кто верят, что Шамбала видима, говорят, что без подходящей кармы человеку никогда не представится возможность отправиться туда и увидеть её. То, что было подумано и сделано им в прошлом, определяет, разовьёт ли он склонности и способности, необходимые, чтобы совершить трудное путешествие туда. Большинство людей в силу судьбы, которую, того не зная, они создали себе сами, не могут даже услышать о скрытом царстве, и тем более — найти его. Те, кто верит, что Шамбала невидима, добавляют, что прошлые мысли и действия создали иллюзии, которые затуманивают зрение людей и не дают им увидеть это царство или распознать его. Ум похож на грязное окно, покрытое отложениями кармы, и пока оно не будет очищено путём медитации, оно не станет достаточно чистым, чтобы через него открылся вид на Шамбалу.

Исследовав тибетские верования относительно существования Шамбалы, теперь мы рассмотрим вопрос, как же это царство может существовать с современной точки зрения. Ответ на этот вопрос интересует тибетцев так же, как и людей запада. Многие из тех, кто принадлежит к более молодому поколению, выросли под влиянием западных идей и отбросили мифический взгляд на реальность, свойственный их родителям. В результате они склонны отрицать

Шамбалу, как суеверную выдумку, или считать её нематериальным посмертным раем. Беспокоясь, что эта тенденция может подорвать веру тибетцев и в более фундаментальные религиозные положения, некоторые ламы, такие как Далай-лама и Сакья Тризин, ищут научные доводы, способные убедить молодёжь, что Шамбала может в действительности существовать.

С современной точки зрения размер и облик Шамбалы по всей видимости делают её существование крайне маловероятным. Мир, каким мы знаем его сегодня, не оставляет места для скрытой страны, содержащей 96 княжеств; не содержит он и горных цепей, расположенных в виде восьмилепесткового цветка лотоса. Невероятные размеры и облик Шамбалы, однако, наводят на мысль о другой возможности, которая делает её существование более вероятным: тексты калачакры могут использовать символическое изображение реального места с целью передачи мистических озарений. В таком случае их описание Шамбалы должно мало походить на то, что она в действительности собой представляет, в то же время давая нам некоторое представление о её сути. Или, как предполагает другая возможность, время и воображение могли просто до неузнаваемости преувеличить масштабы и облик царства. Учитывая всё это, мы исследуем различные способы и формы возможного существования Шамбалы.

Существует большая вероятность того, что Шамбала скрылась скорее во времени, чем в пространстве, и является древним царством, давно ставшим легендой. Многие западные учёные соглашаются с Далай-ламой в том, что учения калачакры должны были происходить из какого-то места, и думают, что в Индию эти учения пришли в X в. из какой-то страны в Центральной Азии. Хельмут Хоффман писал: "Страна Шамбалы несомненно находится вне Индии, и по всей вероятности первоначально это была реальная область, но со временем её стали считать чисто мифическим царством". Сэр Чарлз Элиот в своём "Историческом очерке индуизма и буддизма" писал, что "эта страна видна только сквозь туман мифа: она могла быть в Индии, а могла быть и где-то в Центральной Азии, где буддизм смешался с тюркскими идеями".⁸ Археологические находки сильно поддерживают этот подход к существованию Шамбалы — они показали, что множество с виду фантастических мифов имеют свои истоки в реальных местах и событиях. Самый знаменитый пример этого — открытие руин Трои на территории современной Турции: пока Генрих Шлиман в конце XIX в. не раскопал этот город, большинство учёных считали "Илиаду" Гомера просто плодом поэтического воображения, а

не описанием войны, которую действительно вели древние греки.

Из-за больших переселений народов, характерных для истории Центральной Азии, мы сравнительно мало знаем о цивилизациях, некогда процветавших там. Тысячи лет кочующие всадники степей, не имевшие ни письменности, ни склонности записывать события, считали другие, осёдлые культуры, уничтожив многие из их записей. Те письменные источники, которые сохранились, наряду с рассеянными предметами культуры и отрывочными отчётами иностранцев, таких как китайцы, дают нам лишь смутный набросок истории Центральной Азии. Хотя мы кое-что знаем о некоторых ушедших цивилизациях, многие из них просто исчезли в неисследованных периодах времени. Никто не знает, сколько ещё разрушенных городов лежат погребёнными в обширных пустынях и горах Центральной Азии. Шамбала вполне могла быть царством, известным нам под другим именем, или неизвестной страной, чьё имя сохранилось только в легендах.

Если искать Шамбалу среди цивилизаций, известных из истории Центральной Азии, то нужно исследовать те, которые могли быть источником калачакры. Наиболее вероятные кандидаты должны были существовать около X в., в то время, когда калачакра попала в Индию, и нести в себе те религиозные влияния, которые встречаются в этом учении. В дополнение к буддизму с его индусским наследием, три другие религии оставили на калачакре свой отпечаток — это христианство, манихейство и ислам. Главный текст учения упоминает основателей всех трёх, называя Иисуса "Иша", Мани — "Человеком с белым одеянием", а Мухаммеда — "Мадхумати". Монотеизм этих религий вполне мог вдохновить представление калачакры о высшем или изначальном будде, проявлением которого является вселенная. Христианское пророчество о втором пришествии и манихейская доктрина о войне между силами света и тьмы, вероятно, отразились в пророчестве о Шамбале. Мусульмане присутствуют в текстах в качестве прототипов варваров, которые захватят мир и попытаются покорить скрытое царство. В дополнение к этому, калачакра, похоже, разделяет с манихейством влияние гностического и зороастрийского мистицизма, наряду с некоторыми чертами числового символизма, такими как приверженность к группам по пять.⁹

По этим критериям из наиболее вероятных мест выделяется уйгурское царство Кхочо, находившееся в Турфанской впадине у подножия Тянь-Шаня. Согласно тибетским путеводителям в Шамбалу, Турфан лежит к северу от Ситы, которую большинство западных учёных отождествляют с Таримом. Основанное уйгурами, тюркским народом,

около 850 г., царство Кхочо процветало 400 лет и было примечательным оазисом культуры и учёности. Будучи преимущественно буддийской страной с множеством монастырей, оно имело также активные центры манихейства и несторианского христианства — двух из трёх внешних религий, оказавших на калачакру самое большое влияние. Хотя в самом царстве жило немного мусульман, ислам был знаком его жителям как новая и агрессивная религия, вытеснявшая буддизм в других местах Центральной Азии.

Во время появления калачакры в Индии царство Кхочо, вероятно, обладало самой передовой цивилизацией и самым высоким стандартом жизни из всех стран Центральной Азии. Хорошо орошаемые поля и сады давали достаточно излишков продовольствия, чтобы позволить уйгурам проводить программы помощи бедным. Живя в мире и гармонии, люди разных рас, языков и религий стимулировали мысль и культуру друг друга. Картины, найденные в развалинах Турфана, изображают дома, построенные в китайском стиле, мужчин и женщин, одетых в вышитый шёлк, и камерный ансамбль, состоявший из арф, гитар и флейт. Даже на китайцев, самых придирчивых знатоков культуры, изящество уйгурского общества производило впечатление.¹⁰

Из всех областей Центральной Азии, однако, ближе всего к тибетским описаниям Шамбалы по виду и размеру подходит Таримская котловина, лежащая к юго-западу от Турфана. Огромная овальная область окружена горными цепями Куньлуня, Памира и Тянь-Шаня, и её можно рассматривать как гигантский цветок лотоса, окружённый кольцом заснеженных гор. Небольшие царства, существовавшие сами по себе в многочисленных оазисах, рассыпанных по краям котловины, вполне могли послужить моделью 96 княжеств внешней области Шамбалы. До того, как калачакра достигла Индии и Тибета, буддизм процветал в Таримской котловине почти 800 лет. В течение части этого времени караваны, следовавшие Шёлковым путём в Китай, привнесли туда манихейство и несторианское христианство, оказавшие влияние на развитие буддийского искусства и мышления в этой области.

Исторически Шамбала могла соответствовать Таримской котловине в целом, или одному из её основных оазисов, таких как Яркенд, Кашгар или Хотан. Некоторые учёные выделили Хотан, самый большой и плодородный оазис на южном краю котловины. Орошаемый тающими снегами Куньлуня, он поддерживал процветающий центр буддийской учёности, народ, любивший музыку и культуру, и школу живописи,

произведшую впечатление на китайцев и повлиявшую на тибетское искусство. Согласно древнему хотанскому преданию, один индийский принц III в., ослеплённый своими соперниками, бежал со своей родины, пересёк горы и основал местную династию Хотана. Археологические находки показывают, что индийцы действительно около этого времени колонизировали этот оазис. Согласно тибетской легенде об основании Шамбалы, представитель рода Будды, Шакья Шамбха, был вынужден бежать от врагов на север от Индии. Преодолев много гор, он пришёл в страну, которую покорил, и которая впоследствии по его имени стала известна как Шамбала. В силу этого сходства тибетская легенда могла происходить от хотанской, намекая на возможную связь между скрытым царством и Хотаном.¹¹

С другой стороны, если река Сита — это Тарим, то получается, что Хотан, как и большая часть Таримской котловины, лежит к югу от Ситы, что противоречит указаниям путеводителей в Шамбалу. В действительности один из них даже упоминает Хотан, указывая путешественнику пройти его и двигаться дальше на север, к Сите. В дополнение к тому, все комментарии к калачакре, подразделяющие Азию на шесть зон, помещают Шамбалу к северу от Ли, третьей зоны, соответствующей району, окружающему Хотан. Другое возражение против отождествления Шамбалы с этой частью Таримской котловины состоит в том, что эта область расположена сравнительно недалеко от Индии и была хорошо известна тибетцам в то время, когда они получили калачакру. Тем не менее, учение всё же могло прийти из этого района, при этом скрывая место своего происхождения и указывая в качестве такового таинственное царство далеко на севере.

Западный Туркестан, область, находящуюся в Средней Азии непосредственно к западу от Таримской котловины, тоже можно было считать историческим царством Шамбалы. Буддизм там также имеет долгую историю; была она и важным центром манихейского влияния. Согдийские купцы из района Самарканда и Ферганской долины принесли учение Мани в Китай и вполне могли принести калачакру в Индию. Хельмут Хоффман заявляет, что проследил маршрут, описываемый в путеводителях в Шамбалу, в эту область Памира, где, как он думает, некогда существовало это царство. Согласно указаниям древней тибетской религии бон, бонская версия Шамбалы, Олмолунгринг, лежит в общем в той же области, где-то в горах между Самаркандом и Алма-Атой. Во всяком случае, как перекрёсток торговых и военных путей греков, индийцев, персов, тюрков и многих других народов, Западный Туркестан конечно же подвергался всем религиозным влияниям, которые находят в калачакре.¹²

Два возражения, однако, делают Западный Туркестан не столь многообещающей областью, как Турфан и Таримская котловина. Арабы завоевали эту область ещё задолго до появления калачакры в Индии, и их мусульманские преемники обратили население в ислам, сделав трудным распространение отсюда буддийского учения. Конечно, калачакра могла возникнуть ранее и сохраниться в уединённой горной долине, ставшей моделью для тибетской версии Шамбалы. И археологические находки действительно показывают, что на северной границе этой области, в районе Алма-Аты, буддизм продержался до середины XII в.¹³ Другое возражение относится к реке Сита, главному ориентиру на пути в Шамбалу. Согласно самому реалистичному из путеводителей в это скрытое царство, эта река течёт на восток, тогда как основные реки Западного Туркестана, Амударья и Сырдарья, текут на запад. Однако, другие руководства расходятся в этом вопросе, наводя на мысль о двух реках, текущих в разных направлениях.

Остаётся несколько других, менее вероятных возможностей исторического существования Шамбалы. Царство могло существовать задолго до прихода калачакры в Индию, уйдя в легенду за столетия до этого. Индийский учёный Сарат Чандра Дас думает, что Шамбала вероятно была одним из греческих государств Бактрии, оставшихся после завоевательных походов Александра Македонского, которое процветало возле Амударьи около начала нашей эры. Более вероятным кандидатом того периода могло бы стать Кушанское царство, пришедшее на смену грекам и послужившее развитию буддийского искусства и распространению буддизма в Центральной Азии. Путеводители в Шамбалу указывают на место к северу от рассмотренных нами областей, но поскольку эту территорию захватили кочевники, об её истории мы знаем сравнительно мало — и тексты вполне могли преувеличить расстояния. Уйгурские развалины, найденные к северу от Тянь-Шаня вокруг Джунгарской котловины, наводят на мысль о существовании какого-то неизвестного царства, которое могло создать калачакру и быть исторической Шамбалой. С другой стороны, глубокое влияние индуизма на калачакру убедило некоторых учёных, что это учение произошло именно отсюда, где впервые и обнаружилось — в Индии, возможно, в Кашмире. Всё это говорит о том, что Шамбала может оказаться комбинацией многих разных стран и культур. Кто бы ни ввёл в Индии калачакру, он вполне мог соединить вместе описание высокоразвитого уйгурского царства Кхочо, размеры и форму Таримской котловины, разнообразные религии Центральной Азии и индусские влияния Кашмира. Возможно, историческое местоположение Шамбалы

скрывается на карте на самом видном месте, на которое не обратили внимания, будучи самым центральноазиатским регионом.¹⁴

Хотя историческое существование Шамбалы представляется вполне вероятным, есть и другие способы, которыми это царство с современной точки зрения могло существовать. Если Шамбала существовала в прошлом скорее как небольшое сообщество, чем как целая страна, она вполне могла сохраниться до нашего времени, скрываясь в какой-нибудь уединённой долине Центральной Азии. На рубеже XIX и XX веков сэр Аурел Штайн, британский учёный и исследователь, сделавший много археологических находок в Турфане и Таримской котловине, проник через почти непроходимые ущелья Памира в долину Рошан, где обнаружил людей, который на протяжении столетий практически не имели контакта с внешним миром.¹⁵ В отдалённых горах Центральной Азии могут существовать и другие подобные сообщества, одно из которых может оказаться Шамбалой. Как мы увидим в следующей главе, даже сравнительно доступные непальские Гималаи содержат долины, которые могут посетить лишь редкие чужаки, если вообще могут.

На примере Турфана мы видели, как несколько религий могут сосуществовать в просвещённом царстве, существовавшем несколько сотен лет; так что возможно, что группа преданных мистиков основала подобное, хотя и меньшее по размерам сообщество, где они продолжили извлекать ту мудрость, которая лежит в основе этих религиозных традиций. Слухи о таком месте и об учении, полученном из их озарений, могли достичь Индии в форме легенды о Шамбале и учения калачакры. Если они намеренно хранили тайну, то такое сообщество всё ещё может существовать в виде уединённого монастыря или деревни, на которые внешний мир просто не обращает внимания.* Для этого не нужно бросающихся в глаза признаков материального прогресса, которые мы обычно ассоциируем с передовой культурой; высшая мудрость требует только чистого ума. Индийские мудрецы, составившие Упанишады, являющиеся образцами самого глубокого изложения индийской философии, жили и учили в лесных обителях. Даосский мистицизм Китая, вдохновивший многие достижения китайского искусства и литературы, держался идеала простой жизни, как признака просвещённого общества. Царственные атрибуты Шамбалы, со всеми царями и дворцами, могут быть просто символами благородства духа, скрытого в этом сообществе. Аналогично и огромные размеры царства могут в действительности символизировать глубину и широту тамошней мудрости. Подобное место может даже не скрываться в

какой-то неисследованной долине — оно может быть одной из тысяч неприметных деревень, в которую чужаки никогда не вздумают направиться, или пройдут её, если она окажется на их пути. В конце концов, разве большинство путешественников знают, что происходит в домах, мимо которых они проходят, или умах людей, которых они встречают?

* Например, Намкай Норбу ринпоче упоминает о буддийской общине, которая после захвата Тибета китайцами была замаскирована под колхоз. — Прим. пер.

Если Шамбала существует как сообщество мистиков, ей не нужно быть привязанной к одному месту — она может быть тайным обществом, члены которого рассеяны по всей Азии, или даже по всему миру.* Некоторые тайные общества, такие как розенкрейцеры и масоны, имеющие членов по всему миру, притязают на обладание эзотерическим знанием такого же характера, какое может храниться в Шамбале. Они основываются на широко распространённом убеждении, что существует братство просветлённых людей, которые смогли сохранить древнюю мудрость, происходящую из Египта или с Востока. Другие современные общества, такие как шпионские сети и подрывные организации, скрывают не только свою деятельность, но и само своё существование. Два достаточно зловредных общества прошлого дали английскому языку слова "тэг" и "ассасин". Пока британцы не внедрились в организацию тэгов и не уничтожили её, тэги составляли непризнанную ортодоксами группу фанатиков, которые бродили по дорогам Индии и убивали своих спутников, чтобы принести их в жертву богине Кали. В XI в. Хасан ибн аль-Сабах, лидер исламской секты исмаилитов, из горной крепости, находившейся в Персии, управлял тайной сетью агентов, которые внедрились во дворы царей и принцев по всему Ближнему Востоку. Убедив их при помощи видений, вызванных гашишем, что они видели рай и обязательно попадут туда, если выполнят его приказание, он мог использовать своих "хашашинов", как они назывались, чтобы терроризировать всех, кто противился распространению его власти.¹⁶

* Согласно теософической литературе, Великие Учителя иногда живут среди обычных людей, не догадывающихся об их истинной природе, но всё же предпочитают страны Востока, где понимают людей, занимающихся медитацией, и не мешают им. Один из них с внешней точки зрения был обычным ламой, и наряду с портретами других лам С. Н. Рерихом был написан и его портрет, хранящийся теперь в Музее

Рериха в Москве. — Прим. пер.

Сама Шамбала могла упоминаться в тибетском обществе как Братство келанов, упомянутых аббатом Гюком. Согласно отчёту аббата, члены этого братства были последователями панчен-ламы, верившими, что смогут присоединиться к нему в будущем воплощении, чтобы участвовать в войне против гонителей буддизма. Из этого описания можно сделать вывод, что келаны были посвящены в калачакру, что, как считалось, обеспечит им перевоплощение во время последней битвы с силами зла. Поскольку посвящённые в это учение принимают обет секретности, они образовали тайное общество, которое и могло быть действительной Шамбалой. Если под Шамбалой имелись в виду эти посвящённые в калачакру, или их внутренний круг, тогда описание Шамбалы могло действительно символизировать структуру этой организации. Царь мог представлять их предводителя, а 96 князей — его подчинённых, отвечающих за разные отделы общества. Возможно также, что общественный статус жителей Шамбалы, от простого гражданина до царя, мог обозначить разные степени посвящения в учение.

Как мы увидели ранее, некоторые ламы предлагали ещё один способ существования Шамбалы, допустимый с современной и научной точки зрения — в качестве инопланетной цивилизации. На основе одной лишь вероятности представляется несомненным, что где-то во вселенной должна быть разумная жизнь, развившая более передовую по сравнению с нашей науку и технологию. Если бы Шамбала была такой цивилизацией, она могла бы существовать даже в такой форме, в какой она описана в текстах, а её обитатели могли бы действительно владеть силами и богатствами, которые им приписывают. В таком случае круглая форма царства могла представлять планету, на которой они живут. С другой стороны, Шамбала могла быть форпостом таких пришельцев на Земле, скрытым при помощи их передовой науки и технологии. Согласно многочисленным документальным свидетельствам, летом 1908 г. по небу пролетел яркий объект, резко отклонился к западу от прежней траектории и взорвался над малонаселённой областью Сибири к северу от Алтая.* Основываясь на высоком уровне радиации, зоны поражения которой были расположены тремя кольцами, генетических изменениях в местных растениях и расположению деревьев, поваленных взрывом, некоторые современные исследователи пришли к заключению, что этот объект мог быть атомным космическим кораблём, незадолго до взрыва совершившим маневр над севером Центральной Азии — тем самым регионом, в котором, по мнению многих тибетцев, может находиться

* В России он широко известен как Тунгусский метеорит. — Прим. пер.

Наконец, мы приходим к возможности, лежащей в пределах научной концептуализации, и в то же время близкой мистическому взгляду тибетцев на реальность. Шамбала может быть скрыта в четвёртом измерении, столь же реальном и конкретном, как те три измерения, которые мы обычно видим. Современная физика открыла, что пространство содержит странные искривления и складки, которые не вписываются в наше обычное представление о реальности; возможно, когда-нибудь физики откроют существование других измерений, лежащих вне диапазона обычного восприятия. Теория относительности также говорит и о четвёртом измерении времени. Почему бы не быть и четвёртому измерению пространства? Во всяком случае, для математиков и других учёных вполне обычно использование многомерных пространств в качестве инструмента анализа исследуемых явлений.

Составить концепцию о четвёртом измерении сравнительно легко, но представить его трудно. Наша обычная эвклидова модель пространства содержит три измерения, перпендикулярных друг другу. Мы можем представить их тремя прямыми, проходящими через одну точку — одна с востока на запад, другая с севера на юг, и третья — сверху вниз. Если мы прибавим четвёртую линию — назовём её "отсюда и туда" — которая проходит под прямым углом к каждой из остальных, она протянется в четвёртое измерение. Хотя мы не можем представить это визуально, мы уж точно можем сделать это математически.*

* Некоторые авторы утверждают, что умение представить четырёхмерную геометрию есть первый шаг к развитию ясновидения и выход за пределы физического мозга, поскольку четыре измерения пространства свойственны астральному плану. — Прим. пер.

Если мы сделаем шаг в четвёртое измерение, то можем оказаться в другом мире, у которого будут три измерения, как и у нашего. Точно так же как, много двумерных плоскостей могут располагаться параллельно друг другу в трёхмерном пространстве, так в четырёхмерном мире могут параллельно располагаться трёхмерные пространства. Их можно сравнить со стопкой картин — когда мы

видим ту, что сверху, мы не можем видеть тех, что под ней, или даже подозревать об их существовании. Так что можно предположить, что Шамбала вполне может скрываться прямо здесь, в дюйме от нас, в другом мире, которого мы не воспринимаем, так как фокусируем всё своё внимание на знакомом мире, который мы знаем.

Психологические эксперименты показали, что мы бессознательно фильтруем свои восприятия и располагаем их согласно смысловым шаблонам. Если бы мы этого не делали, восприятия бы захлестнули нас, и мы были бы дезориентированы их хаотическим калейдоскопом. По мере того, как мы растём, наша культура, с помощью своего взгляда на мир, помогает нам осмыслить то, что мы видим — например распознавать самолёт как машину, а не как птицу или бога. В процессе этого мы также приучаемся игнорировать то, что культура считает маловажным или нереальным, и вследствие этого мы вынуждены подавлять любые восприятия другого измерения, которые когда-либо могли получить. Мир фантазий ребёнка может включать в себя вещи, принадлежащие к реальному миру четвёртого измерения, который он постепенно теряет из виду, по мере того как взрослые убеждают его, что это существует лишь в его воображении.

Иногда, в моменты мистического опыта, некоторые люди сознают скрытую, почти сияющую глубину в самых обычных предметах, таких как цветы или камни. К ним приходит свежее чувство чудесного, напоминающее о детстве, и они ощущают то, что может быть более глубокой реальностью, пронизывающей окружающий мир. Некоторые получают видения мест, похожих на те, что описаны в путеводителях в Шамбалу — таинственные пейзажи, мерцающие драгоценными камнями, бесконечные пустыни под странными небесами, и внушающие благоговение горы, парящие над облаками света. Эти люди могли не галлюцинировать, а скорее, сбросить умственную обусловленность, которая обычно ограничивает их взгляд, и в какой-то вневременной момент взглянуть в четвёртое измерение.

Если это так, то это поможет объяснить, почему тибетцы настаивают на необходимости очищения ума для путешествия в Шамбалу. Большинство типов медитации, используемых для этой цели, помогают отсечь или успокоить обыденные мысли и предвзятые концепции, блокирующие тот вид мистического видения, который позволяет проникнуть в другие миры, столь же осязаемые и конкретные, как и наш. Очищая свой ум и избавляясь от умственной обусловленности, ограничивающей осознание, путешественник в Шамбалу может приобрести способность видеть в четвёртом измерении и совершить действительное путешествие по необычному,

но реальному ландшафту из фантастических пустынь и гор, существующих параллельно тем, что мы находим на картах Центральной Азии.

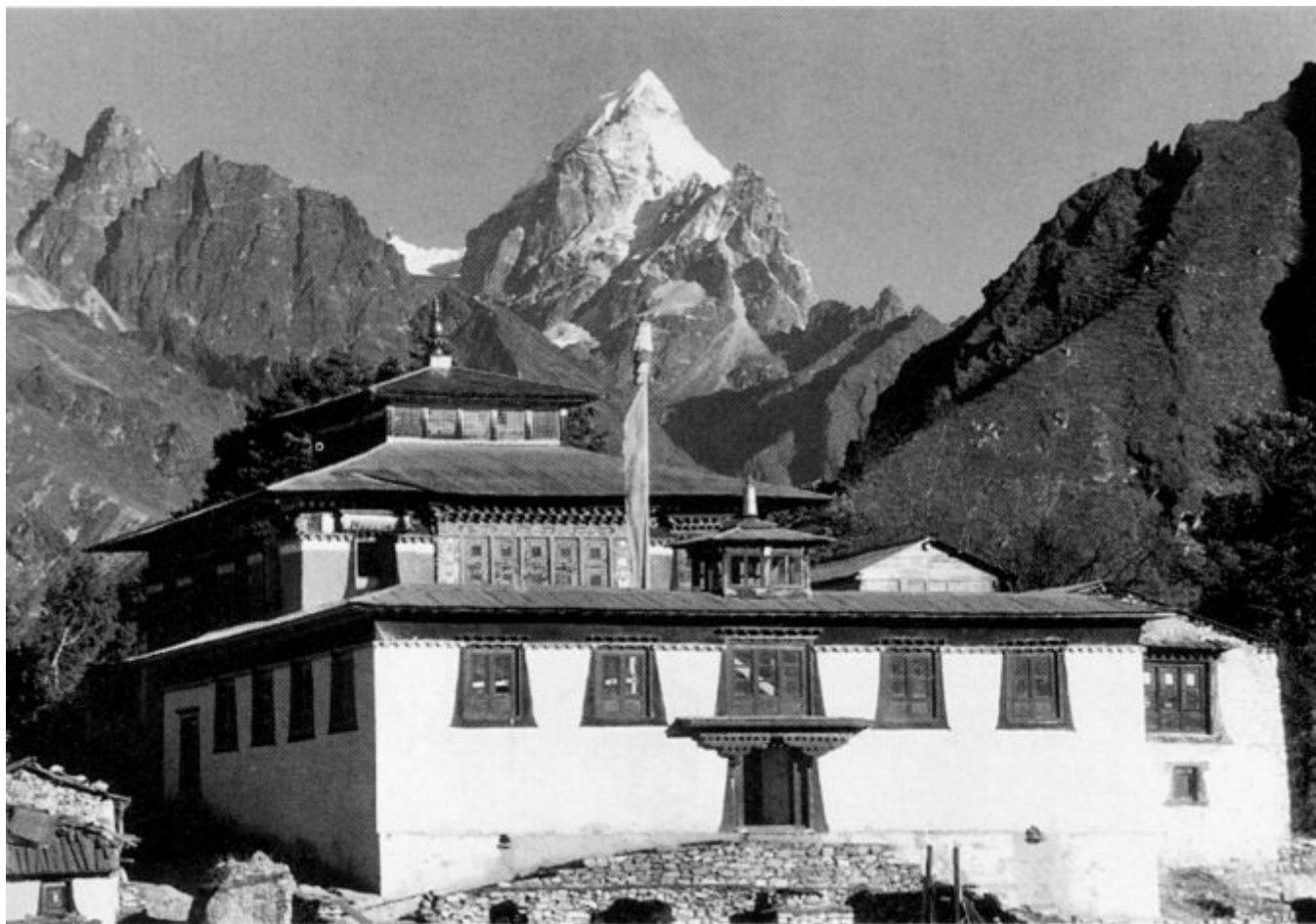
Конечно же, все эти возможности, а особенно последняя, являются только предположениями. Ни одна из них не доказывает, что Шамбала существует, или хотя бы существовала раньше. Даже самая вероятная из возможностей — что она была исторически существовавшей страной прошлого — основана на косвенных свидетельствах, которые делают её существование вероятным, но не доказанным. С другой стороны, различные рассмотренные нами возможности, какими бы маловероятными ни были некоторые из них, делают трудным отрицание Шамбалы как простой фантазии — они показывают, что такое царство всегда могло существовать так, чтобы избежать самых изощрённых попыток его обнаружить. Даже если мы прочедем всю Землю и не найдём ничего, Шамбала всё равно может скрываться в прошлом, или на другой планете, или в другом измерении. Неудача в поисках царства означает лишь то, что мы не смогли его найти, а не то, что оно не может существовать. Учитывая, что Шамбала по определению — скрытая страна, невозможно дать убедительное доказательство её несуществования; окончательно решить вопрос о её существовании можно лишь действительно найдя это царство.

Но на самом деле этот вопрос имеет второстепенную важность. Существует, существовало это царство или нет как реальное место или сообщество людей, оно непременно существует как миф и символ. Как таковой, оно имеет собственную силу и реальность, вне зависимости от его материального существования. Даже в очевидно вымышленной форме, такой как история Шангри-ла, эта легенда смогла тронуть многих людей и оказать глубокое влияние на их умы. Вопрос, который действительно важен, следующий: что придаёт этому мифу его реальность и его силу? Что нам говорит это царство о нас самих, о тайных чаяниях и интуиции, которые оно пробуждает? Начать поиск ответов на эти вопросы нам поможет взгляд на связанные с этим мифы, начиная с тибетских легенд о скрытых долинах.

3. СКРЫТЫЕ ДОЛИНЫ

Мы стояли возле монастыря Тенгбоче на гребне возле горы Эверест, созерцая зелёно-голубые долины Кхумбу, расположенные глубоко между хребтами снежных вершин. Далёко под нами, где сохранялись

ещё утренние тени, плыли клубы дыма — это готовили пищу в деревнях шерпов, рассыпанных между террасными полями и лесами из сосен и рододендронов.

Илл. 3. Монастырь Тенгбоче. Главный храм монастыря. Сзади — вершина Мачерма Ри, около 6560 м.

— Кхумбу некогда было святым местом, — заметил Калсанг, брат главного ламы.

— А сейчас разве нет? — спросил я, продолжая смотреть на мирные долины внизу.

— Нет, больше нет — с тех пор, как много лет назад сюда пришли жить люди. Они построили деревни, возделали поля и сделали это обычным местом, таким же, как любое другое. Теперь всякий может прийти сюда, оно больше не особое. Но где-то там, за теми горами, — добавил он, указав на заснеженные вершины к востоку от Эвереста, — есть священная долина, называемая Кхембалунг. Давно, ещё когда Падмасамбхава принёс учения буддизма из Индии в Тибет, он поручил богам наблюдать за ней и держать её скрытой от остального мира. Это должно было быть мирное место, где есть еда и всё

необходимое для медитации. Только истинные последователи Гуру Ринпоче, те, кто действительно практикуют его учения, могут её найти. Есть путеводитель в Кхембалунг, но если ему последуют люди не того сорта, в горных проходах на них нападут снежные барсы и прогонят их прочь.

Илл. 2. Скрытая долина Кхембалунг. Вид со снежных полей над долиной.

Через четыре года, когда я снова вернулся в Непал проводить исследования, связанные с Шамбалой, я решил рассмотреть также и легенду о Кхембалунге. В деревне шерпов прямо к югу от Гималаев я отправился к старому ламе, который упоминал, что знает кое-кого, кто заявлял, что действительно был в скрытой долине.

— Он сказал мне, что ему много часов пришлось идти в воде по пещере, — сказал старый лама. — Там внутри было очень холодно и темно, очень плохо. Когда он вышел на том конце пещеры, он обнаружил зелёную долину с четырьмя или пятью домами и несколькими людьми, живущими с ламой.

— И это был Кхембалунг?

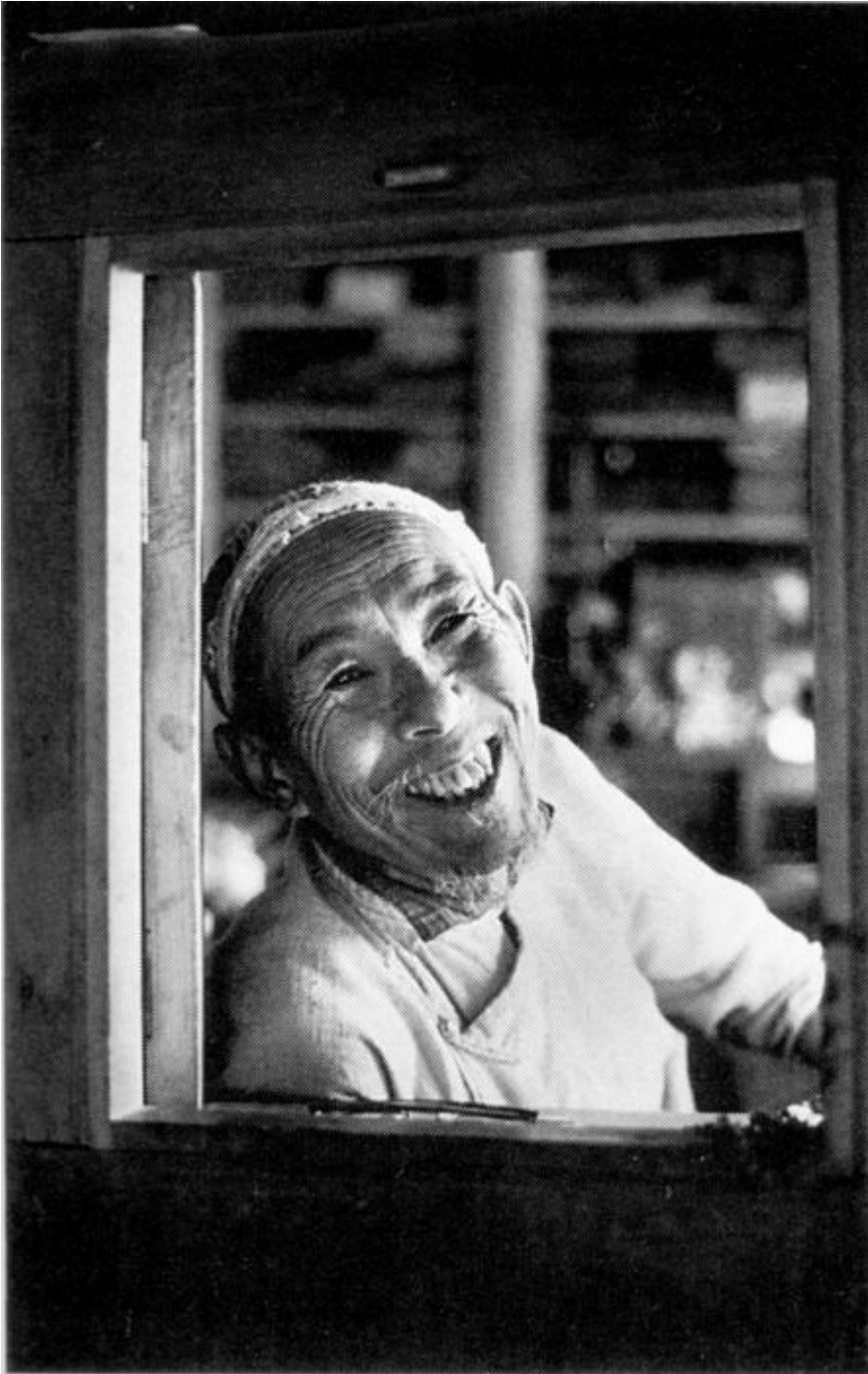
— Да.

— А где эта пещера?

Старый лама стал раскручивать длинную косу спутанных волос, идущую с его макушки, и сказал, пожимая плечами:

— Откуда мне знать? Я никогда не был там. Спросите того, кто был.

К сожалению, этот человек был в путешествии, но монах, державший чайный магазин, сказал мне, что Олеше, отшельник, живущий в домике на скале над деревней, однажды пытался пройти в Кхембалунг. Согласно монаху, Олеше отправился туда с большой группой шерпов, и с ними был маленький мальчик, перевоплощение местного высокого ламы. По пути они остановились в покинутой хижине на заснеженном гребне, но ночью их разбудил вой йети, ужасного снежного человека. Крайне перепуганные этими дикими криками, доносившимися из темноты, они подбросили дров в огонь и сгрудились вокруг мальчика в отчаянной попытке защитить его от того, что казалось неизбежной смертью. К тому времени, когда наконец наступил восход, прогнав йети, их нервы были настолько истощены, что они оставили свои попытки проникнуть в Кхембалунг, а вместо этого совершили паломничество в Индию.

Илл. 6. Отшельник Олеше в своём ските в Гималаях.

Когда я взобрался по скалам в хижину Олеше, чтобы услышать историю из его собственных уст, подвижный старый отшельник, посмеиваясь, сказал:

— Да, всё верно, именно так. На следующее утро на снегу мы увидели следы йети длиной с локоть и быстро направились вниз, в долину! Но мы ведь и не пытались пройти весь путь в Кхембалунг. Это только для великих лам, а не для невежественных лесных обезьян вроде меня. Мы лишь собирались совершить паломничество к пещере, где

находится южный вход в скрытую долину.

— Старый лама в деревне сказал, что один человек, которого он знал, проходил через какую-то пещеру в Кхембалунг. Это там самая пещера? — спросил я.

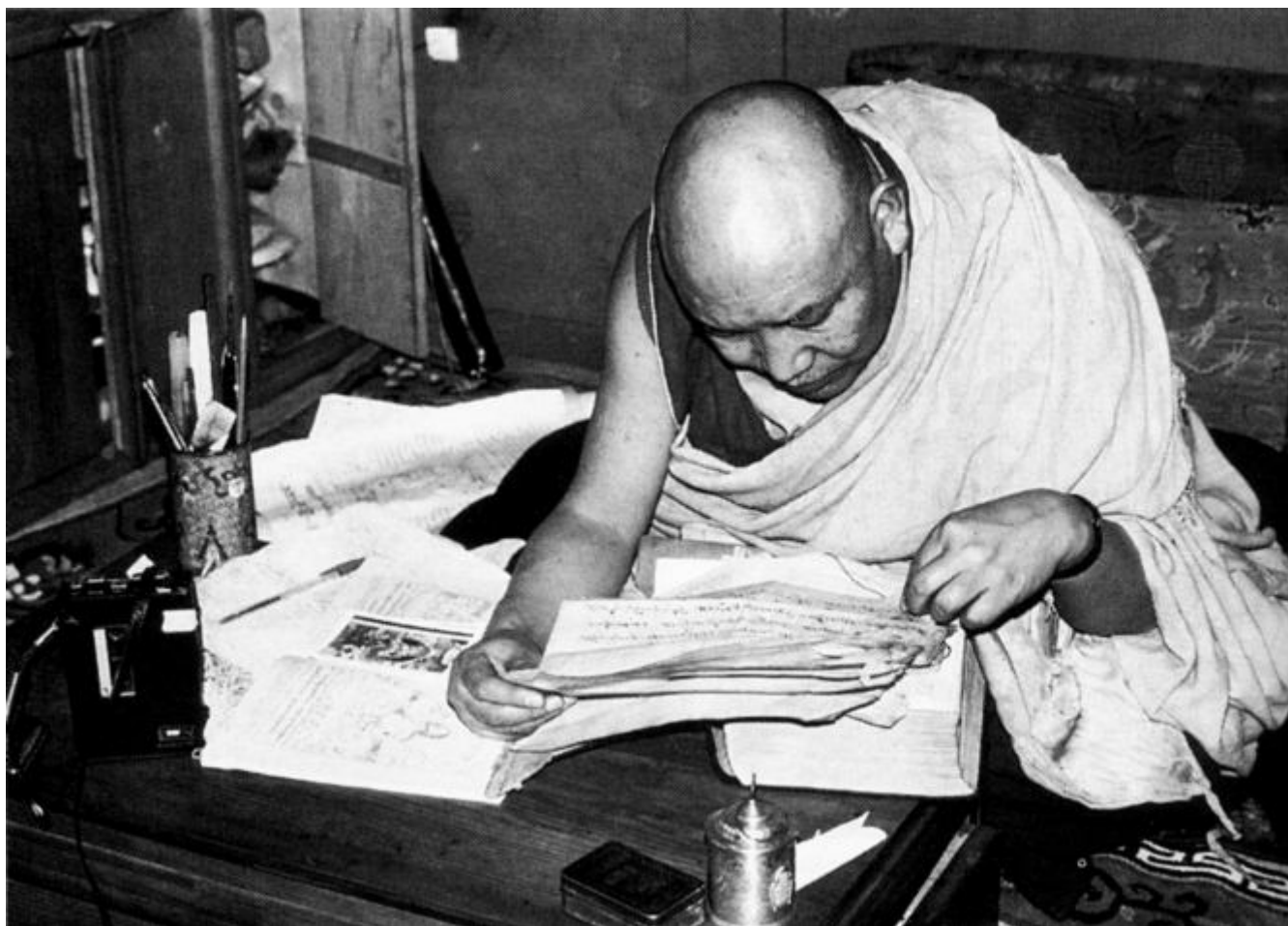
— Нет, я знаю этого человека и куда он ходил. Он никогда не был в настоящем Кхембалунге, а ходил лишь во внешнюю часть, которую мы знаем. Некоторые шерпы живут там и называют это место так, но настоящий Кхембалунг, скрытая долина, находится глубже внутрь. У вас должна быть правильная карма, чтобы отправиться туда. Тогда вы сможете последовать путеводителю.

Надеясь на случай, я спросил Тулши ринпоче, тибетского ламу, который жил неподалёку и раньше был настоятелем монастыря Ронгбук на тибетской стороне Эвереста, нет ли у него этого путеводителя в Кхембалунг. Он почесал свой бритый затылок и сказал:

— Нет, думаю, мы оставили его в Тибете, когда нам пришлось бежать оттуда.

Через несколько минут, когда мы с Тулши ринпоче перешли к другой теме, вошёл монах с горстью истрёпанных страниц. Во время нашего разговора Тулши ринпоче просматривал их, вдруг остановился на середине фразы и воскликнул:

— Вот он — путеводитель! Надо же, он был здесь все эти годы, а я об этом не знал.

Илл. 8. Тулши ринпоче читает свой путеводитель в Кхембалунг.

Книга была больше похожа на стопку бумажек, покрытых выцветшими каракулями (см. илл. 9). Её тридцать страниц или около того свисали со старой верёвки, скреплявшей сверху эту рукописную копию. Несколько страниц с конца отсутствовали, а последняя из сохранившихся была вся истрёпана в лохмотья, но их оказалось достаточно, чтобы собрать вдохновляющую фразу: "Если вы будете медитировать в этом месте, то достигнете нирваны в этой жизни..."¹

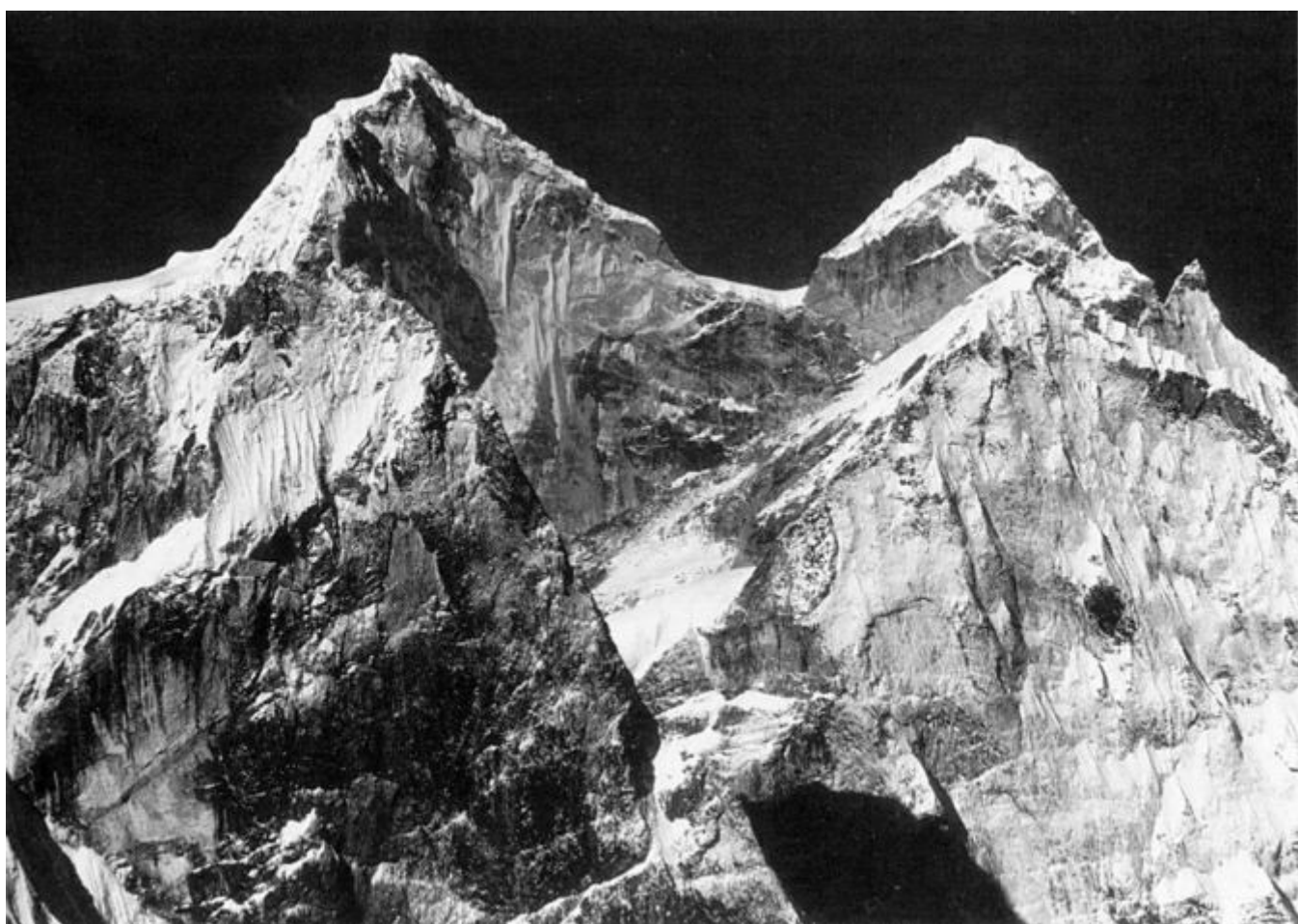

Илл. 9. Титульный лист путеводителя в Кхембалунг Тулши ринпоче. Он гласит: "Здесь содержится описание пути в скрытую страну Кхембалунг".

Я сделал копию этого путеводителя и увёз его в Катманду, где мой тибетский друг, Чопхел Намгьял, перевёл его вместе со мной. Мы обнаружили, что текст описывает четыре пути в скрытую долину: один из шерпской области Кхумбу, с запада, другой — из Тибета, с севера, и ещё два из Непала — с юга и востока. Конкретные указания, однако, озадачили нас: мы не могли представить многие ориентиры, и уж тем более, отождествить их с известными нам. Например, инструкции по западному маршруту из Кхумбу начинались со "снежной стены Кхумбу". Это было достаточно легко. Но дальше путешественнику рекомендовалось следовать в "долину, которая выглядит, как висящий овечий желудок". Как это можно представить, и где она может быть?

К счастью, лама тулку Тенгбоче, настоятель главного монастыря этой области, был тогда в Катманду. Он взглянул на высказывание и сказал: "О да, в этом желудке есть деревня шерпов". Мы подробно просмотрели весь путеводитель, и лама смог мне показать соответствие его загадочных описаний с местами, знакомыми ему в родном Кхумбу. Огромная выпуклость на краю долины под его

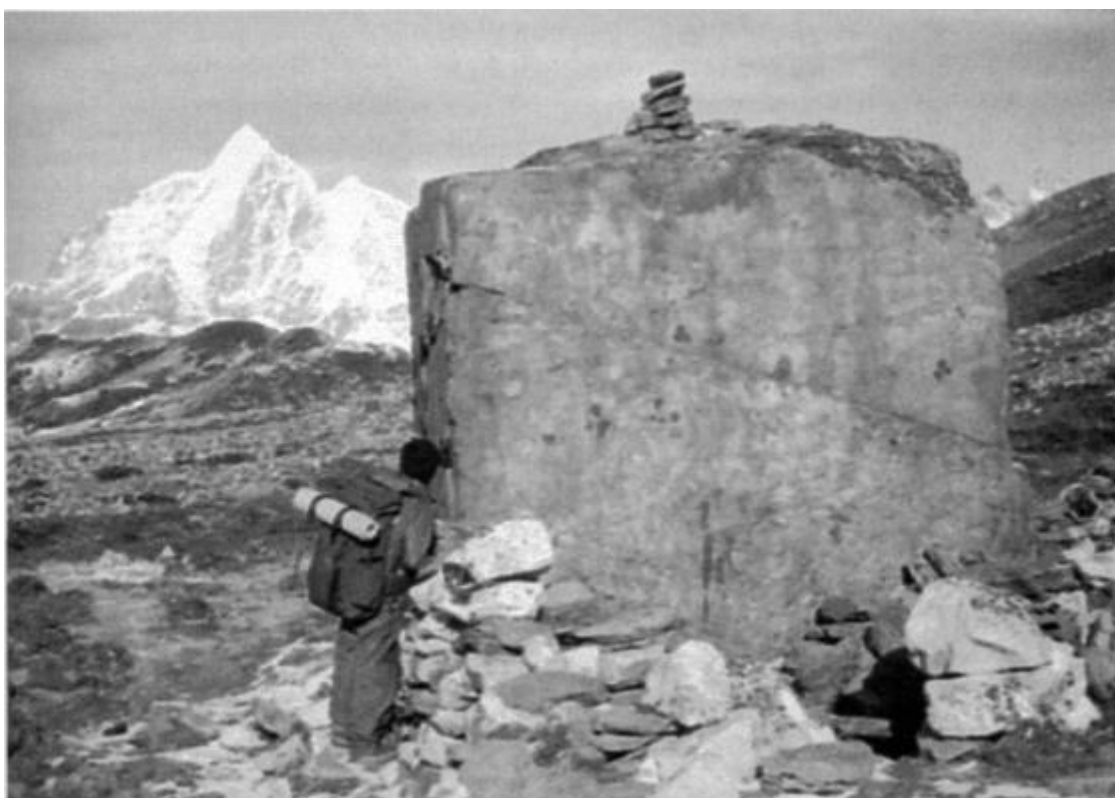
монастырём, давно образовавшаяся в результате наносов и нависшая над рекой, имела вид овечьего желудка, мешком висящего на крюке в лавке мясника. Упомянутая им деревня располагалась на слабо наклонной террасе, образованной этим наносом. Следующий ориентир, "свиная шея, покрытая прямой щетиной", оказалась поросшим соснами гребнем, ведущим к монастырю Тенгбоче. Далее маршрут проходил по территории самого монастыря, "треугольному участку", мимо очевидной "снежной горы в виде седла" (илл. 10), и к "кастрюле царицы пяти сестёр-богинь", и оказалось, что это необычное название означало гору Эверест. Затем маршрут поворачивал в высокогорную долину, в которой лама никогда не бывал, и дальше он уже не мог идентифицировать следующие ориентиры.

Илл. 10. Кангтега, заснеженная гора в виде седла на пути в Кхембалунг. Высота около 7300 м.

Заинтригованные возможной находкой, мы с женой решили отправиться в эту долину, чтобы посмотреть, сможем ли мы дальше последовать путеводителю. Путь вёл на ледниковую морену, лежащую между громадой Лхоце — восьмитысячником по соседству с Эверестом, и ледяной вершиной Ама-Даблам. Поднявшись, мы оказались на краю уходящей вдаль котловины;

повсюду вокруг нас блестели стены гор. Кацеринг, сопровождавший нас шерп, указал на удалённую точку на снежном поле в морозном тумане и сказал: "Это Такмару, красная скала". Он и другие шерпы говорили нам, что следующий ориентир путеводаителя, "красная гора", в действительности есть этот квадратный валун, который вероятно, и содержал в себе ключ к Кхембалунгу. Согласно местной легенде, трещина, проходящая по одной из его сторон, медленно расширяется, и однажды, когда борьба во внешнем мире наконец достигнет Кхумбу, камень расколется надвое и откроет ключ, позволив немногим счастливым шерпам бежать и скрыться в безопасности в тайной долине (см. илл. 11).

Илл. 11. Такмару, красная скала с ключом к Кхембалунгу. Полагают, что трещина, проходящая через камень, медленно раскрывается. Сзади — гора Тавече, около 7200 м.

За валуном горы с обеих сторон поворачивают и смыкаются, образуя хребет из камней и льда, преграждающий путь. Единственный осуществимый маршрут через него, перевал высотой 5800 м. под названием Ампу-Лабца, выглядел как вертикальная снежная гора, из которой выпирали нависающие утёсы. Путеводитель говорил: "Нужно пройти между ледником и красной горой. Эта долина — занавес входной двери в Кхембалунг". Что же скрывал этот занавес, распростёршийся перед нами? Или это была ещё одна стена, менее всего похожая на вход? Текст не сильно помогал: он давал спутанное

описание пути через снег, ведущего через что-то — возможно, Ампуху-Лабца, — к небольшой горе, с которой уже можно было видеть Кхембалунг. Поскольку была ещё ранняя весна и были слишком много снега, чтобы безопасно пройти перевал, я решил вернуться назад и попробовать другой маршрут.

Большинство лам и шерпов, которые что-то знали об этом, похоже, считали, что Кхембалунг скрывается по ту сторону Ампуху-Лабцы, среди необитаемых долин на краю Гималаев. Снежные вершины с севера и заросшие джунглями ущелья с юга делают этот регион труднодостижимым с любого направления. Мой шерпский друг Уркьен, однако, ходил в этот район с английской экспедицией в 1954 г. Он рассказал мне, что когда они поднимались по высокому гребню, в долине под ними они видели плоское пространство густого леса из рододендронов, и их проводник, лама из местной деревни, заметил, что настоящий центр Кхембалунга, тайная его часть, был там, внизу, вместе с невидимым дворцом царя. Согласно этому ламе, люди иногда видели дым, поднимающийся над деревьями, и слышали пение голосов. Иногда пастухи и охотники, ищущие дичь, отправлялись в эти джунгли, но так никогда и не возвращались. Уркьен добавил, что лама предупредил нас, чтобы мы не спускались туда. Он сказал, что не знает, что случилось с ушедшими туда людьми — умерли они, заблудились или решили остаться, но знает, что никто из этого места не возвращался.

— А вы пошли? — спросил я.

— Мы пытались, но не смогли спуститься. Заросли рододендронов были слишком густые.

После похода к подножию Ампуху-Лабцы вместе с друзьями я попробовал другую, более простую дорогу в область, лежащую за перевалом. Нашей целью была та долина, которую видел Уркьен. В двух днях пути от страны шерпов в последней обитаемой хижине мы встретили женщину, которая рассказала нам о святилище под нависающей скалой впереди по нашему маршруту. Она добавила, что если встать там и посмотреть через долину, то высоко на горе можно увидеть змею — это и есть направление на Кхембалунг. Когда мы достигли святилища, дикого и продуваемого места, где три образа Будды в пещере охранялись лишь высокими вершинами, я посмотрел туда, куда она указала, и увидел в тысячах футов сверху на гранитной стене, усеянной ледниками, полосу из другого камня, имевшую форму кобры, которая отвела голову назад и готова к нападению. Я взял направление по компасу и отметил его на карте — стрелка указывала

прямо в сторону долины, на которую нам указал Уркьен. Сопровождавшие нас шерпы зажгли ветки можжевельника в качестве приношения богам, и мы отправились дальше в сторону Кхембалунга.

Между нами и пунктом нашего назначения лежали ещё три перевала, причём один из них 5200 м. высотой. Когда мы проходили ледник на первом, самом высоком из них, один шерп из нашей группы внезапно скрылся из виду, оставив свой груз на снегу, где он только что шёл. Его товарищ закричал, мы подбежали и увидели, что он провалился сквозь обманчивую поверхность снега в скрытую расщелину. Мы отнесли груз от отверстия в снегу и заглянули вниз, но всё, что мы могли видеть — это две серые стены льда, уходившие в темноту. Лама ведь говорил мне: "В Кхембалунг трудно попасть из-за опасности погибнуть в пути". И вот, похоже, это случилось. Пока мы испуганно смотрели друг на друга, из глубины донёсся голос, который казался заглушённым и далёким. Он был жив! После короткого замешательства мы спустили ему верёвку и вытянули его наверх. Он задыхался и был весь в снегу, но каким-то чудом избежал серьёзных повреждений — результатом его почти двадцатиметрового падения был лишь синяк на щеке и исчезновение улыбки с его лица. Мы отправились дальше, благодарные судьбе — или богам.

По мере приближения к своей цели мы вступили в область, которая была плохо картографирована, поскольку немногие европейцы бывали там, если бывали вообще. Когда нам оставалось преодолеть только два перевала, наш путь завёл нас очень высоко — мы двигались по склону горного хребта. Мы ещё не дошли до перевала, а облака сомкнулись над нами, и мы не могли даже отличить снег под ногами от окружающего пространства — всё стало белым и неразличимым. Мы пытались идти по компасу и альтиметру, но наконец сдались и были вынуждены сделать привал на ночь. Я вспомнил о предупреждении ламы: "В путеводителе указания выглядят лёгкими, но когда вы попробуете последовать им, это окажется трудным: либо вам придётся отклониться с пути, либо попасть в туман." Однако, на следующее утро яркое голубое небо позволило нам найти путь через хребет.

Илл. 12. Заснеженные горы над Кхембалунгом. Вид с предпоследнего перевала на пути в эту скрытую долину. Горы поднимаются на высоту около 7250 м.

На следующий день мы достигли высшей точки последнего перевала и за дрожащими снежными полями увидели край зелёной долины, которая исчезала в таинственных глубинах, скрытых от нашего взгляда. Где-то там, внизу, должно было быть то место, о котором говорил мне Уркьен — просторы джунглей с невидимым дворцом в центре Кхембалунга. Прямо над долиной парил изящный ледяной пик, а вокруг в лучах раннего утреннего солнца блестели заснеженные горы. Линия утёсов в начале долины, очевидно, отрезала её от тех снежных полей, на которых мы стояли. Казалось, прохода нет.

Мы достигли края долины и стали вглядываться вниз. Там, далеко под нами, лежала долина, не похожая ни на одну из виденных мною в Гималаях. Через её дно, покрытое полянами и лесом и защищаемое вертикальными скальными стенами, протекала речка, берега которой были оконтурены белыми камнями. Две снежных вершины в дальнем конце нависали над ней в голубом тумане. Я никогда не ожидал найти место, столь совершенно соответствующее моей мечте о скрытой долине, и моё сердце возбуждённо забилося.

— Смотрите, там есть путь вниз!

В возбуждении мы устремились вниз по пологому снежному гребню, который, казалось, давал доступ в долину. Но ниже он переходил в поросшие как-то уцепившимися рододендронами крутые склоны, которые оканчивались на верхушках утёсов, виденных нами ещё сверху. Краткие поиски с обеих сторон не открыли никакого пути на дно долины, казавшейся столь мучительно близкой. Оставался один маленький шанс — попробовать слева, куда один из шерпов уже ходил, сообщив, что прохода там нет. Оставив свой груз, я поспешил через крутую снежную насыпь и перешёл полосу скользкой травы. Там, в последнем из возможных мест, к моему облегчению, обнаружился овраг, пересекавший ряд утёсов. В тумане мы спустились на дно долины и разбили лагерь на поляне возле тихой речки.

На следующее утро, отправившись на разведку, мы нашли "невидимый дворец" в красивом лесу из сосен и рододендронов, заполнявшем долину. Мы слышали чистые голоса перекликающихся птиц и видели золотистый туман, подобно дыму, поднимающийся с вершин деревьев. На деревьях вокруг нас сияли голубоватые капли воды, как алмазы на ожерельях из мха. Проходя через коридоры деревьев, мы выходили на залитые солнцем поляны, украшенные гобеленами глубоких коричневых теней и изумрудных листьев. В то время как мы углублялись в лес, сквозь проёмы в листве мы видели и чувствовали присутствие великолепного снежного пика, который как бы царил над долиной, подобно царю Кхембалунга.

Свежесть впечатлений вернула мои детские фантазии о первобытных джунглях, скрытых в воображаемых пространствах моего собственного двора. Этот лес был столь же далёким и таинственным, и в то же время казался столь близким и странно знакомым, как будто когда-то давно я уже здесь бывал. И хотя от помощи, которая могла нам понадобиться, если бы с нами что-то случилось, нас отделяли многие мили и горы, я чувствовал себя как дома, в полной безопасности. Когда мы вышли на прогалину, где из под основания замшелой скалы бил родник, я наклонился попить воды из ладоней и ощутил, как мир и красота этой долины вливаются в моё тело. Я чувствовал, что останется что-то, что я смогу унести с собой назад, в свою жизнь снаружи. Придя в это место, я коснулся скрытого источника внутри себя. Я пытался определить, была ли эта долина Кхембалунгом, о котором говорил путеводитель, но теперь это больше не имело значения. Что бы это ни было, я знал, что это та скрытая долина, которую я искал.

Когда мы готовились отправляться обратно, чуть не случилось то, о чём предупреждал проводник Уркьена. Ночью начал падать снег,

угрожая запереть нас в ловушку между лавинами на утёсах наверху и непроходимыми джунглями в ущельях внизу. У нас уже кончалась провизия, и если бы пришлось задержаться, мы могли бы и умереть с голоду. Лёжа в спальном мешке с трясущимися от страха поджилками, я вспоминал истории о пастухах и охотниках, которые отправлялись в Кхембалунг и никогда не возвращались назад. Разделим ли мы их судьбу? К нашему немалому облегчению, ещё до утра снегопад прекратился, и мы смогли выбраться сквозь облака.

Когда мы вернулись в Кхумбу, лама Тенгбоче попросил меня начертить карту нашего маршрута. Посмотрев её и выслушав моё описание долины, он сказал:

— Да, это должен быть Кхембалунг. Фактически, большинство долин, которые вы прошли по пути, вероятно, тоже являются его частью.

— Но они не выглядят так, как описывает Кхембалуег путеводитель.

Лама пожал плечами.

— Это не имеет значения. Книга была написана для йогов, которые видят вещи, которых вы бы никогда не увидели. Там, где вы видели снег, скалы и пустой лес, они могли увидеть нечто совершенно иное.

Согласно другому путеводителю в Кхембалунг, найденному мною позже, "Если время отправиться туда ещё не пришло, то всё — дома и всё прочее — будет покрыто травой и деревьями, и будет выглядеть, как леса и поляны. Это описание места не совпадёт с тем, что вы увидели, и возникнет непонимание. Глупцы впадут в сомнения, но мудрые тщательно исследуют страну согласно этой книге, и постепенно найдут и горы, и долины, и города."²

По мнению ламы Тенгбоче, наше путешествие привело нас лишь на поверхность Кхембалунга. Многие ламы верят, что у таких скрытых стран, как Кхембалунг (называемых по-тибетски *баюл*), есть много уровней, скрытых друг в друге. Большинство людей видит лишь внешний уровень. Если обычному человеку посчастливится достичь такого места, он найдёт лишь мирную долину с полянами и лесами, но не сможет оценить особенную природу этого места, и она не произведёт на него заметного эффекта. Этот внешний уровень может иметь даже жителей, которые не сознают, что живут в скрытой долине. Некоторые ламы считают, что всякий, достигший внешнего уровня, найдёт себе там необходимую еду и крышу над головой, но другие чувствуют, что всё необходимое можно найти только на более глубоких уровнях.

Тот, кто практиковал медитацию и достиг определённой степени осознанности, найдёт другой уровень, невидимый или недоступный для обычных людей. Эта внутренняя скрытая долина, как её называют, может располагаться в том же месте, что и внешняя, или глубже в горах. Она будет выглядеть, как и другие долины, с деревьями, полянами и ручьями, но человек с повышенной чувствительностью ощутит в атмосфере нечто — чувство большего простора или свободы, которое подействует на него мощно и глубоко. В дополнение к получению еды и крова без усилий, он также найдёт разные духовные сокровища — такие как священные образы и мистические тексты.

Совершенный йог может проникнуть ещё дальше — в тайную скрытую долину. Там он найдёт более глубокие книги и духовные влияния, которые позволят ему практиковать высшие этапы медитации и быстро достичь просветления. Чтобы видеть этот уровень, нужно приобрести особое видение или осознанность — те, которые, по словам некоторых лам, нужны, чтобы увидеть Шамбалу. На самом же глубоком уровне долина находится уже не снаружи, а и в сердце, и в уме йога — он уже не ощущает никакого различия между собой и окружающим миром. Сангье Тензин, учёный лама, живущий недалеко от Кхумбу, назвал этот глубочайший уровень "скрытой долиной таковости" — местом предельной реальности.

Простые тибетцы склонны считать такие долины не святилищами для медитации, а скорее раями, удалёнными от бед внешнего мира, где те, кто накопил заслуги, живут без печалей и забот. Они верят, что если бы им посчастливилось достичь такого рая, они нашли бы там приятную музыку, деликатесную еду и прочие чувственные удовольствия, которых они бы могли только желать. Некоторые думают, что подобно богам небес, жители скрытых долин получают все виды удовольствий, но когда приходит время умереть, они отправляются в ад. Ламы соглашаются, что жизнь в этих святых убежищах полна лёгкости и удовлетворения, но добавляют, что все эти удобства находятся там, чтобы избавить человека от отвлекающих факторов — так ему легче будет практиковать медитацию и двигаться по пути к просветлению. Как и в случае с Шамбалой, всякий, кто действительно достигнет скрытой долины и останется там, никогда уже не родится в низшем царстве существования, таком как ад.

Ламы и миряне в общем соглашаются, что скрытые долины дают блага здоровья и долголетия. Старый шерп в Кхембалунг сказал мне: "Если бы я попал в Кхембалунг, то стал бы снова молодым, как вы; а если бы вы туда пошли, то стали бы ребёнком". Один из

путеводителей в Кхембалунг даёт указания, как раскопать погребённый источник, а затем описывает достоинства его воды:

"Испив этой воды, все женщины становятся прекрасными, у них будут красивые дети и непрерывная линия потомков. В дополнение к тому, эта вода исцелит все их недуги. Если мужчины выпьют её, они станут сильны, как воины царя Гесара и быстры и ловки, как птицы."

Другой путеводитель упоминает пару источников к Кхембалунге, которые дают долгую жизнь и "делают женщин сексуально страстными".³

Считается, что в дополнение к целительным источникам молодости и мужества скрытые долины содержат сокровища, запечатанные в скалах и пещерах — в них входят запасы еды, книги тайной мудрости, ритуальные инструменты, наделённые магическими силами, большие количества золота, серебра и драгоценных камней. Один путеводитель в Кхембалунг даёт такое описание:

"Там есть голубая пещера, которая выглядит, как тигрица, у неё четыре угла и четыре стороны, всего восемь. Над ней есть три другие пещеры. В них — древние монеты, четыре бирюзовых камня, две чаши из черепов, полных золота, кожаный мешок с древними камнями "зи" и письменные инструкции, как находить восемнадцать видов скрытых сокровищ".⁴

Но истинное сокровище, скрытое в тайной долине — неосязаемое. Сангье Тензин сказал мне: "Руководства всегда говорят о золоте и серебре, которое, как полагают, содержат скрытые долины, и в некоторых из них они действительно есть. Но золото и серебро — это всего лишь камень в другом обличьи; что действительно ценно в таком месте — это благословение, которое оно даёт." Упомянутое им благословение — это нечто вроде духовной силы или излучения, оказывающего положительное воздействие на всякого, кто ему открыт. Он описал, как самый тончайший контакт со скрытой долиной — даже мысль о ней — может растворить ядовитые мысли и эмоции, являющиеся причиной страданий. По его мнению, когда это происходит, это отмечается "ясностью ума и тёплым, хорошим ощущением внутри".

Если знать, как пользоваться этой невидимой силой, можно сделать свою медитацию исключительно эффективной. По этой причине путеводитель в Кхембалунг говорит:

"Просто от пребывания в Кхембалунге естественным образом

увеличивается сострадание и добрая воля, приходит большее знание и мудрость. Гораздо лучше один год медитировать в таком месте, чем тысячу лет — в каком-нибудь другом, и месячное затворничество там лучше, чем годовое вне его."⁵

Духовное влияние места, нечто, присутствующее в самом воздухе или в земле, поможет очистить ум и пробудить сердце, а это главные требования для достижения просветления. Из этого мы, как и ламы, можем заключить, что величайшее сокровище, которое можно обрести в скрытой долине — это сама нирвана.

Фактически легенды о скрытых долинах относятся к тибетским преданиям о *терма*, или "скрытых сокровищах". Согласно старейшей школе тибетского буддизма, *ньингмапа*, или "древним", когда Падмасамбхава, основатель этой школы, около VIII в. принёс буддизм из Индии в Тибет, он спрятал множество сокровищ, чтобы в будущем их нашли его последователи (см. илл. 7). В их число входили разные книги и предметы вроде тех, что описаны в путеводителях в Кхембалунг, равно как и нематериальные учения, запечатлённые в умах некоторых учеников, чтобы они вспомнили их в следующих жизнях. Тексты, которые, как считается, были таким образом скрыты Падмасамбхавой (или Гуру Ринпоче, как его ещё называют), и открыты столетиями позже, образуют основу для многих религиозных верований и практик школы ньингмапа. Среди этих найденных текстов мы встречаем путеводители в Кхембалунг и тибетскую книгу, наиболее знаменитую на Западе — Бардо Тхёдол (в переводе известна как "Тибетская книга мёртвых"). Скрытые долины в дополнение к тому, что они служат хранилищами для таких терма, сами считаются скрытыми сокровищами.⁶

Илл. 7. Падмасамбхава — индийский йог, принесший буддизм в Тибет и скрывший долину Кхембалунг.

Согласно тибетцам, Падмасамбхава прятал свои тексты и прочие сокровища в скалах, потоках, деревьях, и даже на небе. В то же время он использовал свои сверхъестественные силы, чтобы скрыть несколько долин в Гималаях и других горных цепях, граничащих с Тибетом. Подчинив местных божеств и обратив их в буддизм, он поместил долины и сокровища под их защиту, чтобы их не могли найти не те люди. Согласно ламам, туман, снежные барсы и другие естественные препятствия, закрывающие доступ в Кхембалунг, на

самом деле — проявления этих божеств. Сангье Тензин объяснил, что долина и сокровища спрятаны способом, который за пределами понимания обычной науки и логики. Чтобы понять его, нужно практиковать медитацию и превзойти свои ограниченные представления о реальности. Замечание другого ламы, Кхемпо Цонду, иллюстрирует трудности при попытке составить представление о том, как именно скрываются сокровища и долины: "Сокровища, помещённые в скалы, не кладутся туда так, как мы кладём вещи во что-либо, но с помощью силы. Она скрывает их так, что мы не можем сказать, ни что они внутри скалы, ни что снаружи."

Шерпы рассказывают следующую историю о том, как Падмасамбхава спрятал долины Кхембалунга. Более тысячи лет назад Кхембалунг, когда ещё не был скрытым, управлялся злым царём с лицом собаки и головой козла — это было результатом того, что его мать переспала с этими двумя животными. Будучи в действительности демоном, он занимался людоедством и защищал антибуддийскую религию бон. Решив избавиться от этой угрозы буддизму и человечеству, Падмасамбхава притворился слугой и появился во дворце царя в Кхембалунге. Завоевав его доверие, он предложил всем отправиться на высокогорную поляну и совершить приношения местным богам. Когда все пришли туда, он убедил их подняться ещё выше, потому что оттуда открывается лучший вид. Когда они туда взобрались, он заставил облака спуститься, туман отрезал их от Кхембалунга, и они уже больше не смогли найти дорогу назад. Тогда он провёл эту заблудившуюся группу через горы в Кхумбу и далее к подножию Гималаев, где царь заболел и умер. Избавив Кхембалунг от своих злых обитателей, Падмасамбхава запечатал его границы и превратил его в скрытую страну, каковой он остаётся и до наших дней.

Согласно пророчествам, которые сделал сам Падмасамбхава, он отделил Кхембалунг и другие скрытые долины в качестве святилищ для тибетцев, чтобы они могли использовать их во времена войн и бедствий. Для каждой долины назначено своё время, когда она будет защищать людей от внешних неурядиц; например, очередь Кхембалунга наступит, когда "в центральный Тибет вторгнутся воины Хор". Хотя некоторые долины уже исполнили своё назначение, другие ждут будущего, когда войны уничтожат все следы религии и "дома будут делать из человеческих тел". В то время под личиной учителей появятся демоны, женщины станут убивать собственных детей, а жизнь станет короткой, как полёт падающих звёзд. И в периоды иностранного вторжения и внутренних междуусобиц тибетцы действительно спасались в дальних горных долинах, про которые

сказано, что они были скрыты для этой цели Падмасамбхавой.⁷

Но прежде чем люди смогут отправиться в скрытую долину, чтобы найти там убежище, должен появиться особый человек, которому суждено её открыть. То же верно и для открытия терма (скрытых сокровищ) — только предсказанные тертоны (открыватели сокровищ) могут их найти. Тексты, приписываемые Падмасамбхаве, содержат пророчества с именами тех, кто откроет конкретные сокровища и долины, и описаниями времён и признаков, которые будут сопровождать их появление. Пророчество о Падме Лингпа, ламе XV в., открывшем один из путеводителей в Кхембалунг, гласит:

"Когда над деревней Гокьипхагри будут поставлены крепости, когда в Тагру, что в Лато, будет продаваться яд, время придёт: сокровище, скрытое в Озере Горящего Огня больше не будет там оставаться и будет взято. Появится человек по имени Оргьен Падма Лингпа."⁸

А путеводитель, который он открыл, делает следующее предсказание об открытии Кхембалунга:

"Человек, имя которого Гомпо, придёт с востока, человек по имени Сонам придёт с севера, а человек по имени Падма придёт с запада."⁹

Чтобы помочь тем, кто по его пророчеству должен открыть эти долины, Падмасамбхава, как полагают, написал или продиктовал путеводители, и спрятал их как терма, которые будут найдены и использованы в будущем. В дополнение к очень подробному описанию маршрутов, путеводители также сообщают, кто должен сопровождать ведущего, и что нужно взять с собой. Согласно путеводителю Падмы Лингпы, в группу должны входить: потомок злого царя, семь юношей и семь девушек, врач, астролог, йоги, монахи и даже бонский жрец. Эти люди нужны, чтобы совершить ритуалы, необходимые чтобы умилостивить и подчинить разных божеств, охраняющих подступы к Кхембалунгу. Кроме предметов, которые будут предложены им при этих ритуалах, нужно запастись провизией и инструментами, которые по прибытии понадобятся для поселения и ведения сельского хозяйства.

Ламы предупреждают против преждевременных попыток проложить путь в скрытую долину в отсутствие соответствующего человека. Олеше, отшельник, которого отвадил от Кхембалунга ужасающий снежный человек, сравнил это с посадкой картошки и выкапыванием её, когда она ещё не выросла. "Если вы отправитесь слишком рано, из этого последуют только трудности и страдания", — сказал он. В особенности это предупреждение относится к тем, у кого нет такой

кармы, которая позволила бы отправиться в скрытую долину. В 1975 г. лама Тулшок Лингпа убедил несколько человек бросить всё и отправиться с ним в святилище в Сиккиме. Хотя у него был путеводитель, найденный тертоном, он не был тем человеком, о котором было предсказано, что он откроет скрытую долину. По дороге туда он упал со скалы и погиб. Люди, которых он уговорил пойти вместе с ним, возвращаясь, испытали большие трудности, и некоторые из них тоже умерли в пути. Дуджом Кхачопа ринпоче, сиккимский лама, рассказавший мне эту историю, добавил: "это было наказание охраняющих божеств".

Даже у тех, кто упомянут в пророчествах как открыватель скрытых долин, могут быть проблемы. Согласно Олеше, Падмасамбхава оставил предсказание, что в Кхембалунг сможет отправиться тибетский лама Ретинг ринпоче вместе со своим богатым покровителем Ургьеном Тинле. Несколько лет назад, вооружённые путеводителем, они отправились в эту скрытую долину, скрупулёзно следуя всем указаниям и строя мосты вдоль пути, что было дорогостоящим предприятием. На полпути, обнаружив, что они что-то забыли, они вернулись в деревню Картэ, где Ургьен Тинле ссудил местным жителям деньги под сложные проценты. Когда жители, бывшие ранее незнакомы с таким интересным исчислением процента, поняли, что не смогут вернуть ему огромную сумму, которую оказались должны, они забили его до смерти. Лишённый источника финансовой поддержки, Ретинг ринпоче был вынужден оставить свои попытки открыть путь в Кхембалунг.

Когда скрытую долину удаётся открыть именно тому человеку, она становится видима другим, и те, у кого хорошая карма, могут туда отправиться. Прослужив назначенное ей время в качестве убежища, она теряет свои особые качества и превращается в обычное место, доступное для всех желающих. Согласно тибетцам, княжество Сикким, расположенное в Гималаях между Непалом и Бутаном, некогда было такой скрытой страной, и называлось Баюл Демоджонг, или "Скрытая долина риса". Тогда там жило немногочисленное коренное население, но в основном этот район был пуст и недоступен из Тибета. Примерно в начале XV в. Ригдзин Годэм, тибетский лама, открывший множество спрятанных сокровищ, смог найти проход через заснеженные горы в тёплые и укрытые от ветров долины Сиккима. Хотя он так и не вернулся в Тибет, он написал послание о том, куда он ушёл, и отправил его в свой монастырь, привязав к шее орла. Примерно через двести лет другой лама, Намкха Джигме, завершил открытие Сиккима. Следуя указаниям Ригдзина Годэма, или

возможно, путешественника, он провёл туда через горы большое количество тибетцев, и они поселились в Сиккиме. Одного из членов своего отряда он назначил первым чогьялом, или правителем нового княжества. Династия, основанная им в XVII в., не прерывалась до последнего чогьяла, Палдэна Тхондуп Намгьяла, который в 1963 г. женился на американке по имени Хоуп Кук и потерял свой трон в 1974 г. Большая ступа, возведённая в стороне от столицы Сиккима, Гангтока, содержит череп Ригдзина Годэма, первого человека, открывшего скрытую страну Сикким.¹⁰

Согласно Кхемпо Цонгду, внешние и внутренние долины Сиккима открыты, но тайная часть остаётся закрытой. Гангток, как считается, лежит во внешней зоне, тогда как внутренняя включает в себя город Кашидинг и известный индийский курорт и чайный центр Дарджилинг. Сама тайная долина, как говорят, скрывается в "карманах" под снегами Канчеджанги, третьей по высоте горе в мире, и одной из самых красивых. Сегодня Гангток и другие части княжества наполнены индийскими солдатами, готовыми отразить возможное нападение китайцев из Тибета. Как заметил один живущий там лама, "Больше не чувствуется, что Сикким — святилище".

Далее на восток, где вытекающая из Тибета река Цангпо делает большой изгиб, и превращаясь в Брахмапутру, погружается в джунгли Ассама, лежит Пемако, являющаяся наряду с Сиккимом одной из двух скрытых стран, лучше всего известных тибетцам. Примерно в начале XX в. лама Сангье Тхомэ отправился с путешественником на её поиски. В сопровождении монахов своего монастыря он путешествовал пять лет, пробираясь через ледяные горы и заросли ползучих растений и бамбука. Претерпев неисчислимы трудности, они наконец вышли в долину, непохожую ни на одну из виденных ими ранее — это было красивое убежище, покрытое зеленью и цветами всех видов. Они расположились там и построили монастырь, а несколькими годами позже к ним присоединилось около тысячи семей, бежавших от войны между Китаем и Тибетом. Многие другие, пытавшиеся достичь тогда Пемако, умерли по дороге от укусов змей и лихорадки.¹¹

Согласно Дуджому ринпоче, который родился в этой области, внешние и внутренние долины Пемако, как и Сиккима, уже открыты. Когда он ещё жил там, местные жители подозревали, где должна находиться тайная долина, но так и не смогли её достичь. Один охотник заявил, что нашёл её и поставил там белую колонну, чтобы отметить место, но больше никто её не видел. Согласно Кунга Хочоцангу, его дядя безуспешно потратил целый год на поиски тайной долины, в которой,

как он верил, текли молочные реки, а на деревьях висела приготовленная еда. Когда в пятидесятых годах тибетцы бежали от китайцев, захвативших Тибет, ещё один лама попытался провести группу беженцев в безопасное укрытие этой долины, но землетрясение изменило русло Брахмапутры, сделав следование указаниям путевода невозможным и заставив их бежать вместо этого в Индию.

Считается, что по непальским Гималаям рассеяно множество других скрытых долин. Самая известная и важная из них — Кхембалунг, "Долина благовонных растений", которую мы уже подробно рассмотрели. Среди других скрытых долин, представляющих важность, можно назвать одну возле Хеламбу, шерпской области к северу от Катманду, и другую — скрытую в снегах вершин, находящихся за Дхаулагири, одной из самых высоких гор в мире. Небольшая скрытая долина, по всей видимости уже открытая, лежит между горами Ганеш Химал и Манаслу в центральном Непале. Известная как Къимолунг, "Долина Счастья", она содержит трёхъярусную пагоду, выстроенную на поросшем соснами мысе, охваченном по бокам ледниками и окружённом вершинами из извилистых скал и льда. Западная экспедиция, посетившая это место в 1973 г., обнаружила там старика, живущего со своей сестрой, который был хранителем уединённого храма со священными книгами и изображениями. В дополнение к этим, как говорят, непальские Гималаи содержат сотни других святилищ, столь глубоко скрытых, что даже упоминаний о них не встречается ни в книгах, ни в легендах.¹²

Тибетцы считают, что скрытые долины есть не только в Гималаях, но и в других горных цепях, граничащих с Тибетом. Около 1956 г. старый лама, ездивший верхом на козле, собрал более ста последователей и отправился с ними в Чанг Демоджонг, удалённую долину, скрытую где-то возле гор Куньлуня, находящихся к северу от тибетского плато. После того, как тибетские правительственные чиновники приказали им вернуться домой, лама потерял большинство своих последователей и выступил с небольшой группой из пяти оставшихся. Когда они продвигались через голое и продуваемое плато, козёл умер, и спутники стали уходить от ламы, пока не остался только один. Когда вдвоём они наконец достигли горячих источников, которые считались уже близки к скрытой долине, последний сопровождающий решил повернуть назад, и лама отправился к своей цели один. Больше о нём ничего не слышали. Гьялсэ ринпоче, рассказавший мне эту историю, видел, как большая партия покидала его деревню, и добавил, что его отец однажды преследовал разбойников, в течение целого месяца

продвигаясь на север, и с большого расстояния видел горы Чанг Демоджонг.

В разное время, особенно во времена неурядиц, ложные открыватели путеводителей убеждали множество легковерных взять все свои пожитки и последовать за ними в безопасные легендарные скрытые долины. Хотя этим экспедициям обычно не удавалось найти те самые святилища, которые они искали, им удалось заселить множество гималайских областей, граничащих с Тибетом. Шерпы, непальский народ, имеющий тибетские корни и культуру, вероятно, именно таким образом мигрировали в Солу Кхумбу — место, которое было раньше скрытой долиной. Сангье Тризин, учёный лама и историк шерпского народа, однако, указал, что труды Падмасамбхавы не упоминают страну шерпов в качестве такого святилища. "С точки зрения простых людей Солу Кхумбу было скрытой долиной, — сказал он, — но строго говоря, это не так. Нет никаких указаний, чтобы Падмасамбхава когда-либо скрывал её или прятал там какие-то сокровища".

Пока что мы рассматривали отчёты о тех, кто пытался, успешно или безуспешно, достичь скрытых долин, но тибетцы также рассказывают истории о людях, натывавшихся на эти святилища безо всякой мысли об их поисках. В типичной истории такого рода охотник из Долпо, отдалённого района западного Непала, блуждал в каменистой долине за горой Дхаулагири, когда услышал звук пения лам и их барабанов. Следуя за музыкой, он подошёл к проходу в скале, а пройдя через него, увидел красивую долину с рисовыми полями, деревьями и монастырём. Люди жили там в мире и счастье. Они тепло приветствовали его и убеждали остаться, но он хотел вернуться домой за своей семьёй. Хотя они предупредили его, что он больше не найдёт дорогу, он настоял на том, что должен уйти и повесил на скале возле входа свои ботинки и ружьё, чтобы отметить это место. В уверенности, что он без труда снова найдёт это место, он отправился за женой и детьми. Но вернувшись с ними, он обнаружил свои ботинки и ружьё висящими посреди сплошной стены камня.¹³

В другой истории того же рода охотник в Тибете выследил оленя, преследовал его, но не смог поймать. Олень завёл его на удалённую заснеженную гору, где скрылся в расщелине. Хотя проём в скале был достаточно большой, охотник оставил лук и стрелы у входа и пошёл безоружным. На той стороне он нашёл место прекрасное и радостное — вместо воды в реках там текло молоко, а вместо камней была деликатесная еда. Подумав о том, как счастливы были бы там его жена и дети, он отметил расщелину и пошёл за ними домой. Но когда он вернулся с семьёй, отметка исчезла, и он не смог снова найти это

Шерпы рассказывают подобные истории и о Кхембалунге. Один шерп, участвовавший в экспедиции альпинистов к востоку от Эвереста, взобрался один на гребень, откуда ему открылся вид на красивую долину с деревнями и полями — "новую страну". Он бросился назад к другим шерпам рассказать об этом, но они посмеялись над ним, и сказали, что такого места среди голых скал и льда быть не может. Тем не менее, он настаивал и наконец затащил их на вершину этого гребня. Однако, когда они взобрались туда, оттуда не было видно ничего, кроме пыльных морен и пустых ледников.

Интересный вариант этой истории рассказывают в Сиккиме. Один пастух пас стадо яков у подножия Канчеджанги, и один из яков отбился от стада и исчез. Пойдя по его следам, он дошёл до кучи навоза у входа в большой проём в горе. Поняв, что як, должно быть, ушёл туда, он прошёл через проход и оказался в красивой долине с деревней, где жили семь счастливых семей. Когда он спросил их, не видели ли они яка, они ответили, что видели, и поскольку пастуху посчастливилось попасть туда, он должен остаться. Он ответил, что должен вернуться, иначе его семья начнёт беспокоиться о нём.

Будучи не в состоянии уговорить его остаться, жители деревни дали ему семь зёрен магического риса, чтобы он взял их с собой. Они заделали их в его пояс, чтобы они не потерялись, и сказали ему готовить лишь одно за раз — сколько бы людей ни были приглашены на обед, он сможет накормить всех, только если не откроет горшок до того, как рис будет готов. Они также предупредили его, чтобы он не говорил никому об этом рисе и где он его взял.

Придя домой, пастух сразу же пригласил друзей на праздничное угощение, приготовленное им из одного из зёрен. Рис наполнил горшок и его было более чем достаточно для целой компании. Обрадовавшись и пожелав удивить соседей, он пригласил ещё больше народу, и в этот раз положил в горшок два зерна, рассчитывая получить ещё больше еды. Гордясь своим везением, он похвалился гостям волшебным рисом и тем, что он открыл скрытую долину. Но когда он открыл горшок, чтобы показать его им, там оказалось лишь два обычных рисовых зёрнышка, и больше ничего.¹⁵

Как можно видеть, у всех этих историй одна основная тема — некий везучий человек, занимаясь каким-нибудь делом, натывается на скрытую долину, но не может оценить свою удачу. Несмотря на предупреждения и другие указания о том, что снова найти её будет

трудно, он настаивает на том, чтобы вернуться, рассказать о святилище другим и привести их туда. Хотя он думает, что легко найдёт путь, к своему отчаянию он обнаруживает, что не может этого сделать — вход и само место исчезли, как будто их и не было. В случае с последней историей вполне можно вполне предположить, что пастух, рассказав о рисе и месте, где он его взял, тоже так и не смог снова найти эту скрытую долину.

Илл. 13. Река Персикового источника. Внизу картины рыбак из китайской поэмы входит в скрытую страну Персикового источника.

Одна знаменитая китайская поэма танской династии особенно красиво выражает ту же тему. В VIII в. Ван Вэй сочинил "Песню о

персиковом источнике", но саму историю он взял у Тао Юаньмина, писателя начала V в. (см. илл. 13). Эта история рассказывает о долине, скрытой где-то в облачных горах Китая, и гласит следующее:

"При династии Цзинь, в эпоху с девизом "Великих начал",* один человек из Улина, занятый рыбной ловлей, как-то плыл в лодке по протоку, забыв, как далеко завел его путь. И вдруг перед ним — роща из персиков; сжала два берега на пространстве в несколько сотен шагов; других же деревьев среди персиков здесь не росло, лишь душистые травы сверкали свежо и прелестно, да цвет опадал с них, что хлопья рваной канвы. Рыбак удивился, и очень, подалее пошел, желая дойти до конца этой рощи. Роща закончилась, речка источником стала. И тут же нашел он гору. В горе этой было отверстие малое: в нем брезжил как будто какой-то свет. Он лодку оставил, пошел по отверстию внутрь. Сначала там было узко ужасно: пробраться мог лишь один человек. Дальше прошел он шагов с десятков — другой, — и вдруг блеснул перед ним просвет и раскрылся простор. Местность была равнина широкая, на ней отличные жилые строения. Там были поля превосходной земли, прекрасные были пруды, и тут, и бамбук, и прочее всё. Межи и пути шли рядом, друг возле друга и друг через друга. Собака залает, петух закричит — друг друга услышат... У людей там походка, манеры и жесты, одежда у женщин, мужчин — всё как будто бы у иноземцев. Пряди изжелта-серые и детские чёлки-узлы** — все были довольны и радостны. Увидев рыбака, премного изумились, спросили его, откуда пришел он. Он отвечал им подробно. Они же пригласили его войти в дом, поставили вина и кур зарезали, устроили обед. В деревне услышали, что есть такой вот человек, и все как есть пришли наведаться, спросить. А о себе так говорили, что они давным-давно бежали от смуты циньских*** времен, забрали детей и жен и всяких людей из местечка, и вот прибрели сюда, в это чудное место, откуда уж больше как есть никуда не выходят, и так с внешним миром они разобщились совсем. Спросили: "Теперь что за век, поколение у вас?" Оказалось, что вовсе не знают, что были такие Хани, тем паче и Вэй и Цзини.**** Тогда этот им человек одно за другим в подробности всё изложил, и то, что им слушать пришлось, вызывало всё время и вздохи и скорбь. Пришли и другие, прочие все, и каждый его опять к себе зазывал, у себя ж доставал и вино, и еду... Он остался на несколько дней и тогда лишь простился со всеми, ушел... А люди ему так говорили: "Не стоит говорить об этом всем с людьми, посторонними нам". Рыбак ушел, нашел свою ладью и стал по пройденной дороге на каждом месте ставить знак. Явился у себя в присутственное место и к губернатору пришел. Всё рассказал: так, мол, и так. А губернатор тотчас же послал

своих людей сопровождать его туда. Он стал искать везде свои обозначенья, запутался совсем, дороги больше не нашел. Наньянский Лю Цзы-цзи, ученый высокопринципиальный, узнав об этом всём, пришел в восторг и сам направился туда. Не вышло ничего. Он заболел, скончался... А потом уж не было совсем людей, "пытающих — как сказано, — где брод".*****

* 376—396 г. — прим. пер.

** Т.е. и старики, и дети — прим. пер.

*** III в. до н. э. — прим. пер.

**** Династии, правившие между III в. до н. э. и V в. н. э. — прим. пер.

***** Цитируется в переводе В. Алексеева.

Несколько более оптимистично представлена эта же тема в западном романе "Потерянный горизонт". Главного героя, Хью Конвэя, похищают, и он оказывается в Шангри-ла, хотя он туда не собирался и даже не догадывался о существовании этого места. Высокий лама открывает ему назначение скрытой долины и её магическое свойство давать долгую жизнь, но когда Конвэй рассказывает своему более молодому товарищу, Чарлзу Моллисону, тот смеётся, убеждает, что это просто плоды воображения и они должны уходить. Они уходят, но в ужасном путешествии обратно в Китай выживает только Конвэй, потеряв в пути память. Когда память внезапно возвращается к нему, он понимает, что он потерял, и исчезает, пытаясь снова найти Шангри-ла.

Когда одна и та же тема так вот вновь появляется в разных мифах и культурах, мы можем быть уверены, что за очевидной поверхностной притягательностью скрывается какой-то более глубокий смысл. Большинство из нас, в той или иной форме, испытывают какую-то тоску по счастью, которое можно найти в этих историях о скрытых долинах. Сюжет всех этих историй, похоже, отражает дилемму, с которой мы сталкиваемся в поисках этого счастья: где бы мы его ни искали, мы никак не можем найти его — оно приходит к нам спонтанно, в неожиданные моменты. Подобно персонажам историй, мы должны наткнуться на него будто случайно. И когда это происходит, на краткое время мы вступаем в другой мир, святилище мира и счастья за пределами нашего обычного тревожного состояния существования. Но когда, подобно пастуху или охотнику, мы думаем, что знаем, где найти его, и направляемся по старым, знакомым путям, чтобы рассказать о нём другим, возвращаясь в место или ситуацию, где мы пережили его, мы обнаруживаем, что его там больше нет — оно

исчезло, подобно скрытой долине, за стеной скал. Где же в действительности это счастье, и как его найти снова? В этом отношении представляется многозначительным, что для тибетцев Шамбала значит "Источник счастья" — это наводит на мысль, что в этом значении может срываться решение дилеммы, которую ставят рассказы о скрытых долинах.

У легенд о Шамбале и скрытых долинах есть несколько интересных общих черт, в которых можно найти много смысла. Хотя царство принадлежит к другой традиции, имеющей мало отношения к Падмасамбхаве, некоторые ламы считают его скрытой долиной — фактически, самой большой и отдалённой из всех. Подобно этим долинам, Шамбала содержит разные виды сокровищ, — от обычных материальных ценностей до книг мудрости и идеальных условий для достижения просветления. То, как два кольца гор делят Шамбалу на внутреннюю и внешнюю области, навеивает сравнение с разными уровнями скрытой долины. В дополнение к тому, общим для этих мифов является пророчество о плохих временах, когда варвары сделают религиозную практику во внешнем мире невозможной. Когда, незадолго до наступления золотого века, это случится, многие убегут в скрытые долины ожидать прихода Владыки Шамбалы.

Путеводители в Шамбалу и скрытые долины описывают сходные типы путешествий. Инструкции по медитациям и ритуалам, которые нужно совершать в пути, наводят на мысль, что эти путешествия имеют как физическое, так и духовное измерения. Путеводители в Шамбалу, однако, описывают гораздо больше сверхъестественных препятствий и мистических практик, а потому имеют более аллегорическую природу. В дополнение к этому они содержат инструкции для одиноких путешественников, тогда как путеводители в скрытые долины дают указания для больших групп искателей. Хотя оба типа легенд включают многочисленные истории о путешествиях в эти святилища, вряд ли найдутся какие-либо истории о людях, случайно наткнувшихся на Шамбалу. Главным образом лишь те, кто решил искать скрытое царство и знает, что оно собой представляет, могут его найти. Это наводит на мысль, что достижение Шамбалы представляет более высокую стадию духовного продвижения и более верное достижение того счастья, которое находят и в скрытых долинах.

Наше исследование легенд о скрытых долинах выделило некоторые черты, которые нам стоит более глубоко исследовать и в легенде о Шамбале. Взгляд на различные связанные с этим мифы даст их ещё больше. Пока же, однако, наш поиск смысла Шамбалы будет направлять замечание одного ламы о природе скрытых долин:

"Большинство людей в поисках скрытых долин обращаются наружу, но настоящая и истинная скрытая долина — в вашем собственном уме".

4. ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ МИФ

По всему миру, от Тибета до Америки, встречаются напоминающие о Шамбале мифы — от туманных легенд о скрытых долинах до общеизвестных пророчеств о конце света. Некоторые из них прямо упоминают Шамбалу или говорят о подобных местах, скрытых в том же регионе; другие же не связаны с Шамбалой непосредственно, но несут то же послание — о царе-спасителе, мистическом путешествии или земном рае. В этой главе мы рассмотрим, в каком именно отношении к Шамбале они находятся, и как каждый из них может прояснить для нас понимание тибетского мифа. В ходе исследования этих отношений выявятся самые распространённые и универсальные темы, которые покажут, на чём нам нужно будет сосредоточить своё внимание, когда мы обратимся к раскрытию более глубокого смысла самого этого скрытого царства.

неё есть несколько названий, и в Индии она известна как Шамбала. Подобно буддийскому царству, Олмолунгринг хранит высшие из мистических учений и населён людьми, продвинувшимися на пути просветления. Он тоже лежит к северу от Тибета за великой стеной снежных гор, однако, имеет форму не круга, а квадрата. Внутри, как и в Шамбале, страну разделяют реки и другие естественные препятствия, и центральная область окружена множеством меньших царств с красивыми городами и парками. Вокруг внутреннего святилища размещаются восемь прямоугольных княжеств, расположенных подобно восьми лепестковым областям вокруг центральной части Шамбалы. В самом центре вместо дворца мы находим гору с тронном царя Олмолунгрина на вершине. Девять уровней священной горы, усеянных пещерами для медитирующих отшельников, представляют девять бонских путей к просветлению. Это позволяет думать, что дворец царя Шамбалы может иметь подобное же символическое значение и иметь какое-то отношение к учениям, хранящимся в этом буддийском царстве.

Как калачакра считается пришедшей из Шамбалы, так считается, что и учение бон пришло из Олмолунгрина. Согласно бонпо, последователям бон, их религию принёс в Тибет Шенраб, царь Олмолунгрина. Некоторое время спустя, подобно индийским учёным йогам, ходившим в Шамбалу, некоторые тибетские йоги совершили путешествие на родину бон за дополнительными учениями, чтобы принести их в Тибет. Один из них оставил указания, согласно которым Олмолунгринг лежит к западу от горы Кайлас, на расстоянии в два раза большем, чем между этой горой и Шигадзе, крупным городом в центральном Тибете. С тех пор, однако никто не смог последовать этим общим указаниям и совершить трудное путешествие в Олмолунгринг. Согласно бонскому ламе Тензину Намдаку, настоящих путеводителей в эту мистическую страну нет, но многие бонпо молятся о перевоплощении там, подобно тому как буддисты стремятся к рождению в Шамбале.

Согласно пророчеству, примерно через 12000 лет, когда религия во всём внешнем мире вымрет, великий царь и учитель бон снова придёт из Олмолунгрина. Однако, в отличие от будущего царя Шамбалы, он не поведёт последний бой с силами зла, и не установит золотого века. Он просто принесёт человечеству новую форму древних духовных учений, в которые он вдохнёт новую жизнь. Бонский миф придаёт сравнительно мало значения путешествиям и пророчеству, которые играют столь большую роль в мифе буддийском. В целом он разделяет с мифом о Шамбале идею о земном рае, который является

хранилищем и источником высшей мудрости и просветления.¹

Другой важный тибетский миф, упоминающий Шамбалу, направляет внимание к пророчеству о спасителе, который освободит мир от сил зла. Эпос о Гэсаре рассказывает историю героя, который возвращает принадлежащее ему по праву царство, выиграв в конном состязании, и отправляется уничтожить демонов в Тибете и победить варваров в таких удалённых странах, как Монголия и Персия. За столетия народные сказители и ламы добавили к первоначальному эпосу новые эпизоды и превратили его в средство распространения буддийских доктрин. Последователи школы ньингмапа ("древние") фактически сделали Гэсара воплощением своего основателя, Падмасамбхавы, вернувшегося разогнать демонов, которых много развелось в его отсутствие. В процессе превращения в защитника и распространителя буддизма, Гэсар стал отождествляться с будущим владыкой Шамбалы. Многие тибетцы стали верить, что он со своими воинами родится в скрытом царстве и снова придёт с севера, чтобы в этот раз освободить от демонических сил не только Тибет, но и весь мир. С обоими этими мифами стали связывать некоторых важных лам, и Третий Панчен-лама, автор самого известного путеводителя в Шамбалу и кандидат на место будущего Владыки, проявлял глубокий интерес к эпосу о Гэсаре.

Конь Гэсара, который скачет, чтобы вернуть царство и победить врагов, даёт ещё одно важное связующее звено между двумя мифами. Яснее всего оно заметно в видении одного ламы XIX в., в котором этот конь доставляет его в Шамбалу. Согласно некоторым версиям эпоса, конь Гэсара обладает сверхъестественной способностью летать и в действительности является воплощением известного бодхисаттвы. Таким он предстаёт в видении другого ламы о коне будущего владыки Шамбалы, которое мы рассмотрим в одной из следующих глав. Многие тибетские картины изображают владыку на этом коне в последней битве против сил зла (см. илл. 4). Мы можем узнать тут чрезвычайно популярный фольклорный мотив — всадника на белом (или особенном) коне, пришедшего спасти день.²

Миф, наиболее тесно связанный с Шамбалой, однако, происходит не из Тибета, а из Индии. Он предсказывает пришествие Калки, избавителя мира. Согласно индусским представлениям, мир проходит через повторяющиеся циклы упадка добродетели: каждый цикл начинается с золотого века совершенства и кончается тёмным веком разлада — таким, в каком мы живём сейчас. Время от времени, когда становится совсем плохо, Вишну, высший бог в индуизме, принимает божественные воплощения, в которых он борется с растущими силами зла и на время приостанавливает упадок нравственности и религии. В

общем индусы верят, что в цикле должно быть десять таких воплощений, включая Раму и Кришну, божественных героев двух великих эпосов Индии, Рамаяны и Махабхараты. Девять уже исполнили свою миссию на земле, и только один ещё должен прийти — Калки аватара. В отличие от своих предшественников, он положит конец этому циклу и начнёт золотой век следующего. Пураны, древние источники индийской мифологии, описывают в словах, звучащих почти современно, упадок, в каком будет находиться мир перед его приходом:

"Благосостояние и благочестие будут изо дня в день снижаться, пока мир не разложится совсем. Тогда лишь собственность будет давать общественный статус, богатство станет единственным предметом поклонения, страсть будет единственными узами, скрепляющими союз между полами, ложь станет единственным способом добиться успеха в суде, а женщины станут лишь предметом чувственного удовлетворения. Каждый будет почитаться лишь за его материальные сокровища..."³

Когда положение станет уже нестерпимым, Вишну, наконец ответит на мольбы богов и примет рождение как Калки в селении, именуемом Шамбала. Решив положить конец веку разлада, он соберёт великую армию и на огромном коне с мечом, сияющим в руке, отправится уничтожить тех же варваров, которые тиранят мир и в тибетском пророчестве. После победы над силами зла

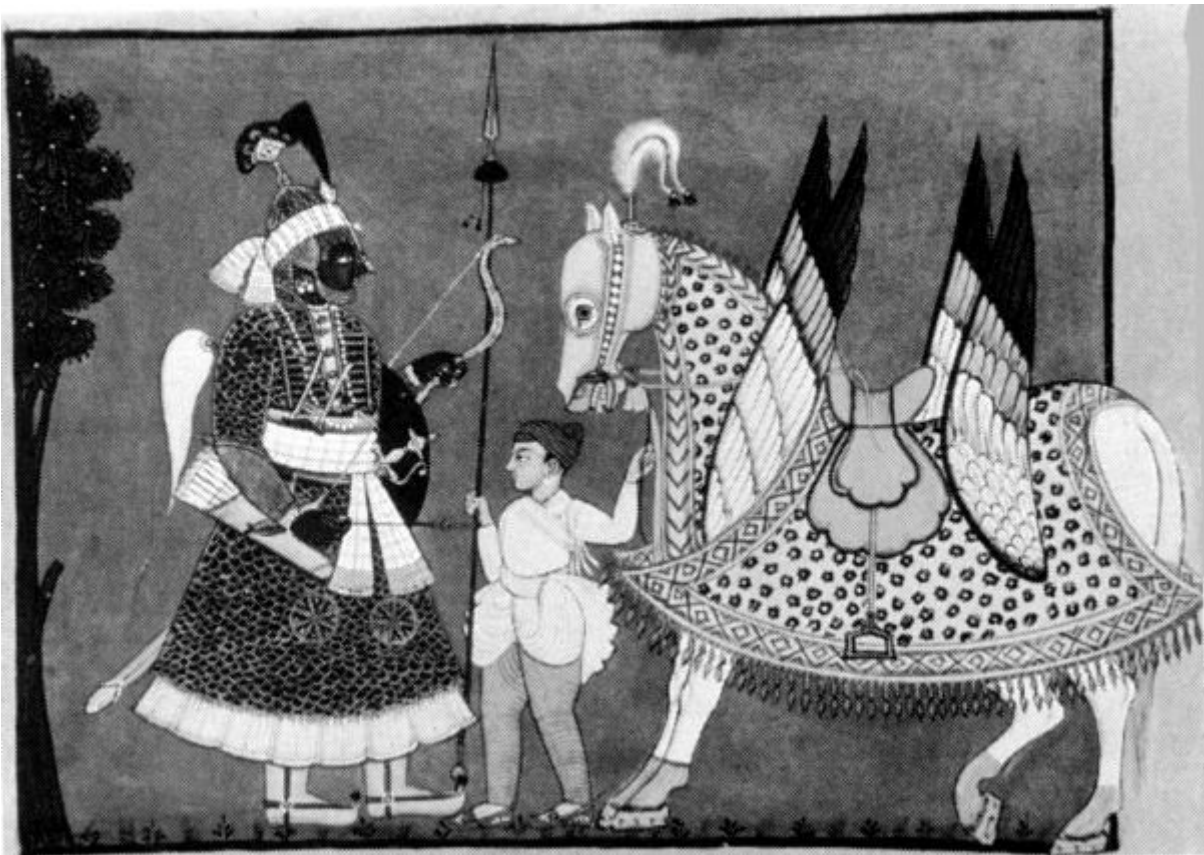
"Он восстановит на Земле праведность; и умы живущих в конце эпохи борьбы пробудятся и станут прозрачны, как хрусталь. Люди, изменившиеся таким образом благодаря этой особой эпохе, станут семенами человеческих существ, и дадут рождение расе, которая будет следовать законам золотого века чистоты. Сказано, что золотой век вернётся, когда Солнце, Луна, Юпитер и лунный астеризм Тишья будут в одном доме."⁴

Связь между этими двумя мифами даже более тесная, чем кажется с первого взгляда. По меньшей мере в одной санскритской версии основного текста калачакры Рудрачакрин, будущий царь золотого века, упоминается как Калки. В дополнение к тому, некоторые цари, которые последуют за ним, будут носить имена некоторых воплощений Вишну, таких как Рама. Есть тесная связь и между Ханумандой, генералом, который будет помогать Рудрачакрину в последней битве с варварами, и Хануманом, обезьяньим богом из Рамаяны, который помог Раме победить армию демонов на острове Шри Ланка.⁵

И Калки, и Рудрачакрину суждено родиться в Шамбале. Индусское пророчество, однако, описывает её не в виде северного царства, окружённого снежными горами, а просто как место или селение, положение которого не указывается. Поскольку Калки должен покорить область в северной Индии, лежащую между реками Ганг и Ямуна, учёные были склонны отождествлять Шамбалу с действительно существующим там городом под названием Шамбхал. Однако, внимательное изучение Калки Пураны показывает, что после каждого из своих завоеваний Калки всегда возвращается в место своего рождения, из чего следует, что оно находится где-то в другом месте, возможно, в том направлении, куда помещают Шамбалу и буддисты. В любом случае, индусские тексты оказывают, что в Шамбале есть великолепный дворец, сравнимый с тем, что описан в тибетских текстах.

Калапа, столица Шамбалы согласно буддистам, тоже встречается в индусском мифе, но не как часть Шамбалы. Согласно Калки Пуране царь-мудрец Мару, чей род происходит от одного из прежних воплощений Вишну, живёт в Калапе, в Гималаях, ожидая окончания эпохи разлада. Когда Калки придёт освободить мир, этот мудрец присоединится к нему в последней битве против варваров. После победы над силами зла Мару получит трон и будет помогать Калки в установлении золотого века. Индусская и буддийская концепции Калапы, как центра силы и мудрости, окружённого снежными горами, ближе сходятся друг с другом, чем соответствующие версии представлений о Шамбале.⁶

Как Гэсар и будущий царь Шамбалы, Калки едет верхом на коне, обладающем сверхъестественной способностью к полёту. В индусском мифе этот символ имеет особую значимость, как черта, отличающая Калки от прочих воплощений Вишну. Индийское искусство неизменно изображает его либо с крылатым конём, либо с конской головой (см. илл. 15). В буддийском мифе владыка Шамбалы побеждает варваров, войдя в "медитацию о лучшем из коней". Этой медитацией он магически посылает армию, в которую входят летающие каменные кони. Роль сверхъестественного коня в обоих мифах указывает, что он символизирует ту силу, которая позволит Калки и владыке Шамбалы преодолеть силы зла.

Илл. 15. Калки, будущее воплощение Вишну. Индусский эквивалент будущего владыки Шамбалы стоит возле своего крылатого коня, готовый положить конец веку разлада.

Хотя буддийский миф, вероятно, произошёл от индусского, влияние могло быть оказано и иным путём. Пророчество о Калки — результат довольно позднего развития индусской мифологии, так что некоторые из своих черт оно могло заимствовать как раз из буддизма. Однако с нашей точки зрения то, какой же именно миф повлиял на другой, представляется менее важным, нежели сам факт, что оба выдвигают то же самое пророчество о божественной фигуре, которая победит силы зла и установит золотой век. Это показывает универсальность и силу этого пророчества, указывая, что в нём следует искать более глубокий смысл. В связи с этим индусский миф даёт нам интересную подробность, которая может оказаться полезной, когда мы обратимся к исследованию мифа буддийского. Согласно Пуранам, Калки придёт не однажды — он будет приходить снова и снова каждый раз, когда мир будет проходить через новый цикл упадка добродетели. Так что пророчество о Шамбале может символизировать процесс, повторяющийся подобным же образом.

Если обратиться к Китаю, ещё одной великой цивилизации, граничащей с Тибетом, то мы обнаружим там несколько мифов,

имеющих отношение к Шамбале. В предыдущей главе мы обращались к одному из них, "Песне о персиковом источнике", относящейся к Танской династии. Скрытая страна, случайно открытая рыбаком, является воплощением того идеального общества, которое предлагается в "Дао дэ цзин", основополагающем тексте даосизма. Со временем, когда даосизм больше занялся поиском бессмертия, он развил множество легенд о скрытых местах, где бессмертные жили вдалеке от забот мира. Поначалу эти земные раи помещали на удалённых горах и островах за границами Китая, но по мере того как империя расширялась и китайцы лучше узнавали мир, святилища, чтобы оставаться скрытыми, переместились под землю. Начало этого процесса можно видеть в легенде о персиковом источнике, из которой неясно, проходит ли рыбак через расщелину в горе или через пещеру. В позднейших легендах описываются туннели, ведущие вниз, в подземные миры, в которых есть свои собственные солнца и небеса; в результате вся земля под Китаем оказывается испещрена мифическими раями. Чтобы достичь их, человеку нужно достичь высокого уровня духовного развития, который соответствовал открытию секрета бессмертия. Многие из них заставляют вспомнить о Шамбале и особенно о тибетских скрытых долинах, некоторые из которых считаются подземными и содержат воды долголетия.⁷

В то время как даосские пещеры имеют близкое сходство со скрытыми долинами тибетских легенд, один из более древних китайских мифов о земном рае может указывать на то же место, куда помещают и Шамбалу. Он говорит о драгоценном дворце Си-ванму, Царицы-матери Запада, находящемся на вершинах гор Куньлуня к северу от Тибета. Там, на нефритовой горе, окружённой золотой стеной, в совершенном счастье и блаженстве живут бессмертные. Согласно "Шань хай цзин", "Книге гор и морей",

"...есть страна удовлетворения, которая даёт счастье своему народу. Там есть поля удовлетворения. Их еда — яйца феникса, их питьё — сладкая роса; всё, чего они только пожелают, уже в их распоряжении".⁸

Возле озера драгоценных камней там растёт дерево с персиками бессмертия. Оно цветёт каждые три тысячи лет, и ещё три тысячи лет требуется для созревания плодов. И раз в шесть тысяч лет, в свой день рождения, Царица-мать Запада приглашает всех бессмертных на великий праздник, который проводится возле магического источника, где они слушают прекрасную музыку и едят персики, позволяющие им жить вечно (см. илл. 16). "Обезьяна", популярная китайская повесть XVI в., включает эпизод, в которой главный герой, обезьяна с

несносным характером и сверхъестественными способностями, съедает все эти плоды, срывая мероприятие.⁹ Странные плоды, которые ламы приносят из Шамбалы в буддийских историях, могут иметь некоторую связь с этими персиками и бессмертием, символами которого они являются.

Илл. 16. Дворец Бессмертных. Китайские Бессмертные собираются в горах Куньлуня возле дворца Си-ванму, который виднеется в облаках в левом верхнем углу.

Подобно тибетцам, пытавшимся достичь Шамбалы, китайцы тоже пытались отправиться в скрытый дворец Си-ванму. Около 1000 г. до н.э. царь Му династии Чжоу, историческая фигура, окутанная легендами, предпринял путешествие на северо-запад от Китая и, как сообщается, посетил Царицу-мать Запада. Китайские летописи сообщают, как он поднялся на Куньлунь и говорил и пел с ней возле Озера Драгоценных камней. Позже, где-то между VI и IV в. до н. э., Лао-цзы, основатель даосизма, из-за отвращения к коррупции, покинул Китай и отправился на запад на буйволе. Страж на границе попросил его записать что-нибудь из его мудрости, что он и сделал в "Дао дэ цзин". Затем, согласно легенде, он отправился во дворец Си-ванму, где и живёт по сей день как Бессмертный. Когда около 100 г. до н. э. Китайская Империя распространилась на Таримскую котловину, её первопроходцы, посланные исследовать новые земли Центральной Азии, искали также и рай этой богини с деревом вечной жизни. Тогдашний император У Ти особенно интересовался этим, и его тайные мемуары сообщают, что однажды ночью Си-ванму собственной персоной появилась в его комнате и дала ему семь своих персиков, а также учения, нужные для достижения бессмертия.¹⁰

Дворец Си-ванму лежит в том же общем направлении, что и Шамбала — к северу от Индии и Тибета. Как мы видели во второй главе, лишь немногие ламы думают, что она действительно может скрываться в горах Куньлуня, там, где китайцы обычно помещают своё святилище. Согласно ранним свидетельствам о Си-ванму, она жила даже ближе к тому месту, где по верованиям тибетцев должны быть Шамбала — на нефритовой горе к северу от Куньлуня и к западу от "подвижных песков", что может указывать на передвигающиеся барханы пустыни Такла Макан. Таким образом, её дворец помещается к северу от Бодхгая, места просветления Будды, в Таримской котловине или за ней — то есть в наиболее вероятном месте исторического местоположения Шамбалы. Поскольку миф об этой богине уходит корнями в древность и был распространён китайцами в области Центральной Азии, откуда, вероятно, произошло учение Калачакры, представляется вероятным, что у него имелась какая-то связь с тибетским мифом — ведь мы знаем, что китайцы отождествляли Куньлунь с Меру, мифической горой, находящейся в центре буддийской вселенной. Западный учёный Вольфганг Бауэр пришёл к заключению, что Си-ванму первоначально называлась небольшая

страна к западу от Китая,¹¹ так что возможно она являлась историческим прототипом как рая Си-ванму, так и царства Шамбалы.

Тогда как китайцы обычно помещали рай Си-ванму на восточном краю гор Куньлуня, недалеко от истока Жёлтой реки, у киргизов была легенда о подобном же месте на западном конце этого хребта. Согласно этим легендам, на ледяной вершине огромной (7723 м.) горы Музтаг-Ата имеется волшебный город Джанайдар. Его жители наслаждаются полным счастьем и не знают ни холода, ни страданий, ни смерти. Киргизская легенда рассказывает о мудреце, который взобрался на эту гору и увидел на вершине озеро и рядом с ним белого верблюда. Почтенные старцы, все в белом, прогуливались по сливовому саду. Мудрец сорвал несколько слив и с удовольствием съел их. Один из стариков подошёл и поздравил его с тем, что он съел сливы. "В противном случае тебе бы пришлось остаться здесь навсегда, как всем нам", — сказал он. Тут внезапно появился всадник на белом коне, посадил мудреца к себе в седло и отвёз его вниз.¹²

Киргизские легенды о Музтаг-Ата содержат несколько мотивов, встречающихся и в мифе о Шамбале: труднодостижимый рай, заснеженные горы, священное озеро, волшебные плоды, мудрецы и всадник на белом коне. Поскольку эти легенды происходят из области, где вероятно возникла и калачакра, они вполне могут отражать следы более древней буддийской легенды о Шамбале. В любом случае, какая-то связь между сливовыми деревьями на вершине горы Музтаг-Ата и персиковыми деревьями на нефритовой горе Си-ванму определённо существует. Интересным видоизменением сюжета с плодами является то, что в киргизской легенде сливы освобождают мудреца от бессмертия и позволяют ему вернуться в мир повседневной жизни. Это может отражать идеал бодхисаттвы — обет не уходить в нирвану, а снова рождаться в мире, чтобы помочь другим достигнуть просветления. С буддийской точки зрения желание физического бессмертия, описанного в китайских мифах, представляет собой духовную ловушку, которой следует избегать.

К северу от Куньлуня, в горах Алтая, лежащих между Сибирью и Монголией, у группы староверов, бежавших от преследования со стороны Православной церкви, была легенда о месте, похожем на Шамбалу. Они рассказывали о Беловодье, далёкой стране правды и справедливости, скрытой среди пустынь и снежных гор. По их представлениям, мудрецы создали там идеальное общество, в котором каждый следовал пути мудрости. Согласно Николаю Рериху, посещавшему алтайских староверов в двадцатых годах, у них были тайные тексты, подобные путеводителям в Шамбалу, описывавшие

долгое и трудное путешествие в скрытую страну. Они указывали, что Беловодье лежит в направлении восточной части Таримской котловины и гор северного Тибета. Само название места может указывать на белые соляные отложения, оставленные изолированными озёрами на востоке пустыни Такла Макан. Говорят, что многие староверы пытались следовать этим текстам, но большинство из них либо нашли путешествие слишком трудными и вернулись, либо погибли в пути. Но некоторые вернулись, заявляя, что действительно достигли Беловодья, и рассказывали о мирной долине, окружённой заснеженными горами.¹³ Как и в случае с киргизской легендой о Музтаг-Ата, возможно, что источник здесь тот же, что и у легенды о Шамбале.

Если обратиться к далёкому прошлому, мы найдём очень древний и распространённый миф о блаженной стране на севере, который мог послужить первоисточником легенды о Шамбале, равно как и связанных с ней мифах Европы и Азии. В древнеиндийских текстах эта страна появляется под названием Уттаракуру, то есть северная Куру. Махабхарата описывает её следующим образом:

"О царь, к северу от горы Нила, на северной стороне Меру, находится священная северная Куру, местопребывание сиддхов, просветлённых мудрецов. Деревья там приносят сладкие плоды и всегда покрыты плодами и цветами. Все цветы благоухают, а вкус плодов прекрасен. Кроме того, некоторые деревья дают плоды согласно желанию срывающего их. Есть там и другие деревья, называемые молочными. Они всегда дают молоко и шесть других видов пищи, которая на вкус, как сама амрита [нектар бессмертия]. Эти деревья дают также одежду и украшения для людей. Вся страна изобилует золотыми песками, а одна её часть, особенно счастливая, обладает сиянием рубинов и алмазов, лазурита и других драгоценных камней. Все времена года там приятны, и никогда там не бывает слякотно. Озёра прекрасны и полны кристально чистой воды... Люди в той стране свободны от болезней и всегда радостны. Они живут десять тысяч и сто тысяч лет, о Царь, и никогда не расстаются."¹⁴

Опять же мы тут встречаем тему земного рая, населённого мудрецами и полного волшебных фруктовых деревьев, некоторые из которых, по видимому, даруют долгую жизнь.

Уттаракуру располагается в том же направлении, что и Шамбала, и подобно ей, тоже некогда могла быть реальной страной, ушедшей в легенду. Согласно Махабхарате, она образует северную из четырёх областей, окружающих гору Меру подобно лепесткам лотоса.

Индийская мифология помещает эту гору к северу от Гималаев, в Центральной Азии, и современные учёные предварительно отождествляют её с Куньлуном, Памиром или Алтаем.¹⁵ Это может определить положение Уттаракуру в Таримской котловине или где-то вблизи Сибири — то есть в двух наиболее вероятных местах расположения Шамбалы. Поскольку в Махабхарате рассказывается о ранней истории Индии, подобно тому как Илиада говорит об истории Греции и Турции, её описание Уттаракуру вполне может указывать, хотя и в приукрашенном виде, на страну, которая некогда действительно существовала в Таримской котловине. Картина деревьев, дающих плоды и одежду, наводит на мысль о садах и хлопковых полях, которые на протяжении тысяч лет процветали в Таримской котловине. "Пять золотых песков" могут быть упоминанием о барханах пустыни Такла Макан, которые уж точно соответствуют словам о том, что там никогда не бывает слякоти. Эпос говорит также о нефритовых гирляндах, которые привозят из Уттаракуру, а в древности область вокруг Хотана была главным источником этого драгоценного камня. Во времена Махабхараты оазисы Таримской котловины орошались лучше и были богаче, чем теперь, потому в сравнении с окружающими их голыми горами и пустынями они выглядели раем.

Напоминающее путеводители в Шамбалу письменное руководство описывает полумагическое путешествие в Уттаракуру. Путь ведёт к горе Кайлас, где живёт Бог Богатства, а затем — к другой горе, населённой магами. Пройдя вершину с женщинами, у которых лошадиные головы, путешественник проходит через Хотан и наконец попадает в Уттаракуру. Один из главных персонажей Махабхараты, принц Арджуна, совершает путешествие через Гималаи к озеру Манасаровар у подножия Кайласа, пересекает лежащую за ней горную область — очевидно, Тибетское нагорье, — и достигает границ северного рая. Подобно тибетским ламам, считающим Шамбалу невидимой, некоторые источники утверждают, что Уттаракуру нельзя ни достичь простым смертным, ни увидеть человеческими глазами.¹⁶

Миф об Уттаракуру датируется временем, задолго предшествующим тому, когда в Тибете слышали слово "Шамбала", и вероятно, предшествующим появлению буддизма в Индии около 500 г. до н.э. Буддисты взяли его из более древних индийских источников и переместили эту страну, вместе с горой Меру, на север и прочь из этого мира. Для тибетцев она стала приятным раем, который удовлетворяет все физические потребности и желания, но лишён всякой религии и подлинной духовности. Тексты калачакры помещают её к северу от

Шамбалы, но видимо, именно эта первоначальная индусская версия послужила моделью для буддийских представлений о скрытом царстве, заменившим её в роли северного святилища просветлённых мудрецов.

В древности миф о блаженной стране на севере не был исключительной принадлежностью Индии. У скифов, кочевавших по степям Азии в первом тысячелетии до н. э., тоже были легенды о месте, подобном Шамбале и Утгаракуру, вероятно, такие же, как у индийцев. Они верили, что к северу от их земель, за странами, населёнными сначала известными им народами, а далее — племенами фантастических существ, возвышались Рипейские горы, уединённая область снега и тьмы, которую не может пересечь ни один смертный. По ту её сторону, ближе к Северному Полюсу, лежит страна, одарённая тёплым климатом, где Солнце всходило и садилось раз в году. Там, защищённый от внешних ледяных ветров, на прекрасных полянах с фруктовыми деревьями, жил счастливый народ. Поскольку скифы, вероятно, были ветвью арийских племён, которые пришли в Индию, принеся с собой ведическую мифологию и индуизм, миф об Утгаракуру, а также и о Шамбале, мог возникнуть среди ариев Центральной Азии и переместиться с ними как в Индию, так и в Европу.¹⁷

Древние греки и римляне, записавшие скифские легенды о северном рае, похоже, отождествляли их с одним из своих собственных мифов, который, должно быть, возник из того же источника. Этот миф рассказывал о стране гиперборейцев, таинственного народа, жившего на дальнем севере, за горами, с которых приходил холодный зимний ветер. Там, в условиях вечной весны, где всегда светило солнце, они радовались блаженному существованию, свободному от напастей болезни и старости. Живя в постоянной гармонии между собой, они проводили время в праздниках, где прекрасные девушки с волосами, скреплёнными золотыми венками, танцевали под музыку, исполнявшуюся на флейтах и лирах. Мудрые гиперборейцы жили тысячу лет, а когда приходило время умереть, их добродетель позволяла им перейти в ещё лучший мир. Греки считали их общество образцом мудрости и справедливости.

Согласно мифу, кроме богов и великих героев никто не мог найти таинственный путь в страну гиперборейцев. Это недоступную страну посетил Персей, чтобы победить Медузу Горгону, у которой вместо волос были змеи. Ведомый богом Гермесом, Персей сначала вступал в сумеречное обиталище Седой Женщины, которая сказала ему, как пройти в страну гиперборейцев. Затем, следуя их указаниям, он

отправился в северный рай, чтобы добыть три вещи, нужные ему для выполнения своей миссии: крылатые сандалии, позволявшие ему летать, шапку-невидимку, и магическую сумку, в которую следовало положить голову Медузы Горгоны, чтобы её взгляд не превратил его в камень.¹⁸

Кроме упоминания святилищ, скрытых далеко на севере, мифы о Шамбале и гиперборейцах имеют много общих интересных особенностей. В то время как Аполлон, греческой бог света и истины, в течение зимних месяцев находится в северном раю, его буддийский эквивалент, Манджушри, бодхисаттва мудрости, воплощается время от времени в качестве владыки Шамбалы. Как Гермес ведёт Персея в страну гиперборейцев, так и в Шамбалу путешественника ведёт охраняющее божество. По пути он получает помощь демонов, напоминающих Седую Женщину греческого мифа. Путешествие в оба этих места придаёт человеку магические силы, воплощённые либо в таких предметах как крылатые сандалии, либо в результатах мистических практик. Эти способности позволяют ему преодолеть силы зла. Персею они помогают победить Медузу Горгону, а владыке Шамбалы — тирана, захватившего мир. Превращая людей в камень, Медуза Горгона символизирует те силы привязанности, которые препятствуют освобождению; подобный мотив мы встречаем и в путешествии в Шамбалу, где нужно пересечь реку, прикосновение к которой может превратить путешественника в камень. Наконец, само святилище — не самоцель, а лишь этап на пути к чему-то высшему: когда наступает время умереть, гиперборейцы переходят в лучший мир, а жители Шамбалы движутся к нирване, которая превышает всякого рая.

В греческой мифологии тема путешествия, изложенная и в мифе о Персее, находит своё самое полное выражение в Одиссее. Как станет очевидно из нашего исследования путеводителей в Шамбалу, которое мы предпримем в следующей главе, они имеют с поэмой Гомера много общего. Описываемое в них путешествие ведёт мимо чудовищ столь же страшных, как циклопы, и искушений, столь же роковых, как сирены. Как Одиссей претерпевает немислимые лишения и испытания, так и путешествующий в Шамбалу. В критические моменты и тот, и другой прибегают к помощи женских божеств и получают её — в Одиссее это Афина, а в путеводителях — дакини или "небоходцы". Однако, между этими двумя путешествиями есть одна большая разница: одно ведёт вдаль, в таинственное царство, а другое — назад, к знакомому дому. Хотя эти цели представляются противоположными, они имеют и некоторое сходство: они являются святилищами, которым угрожают

внешние силы — Итаку осадили претенденты на руку Пенелопы, а Шамбалу — варвары. Это намекает на возможность того, что путь в Шамбалу — нечто вроде возвращения к счастью и безопасности, туда, где человек чувствует себя дома.

Более старый ближневосточный эпос, один из древнейших в мире, ещё больше приближается к легенде о Шамбале. Эпос о Гильгамеше, датируемый III тысячелетием до н. э., сохранившийся на глиняных табличках из Месопотамии, рассказывает историю героя, в поисках бессмертия совершающего путешествие в Сад Солнца, которым владеет Утнапишти, единственный бессмертный из людей. Как и в путеводителях в Шамбалу, путешествие идёт через пустыню в дальнее святилище, скрытое за горами, которых никто из простых смертных не может преодолеть. Люди-скорпионы, чудовища, напоминающие божеств, охраняющих путь в Шамбалу, стерегут ворота этой горной преграды, вершины которой "достигают небес". Поскольку он на две трети бог, а таким его сделали боги, Гильгамеша пропускают, ему удаётся пересечь воды смерти и достичь обители Утнапишти, который, как учитель и как символ, в некотором смысле занимает место владыки Шамбалы в тибетском мифе.

Осознание бренности, заставившее Будду покинуть свой дворец и искать просветления, которого ищут и направляющиеся в Шамбалу, также движет и Гильгамешем в его поисках бессмертия. Выражая те же чувства, которые испытал Будда при виде мёртвого тела, заставившего его осознать существование смерти, Гильгамеш говорит о том, что терзает его душу:

Энкиду, брат мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека! ...

Устрашился я смерти, не найти мне жизни ...
Мысль об Энкиду, герое, не дает мне покоя —
Дальним путем скитаюсь в пустыне!
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею!
Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?¹⁹

Хотя Гильгамешу и не удаётся освободиться от смерти, он, подобно достигшим Шамбалы, в конце своего путешествия обретает мудрость. Утнапишти даёт ему учение, подобное буддийскому, — о

непостоянстве всех вещей и глупости стремления к физическому бессмертию. Он устраивает ему испытание — если Гильгамеш сможет бодрствовать семь дней,* то сможет получить то, что ищет. Гильгамеш, однако, засыпает и не проходит испытание. Утнапишти даёт ему второй шанс и говорит, где найти растение, восстанавливающее молодость, но после того, как Гильгамешу удаётся достать его со дна моря, его уносит змея, и в результате он возвращается ни с чем — кроме мудрости принять свою судьбу и освобождения от желания её избежать. Возможно, таков же и конец путешествия в Шамбалу — возвращение с знаниями о том, как жить перед лицом смерти, ибо все, кто достигают этого царства и живут там, — даже цари — должны умереть.

* "Бессмертие — это не что иное, как непрерывное сознание" (Е. П. Блаватская, "Ключ к теософии"). — Прим. пер.

Путешествие в Шамбалу вызывает в памяти ту легенду, в которой идея подобного поиска излагается в западной литературе — поиск священного Грааля. Мы обнаруживаем, что она связана с легендами о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Хотя позднейшие истории сосредоточены на сэре Галахаде, большинство средневековых трудов, касающихся Грааля, ставят в центр истории сэра Персевалья (или Парцифалья).^{*} В них рассказывается о необразованном молодом человеке, который становится рыцарем и натывается на таинственный замок, скрытый в лесу и охраняемый странными рыцарями. Ему позволяют войти, и он видит священный Грааль и раненого короля, но не догадывается спросить о них. Сделай он это, это бы исцелило короля, и (согласно некоторым версиям легенды) вернуло бы окружающим пустошам плодородие. Вскоре после этого юноше говорят о его ошибке, но замок уже исчез, и ему приходится потратить многие годы на скитания и пройти через многочисленные приключения в попытках найти его вновь. Когда наконец он приобретает необходимую мудрость и зрелось, появляется девушка, которая проводит его в замок. В этот раз он задаёт вопросы и возвращает королю молодость и здоровье.²⁰

* Некоторые объяснения этой легенды можно найти у М. Генделя в "Лекциях о христианстве розенкрейцеров", XII. — Прим. пер.

Первая часть этой легенды напоминает нам тибетские истории о пастухах и охотниках, наткнувшихся на скрытые долины. Ни они, ни Персеваль (поскольку он не смог задать вопросы), не воспринимают

природу того, что они нашли и трудности повторного обретения этого. Тибетские истории оканчиваются неудачей попытки вернуться в скрытую долину, но западная история продолжается тем, что Персеваль начинает сознательные поиски, приходит в замок и совершает назначенное ему.* Таким образом, вторая часть истории напоминает путешествие в Шамбалу, которое тоже есть намеренный поиск чего-то, некогда уже открытого. В случае с Шамбалой, путешественник должен прочитать о ней и увидеть её в сне или видении, которое приходит в знак того, что он готов идти. Хотя и он, и Персеваль, позваны, мельком увидев то, что они ищут, тем не менее они должны встретить на своём пути трудности, которые очистят их и сделают достойными искомой цели.

* Что соответствует бессознательному погружению в материальность (инволюции) и последующему возвращению к утерянному духовному состоянию, но на этот раз — в полном сознании. — Прим. пер.

Между легендами о Шамбале и о священном Граале есть множество интересных параллелей. В обоих на последнем этапе путешествия к царю скрытого места, где хранится нечто священное (Грааль или учения калачакры с мандалой), искателя проводит некая женщина. Поскольку царь болен, как в средневековой легенде, или ещё не появился, как в тибетской, окружающая территория была опустошена засухой или варварами. В обеих легендах мы встречаем пророчество возрождения и наступления золотого века, когда царь будет исцелён, либо вызван к действию, чтобы уничтожить силы зла. Цель западного поиска, священный Грааль, иногда описывают как чашу, а иногда как камень — источник физического и духовного бессмертия: он даёт пищу, жизнь и божественную благодать. И всё же сам по себе он может лишь поддерживать жизнь раненого царя; чтобы исцелить его, требуется помощь — вопросы Персеваля. В Шамбале мы встречаем ряд предметов, обладающих сравнимыми силами, такие как камень, исполняющий всякое желание её царя, но сокровища, самые близкие по духу к священному Граалю — это, вероятно, мандалы, или мистические круги калачакры, находящиеся в саду в центре царства. Тибетская молитва говорит о них: "Просто увидеть их — уже обрести высшее достижение".²¹ В мандалах содержится божественная сила, но подобно Граалю, они бесполезны, если путешественник не знает, какова их природа и как ими пользоваться. Лишь тогда они могут исцелить его от иллюзий, являющихся причиной его страдания.

Другое известное в средневековой литературе путешествие, причём ещё более аллегоричное, чем легенда о Граале, мы встречаем в

"Божественной комедии" Данте. "Чистилище", средняя часть этой работы, описывает восхождение на гору Чистилища в земной рай, расположенный на её вершине. Подобно путешествию в Шамбалу, это восхождение ведёт в скрытое святилище, которого могут достичь лишь духовно очищенные. Каждый уровень этой горы соответствует определённому греху, как например зависть или похоть, не пускающему искателя дальше и закрывающему путь. Он должен оставаться на каждом, пока не раскается и не очистит себя от соответствующего недостатка. Это наводит на мысль, что и путеводители в Шамбалу мы можем читать подобным же образом: встречающиеся на пути препятствия, такие как демоны или пустыни, могут символизировать различные страсти и иллюзии, которые путешественник должен обнаружить в себе и преодолеть.

И земной рай, и скрытое царство сами являются лишь этапами на пути к высшей цели. Достигнув вершины горы Чистилища, Даете отправляется на небеса, к Богу, а путешественник в Шамбалу достигает нирваны. Однако, эти конечные цели лежат за пределами мысли, и мы не можем ни описать их, и сказать, где во времени и пространстве они находятся. Принадлежа к этому миру, хотя и лежа на самом его краю, Шамбала и земной рай представляют последнюю точку путешествия, которую мы ещё можем изобразить. В качестве такой точки они указывают направление к конечной цели — Богу или нирване, и служат вратами в другое царство, которое за пределами понятий. Достигнув их, искатель приобретает внутреннюю силу и свободу, нужную для ещё более глубокого и таинственного путешествия. Последние слова Виргилия, обращённые к Данте, открывают, какую стадию символизируют земной рай и Шамбала:

"Свободен, прям и здрав твой дух; во всём
Судья ты сам; я над самим тобою
Тебя венчаю митрой и венцом."²²

В средневековой мистической поэме "Совет птиц" персидского поэта Фарид уд-Дина Атара мы встречаем ещё одно аллегорическое путешествие, где птицы мира отправляются на поиски легендарного царя Симурга. Их предводитель намечает для них путь и говорит им, что их ожидает на этом пути, причём его манера выражения в чём-то напоминает путеводители в Шамбалу. Согласно ему, они пересекут семь долин, которые в суфийской традиции символизируют семь стадий пути, ведущего к единению с Богом. Названия этих долин открывают, что переживут птицы в каждой из них: это долина Поисков, долина Любви, долина Понимания, долина Независимости и Непривязанности, долина Чистого Единства, долина Удивления и

долина Бедности и Небытия. Наше ознакомление с "Чистилищем" указало на возможность того, что особенности пути в Шамбалу могут означать страсти и иллюзии путешественника, а из "Совета птиц" следует, что они также могут символизировать и стадии мистического опыта, которые он должен пройти на пути к просветлению.

Поэма Атгара акцентирует тему царя, как скрытой цели путешествия. Когда после многих лет трудностей тридцать измождённых птиц наконец добираются до царя и в первый раз видят его, они обнаруживают, что он и они — одно и то же. Его имя, Симург, фактически означает "тридцать птиц". Тот, кого они искали за самой дальней долиной, всё время скрывался в них самих, но им нужно было совершить это путешествие, чтобы увидеть его там и осознать свою тождественность с ним. И как мы увидим, царь Шамбалы в конце путешествия тоже символизирует то, что лежит глубоко внутри путника, и сначала скрыто в глубинах его сердца и ума.

Однако направляющийся в Шамбалу ищет не только царя, но и некое особое место, священную страну. Подобно детям Израиля в библейской легенде об Исходе, он путешествует через пустыню в землю обетованную. В Библии это страна свободы — конец пути из рабства египетского. Но прежде чем детям Израиля позволено войти туда, они должны за годы блуждания в синайской пустыне стать свободными людьми — должно появиться новое поколение, которое верит в Бога и повинуется его законам. Подобно этому и идущий в Шамбалу оставляет позади своё прежнее "я" и достигает некоторой веры и внутренней свободы, прежде чем может достичь цели.

Однако самая поразительная параллель между библейским мифом и легендой о Шамбале — это пророчество о мессии. Ветхозаветные пророки, в частности Исайя, говорят об избраннике, который избавит Израиль от рабства и установит Царство Божие во всём мире. Новый Завет отождествляет этого мессию с Христом, который вернётся, чтобы в битве Армагеддона нанести поражение силам зла и принести "новое небо и новую землю". Согласно христианскому пророчеству, он победит Антихриста, злого персонажа, который захватит мир примерно так же, как царь варваров в тибетском пророчестве. В Откровении Иоанна описывается видение божественного царя, который, подобно Калки аватаре и владыке Шамбалы, приедет на белом коне, чтобы вести небесное воинство в бой против сил зла. За этой победой последует тысячелетнее мирное царствование Христа, а затем, после временного возвращения Сатаны, произойдёт страшный Суд и мир будет обновлён. Это соответствует верованию многих тибетских лам о том, что золотое царствование Шамбалы тоже

продлится тысячу лет, после чего вернутся времена упадка, пока Майтрея, следующий будда, наконец не придёт, чтобы восстановить учения истины.

В исламе есть аналогичное пророчество об избавителе по имени Махди, который тоже придёт, чтобы избавить мир от зла и установить золотой век. Согласно некоторым вариантам пророчества, он убьёт Дадджала, Обманщика, или поможет сделать это Христу. В других вариантах он и будет самим Христом, который вернётся, чтобы учить Исламу — к смущению и иудеев, и христиан. Эти представления об избавителе, который явится во время конца света, вероятно, происходят из зороастризма. Согласно этой древней персидской религии, в конце истории придёт потомок пророка Зороастра по имени Шаошьянс, чтобы бороться на стороне Ахура Мазды, бога света, против Аримана, воплощения тьмы. Разбив силы Аримана раз и навсегда, Шаошьянс превратит мир в рай, где будут царить мир и истина. Представляется весьма вероятным, что это пророчество внесло свой вклад в развитие легенды о Шамбале в Центральной Азии.²³

Темы, найденные нами в мифах, касающихся Шамбалы, встречаются и в современной литературе. Самый очевидный пример этого — роман "Потерянный горизонт", но и многие другие романы, не имеющие отношения ни к Тибету, ни к Азии, демонстрируют поразительное сходство с тибетской легендой.* "Атлас пожал плечами" Эйн Рэнда примечательно приближается к пророчеству о Шамбале, рассказывая о крахе американской экономики и появления нового порядка из святилища, скрытого в горах Колорадо. События "Волшебной горы" Томаса Манна происходят в санатории, расположенном высоко в Швейцарских Альпах, изолированном от суматохи внешнего мира и даже от хода времени. "Гора Аналог", аллегорический роман Рене Домая, рассказывает о невидимой горе, восхождение на которую ведёт в сообщество просветлённых, подобных жителям Шамбалы. Подобно путеводителям в скрытое царство, "Путешествие на восток" Германа Гессе описывает путешествие, происходящее в физическом мире — в данном случае, по Европе, — в котором встречаются магические места и мифические фигуры, недоступные восприятию обычных людей. Цель этого путешествия — "дом и юность души", воплощённые в земном раю, подобном Шамбале. В таких романах как "Остров" Олдуса Хаксли и "Уолден-2" Б. Ф. Скиннера тема земного рая даётся в современной форме — в виде утопического общества. "Прекрасный новый мир" Хаксли и "1984" Джорджа Оруэлла, с другой стороны, описывают скорее тот мир, который рисует тибетское пророчество как материалистическое правление варваров. Во многих

других научно-фантастических произведениях разрабатывается апокалиптическая тема, актуальная сегодня для каждого — ядерная война и её последствия, возможность нового мира, появляющегося из атомной бойни.

* Автор не упомянул серию романов Ф. Баума о Стране Оз, в расположении которой, испытаниях, которые проходит главная героиня, и даже отдельных подробностях, таких, как волшебная картина во дворце правительницы, показывающая всё, что она захочет, присутствует множество соответствий с легендой о Шамбале, что будет видно из последующих глав. — Прим. пер.

В дополнение к влиянию на современную литературу, подобные мифы оказали глубокое влияние на ход истории вплоть до наших дней. Мессианские пророчества придали христианству много привлекательности, что позволило ему захватить переживавшую упадок Римскую Империю. С тех пор подобные пророчества вдохновляли многие движения и революции, как светские, так и религиозные. Мирча Элиаде и другие учёные показали, что библейские мифы о земном рае и золотом веке мотивировали открытие и колонизацию Нового Света и в конце концов дали начало американской идее прогресса, распространившейся по всему земному шару. Христофор Колумб, несомненно, имел в виду эти мифы, когда провозгласил: "Бог сделал меня посланцем нового неба и новой земли, о которых он говорил в Откровении Иоанна, после того как сказал о них устами Исайи, и он показал мне место, где найти её". Некоторые из испанских конкистадоров, последовавших за Колумбом, искали легендарные места, сулившие райские сокровища — источник молодости и золотую страну Эльдорадо. Многие из протестантов, колонизировавших Северную Америку верили, что Европа захвачена Антихристом и их цель — будущий Эдемский сад. Они, как и иммигранты последовавших столетий, пришли в Америку в поисках земного рая, где они могли бы обрести новую жизнь и духовное возрождение.²⁴

Когда восточная часть Соединённых Штатов была уже густо заселена, пионеры отправились в свои легендарные путешествия на запад через пустыни и горы, чтобы найти свой эквивалент Шамбалы в плодородных долинах Калифорнии и Орегона. Мормоны рассматривали святилище, обретенное ими в Юте, в сугубо духовных терминах. По мере того, как пограничные земли были заселены, поиски земного рая и ожидания нового мира затихли, сменившись убеждением, что это материальный прогресс превратит страну в

Эдемский сад и принесёт золотой век свободы от нужды. За нынешним стремлением к большему экономическому прогрессу во всём мире в значительной мере лежит вера в этот современный миф о прогрессе.

Некоторые движения сосредоточивались больше на социальных аспектах земного рая и пытались создать разные виды утопических обществ. В истории известны примеры того, как люди пытались основать отделённые от внешнего мира общины, где они могли бы жить гармоничной жизнью, подобной жизни в Шамбале. В "Государстве" Платон изложил модель идеального государства, основанного на правлении царей-философов, обладающих порядочностью, мудростью и мистическим видением конечного блага. Согласно тибетской легенде, Шамбала управляется именно таким царём — воплощением бодхисаттвы. Томас Мор взял многие идеи Платона и включил их в своё версию утопического общества, скрытого на острове, удалённом от Европы. Название, придуманное им для этой страны, и дало нам слово "утопия", которое значит "нет места".²⁵

Утопическое коммунистическое движение заряжено мессианским пророчеством, тоже имеющим отношение к легенде о Шамбале. Коммунизм тоже предполагает сначала период упадка капиталистического общества и борьбы, а затем последнее столкновение сил добра и зла, представленных здесь коммунизмом и капитализмом. После неизбежной победы пролетариата коммунистическая доктрина распространится по всему миру и установит золотой век, в котором люди будут жить в мире и гармонии, не испытывая недостатка ни в чём необходимом. Это видение будущего и придало коммунизму много силы, как и необходимость вести непримиримую борьбу против капитализма. В подобии между коммунистическим и тибетским мифом есть некоторая ирония, поскольку современные тибетцы склонны как раз коммунизм считать той самой варварской доктриной, которая захватит весь мир и будет угрожать Шамбале. То, как обе стороны используют эту тему, однако, демонстрирует её универсальность.

Рассматривая исследованные нами мифы и легенды, мы обнаруживаем, что они рассказывают о Шамбале каким-то из трёх основных способов. Некоторые из них, такие как мифы об Олмолунгринге и дворце Си-ванму, сосредоточены на теме скрытого святилища или земного рая, который содержит нечто желанное для многих людей. Олмолунгринг сохраняет учения мудрости, тогда как дворец Си-ванму содержит персики бессмертия. Уттаракуру и северная земля гиперборейцев являются убежищами сообществ

просветлённых людей, имеющих всё, что пожелают. Замок священного Грааля скрывает предмет, являющийся источником божественной благодати и жизни. В большинстве случаев само святилище лежит в этом мире, но скрыто, и его почти невозможно найти или достичь.

Другие мифы сосредоточены на теме поиска или путешествия в отдалённое святилище. Некоторые из них, такие как "Чистилище" Данте или "Совет птиц" Аттара, излагают путь с определёнными этапами, которые нужно пройти, чтобы достичь святилища. В других, таких как мифы о Граале и об Исходе, герою или героям приходится блуждать туда и сюда, пока трудности этих скитаний не сделают их достойными их целей. Как в Одиссее, путешествие почти всегда предполагает преодоление сверхъестественных препятствий с помощью божественных сил; в процессе этого путник попадает из обычного мира в магическое царство более глубокого смысла. Почти во всех этих мифах опыт путешествия преображает путника и открывает ему большую мудрость.

Для ещё одной группы мифов общим является пророчество о грядущем золотом веке. Большинство из них предсказывают период упадка добродетели, за которым последует финальное столкновение между силами добра и зла, но по меньшей мере один из них, современный миф о прогрессе, предусматривает постепенное улучшение условий, которое в конечном счёте превратит мир в райский сад. Многие из этих мифов, такие как пророчества о Калки и о мессии, подчёркивают роль некой божественной фигуры в установлении золотого века. Похоже, тема золотого века поначалу имела мало отношения к двум другим темам, но если взглянуть более пристально, мы увидим, что царство Шамбалы скрывает нечто ценное во время периода упадка и до последней битвы, и что это фактически и есть источник силы, которая преобразит мир. В дополнение к этому, есть тесная связь между святилищем в конце путешествия и золотым веком в конце пророчества.

Многие из мифов, имеющих отношение к Шамбале, сосредоточены на одной, двух, или трёх темах, а другие упоминают или уделяют им мало внимания. Китайский миф о дворце Си-ванму не упоминает о грядущем золотом веке, пророчество о Калки аватаре мало говорит о Шамбале, месте его рождения, и о пути туда. Мифы-путешествия, такие как Эпос о Гильгамеше и Одиссея, говорят о святилище в конце пути, но не могут нам много сказать о каком-либо будущем преобразовании внешнего мира. Легенда о Шамбале, однако, сводит три эти основные темы вместе, создавая самое полное и подробное изложение того более глубокого мифа, который, похоже, и лежит в

основе всех их. Если отбросить конкретные подробности, которые служат украшениями отдельных изложений этого основного мифа, включая и те, что присутствуют в тибетской версии, то мы откроем этот миф в своей простейшей форме: путешествие в скрытое святилище, содержащее источник освобождения и обновления, который в конце концов преобразит не только путешественника, но и внешний мир.

Если мы исследуем этот глубинный миф, то обнаружим, что все три составляющие его основные темы имеют отношение к какому-то типу освобождения. Это станет ясным, если посмотреть на каждую из них через те мифы, которые их представляют. В "Чистилище" Данте путешествие на гору чистилища освобождает душу от груза грехов, чтобы она могла подняться к совершенной свободе небес. Дворец Сиванму содержит персики, освобождающие от смерти. Калки и мессия придут освободить мир от сил зла. Без того или иного освобождения путник не может завершить своё путешествие, святилище теряет свой смысл, а золотой век не может наступить.

У этих разных видов освобождения есть внутреннее измерение, которое даёт основополагающему мифу его силу и притягательность. Каждый из них в некоторой степени предполагает достижение состояния внутренней свободы от забот и беспокойств, поражающих ум. Например, бессмертные китайских мифов достигают состояния свободы от страха смерти и всех беспокойств и помех, которые он за собой влечёт. Эта разновидность внутреннего освобождения и находится в сердце универсального послания глубинного мифа. Верим мы в мифы о Шамбале или нет, у них есть сила, чтобы отозваться в наших умах, потому что на глубочайших своих уровнях они напоминают нам, пусть даже бессознательно, о путешествии, которое ведёт в святилище, скрытое глубоко в нас, где мы можем ощутить свободу золотого века. В следующих главах мы исследуем символизм Шамбалы, чтобы посмотреть, что он может сказать нам о том, что за освобождение воплощено в трёх основных темах основного мифа.

5. КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Легенда о Шамбале принадлежит к мистической традиции, которая имеет дело именно с тем видом внутреннего освобождения, на который мы указали в конце предыдущей главы. Цель учений калачакры, хранящихся в скрытом царстве, и тибетского буддизма в целом — показать людям, как освободить свой ум от невежества и иллюзий, являющихся причиной их страданий. Как воплощения

бодхисаттв, владыки Шамбалы представляют собой тех, кто достиг внутреннего освобождения и в состоянии помочь другим достичь его. Многие другие черты мифа, такие как божества путешествия и лотусоподобная форма царства, символически указывают на процесс достижения этого состояния освобождения. Следовательно, символизм Шамбалы предлагает особенно ясное и прямое видение внутреннего смысла основополагающего мифа. Однако, чтобы воспользоваться этим символизмом, нам нужно будет получить некоторое представление о природе тибетского буддизма вообще и калачакры в частности. Это позволит нам увидеть и как используются символы, и что могут символизировать черты Шамбалы. Также это даст нам лучшее представление о том, что за внутреннее освобождение имеется в виду в этих учениях. С этой подготовкой мы сможем продолжить интерпретацию мифа о Шамбале таким способом, который сегодня имеет смысл и актуальность.

Прежде чем начать, мы должны учесть трудности и ограничения, присущие всякому объяснению этого предмета. В силу парадоксальной природы мистического воззрения на реальность, на всё, что мы можем сказать о тибетском буддизме, кто-либо может ответить противоположным заявлением. Фактически, философская школа, на которой основываются многие из его учений, старается сделать как раз это — путём противоречий разрушить любые наши концепции о реальности и о том, как её воспринимать.¹ Парадоксальная природа тибетского буддизма отчасти происходит из того факта, что то, с чем он имеет дело, крайне невыразимо, а потому и необъяснимо — оно за пределами всякой мысли и может быть постигнуто только на непосредственном опыте. Многие ламы предупреждают, что без практики и опыта некоторых видов медитации мы не можем по-настоящему понять их учения. Несмотря на эти трудности, если мы признаём ограничения нашего объяснения, мы всё же можем почувствовать природу тибетского буддизма, что поможет нам в интерпретации символизма Шамбалы.

Как и в других формах буддизма, первейшая цель тибетского буддизма — освобождение людей от пут страдания. Однако, более чем другие формы, он склонен сосредоточиваться на средствах, которые действительно позволяют достичь этого, и широко использует в мистических практиках символы, помогающие практикующему преобразиться и стать буддой, "пробуждённым". Сами тибетцы различают три основных вида буддизма, которые они соотносят с разными уровнями или этапами на пути к просветлению. Первый они называют хинаяной, или меньшим путём, отождествляя его с

учениями, которые Будда дал публично, практикуемыми теперь в странах юго-восточной Азии. Они утверждают, что хинаяна — для эгоистичного типа людей, которые стремятся лишь к собственному просветлению, и относится к первой стадии пути, предполагающей очищение ума. Второй вид, махаяна, или великий путь, подчёркивает практику сострадания, имея своим идеалом бодхисаттву, который отрекается от нирваны, чтобы помогать другим двигаться по пути. Тибетцы утверждают, что Будда давал эти более продвинутое учения избранным ученикам, которые могли воспользоваться содержащимися в них более глубокими озарениями и мудростью. Махаяна, в свою очередь, готовится к ваджраяне, или алмазному пути, также известному как тантрический буддизм. Используя низшие страсти и иллюзии, которые обманывают большинство людей, ваджраяна позволяет достичь просветления уже в этой жизни. Здесь, на вершине тибетского буддизма, мы и находим учения Калачакра-тантры.*

* Есть и другое деление на три типа, а именно на сутру, тантру и дзогчен. Первое — это путь отречения, самый долгий, но самый безопасный, о нём говорится то же, что ниже сказано о хинаяне; второе — упомянутый тут путь использования и преобразования страстей; третье — путь осознания, свободный от усилий по изменению своего состояния. Высшие пути, предполагающие быстрое освобождение, годятся лишь для людей с высокими способностями, то есть в прошлых жизнях уже прошедших предварительные стадии, причём не обязательно в буддийских школах. — Прим. пер.

Тибетцы считают ваджраяну прямым путём к просветлению, и сравнивая его с другими видами буддизма, приводят разные аналогии. Например, хинаяну сравнивают с путём, ведущим к подножию горы, на которую предстоит подняться. Махаяна ведёт на гору долгой, но пологой и ровной дорогой, спиралью поднимающейся вокруг горы; достижение вершины может занять много жизней. Ваджраяна ведёт прямо по скалам, выбирая кратчайший, но самый опасный путь к вершине. Один неверный шаг, и можно упасть прямо в ад, где положение будет ещё хуже, чем в отправной точке. Чтобы идти этим путём, нужны совершенная координация способностей и проводник, который знает путь. Тот же, кто следует путём махаяны, напротив, может позволить себе делать ошибки, и его путь окажется менее трудным и более безопасным. По этой причине лишь немногие действительно пытаются следовать пути ваджраяны, и ещё меньшему количеству людей удаётся пройти его до конца.

Ламы также сравнивают три вида буддизма с тремя видами отношения к ядам — в данном случае, ядам ненависти, возжеления и заблуждения. Считая, что яд может привести лишь к болезни и смерти, последователь хинаяны избегает его — он старается отсечь все свои желания и избегать всего, что может их стимулировать, например женщин и богатства. Махаянист, напротив, сознаёт, что правильно использованный яд действует как горькое лекарство, и потому использует страсти в малых дозах, чтобы излечить свой ум от иллюзий. Но йог ваджраяны знает, что яд лишь кажется ядом — в действительности это нектар бессмертия; и зная это, он пьёт его и быстро достигает просветления. Распознавая в глубине страстей чистую энергию, он может использовать те самые страсти и иллюзии, которые сделали бы обычного человека сумасшедшим. Как мы увидим, эта аналогия с ядами играет в символизме путешествия в Шамбалу важную роль.

Она отражает ту тантрическую идею, что тому, кто срезает путь к просветлению, нужно использовать все средства, имеющиеся в распоряжении. Чем отбрасывать связывающие его страсти и иллюзии, он скорее должен воспользоваться их энергией, чтобы не только избавиться от их хватки, но и преодолеть препятствия на пути к нирване. Чем более сильную страсть или иллюзию он использует, тем больший она содержит потенциал как средство освобождения — или как источник привязанности. Поскольку секс, в частности, имеет такую власть над умом, мы видим статуи и изображения бодхисаттв в сексуальном соитии с женскими божествами, которые символизируют высшие истины и блаженство, происходящее от их осознания. Хотя ламы и медитируют на подобных символах, вряд ли кто-либо из них использует секс в своих мистических практиках. Тантрическое использование сексуальных образов представляет то отношение, при котором на пути к просветлению используются все стороны человеческой природы — как мирские, так и духовные. Согласно тибетскому буддизму, если мы сможем переориентировать свой взгляд и видеть вещи такими, каковы они есть на самом деле, то мы увидим, что мир иллюзии и рабства — в действительности нирвана, царство реальности и свободы.

Практикующий ваджраяну видит яд, как нектар, потому что и то, и другое — пусто, и в сущности, то же самое. Для него природа всех вещей — пустота. Но ламы указывают на то, что эту пустоту нельзя ни определить, ни изобразить: это не ничто, и не пустое пространство, образ которого может прийти на ум. Это сама реальность, неопикуемый источник всего, и всё же сам он не вещественен. Мы

можем назвать её духовной сутью мира, которую нельзя уловить, назвать, или ограничить каким-то иным образом. Будучи за пределами всякой вещественности, она проникает все вещи. Мы не можем воспринимать пустоту как нечто отдельное от нас; мы можем лишь переживать её в самых глубинах самих себя и окружающего мира. Она похожа на ветер, который можно почувствовать, но который не виден, или на невидимое пространство, в которое все вещи погружены подобно пузырькам в бурном потоке. Последователь ваджраяны прорывается через непрозрачную и твёрдую видимость мира, чтобы найти в его основе его ядро — сияющую подобно алмазу, ясную и нерушимую пустоту, в которой уже нечего увидеть или разрушить. Но всё это лишь метафоры, намекающие на переживание реальности, которое за пределами слов и мысли. Как говорит тантрическая поэма, "хотя и говорят слова, чтобы объяснить пустоту, пустоту как таковую никогда не объяснить".²

Согласно тибетскому буддизму, у вещей нет своей собственной реальности, они лишены самобытия. Они существуют лишь как отражения в зеркале, отражения пустоты в пустоте. Поскольку всё подвержено изменению и распаду, даже звёзды, вещи лишены истинного существования и обладают лишь иллюзорной его видимостью. Более того, ни во вселенной, ни в нас самих не найти ничего, что было бы полностью отдельным — всё состоит из других вещей и существует в соотношении с чем-то другим. Даже самый уединённый остров состоит из земли и окружён водой. Уберите либо то, либо другое, и он перестанет быть островом. Аналогично и каждая вещь, или личность, зависит от того, что её составляет и отделяет от других вещей. Сама по себе она — ничто, будучи лишённой какой-либо своей собственной абсолютной природы. В результате конечной природой реальности и всех вещей, каковы они на самом деле есть, оказывается пустота.

Поскольку пустоту, подобно скользкой свинье, не удаётся ухватить и пришить, мы прибегаем к подменам. Это порождает иллюзорные воззрения об отдельном "я" и вещах, которые привязывают его к страданиям. Создав иллюзию об собственных природах, отдельных от всего прочего и независимых от него, мы испытываем болезненное чувство лишений и одиночества, желание обладать тем, чего мы, как мы думаем, не имеем. Отсюда происходит множество разочарований от желаний, которые мы никогда не можем адекватно удовлетворить — ведь даже если мы получаем то, что хотим, страх потери этого в конце концов уничтожает наше удовольствие. С другой стороны, в переживании пустотности мы осознаём неосязаемую природу

реальности и позволяем нашим иллюзиям уйти. Наше чувство отдалённости от желаемого исчезает, а вместе с ним — наши желания и страдания, которые они влекут за собой. В то же время сами вещи не просто исчезают, а подобно зажжённым фонарикам из вощёной бумаги, становятся прозрачными и через них начинает сиять ясный свет пустоты. Йог ваджраяны использует переживание пустоты для того, чтобы опустошить свой ум от иллюзий и открыться реальности.

А ум, как указывает тибетский буддизм, гораздо глубже и богаче, нежели мы воображаем. Его поверхность образуют сознательные мысли и впечатления повседневной жизни, но у него также есть и более глубокие уровни, которые обычно остаются скрытыми от нашей осознанности. Погружаясь под эту поверхность, мы обнаруживаем подсознательные уровни, которые проявляются в снах, а иногда, в моменты сильной страсти, такой как гнев или любовь, прорываются и в наше бодрствующее сознание. Большинство теорий западной психологии на этом и останавливаются, но буддизм идёт дальше, в другие слои, которые мы можем назвать областью сверхсознательного. Эти более глубокие уровни ума обычно находятся в спящем состоянии, но медитация или сильное потрясение, такое как близость смерти, могут временно активировать их. Когда это происходит, человек ощущает новые виды осознанности и паранормальные силы, такие как способность читать чужие мысли или двигать предметы на расстоянии. Но что важнее, он приобретает, пусть даже на краткий миг, более ясное восприятие реальности, с не столь сильной иллюзией отдалённости между ним самим и тем, что он видит.

Каждый уровень ума воплощает определённые иллюзии, характерные для него и его восприятия реальности. Поскольку поверхностное сознание состоит из грубых воззрений на вещи как на постоянные и отдельные объекты, оно склонно иметь грубый и беспокойный характер. По мере углубления, уровни ума и их иллюзии становятся более утончёнными. Чем тоньше уровень ума, тем он яснее и тем ближе он к открытию истинной природы вещей. Но лишь самый внутренний и самый утончённый ум из всех, называемый иногда природождённым умом, может иметь опыт пустоты, потому что один лишь он воплощает пустоту без всяких иллюзий. А пока мы остаёмся привязанными к более поверхностным уровням ума, глубинные уровни остаются спящими и скрытыми от нас нашими иллюзорными представлениями о мире и о себе.³

Согласно тибетскому буддизму, наши умы каждое мгновение создают для нас такой мир, как нам кажется. Не сознавая этого, мы проектируем свои иллюзии на экран пустоты, где они выглядят, как

реальные объекты восприятия. По этой причине, каждый предмет, который мы воспринимаем вне себя, соответствует чему-то скрытому в нашем уме, будь то в поверхностном сознании или более глубоком уровне. Всё встречаемое нами во внешнем мире имеет некое внутреннее значение — даже самая незначительная песчинка может быть символом, который сообщает нам что-то глубокое о нас самих. Это важный ключ к значению Шамбалы и разных подробностей путешествия туда.

Буддийские тексты иногда сравнивают создаваемую умом видимость мира со сном. Согласно этому воззрению, вселенная, которую мы видим, это нечто вроде галлюцинации, но это коллективная галлюцинация всех нас вместе взятых. Комментарий к калачакре использует образ белой палатки, освещённой сиянием сотни масляных ламп внутри неё.⁴ Если одна лампа погаснет или будет убрана, свет от оставшихся девятюста девяти будет по-прежнему освещать палатку, и она будет выглядеть так же, как и раньше. Точно так же и наши умы вместе создают видимость вещей, наблюдаемых нами в мире, таких как деревья, реки и горы. Вклад каждого ума столь незначителен, что когда люди умирают, ничто заметно не изменяется — оставшиеся продолжают видеть всё почти таким же, как и раньше. Чтобы достичь просветления, мы должны пробудиться от этой коллективной галлюцинации и распознать объекты восприятия как порождения наших собственных умов.

Если понаблюдать, как в действительности работает ум, мы увидим, что у всех мыслей и эмоций поверхностного сознания есть собственная энергия, которая придаёт каждой свой особенный характер. Без некоторой возбуждающей поддержки гнев переходит в обиду, тогда как абстрактная мысль, касающаяся математических задач, требует спокойной силы сосредоточения. Это верно и для более глубоких уровней ума, где осознанность всегда идёт вместе с энергией в качестве своего носителя или движущей силы. Без поддерживающей энергии осознанность затухает, а энергия рассеивается без направляющей её осознанности. Измените одно, и вы измените другое. Ламы характеризуют их взаимоотношения, сравнивая ум (как осознанность) с существом, у которого есть глаза, но нет ног, а энергию — с существом без ног, но с глазами. Вместе они могут действовать, как глаза и ноги одного тела, два проявления одной сущности.

Ваджраяна, и калачакра в частности, утверждают, что энергия протекает через наши тела в разных формах, причём некоторые из них тоньше и глубже других. Форма, которую нам легче всего наблюдать, это наше дыхание. Из воздуха, которым мы дышим, мы

получаем энергию, необходимую, чтобы думать и чувствовать. В то же время природа нашего дыхания соответствует природе наших мыслей и эмоций. Когда мы злимся, наше дыхание становится тяжёлым и грубым; когда мы спокойны, оно становится лёгким и ровным. При глубоком сосредоточении мысли дыхание почти исчезает. Согласно тибетскому буддизму, наше дыхание отражает тонкие потоки энергии, неразделимо связанные с глубинными уровнями нашего ума. И хотя мы не можем показать их кому-то другому или измерить с помощью научных инструментов, мы можем пережить эту энергию в медитации. Сделав это, мы обнаружим, что грубое или нечистое её течение поддерживает страсти и иллюзии, которые скрывают самый внутренний ум.

Это наблюдение даёт начало двум основным путям тибетской медитации. Один, путь ума или лишённости формы, очищает ум от иллюзий, развивает осознанность их пустотной природы; другой, путь энергии или формы, очищает поток энергии, поддерживавший эти иллюзии, так, чтобы они растворились. Согласно ваджраяне, если мы очищаем свою осознанность, мы автоматически очищаем и свою энергию, а если очищаем энергию, то очищаем и осознанность. Практика обоих видов очищения очистит каждый уровень ума так, что он уже не будет скрывать следующего. Таким образом, мы в конце концов достигнем самого внутреннего ума, пробудим его, и откроем истинную природу реальности, что освободит нас от всякого страдания. Большинство форм буддизма сосредоточиваются на очищении ума, но это требует много времени; ваджраяна же концентрируется на очищении энергии как на более быстром, но и более опасном пути к освобождению. В любом случае, на своих высших этапах два пути сходятся и сливаются воедино: осознав, что энергия и осознанность в действительности — одно, йог использует и то, и другое для достижения цели.

Осознанность можно очищать символами, которые дают нам прозрения в природу реальности и иллюзий, скрывающих её от нас. В то же время они имеют силу пробуждать и сосредотачивать не только сильные чувства, но и более глубокую энергию ума. Хотя некоторое использование символов имеет место и на пути лишённости форм, особо важную роль они играют на пути формы. Они обеспечивают средства, которыми йог тантрического пути ставит под контроль неустойчивый поток своей энергии, выравнивает его и перенаправляет его так, чтобы смыть иллюзии, затемняющие осознанность более глубоких уровней ума.

К такому использованию символов можно подойти через эффекты

звука. Пушечный выстрел или взрыв петарды резко поднимают нашу осознанность, тогда как мягкая мелодия, напротив, ослабляет напряжение и располагает ко сну. Эти и другие эффекты тибетский буддизм применяет в практике мантры (пения священных формул), где звук используется как символ. У некоторых из них, как например у популярной мантры "Ом мани падме хум" (Ом, драгоценность в лотосе, хум) есть явный смысл, тогда как другие на первый взгляд кажутся набором несвязанных слогов. Среди последних и основная мантра калачакры — "Ом ха сва ха кша ма ла ва ра ям". Но повторение даже бессмысленных с виду мантр может сделать дыхание ровным и успокоить ум, а выполняемое с внимательностью также может отвести наше внимание от отвлекающих мыслей и помочь развить способность сосредоточения. Всё это, очевидно, внесёт свой вклад в ясность и сконцентрирует наш ум, что и составляет одну из основных целей медитации.

Путь формы начинается с этих эффектов и продолжает использование мантр в качестве инструментов овладения энергией. Когда мы говорим или поём, мы модулируем своё дыхание. Согласно ваджраяне, если йог распевает мантру правильно, он может контролировать своё дыхание и поток энергии, связанной с ним. Тогда, тонким использованием звука, он может высвободить внутренние силы ума и направить их к пробуждению более глубоких уровней осознанности. Нечто подобное происходит, когда мы слышим или поём вдохновляющее музыкальное произведение, переживаем подъём и чувствуем, как уносимся прочь. Музыка мантры тоже поднимает йога вверх, но вместо того, чтобы потом ронять его на исходный уровень, она несёт его дальше, к просветлению. В отличие от песни или симфонии, она позволяет целенаправленное использование энергии пробуждаемых ею эмоций. Даже смысл мантры действует так — скорее своими поэтическими и реминисцентными качествами, нежели интеллектуальным содержанием. Содержание тоже передаёт прозрения, но в первую очередь глубинным уровням ума, как только мантра пробудила их. Без большей осознанности глубинных уровней ума мы не можем по настоящему понять смысла мантры.

Мантры не дают внешних магических сил, хотя так и может казаться. Вместо этого они вызывают силы изнутри поющего человека, фокусируя их. Даже сам звук мантры может резонировать с глубокими уровнями ума и пробудить их. Но чтобы это произошло, мантру нужно петь верно, а этому нужно научиться у опытного учителя. Написанная мантра подобна нотам, по которым нужно

научиться играть, иначе она останется мёртвыми значками на бумаге, абракадаброй. Учитель не только показывает ученику, какую интонацию и какие чувства надо вкладывать в слоги, но также посвящает его в опыт энергии и осознанности, которые они должны пробуждать. Таким образом мантра становится связана с ними, и ученик уже может вновь вызывать их по своей воле, углублять своё переживание их и управлять им. Это в некотором роде подобно мелодии, пробуждающей в памяти воспоминание прекрасного вечера, когда она была впервые услышана.

Повторение мантр проводится вместе с визуализацией божеств и других символов. Например, "Ом мани падме хум" — мантра Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания (см. рис. 4), а "Ом ха сва ха кша ма ла ва ра ям" воплощает силу главного божества калачакры. Йог учится представлять этих божеств в своём уме столь живо, как будто он видит их нарисованными на картинке, а фактически — ещё живее. Мы переживаем нечто подобное, когда образы являются нам в снах. Практикующий ваджраяну развивает способность "сновидеть" или визуализировать символы в бодрствующем состоянии. У этой странной практики несколько необычных следствий. Заставляя его держать свою внимание исключительно на одном образе, который он пытается представить, она очищает его ум от отвлекающих мыслей и делает более острым фокус его сосредоточения. Но что важнее, визуализация символа придаёт ему непосредственность и силу, которой он иначе не мог бы иметь: йог начинает ощущать его живой частью себя.

Рис. 4. Мантра Ом мани падме хум тибетским шрифтом.

Образ и цвет представляемых символов действуют подобно ритму и тону мантр, активируя более глубокие уровни ума. Они не символизируют что-то иное, а скорее запускают настоящие переживания и являются каналами для их результатов. Подобно

сияющей капле росы или прекрасному золотому закату, они вызывают мощные чувства, которые глубоко внутри нас могут пробудить мощные силы и прозрения. Визуализируя их образы в горящих цветах, йог даже абстрактные буквы мантры может превратить в сияющие символы, чей яркий свет сжигает иллюзии, покрывающие самый внутренний ум. Интенсивность визуализации вместе с чувством почтения к этим символам пробуждает эти буквы к жизни и придаёт им силу намного превосходящую то, что они могли описывать или означать.

Мы можем это увидеть яснее в случае визуализации божеств. Каждое из них символизирует конкретный тип энергии и осознанности в глубоких уровнях ума. Например, представляя Авалокитешвару, сидящего в цветке лотоса и излучающего любовь на всех существ, йог может пробудить и направить скрытые в нём самой силы сострадания (см. илл. 24). Делая это, он автоматически активизирует те уровни ума, которые порождают эти силы — чем более глубокое сострадание он развивает, тем более глубокий уровень ума он пробуждает. Сначала он призывает божество как некий внешний источник силы и мудрости, который, как кажется, лежит вне его сознания — поверхностного сознания. Затем он перемещает образ в своё сердце, а затем представляет, как его тело сжимается и сливается с этим образом. Сделав это, он ощущает себя этим божеством и получает доступ к внутреннему источнику силы и мудрости, который оно в действительности воплощает. Аналогично, хотя и в значительно меньшей степени, мы, когда читаем роман, поначалу представляем главного героя отдельным от нас человеком, а затем постепенно отождествляемся с ним, принимая его мысли и чувства, как свои собственные.

Илл. 24. Авалокитешвара, бодхисаттва сострадания. В его крайних руках чётки и лотос, а в средних — драгоценность.

Очищая каждый уровень ума и переходя к следующему, йог представляет себя в виде другого существа — или того же самого, которое визуализируется более ясно. Ряд божеств, получающийся в результате, даёт нам серию картин того, как видит себя йог в процессе раскрытия самого внутреннего ума. Таким образом, эти божества иллюстрируют ход его медитации и символизируют этапы и опыты, через которые он проходит на пути к просветлению. Как говорится в тантрическом тексте:

"Путь практикующий помнит, что все эти визуализируемые божества — лишь символы, представляющие разные вещи, случающиеся на пути, такие как способствующие импульсы или стадии, достигаемые с их помощью... Эти божества составляют путь."⁵

Особенности каждого божества — украшения, предметы, которые оно держит в руке, черты тела и так далее сообщают нам нечто об этапе или этапах, которые оно представляет. Например, тысяча рук одной

из форм Авалокитешвары может указывать на решимость йога помочь освобождению бесчисленных существ из мира страданий или на то, что он перешёл к развитию способностей, которые позволят действительно сделать это. Меч и алмазный скипетр в руках у одной разновидности главного божества калачакры показывает, что практикующий пробуждает мудрость, которая отсекает иллюзии и открывает подобную алмазу природу пустоты. То, как божества символизируют этапы и переживания на пути к освобождению, окажется нам полезным при интерпретации путешествия в Шамбалу.

Чувство почтения, внушаемое божествами, делает их подходящими символами для пробуждения внутренних сил, которые поверхностному сознанию кажутся божественными. Оно также напоминает йогу о том, что эти силы следует использовать для духовных, а не для эгоистичных целей — хотя он обнаруживает их в себе, они приходят из священного источника, который не принадлежит только ему одному. Это противодействует искушению использовать их для того, чтобы строить себя как изолированное эго с божественными силами, что составляет реальную опасность тантрической практики, которая может легко привести к иллюзии величия и конечному краху. Сохранение чувства почтения к божествам помогает йогу превзойти подобные иллюзии и осознать божественную пустотность своей истинной природы.

Когда визуализируемые божества пробуждают глубинные уровни ума, они открывают освобождающую силу и мудрость, скрытые в действующих под заблуждением страстях поверхностного сознания. Например, представляя себя гневным божеством, йог открывает в своём гневе чистую силу, которая разрушает иллюзии и превращает этот самый гнев в открытую осознанность, способную отражать истинную природу реальности. Аналогично медитацией на других видах божеств он трансмутирует вожделение в сострадание, гордость в уравновешенность, невежество в мудрость и так далее. Согласно ранее использованной нами аналогии, эти символы позволяют ему распознать в яде нектар бессмертия.

Учитель обычно назначает ученику особое охраняющее или ведущее божество,* наиболее подходящее для того, чтобы преобразить главные недостатки, свойственные именно его характеру. Человек сердитый получит гневного бодхисаттву, тогда как человеку романтическому и склонному к вожделению дадут для визуализации соблазнительное божество противоположного пола. Вверяя себя божеству-покровителю и рассматривая его как своего учителя, йог позволяет внутренним уровням своего ума возобладать и повести его по пути к освобождению.

Божество становится как бы рупором внутреннего голоса, а в конечном счёте — воплощением самого внутреннего ума. Представляя себя божеством-покровителем в сексуальном соитии со своей супругой, йог сводит вместе мужскую и женскую стороны своей природы, в ваджраяне рассматриваемые как активная энергия и пассивная осознанность, и переживает блаженство их базового единства в пустоте. Таким образом он превосходит себя и чувствует вкус просветления, который очищает его ум и служит ему ориентиром на пути к окончательному освобождению.

* Йидам — прим. пер.

Как только йог отождествился с охраняющим божеством, он продолжает визуализировать энергетическую систему своего нового, божественного тела: сеть каналов, расходящихся от пяти психических центров в виде колёс, или символизируемых цветками лотоса, и расположенными вдоль центрального канала, начинающегося возле основания позвоночника и идущего к макушке головы (см. рис. 5). Согласно ваджраяне, правильному потоку энергии через эту систему мешают различные узлы и препятствия, тем порождая страсти и иллюзии нашего обычного состояния сознания. Визуализируя в этих узлах крошечных божеств и мантры, йог может открыть их и сместить поток своей энергии в центральный канал, где она очищается и активизирует психические центры, а также более глубокие уровни ума, которые в них содержатся и которыми они управляют. Цель практики калачакры — достижение и высвобождение самого внутреннего ума, запертого в сердечном центре. Здесь йог может оставить практику визуализации и войти в состояние блаженной пустотности, чтобы восстать оттуда пробуждённым и очистившимся от иллюзий.

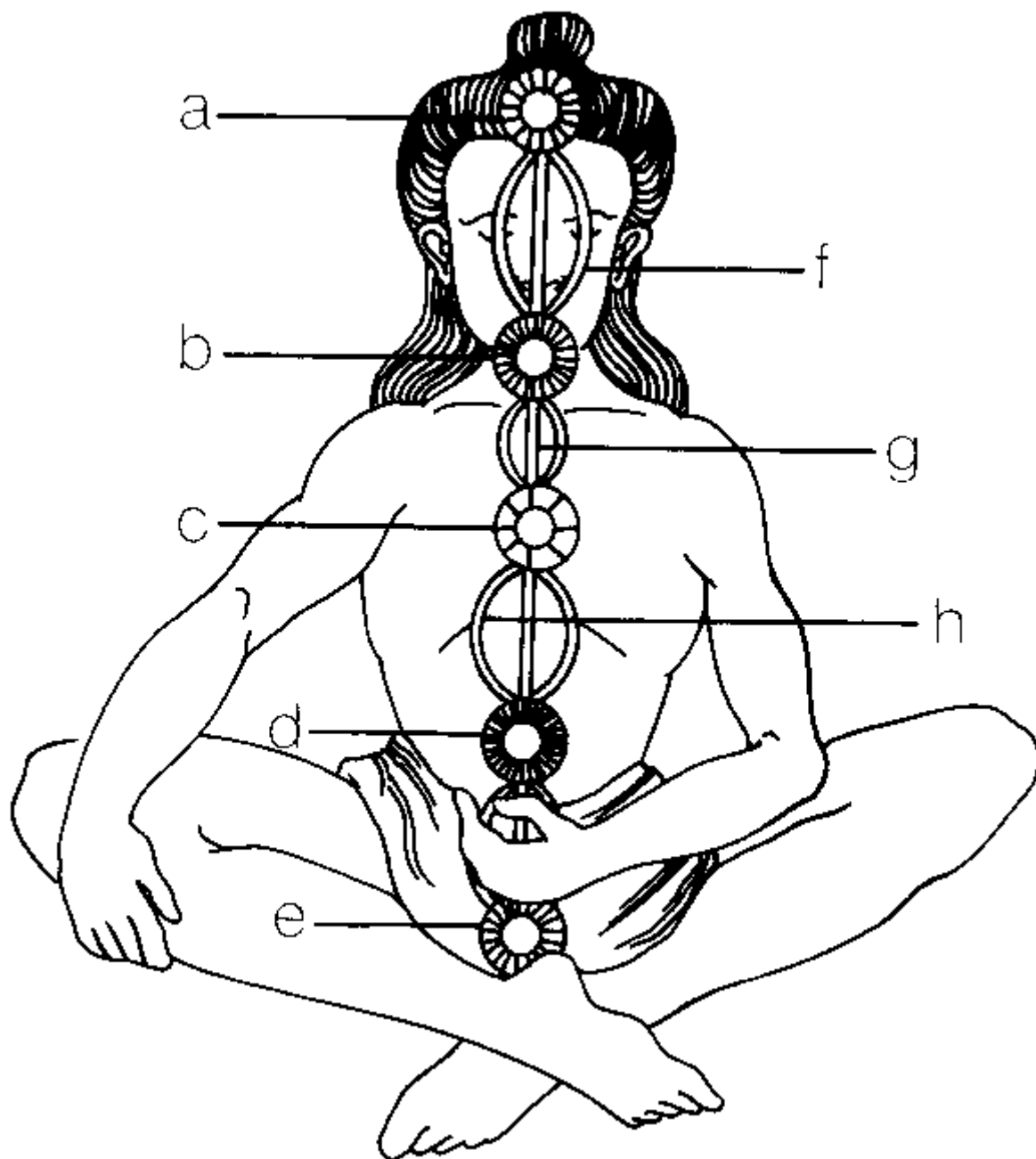

Рис. 5. Система каналов психической энергии. а — венечный центр; b — горловой центр; с — сердечный центр; d — пупочный центр; e — тайный, или половой центр; f — боковой канал; g — главный (центральный) канал; h — боковой канал.

Вне зависимости от того, имеет ли эта система психической энергии какое-либо физиологическое существование, она соответствует некоторым субъективным переживаниям тела. Мы склонны ощущать абстрактное мышление у себя в голове, сексуальные желания возле половых органов, а любовь и горе — в своём сердце — как раз там, где должны находиться центры, ответственные за то или иное. Визуализируя эти центры, йог фокусирует своё внимание на

различных чувствительных частях тела и особенно сильно стимулирует мысли и эмоции, которые переживаются в них. Затем, с помощью одухотворяющих эффектов божеств и других символов он может очистить энергию этих мыслей и эмоций, сделав более ясным своё сознание реальности. Хотя это может подтолкнуть к физиологической интерпретации центров, ваджраяна, похоже, подразумевает, что в действительности они принадлежат к тонкому телу, которое проникает физическое и открывается только в медитации или мистическом опыте. В любом случае, йог создаёт столь сильный мысленный образ этого тела, что для него оно ощущается таким же реальным, как и любое тело из плоти и крови.

Наряду с этим видом медитации йог визуализирует и священное царство своего божества-покровителя: мандалу, или мистический круг, окружающий драгоценный дворец с четырьмя вратами, раскрытыми на север, юг, восток и запад. Внешнее кольцо огня вокруг барьера из алмазных скипетров не пускает профанов и очищает достойных войти. Само божество пребывает в царственном великолепии в самом центре, окружённое другими божествами, проявляющими разные аспекты воплощаемых им силы и мудрости. Некоторые формы мандал не содержат дворца, включая лишь круг из божеств, которые тоже могут быть представлены цветком лотоса с центром и четырьмя (или более) лепестками, соответствующими сторонам света. Иногда каждое божество заменено буквой или иным священным предметом, символизирующим его суть. Все мандалы, что бы они ни включали и какую бы форму ни принимали, характеризуются совершенным порядком и симметрией (см. рис. 6 и илл. 18).

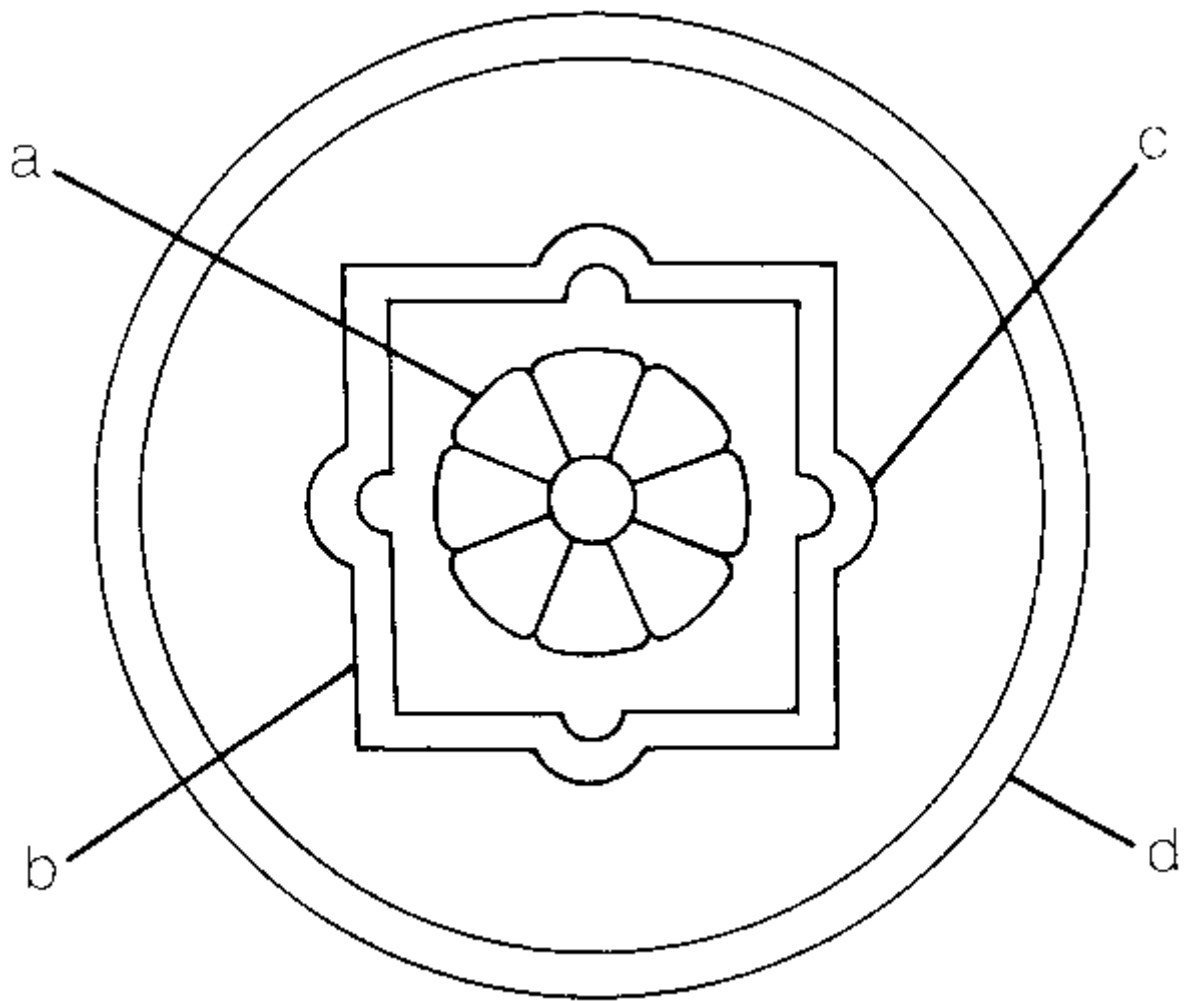
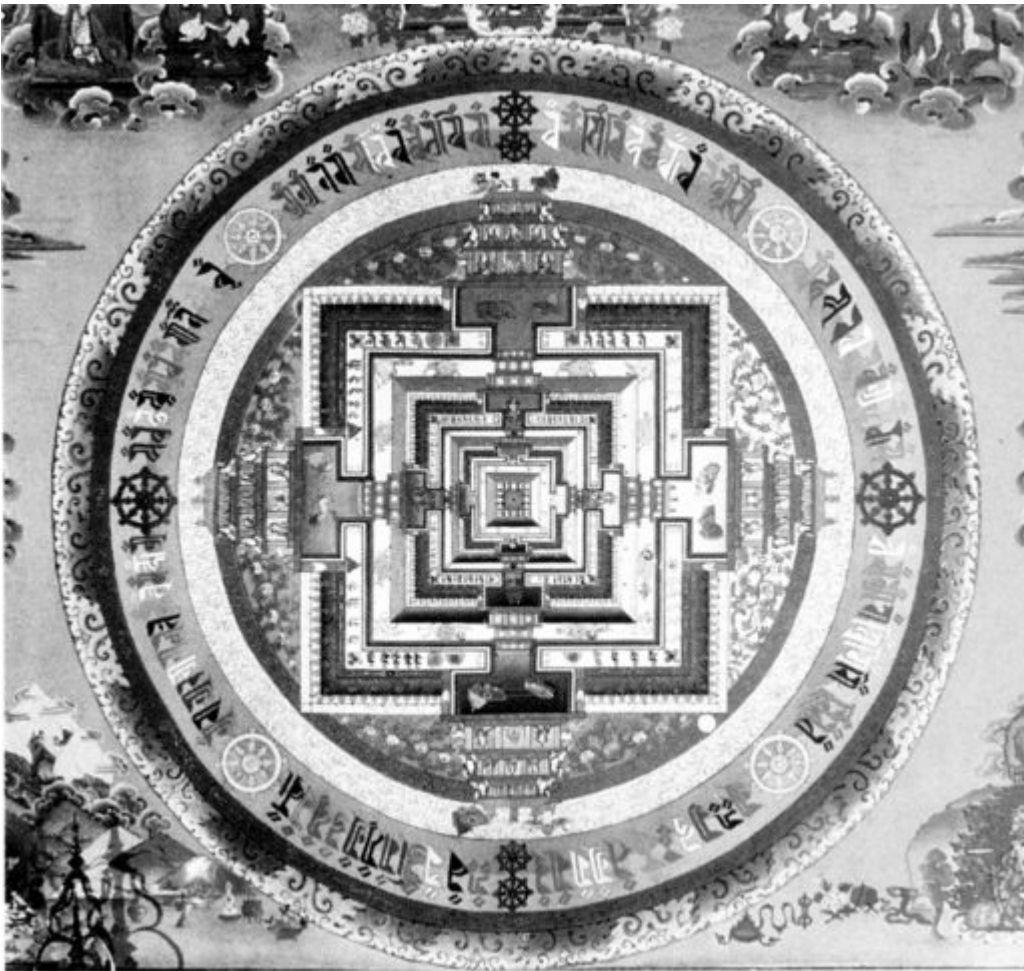

Рис. 6. Структура мандалы.
а — центральный лотос; б — дворец; с — вход во дворец; d — внешний круг.

Илл. 18. Мандала калачакры. Три вложенных квадрата символизируют три стены или уровня дворца божества Калачакры.

Когда йог отождествляется с покровительствующим ему божеством, весь мир вокруг себя он отождествляет с мандалой этого божества. Его непосредственное окружение становится дворцом, видимые им люди — другими божествами, а горизонт — внешним кольцом огня. Эта визуализация создаёт ментальную атмосферу, которую он старается поддерживать и в повседневной жизни, так, чтобы всё вокруг него могло начать раскрывать свою божественную внутреннюю природу. Через мандалу он стремится видеть весь мир нирваной, слышать все звуки мантрами, а всех существ считать буддами. И как божества мандалы проявляют природу центрального божества, так и он начинает видеть, что другие люди отражают разные аспекты его самого, и через них он может разглядеть скрытые части своего ума, которые ему нужно пробудить. Потому всякий, по-своему, может научить его чему-то очень ценному. С углублением этой осознанности он постепенно перестаёт считать себя существом, отдельным от остального бытия. Через совершенную композицию мандалы, в которой нет ничего лишнего, оно начинает сознавать внутренние отношения, связывающие и объединяющие всё во вселенной.

Во второй главе мы увидели, что калачакра описывает вселенную в виде мандалы с горой Меру в центре и нашим миром в качестве южного континента. Йоги иногда визуализируют эту мандалу в своём теле, отождествляя Меру со своим позвоночником, а четыре континента — со своими конечностями. Среди прочего, это может перевести к мистическому опыту единства со вселенной. В результате этой практики йог открывает, что всё, что он ни пожелает, можно найти в своём собственном теле. Ему больше не нужно хватать внешние вещи и цепляться за них, тем поддерживая привязанности, который приковывает его к страданию. Даже божества являются в психических центрах, которые он визуализирует в виде лотосоподобных мандал внутри большей мандалы своего тела. Через этих божеств приходит божественная сила, открывающая центры и вводящая в жизнь более глубокие уровни ума.

Мандалы также играют важную роль при посвящениях — церемониях, при которых передаются силы и мудрость, а также разрешение следовать какой-либо практике или мистическому учению. При типичном посвящении учитель или мастер медитации освящает область на земле и prepares там мандалу, либо рисуя её краской или цветным порошком, либо строя её трехмерную модель, завершаемую дворцом-пагодой. Согласно текстам калачакры, первый владыка Шамбалы построил такую трёхмерную модель, чтобы давать посвящения в это учение. Посвящаемый ученик обычно стоит с завязанными глазами перед восточными воротами и воображает себя родившимся в мандалу, как ребёнок, входящий в новый мир и новую жизнь, которая поведёт к освобождению. Затем учитель обливает его водой из разных сосудов, символически смывая загрязнения его иллюзий и вливая в него силу и мудрость нового учения. Посвящение калачакры включает в себя несколько дополнительных ритуалов для символической посадки семян будущего просветления. Мистическая атмосфера церемонии способствует пробуждению повышенной осознанности, благодаря которой ученик может начать понимать структуру мандалы и увидеть, как её особенности символизируют учение и отражают природу его собственного ума.

С углублением этого понимания в последующей медитации он начинает осознавать и действительно ощущать, что куда бы он ни пошёл, он, подобно центральному божеству, всегда остаётся в том же месте — в центре окружающего его мира. Визуализируя мандалу, он как бы поднимается на гору и с её вершины видит, что стоит в центре окружающего горизонта, и эту осознанность ему удастся сохранить, даже когда он возвращается к обычной жизни и не может уже видеть,

где он находится. Это осознание придаёт ему чувство внутреннего равновесия и устойчивости, позволяющее ему выдерживать напор страстей и обстоятельств и использовать их силу. Он открывает, что центр мандалы — источник стойкости и силы, подобно оси, которая удерживает и направляет колёса машины.

Фактически всё в мандале существует во взаимоотношении с её центром. При её визуализации различные её части, такие как божества, дворец и круг огня обычно исходят из центрального слога, а затем занимают свои места. В конце медитации они растворяются, снова уходя в этот слог, который исчезает в пустоту, из которой и пришёл. Потому мандала в живых подробностях отображает всё, что в скрытом, латентном виде заключено в её центре. Когда йог отождествляется с божеством центрального слога, подробности, исходящие оттуда, начинают символизировать скрытые части его ума. Мандала простирает перед ним свой внутренний мир, и он может распознать и узнать его. В процессе этого он видит, каким образом все внутренние уровни его ума имеют свой источник в самом внутреннем уме, который в центре. Символически погружая их обратно, в центральный слог мандалы, он поглощает их в своё сознание, тем пробуждая в себе их. Затем, в конце медитации, когда он визуализирует исчезновение центра в пустоте, он наконец переживает пустотность самого внутреннего ума и всего, что из него исходит.

Тантры, или учения, где применяются эти практики, в общем делятся на четыре класса, каждый из которых представляет более продвинутой этап, чем предыдущий. Они начинают с предварительного очищения ума и тела, а затем переходят к развитию и совершенствованию осознания пустотности, которое ведёт к конечному освобождению. Калачакра-тантра принадлежит к высшему классу, известному как ануттара-йога, и вероятно является самым сложным из тантрических учений. Например, в ней больше посвящений, чем в других — всего шестнадцать, а её мандала содержит дворец не с одной, а с тремя стенами, или уровнями, представленными в виде трёх квадратов друг в друге (см. илл. 18). Вместе с этим мистическим кругом приходит огромный и ошеломляющий набор божеств, которых надо расположить в мандале и теле при визуализации. Сама мандала включает 156, тогда как тело человека должно содержать 722. Немногие ламы могут упомянуть их всех, и ещё меньше знают, что они символизируют. В дополнение к этому тексты калачакры, подобно и другим текстам высших тантр, написаны на тайном "сумеречном языке", что делает их понимание непосвящёнными чрезвычайно трудным, если не невозможным.

Западные учёные склонны считать калачакру самой сложной из всех тибетских систем, пределом ритуализации и запутанного символизма. В результате она, пожалуй, остаётся наименее известным и самым далёким из всех тантрических учений.⁶

Главная причина сложности калачакры в том, что она старается охватить все явления — от работы ума до устройства вселенной — в одной всевключающей системе знания и практики. Делает она это тремя частями, именуемыми "внешней", "внутренней" и "иной" калачакрой. Первая занимается внешним миром, начиная с происхождения вселенной и включая астрономию и географию. Описание Шамбалы, её истории и связанного с ней пророчества принадлежат к этой части калачакры. Она также включает то, что мы бы назвали физическими и инженерными науками — например, она описывает, как построить катапульты и иные виды оружия, которые будут использоваться в последний битве против сил зла. Но главный упор тем делается на время и астрологию, а также на математику, необходимую для расчётов. В движении звёзд и планет практикующий внешнюю калачакру стремится найти циклические образцы сил, регулирующих наше существование. Он пытается прочесть их, подобно тому, как учёный по давлению и образованию облаков пытается предсказать погоду. Тибетские календарь и система астрологии в значительной мере происходят от этого раздела калачакры.

В отличие от внутренней калачакры, которую тибетские учителя будут обсуждать открыто, две другие части обычно держат в тайне и открывают только посвящённым — ламы считают, что там есть идеи и практики, которые могли бы повредить тем, кто попытался бы баловаться с ними без необходимой основы и подготовки. Первый из этих двух путей, внутренняя калачакра, работает с телом и умом и учит, как использовать их в медитации. Она углубляется в их внутреннее строение, но с мистическим уклоном, и описывает разные жидкости и выделения, которым приписывает особые свойства. Согласно внутренней калачакре, мужская сперма и её женское соответствие, разновидность крови, несут в себе импульс к просветлению и могут распространить блаженство по всему телу, преобразив его в средство просветления. Для этого йог представляет их как белые и красные капли соответственно, и манипулируя потоком своей энергии, движет их через сеть каналов и психических центров, которых мы касались ранее в этой главе.⁷ Внутренняя калачакра также объясняет действие системы психических каналов в целом и как она соотносится с функционированием разных чувств и

видов сознания. Согласно её объяснению, неправильное течение энергии через тело ведёт к нарушениям равновесия, которые производят физические болезни и умственные расстройства, такие как галлюцинации. В той части, которая пересекается с областями исследований западной медицины и психологии, внутренняя калачакра предписывает способы предотвращения и лечения различных болезней, начиная от оспы и кончая шизофренией.

Последняя из трёх частей калачакры, "иная", направляет внимание на духовное царство, описывая божеств и мандалы учения, а также их применение в практике визуализации. Йог знакомится с сотнями этих божеств и развивает интуитивное понимание того, что они символизируют. В некоторых визуализациях он размещает их по своему телу, от центральных каналов своих психических центров до суставов пальцев рук и ног. Он учится также распевать и визуализировать священные слоги, воплощаемые божествами, особым блоком из семи перевитых между собой слогов, который выражает суть всего учения калачакры. Эта комбинация, называемая "Десяткой силы", изображается снаружи многих тибетских монастырей для счастья и защиты (см. рис. 7). В практике иной калачакры она даёт начало главному божеству-покровителю, которое может являться в различных формах, каждая из которых подходит для какой-то конкретной цели. У самой изоцрэнной из форм голубое тело, две ноги, четыре лица разных цветов и двадцать четыре руки, которые держат разные символические предметы. Другие версии имеют двенадцать рук и четыре лица, или только две руки и одно лицо (см. рис. 8 и илл. 17). Йог обычно представляет себя божеством-покровителем в страстных объятиях с его обнажённой жёлтой супругой, переживая трансцендентальное блаженство недвойственности и пустотности. Союз этих двух божеств, мужского и женского, символизирует единство мудрости и сострадания, которое следует осознать, чтобы достичь просветления и помочь другим освободиться от страданий.

Рис. 7. Десятка силы, эмблема калачакры. Пламя, солнце и полумесяц наверху представляют слоги Ом ха сва. Внизу переплетены семь слогов: ха кша ма ла ва ра ям.

Рис. 8. Божество Калачакра с супругой.

Илл. 17. Божество Калачакра с супругой. Оно окружено буддами, бодхисаттвами и божествами-хранителями.

Все три части Калачакра-тантры соединяются в принципе изначального будды, который лежит в основе всего, что охватывается отдельными учениями — то есть внешнего мира, тела и ума, а также царства божеств. Хотя это близко к монотеистическим представлениям, в отличие от бога он не создаёт вселенную как творец, отличный от своего творения, но напротив, является самой её сутью. Все предметы и существа, от камней до будд, — его проявления, каждый в своей истинной природе есть изначальный будда. За пределами формы и пустоты, он пребывает где-то в единстве их обеих. Согласно калачакре, он — предельная реальность, и пуст даже от пустоты. В медитации он является в форме главного божества-покровителя, чьё голубое тело, цвета неба, символизирует его огромную и всеохватывающую природу.

Изначальный будда даёт начало колесу времени, циклу творения и разрушения — непрерывных изменений, определяющих наше существование. Путём практики калачакры йог начинает постигать это колесо и осознавать пустотность как времени, так и пространства. Он сознаёт, что прошлое и будущее существуют только в его уме, а настоящее не имеет собственной реальности. Вчера осталось в памяти, завтра принадлежит воображению, а сегодня скоро пройдёт. При пристальном исследовании время, казавшееся столь осязаемым и реальным, самой основой существования, растворяется в пустоту, а вместе с ним и всё, что йог стремится и надеется найти, все вещи и события, которые в нём происходят. Каждая вещь и каждое событие, даже если обретает материальную форму, длится лишь краткое время, а затем исчезает, затухая в памяти. Как можно схватить и удержать то, что неизбежно превратится в наших руках в туман?

Многие люди стараются избежать этого осознания, потому что оно угрожает лишить их всех богатств, которые они имеют, включая их жизнь и сами их "я". Они ищут в будущем момент, который будет длиться вечно, или стараются сохранить настоящее в воспоминаниях прошлого. Но они не могут избежать старости, и по мере старения они начинают чувствовать, что пойманы в ловушку времени и обречены на уничтожение. Столкнувшись с преходящей и непрочной природой времени йог, однако, открывает, что вместо того, чтобы держать его в плену, время в действительности может освободить его от его нынешнего состояния обусловленности. Он видит, что всё, и даже то, чего он больше всего желает, если будет длиться достаточно долго, неизбежно станет для него цепями, будь то железными или золотыми.

Однако, поскольку ничто не постоянно, он сознаёт, что и все вещи, которые сейчас связывают его, все заботы и ограничения его нынешней ситуации, в конце концов уйдут прочь. Страх потерять всё, даже то, что причиняет страдания, заставляет большинство людей цепляться за что-то, будь то старое или новое, что лишь продолжает их рабство. Поняв этот процесс, йог напротив прекращает добавлять звенья к своим цепям и позволяет времени разрушить те, которые он уже сковал.

Когда поступая так, он прекращает цепляться за прошлое или стремиться к будущему, его ощущение времени тоже исчезает. Он больше не беспокоится о том, что будет, и не тоскует по тому, что было — он приобретает полное сознание того, что переживает сейчас. Эта осознанность преобразует его восприятие настоящего так, что он уже не видит его кратким мигом, проносящимся мимо него из будущего в прошлое. Вместо этого он открывает глубокое ощущение вневременности каждого проходящего момента. Моменты продолжают приходить и уходить — время не замораживается, но осознанность, через которую они проходят, пребывает. В царстве действительного опыта, в противовес мыслям о нём, "сейчас" никогда не становится "тогда": теперь всегда теперь, и каждый момент открывает вечное сейчас. Вместо того, чтобы пытаться проследить уход моментов в прошлое, йог пребывает в своей осознанности настоящего, что фактически и есть всё, что он может в действительности сделать. Жить в прошлом или в будущем невозможно.

И всё же, как ни парадоксально, когда он прекращает погоню за ними, он обнаруживает, что и прошлое и будущее — прямо здесь, в настоящем. Он видит, что весь его опыт времени может иметь место только сейчас. Когда он вспоминает прошедшее событие, он переживает действительное воспоминание его в настоящем. А когда он воображает будущее, он делает это сейчас. И прошлое, и будущее, а также и настоящее, принадлежат одному и тому же вневременному моменту чистой осознанности.

Согласно калачакре, всё время — или иллюзия его — существует прямо сейчас в более глубоких уровнях ума. Воспоминания и воображение поверхностного сознания открывают лишь часть того, что лежит под ним. Когда йог пробуждает глубинные уровни ума, он начинает сознавать время как одновременное целое, в котором один момент не сменяет другой, поскольку все существуют вместе во вневременном настоящем. Он видит их подобно точкам на вращающемся колесе, которые движутся, но постоянно остаются в поле зрения. Не будет много смысла в утверждении, что одна точка

предшествует другой, ведь каждая также и следует за той, которая следует за ней же. Весна приходит после зимы, но и зима приходит после весны, и кто может на самом деле сказать, что из них первое, а что последнее? Хотя калачакра, как колесо времени, и описывает разные циклы, составляющие тибетский календарь и систему астрологии, в действительности, на более глубоком и важном уровне, она символизирует вневременную природу времени, видимого как целое.

Легко говорить про это всё, но осознать это на опыте — совсем другое дело, требующее глубокого прозрения и медитации. В практике внутренней калачакры йог отождествляет ход времени с потоком энергии через своё тело и учится относиться к внешним событиям как к отражениям своих собственных внутренних процессов. Например, рост Луны он представляет как движение и рост белой спермы в своей системе психических каналов. Регулируя таким способом поток энергии, движущий его ум от воспоминаний о прошлом к мыслям о будущем, он приобретает контроль над восприятием времени и осознаёт его пустотную природу — узнаёт его как последовательность мысленных образов, которые не имеют собственного бытия, отдельного от вневременного момента действительного опыта.

Практика иной калачакры использует божеств, чтобы открыть видение этого священного и вневременного внутреннего измерения времени. Например, йог представляет каждый месяц в виде возглавляющего его божества, окружённого примерно тридцатью спутниками — по числу дней в месяце. В результате этого восприятие времени радикально преобразуется: как конкретное божество, всякий день обретает божественное качество, причастное вечности. Божества времени ведут йога через иллюзии прошлого и будущего к реальности вневременного настоящего. На этом пути он начинает видеть их как разные проявления главного божества калачакры, воплощающего вневременность каждого момента. Через визуализацию этих божеств он на опыте познаёт ту тайну, что прошлое и будущее — лишь разные грани одного времени, которое происходит сейчас. Отождествляясь с божеством, которое управляет ими всеми, он в конце концов сам становится мастером времени.

В течение всей повседневной жизни, даже вне периодов формальной медитации, йог старается ощущать себя главным божеством-покровителем, а мир вокруг себя — мандалой, в которой обитает это божество. Этим он постепенно преобразует своё физическое тело в духовное, способное воплотить самый внутренний ум, заключённый в его сердце. В своих визуализациях он производит капли особой

энергии, наделённые импульсом к просветлению, которые медленно поглощают и заменяют его плоть и кровь. Этот процесс в конце концов создаёт неразрушимое алмазное тело просветления, в котором йог может освободить свой внутренний ум и пережить пустотность своей истинной природы. После того, как это произойдёт, внешне он может выглядеть прежним, будто он всё ещё состоит из обычной плоти и крови, но внутри он будет полностью преображённым. На высших этапах калачакры он оставляет даже эту визуализацию, божеств и мандалу, и осознаёт своё тождество с изначальным буддой, который за пределом всех форм.

Чтобы достичь этого предельного осознания, йог должен привлекать все доступные средства. В качестве такого средства он широко применяет соответствия между внешним, внутренним и духовным мирами его опыта. Пример этого мы видели в представлении внешней вселенной в виде мандалы божеств внутри тела и ума йога. В результате этого типа соответствий все географические особенности, особенно места паломничества, могут стать символом как внутренней, так и духовной реальности. В некоторых тантрических учениях гора Кайлас, например, символизирует позвоночник или центральный психический канал тела, также как и место пребывания божества-покровителя Чакрасамвары. Калачакра развивает эту систему соответствий в самой полной мере, и даже включает в неё время, делая божеств и внутренние процессы отражением внешних событий, таких как рост и убывание луны.

Тут и приобретает важность символизм Шамбалы. Царство расположено в мистической географии мира, которая естественно подходит к системе мистических соответствий. Тексты внешней калачакры дают положение Шамбалы в соотношении с Бодхгаей, местом просветления Будды, и горой Меру, центром вселенной. Оба этих места имеют очевидное внутреннее и духовное значение. В дополнение к тому, они описывают Шамбалу как священное место паломничества, где учение калачакры существует в самой чистой форме и где его легче всего практиковать. Следовательно, мы можем ожидать, что во внутренней и иной частях калачакры это царство соответствует чему-то особо важному. Учитывая это, мы перейдём к выяснению того, что же может символизировать Шамбала в мирах психического и духовного опыта.

6. ВНУТРЕННЕЕ ЦАРСТВО

Такой могущественный символ, как Шамбала, способен на нечто большее, чем просто обозначение какой-то скрытой истины или аспекта реальности — он может также действовать как окно, через которое открывается вид на то, что за ним. Если правильно к нему подойти, можно посмотреть прямо сквозь него и уловить проблеск того, что он символизирует. В такой момент, когда символ даёт внезапное озарение или вспышку интуиции, он в самом деле кажется прозрачным, как оконное стекло и открывает доселе скрытый вид, полный неожиданных глубины и смысла. Внезапно мы видим, как перед нами, как бы вдалеке, простирается содержание того, что он выражает. Символ даёт нам ощущение раскрытой обширной панорамы, простирающейся за пределы ограниченного горизонта того, что нам известно. В этой панораме можно найти и решение мирской проблемы, и мистическое переживание вселенной. Мы можем получить внезапное понимание того, как работает автомобиль, или, подобно английскому поэту Уильяму Блэйку, "увидеть мир в песчинке и небеса в цветке".¹

Символы действуют так, устанавливая мысленные образы, которые пробуждают и направляют внимание более глубоких уровней ума. Используя в качестве путеводителя описание или представление символа, интеллект обостряется и, так сказать, ориентирует раму своего ментального окна, в то время как эмоции застекляют его стеклом верной прозрачности и правильного оттенка. Если физическое окно выходит в нужную сторону и достаточно чисто, оно может открыть тот вид, на который было рассчитано. Подобно этому, если интеллект и эмоции направлены на образ с должной ориентацией и ясностью, он может пробудить уровень осознанности, который смотрит сквозь этот символ на то, что он символизирует.

Занимательное свойство окна — в том, что оно вовсе не имеет никакого сходства с тем видом, который оно открывает. Если оно выходит в сад, то в нём будут видны, например, кусты и деревья, имеющие вид и цвет совершенно отличные от рамы и стекла — если конечно у стекла нет дефектов, искривляющих изображение, и примесей, придающих пейзажу, например, красноватый оттенок. Чем совершеннее окно, тем меньше своего оно привносит в тот вид, который через него открывается. Так и символ, дающий ясные и неискажённые прозрения, хотя помогает вначале направить наше внимание, вовсе не похож на то, что он открывает. Фактически, самые глубокие символы и не могут на это походить, так как реальность, которую они символизируют — за пределами всякой возможности представления в словах или образах. Всё, что они могут — служить

окнами, открывающими виды, слишком богатые тонкой жизнью и подробностями, чтобы быть схваченными в неподвижных образах или описаниях. Хотя и будучи само неподвижным, окно может дать нам переменчивые виды облаков или деревьев, качающихся от ветра — пейзажи, полные движения. Аналогично и символы дают нам всё новые, меняющиеся прозрения в динамичную и живую природу вещей, позволяя видеть их такими, каковы они есть.

Сначала наше внимание склонно захватывать особенности самого окна — узор его рамы и его прозрачность, и если они достаточно красивы и интересны, мы созерцаем окно просто как рисунок на стене. Мы восхищаемся деталями рамы, тем, как искусно она сделана, прозрачностью и высоким качеством стекла. Мы рассуждаем о смысле этого рисунка — не изображает ли он чего? И поначалу мы уделяем мало внимания виду, открывающемуся за окном, или считаем его частью рисунка, не отличающейся от самого окна. Но через некоторое время мы замечаем, что вид движется относительно окна и похоже, имеет отдельный и более глубокий характер. Заинтригованные, мы всматриваемся в него под разными углами и видим вещи, которых раньше не было видно — новое дерево, нового человека, новое облако. Осознав природу и функции окна, мы больше не уделяем ему внимания и фокусируем взгляд на гораздо более интересном пейзаже, который оно открывает. Здесь мы уже не сознаём присутствие рамы и стекла и видим только то, что лежит за ними. Скрывшись из виду, окно стало едино с ним.

Это красивая аналогия нашего подхода к такому символу как Шамбала. Поначалу мы привлечены его поверхностной красотой и интригующей внешностью. Исследуя его более пристально и анализируя подробности, мы приходим к выводу, что это полный смысла знак или изображение чего-то иного. Поискав, что же он может представлять, и пытаясь разными способами объяснить его, мы распознаём в нём окно и начинаем в него смотреть. В процессе этого он становится прозрачным, теряет свои собственные черты и погружается в то, что он открывает. В конце концов мы перестаём даже видеть его окном — он стал един с тем, что символизирует. Открытый им вид преобразил символ в выражение самой реальности.

Для большинства из нас такие символы — лишь причудливой формы окна, покрытые занавесками и пылью. Из-за этого нам не удаётся распознать их такими, как они есть, и вместо этого мы рассматриваем их как знаки или картинки — непрозрачные узоры на стене. Чтобы использовать эти символы как окна, мы должны открыть занавески и протереть стёкла от пыли. Сделать это нам поможет хорошая

интерпретация — она может объяснить символ так, что мы сможем посмотреть сквозь него и увидеть то, что он в действительности символизирует. Такая интерпретация должна быть нацелена на установку его в качестве окна в нашем уме, а не просто на анализ того, как он устроен. Если мы фокусируем слишком много внимания на раме и стекле окна, мы рискуем никогда не увидеть скрывающийся за ними вид. В своей интерпретации мы должны также избежать ловушки представления о том, что мы можем дать истинное объяснение того, что означает символ вроде Шамбалы. Его настоящее значение — в опыте прямого прозрения, который за пределами описания, а потому и за пределами возможности объяснения, которое неизбежно должно состоять из слов или других описательных знаков. Наша интерпретация, однако, может использовать объяснения, чтобы соотнести некий тёмный символ с другими, которые мы находим более прозрачными. Тогда с помощью того, что они открывают, мы можем посмотреть через него на то, что за ним скрывалось. Но если мы примем другие символы, к которым нас отсылает объяснение, за истинный смысл первого символа, то мы просто подменим один символ комбинацией других, ошибочно принятых нами за опыт действительного озарения. Так можно свести окно с видом к картинке, в которой нет ни глубины, ни сущности.

Что же в действительности открывает символ, в конечном счёте зависит не от интерпретации, а от уровня нашей осознанности. Как бы основательно мы ни интерпретировали символы, наше обычное поверхностное сознание будет всегда воспринимать их как простые знаки или картинки. Лишь более глубокие уровни ума смогут воспользоваться ими как окнами, дающими прямые прозрения в то, что они символизируют. Чем более глубокий уровень ума мы пробудили, тем больше мы в действительности увидим. Поскольку наша осознанность меняется с каждым моментом, в зависимости от того, как мы бдим, смысл символа в нашем уме тоже будет меняться: иногда он будет казаться не более чем бессмысленным узором, а временами — откровением глубокой истины. С хорошей интерпретацией более вероятно (но не обязательно), что мощный символ на миг пробудит более глубокий уровень ума, позволяющий бросить взгляд в глубины того, что он символизирует. Момент такой прозрачности оставит нам воспоминание ясного прозрения, которое будет постепенно подрывать наши ошибочные верования о природе реальности. Со временем множество таких озарений может пробить постоянные окна в стенах иллюзии, которые окружают нас и не дают нам увидеть вещи такими, каковы они есть на самом деле.

В некотором смысле мы живём, окружённые стенами символов, которые мы неверно интерпретировали и приняли за что-то другое. Многие из них происходят от настоящих озарений, испытанных нами когда-то, но с тех пор замороженных в картинку или предвзятые концепции, которые теперь диктуют нам, как переживать и воспринимать мир. В результате, где бы мы ни увидели что-то новое, сразу же выскакивает заранее подготовленный образ того, как это должно выглядеть, оттесняя это и занимая в уме его место. Вместо прямого восприятия вещи такой, как она есть, мы видим выцветшую картинку, которой к тому же присущи черты подобных вещей, которые мы видели когда-то давно. Этот процесс происходит автоматически и так быстро, что мы его даже не сознаём; мы замечаем лишь, что наше восприятие уже не столь живо, как было раньше. Принимая картинки за действительное восприятие вещей, мы создаём стены, отрезающие нас от переживания реальности. Но многие из этих картин однажды были символами, давшими нам прозрение в то, что они символизировали; и они могут сделать это опять. Мы должны снова превратить их в окна, которые могут дать нам свежее видение мира и себя самих.

Самый важный образ, который создаёт каждый из нас — это образ самого себя, то, что в буддизме называется представлением о "я". Будучи более чем просто идеей, этот образ есть символ, заряженный эмоциями и насыщенный всеми чертами того, как мы себя видим. Он может включать в себя всё — от нашей философии жизни до мыслей о загибании ногтей на ногах. Не сознавая этого, мы представляем своё "я" с такой силой, что оно кажется столь же реальным и конкретным, как бетонный блок, о который можно набить шишку. Делая это, мы столь полно отождествляемся с этим образом, что ощущаем его собой. В своём представлении мы становимся этими символами себя и считаем их сущностью нашей настоящей природы. Здесь мы неосознанно совершаем то, что намеренно делает тибетский йог, когда представляет себя божеством — только вместо божеств мы используем образы своих "я".

Отождествляясь с ними, мы перестаём ощущать себя такими, какими мы есть на самом деле. Мы заменяем непосредственное сознание своей природы картинками, которым недостаёт полноты жизни. Поскольку они никогда не могут повторить глубину и сложность живого человека, мы сводим своё самосознание к поверхностным чертам, даваемым этими картинками. Всё прочее, что они не отображают или не могут отобразить, например, глубинные уровни ума, становится бессознательным и ускользает, оказываясь вне

пределов досягаемости. В результате мы теряем доступ к тому типу осознанности, который нужен, чтобы видеть сквозь облекающие нас иллюзии, и в конце концов попадаем в ловушку умственных картин, которые закрывают нам видение себя и окружающего мира.

Но "я" не обязательно должно создавать иллюзии — будучи символом, оно может также давать прозрения в нашу истинную природу. Если пользоваться им, как изображением, оно введёт нас в заблуждение, но если подходить к нему как к окну, оно позволит нам увидеть себя. Поскольку оно не имеет собственной природы, будучи пустым образом ума, оно в некотором смысле прозрачно. Если мы сможем распознать это на опыте, убедившись в этом и видя его в истинном свете, мы сможем посмотреть сквозь него на то, что оно действительно символизирует. В процессе этого мы обнаружим, что многое в нашем "я", особенно идеализированные его части, состоит из образов, происходящих от прошлых прозрений в более глубокие уровни ума. Например, человек, считающий себя добрым и внимательным к другим, но в действительности плохо обходящийся с ними, мог развить этот ложный образ себя из когда-то пережитого проблеска, в котором он увидел более глубокий уровень ума, наделённый качествами сострадания. Отождествив себя с привлекательной картинкой, извлечённой из этого опыта, он верит, что стал тем, что он лишь раз увидел, но ещё не пробудил в себе. Признав, что он вовсе не добрый и сострадательный и прекратив отождествлять себя с этим образом, он может начать использовать его для действительного пробуждения глубинного уровня ума, который этот образ символизирует. Картинка, скрывавшая его внутреннюю природу, станет тогда окном, которое её открывает.

Однако поскольку мы очень сильно отождествились с этими образами, поначалу нам ужасно трудно отделиться от них и использовать их как окна, через которые можно всмотреться в свою истинную природу. Всякая попытка с нашей стороны выйти из них или поставить под вопрос их кажущуюся реальность кажется нам угрозой самой основе нашего существования. Вдобавок к тому, весьма вероятно, что результаты прозрений, которые они нам могут дать, мы превратим в образы, которые примем или отвергнем в зависимости от того, найдём ли мы их привлекательными. Следовательно, символы удалённых, внешних мест, таких как Шамбала или скрытые долины, гораздо легче могут дать нам проблески глубин нашей внутренней природы. Не имея ни настоящей привязанности к ним, ни твердокаменной убеждённости в их существовании, мы можем позволить им стать прозрачными и открыть нам скрытые области нашего ума.

Это станет яснее, когда мы увидим, как естественно скрытые долины могут символизировать глубинные уровни ума. Как мы увидели из третьей главы, считается, что у этих долин есть разные уровни доступности. Обычный человек, если у него подходящая карма, может оказаться на внешнем уровне, но чтобы увидеть скрытый в нём внутренний уровень, он должен развить некоторую степень духовных сил и видения. И лишь совершенный йог может двинуться дальше и найти тайную долину, а возможно и другую, ещё более глубокую, которую можно назвать предельной. Из всего этого становится очевидно, что уровень скрытой долины, видимый человеком, зависит от уровня осознанности, которым он обладает. Более того, то, что он там находит — сокровища и тому подобное — тоже должно отражать природу этой осознанности. Воды молодости в Кхембалунге, например, идут вместе со свежим и энергетическим видением жизни.

Иначе говоря, мы можем читать скрытые долины, как карты ума, показывающие различные скрытые в нём уровни. С этой точки зрения внешняя долина соответствует уровню осознанности, лежащему сразу за поверхностным сознанием, или даже той не замечаемой его части, которая характеризуется чувством мира и безопасности. Подобным же образом, внутренняя долина символизирует более глубокие уровни ума, которые можно пробудить и поддерживать в активности лишь практикой медитации. С их помощью мы можем открыть скрытые аспекты себя и мира, существования которых мы не сознавали. Тайная долина, в свою очередь, символизирует самый внутренний ум, который видит, или скорее переживает, истинную природу реальности, воплощённой в предельной скрытой долине таковости.

Один пример, а именно пример книг, иллюстрирует, как различные сокровища, встречаемые на разных уровнях скрытой долины, могут дать нам прозрения в природу разных уровней ума. Согласно Сангье Тензину, во внешней долине скрываются тексты хинаяны, во внутренней — махаяны, в тайной — ваджраяны, а в предельной — высших тантр. Как мы заметили в предыдущей главе, ламы считают эти разделы буддизма предназначенными для разных этапов пути к просветлению и характеризуют их согласно тому, как каждый из них работает со страстями и иллюзиями, преграждающими путь — то есть отвергает их как яд, использует как лекарство, или признаёт в них нектар бессмертия. Размещение разных видов текстов на разных уровнях скрытой долины указывает на то, что они предназначены для соответствующих уровней ума. Можно сделать вывод, что например поверхностное сознание не может извлечь пользу из учений махаяны — ему недостаёт силы и мудрости, нужных для работы со страстями и

иллюзиями, которых оно должно избегать как ядов. С другой стороны, более глубокие уровни ума могут воспользоваться текстами махаяны, но им нехватает осознанности, нужной для понимания ваджраяны. И лишь самый внутренний ум обладает абсолютной ясностью, позволяющей увидеть страсти и иллюзии такими, каковы они есть — проявлениями сострадания и мудрости самого просветления.

Теперь мы можем лучше понять смысл историй о скрытых долинах. Как пастух или охотник из такой истории случайно натывается на скрытую долину, так и мы иногда непроизвольно пробуждаем какой-нибудь более глубокий уровень ума. В качестве побочного эффекта это даёт внезапное и необъяснимое ощущение счастья, которое мы отождествляем со святилищами тибетских легенд. На время стены иллюзии, ограничивающие нашу осознанность и создающие иллюзию "я", расступаются, открывают вход в скрытую долину, давая нам свежий взгляд в глубины самих себя и окружающего мира. Но затем наши прежние привязанности и привычный образ мышления, символизируемые семьёй, за которой возвращается охотник, вводят нас обратно в наше обычное поверхностное сознание. Более глубокая осознанность, пробуждённая на мгновение, исчезает, и счастье, которое она поддерживала, затухает.

Подобно тому охотнику мы отмечаем место или ситуацию, где мы пережили этот момент счастья. Думая, что оно там, вне нас, мы пытаемся вернуться в это место или воссоздать ситуацию, но сделав это, обнаруживаем лишь мёртвые воспоминания прошлого опыта. Выцветшая картина случившегося закрыла и заменила собой живой проблеск глубин ума, полученный нами ранее. Вернувшись к иллюзиям поверхностного сознания, мы уже не обладаем осознанностью, необходимой, чтобы найти искомое счастье — дверь в скрытую долину исчезла. Вместо того, чтобы тщетно пытаться вернуться в место счастья, мы должны направить своё внимание к его источнику в глубинных уровнях ума. Как скрытое святилище, название которого было использовано в значении "источник счастья", Шамбала может дать нам те озарения, которые нам требуются, чтобы восстановить и удержать то, проблеск чего мы в то или иное время увидели и потеряли.

Однако, прежде чем углубиться в смысл Шамбалы, нам нужно составить ясное представление о том, что мы делаем, и о том, что мы можем от этого ожидать, а чего не можем. На следующих страницах мы сделаем попытку разъяснить символизм Шамбалы, чтобы это царство могло действовать как окно, дающее прозрения в более глубокую природу ума. Интерпретации, которыми мы для этого

воспользуемся, сделают это более вероятным, или помогут нам распознать это окно и использовать его, когда это произойдёт, но они не могут дать нам самих озарений. То, что мы увидим через символ, подобный Шамбале, мы не сможем изложить на бумаге; здесь требуется акт видения, опыт, который каждый должен пережить сам. Когда мы говорим, что Шамбала, подобно скрытым долинам, символизирует более глубокие уровни ума, в действительности мы имеем в виду, что она символизирует не их, а ту реальность, символами которой они в свою очередь являются. Ведь глубинные уровни ума сами существуют лишь как символы опыта, который за пределами концептуализации. Видеть их через символизм Шамбалы на самом деле значит переживать энергию и осознанность, которую они символизируют — пробуждать эту энергию и эту осознанность в себе. И мы не можем ожидать, что это случится в ходе нашей интерпретации — это будет зависеть от того, готовы мы к этому или нет; но мы можем надеяться приобрести некоторое понимание, которое в конце концов, когда-нибудь в будущем, поможет нам увидеть и пережить невыразимую реальность, которую символизирует Шамбала.

Согласно Кхемпо Норьянгу, мы можем говорить о трёх Шамбалах, соответствующих трём подразделениям учений калачакры. Внешняя Шамбала существует как царство во внешнем мире, внутренняя скрывается в теле и уме, а иная — это мандала калачакры со всеми её божествами. Иными словами, есть три версии для рассмотрения — физическая, ментальная (или психическая) и духовная. Чтобы открыть скрытый смысл Шамбалы, нам нужно увидеть, как физическая версия, описанная в текстах, отражает природу двух других. Внутреннее царство считается самым важным из трёх — если йог сможет путём практики калачакры найти его, то он будет обладать осознанностью, необходимой, чтобы увидеть физическое и духовное царства. По этой причине наша интерпретация будет сосредоточена на внутренней версии Шамбалы.

Как мы заметили в первой главе, тибетцы часто описывают Шамбалу как единственную чистую землю, существующую на Земле. Но некоторые ламы, такие как Сакья Тризин, говорят, что по этой причине её обитатели не обладают такой чистотой ума, как живущие в других чистых землях, лежащих вне скверн этого мира. Это наводит на мысль, что внутренняя Шамбала включает более глубокие уровни ума, которые чисты, но не вполне. Более того, из этого следует, что мы можем найти эту версию царства прямо в теле, скрытую страстями и иллюзиями поверхностного сознания. На духовном уровне описание

Шамбалы как чистой земли, существующей в этом мире, намекает, что иное царство, священное владение божества калачакры, скрыто в профаническом мире повседневной жизни — если бы мы могли увидеть вещи такими, как они есть на самом деле, мы нашли бы божественность во всём.

Всё это станет более очевидным, когда мы рассмотрим символизм самой поразительной черты Шамбалы — её лотосообразной формы. В буддизме лотос имеет особое значение как символ чистоты и просветления, пребывающих даже среди иллюзии и невежества. Например, в тибетском искусстве мы обычно встречаем будд и бодхисаттв, изображённых стоящими или сидящими на цветке лотоса. Это показывает, что они достигли чистого и просветлённого состояния, которое не может быть осквернено окружающим их миром. Если взглянуть на то, как растут эти цветы, станет ясно, откуда происходит такой символизм. Начав в темноте семенами, скрытыми на дне реки или пруда, они посылают ростки через грязь и мутные воды, чтобы образовать цветы, открытые к солнечному свету. Хотя цветы покоятся на поверхности воды и получают питание из грязи, находящейся внизу, они остаются чистыми и сухими, неиспорченными своим окружением. Также и бодхисаттва преодолевает тьму невежества и выходит на свет мудрости, и хотя он продолжает жить в миру, он остаётся нетронут его заблуждениями.

Потому образ Шамбалы намекает на то, что внутреннее царство схоронено подобно семени лотоса в глубинах нашего ума, скрытое под грязью и мутными водами наших страстей и иллюзий. Однако добывая энергию из этих самых страстей, оно может начать рост и наконец выйти из темноты бессознательного, чтобы раскрыться подобно цветку и открыть просветлённую осознанность глубинных уровней ума. Образы самой популярной тибетской мантры, "Ом мани падме хум" (Ом, драгоценность в лотосе, хум), в дополнение к этому наводят на мысль, что лотос внутренней Шамбалы скрывает в своём центре драгоценность самого внутреннего ума, сияющую с алмазной ясностью глубочайшей осознанности всего — осознанности абсолютной природы самой реальности. Только после того, как вышли на поверхность глубинные уровни ума, раскрыв лепестки вокруг неё, она пробудится, чтобы рассеять последнюю из наших иллюзий.

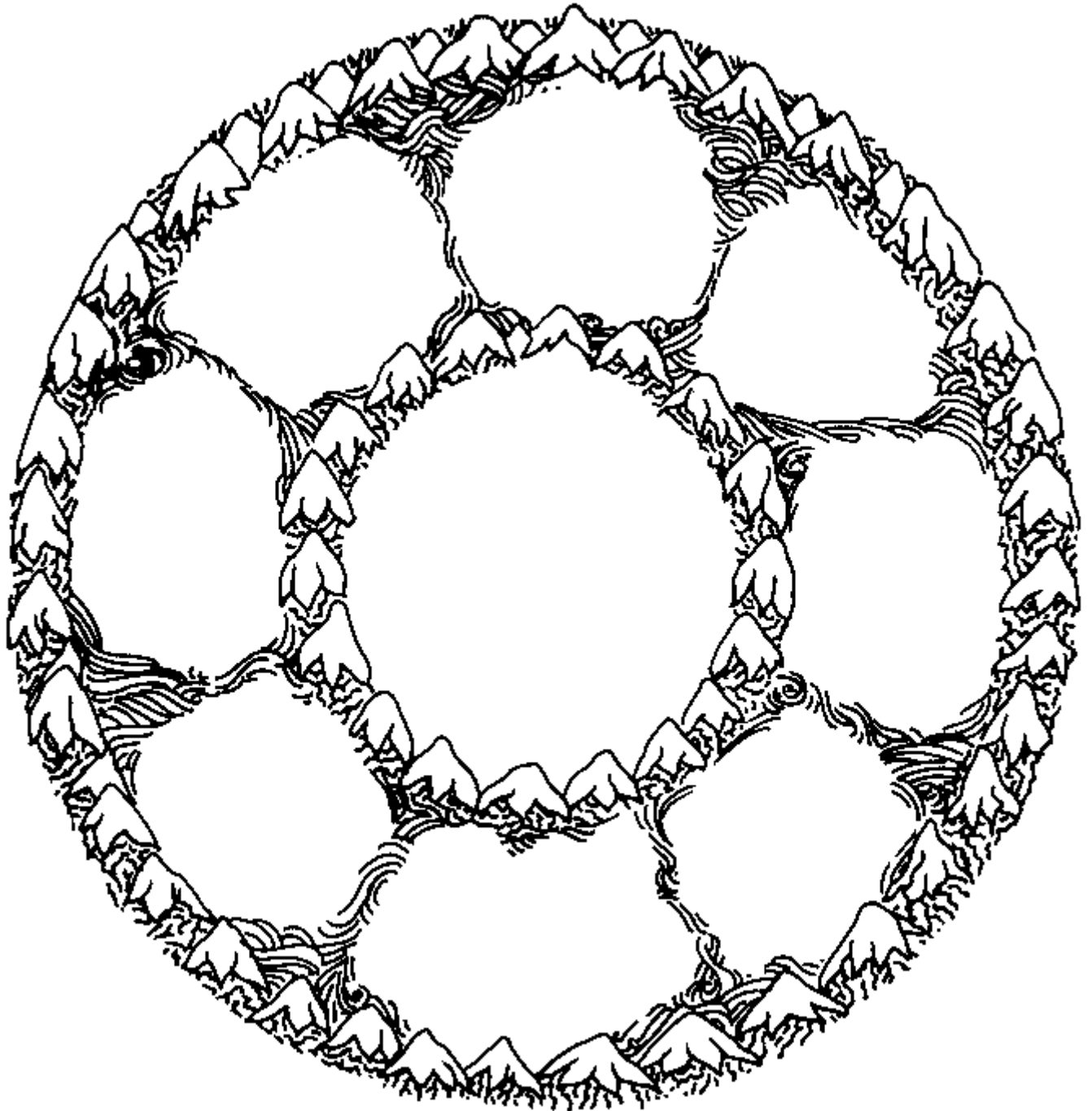

Рис. 9. Лотосная форма Шамбалы — царство в виде восьмилепесткового цветка лотоса.

Форма Шамбалы также показывает нам, где в своём теле йог ожидает найти и пережить внутреннее царство. Как мы увидели в первой главе, реки и горы делят внешнее царство на восемь областей, окружающих центральную область, что и придаёт стране форму восьмилепесткового лотоса (см. рис. 9). Большинство тибетских тантр, и в частности, Калачакра-тантра, используют лотос с таким количеством лепестков как символ самого важного центра в системе психических каналов — сердечного центра,* называемого

дхармачакрой или колесом истины.² Некоторые ламы, такие как Самдонг ринпоче и Чопгье Тричен ринпоче, поэтому отождествляют внутреннюю Шамбалу с этим центром и указывают, что там вероятно скрыт и высший, или самый внутренний ум, — единственный, который может познать истинную природу реальности.

* Однако, в индийской тантре эти цифры другие, и в частности, сердечный центр (анахата чакра) имеет двенадцать лепестков. — Прим. пер.

Причину помещения внутреннего ума или его переживания в эту часть тела легко понять. Поскольку от сердца зависит наша жизнь, мы инстинктивно чувствуем, что оно содержит сущность нашего существа, ядро того, чем мы являемся в реальности. Слова, мысли и чувства, по видимому, идущие оттуда, содержат истину и силу, и столь искренни, как никакие другие. Многочисленные народные пословицы по всему миру свидетельствуют о распространённой вере в то, что мудрость сердца в чём-то глубже и истиннее знания головы. Самую глубокую любовь мы ощущаем в сердце, и она позволяет нам познать её объект глубже, чем это было бы возможно путём наблюдений и интеллектуального анализа. В самом возвышенном своём аспекте эта любовь ведёт нас к чувству святости во всём, к осознанию предельной реальности, будь то Бог или пустота. По этой причине многие религии считают сердце местом пребывания души. Упанишады, священные тексты, которые содержат основные мистические учения индуизма, даже используют образ лотоса, чтобы указать на переживание божественного Я именно в этой части тела:

"Это Я, которое понимает всё, знает всё, и чьё великолепие явлено во вселенной, живёт внутри лотоса сердца".³

Согласно Кхемпо Норьянгу, восемь лепесткообразных областей Шамбалы обозначают восемь психических каналов, исходящих из сердечного центра, подобно спицам колеса. Затем эти каналы подразделяются на тысячи тончайших ответвлений, которые развёртываются в разные органы чувств и умственные способности тела (см. рис. 10).⁴ Каждый из восьми главных каналов служит одному из восьми видов сознания, через которые мы ощущаем себя и мир. В них входят сознания каждого из пяти чувств, сознание мыслей, сознание "я", и сознание-хранилище для прошлых впечатлений. Из этого мы можем заключить, что, что восемь областей Шамбалы символизируют эти восемь видов сознания и их отношение к самому внутреннему уму, пребывающему в центре сердца.

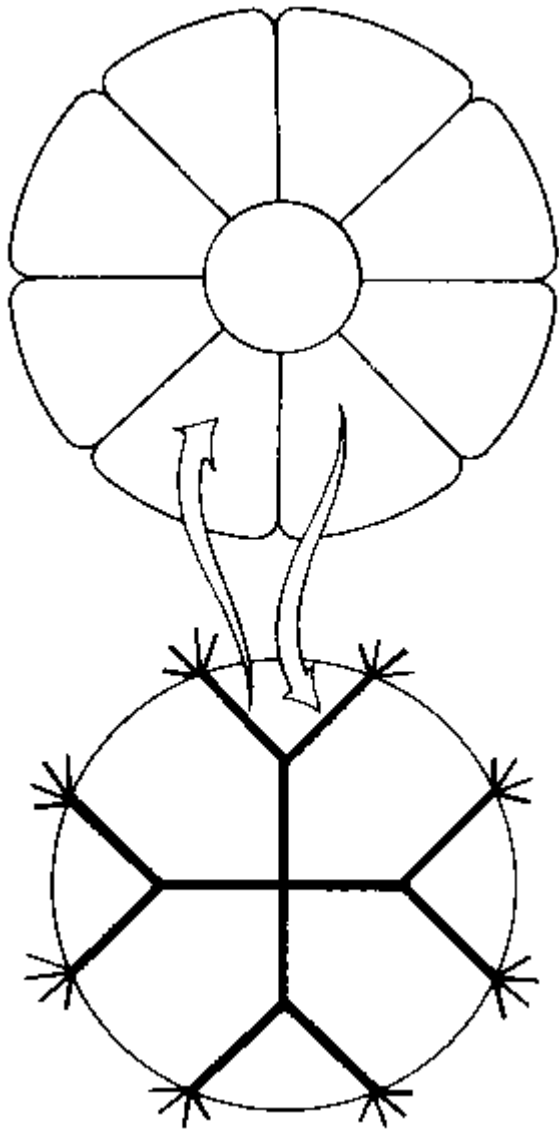

Рис. 10. Соответствие между лотосной формой Шамбалы и каналами сердечного центра.

Это заключение находит дальнейшую поддержку в очевидном сходстве царства с мандалой и соответствующем символизме. В лотосоподобном плане Шамбалы мы можем легко различить основной рисунок мандалы, или мистического круга. Кроме того, большинство мандал, подобно Шамбале, содержат в центре великолепный дворец, щедро украшенный золотом и драгоценными камнями. Владыка Шамбалы, как воплощение бодхисаттвы, очевидно, играет роль главного божества мандалы. Некоторые ламы даже утверждают, что владыка Шамбалы фактически и есть само божество калачакры, а само царство — мандала этого божества. Согласно Дардо ринпоче, тексты описывают Шамбалу в виде восьмилепесткового лотоса, чтобы йоги могли визуализировать её в виде мандалы в своих сердцах.

Как мы увидели из предыдущей главы, содержание мандалы исходит из её центра и показывает всё, что лежало там в скрытом виде. А из этой главы мы увидели, что центр Шамбалы, как и центр большинства мандал, символизирует самый внутренний ум или ту точку в нас, где мы можем его переживать. Это предполагает, что восемь видов сознания, символически представленные областями, похожими на лепестки лотоса, исходят из самого внутреннего ума и проявляют его осознанность в разных специализированных формах. Согласно тибетскому буддизму эти восемь видов сознания обычно порождают иллюзии и неведение, но по мере того, как мы движемся к просветлению, они открывают себя как разные проявления просветлённой мудрости или осознанности будды. Например, эгоистическое сознание "я" превращается в сострадательную осознанность, признающую равенство всех существ.

Иными словами, в каждом из видов сознания мы можем различить разные уровни проявления внутреннего ума. В зависимости от того, насколько удалены эти уровни от своего источника, они дают более или менее иллюзорное видение реальности. Если мы возьмём наименее подверженные заблуждению слои и распространим их по всем восьми видам сознания, то получим более глубокие уровни ума с их более чистым и точным сознанием вещей, каковы они есть. Мы можем символически представить их концентрическими кругами, охватывающими восемь лепестковых областей Шамбалы (см. рис. 11). Чем ближе круг к центральной области, тем более глубокий уровень ума он представляет. Это приводит к мысли, что на более глубоких уровнях восемь видов сознания ближе друг к другу и более сосредоточены, чем на внешних, более поверхностных уровнях; потому они действуют с большей координацией и точностью — например, наше внутреннее самосознание менее склонно вступать в столкновение с внешним восприятием окружающего мира. Согласно этой схеме, на глубочайшем уровне из всех, в самом внутреннем уме, восемь видов сознания сливаются в одну осознанность, которая переживает истинную природу реальности без всяких различий мысли или восприятия.

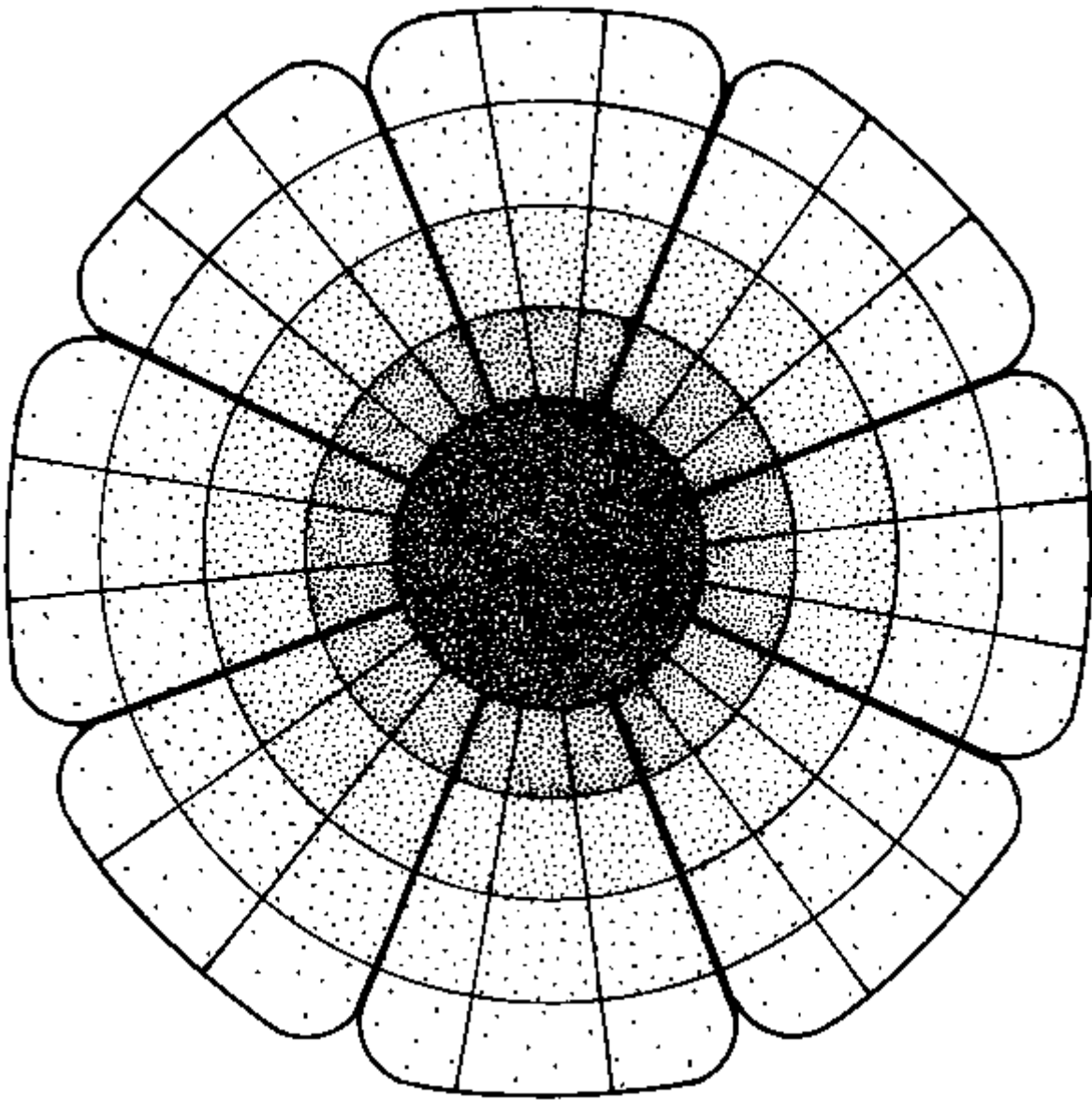

Рис. 11. Образ Шамбалы и глубинные уровни ума. Всё более тёмные кольца представляют всё более глубокие уровни ума; самый внутренний ум показан в виде тёмного круга в центре.

Шамбала может открыть глубинную структуру ума и другим, возможно, более ясным способом. Как мы видели из описания царства, центральный царь управляет меньшими царями 96 княжеств, находящихся в окружающих лепестковых областях. Они, в свою очередь, управляют губернаторами, те — более низкими по рангу чиновниками и так далее до самых низших граждан и слуг. Подобно божеству типичной мандалы царь, очевидно, воплощает самый внутренний ум, ведь как воплощение бодхисаттвы он должен был по крайней мере пробудить его в себе. В цепи подчинённости, идущей от царя к подданным, в восьми лепестковых областях Шамбалы, мы можем видеть эманацию внутреннего ума в восемь видов сознания, в

результате чего он образует различные глубинные уровни ума. Рассматриваемые с этой точки зрения, меньшие цари символизируют глубочайшие из этих уровней; их губернаторы — меньшие по глубине, и так далее до простых граждан и слуг, символизирующих самые неглубокие уровни, связанные с Шамбалой. Каждый гражданин, в зависимости от того, в какой области он живёт и к какому рангу принадлежит, воплощает конкретный тип и уровень сознания, например, зрительное сознание или сознание "я". В отличие от тех, кто живёт вне Шамбалы, например, варваров, которые попытаются её покорить, её обитатели признают царя своим правителем и действуют согласно его указам. Это указывает на главную черту, отличающую уровни ума, связанные с Шамбалой: только они обладают осознанностью, достаточно глубокой и ясной для того, чтобы распознать подсказки самого внутреннего ума и обратить на них внимание. Пробуждаясь в нас, они автоматически выводят нас из подчинения сознанию поверхностного "я" со всеми его капризными желаниями и требованиями; в результате мы открываемся к более глубокому и надёжному источнику руководства.

Подобно другим мандалам, Шамбала может символизировать как ум, так и тело. Согласно Кхемпо Норьянгу, если мы отождествим восемь лепестковых областей с восемью психическими каналами, исходящими из сердечного центра, тогда мы сможем считать 96 княжеств с миллионами городов второстепенными каналами, которые расходятся по телу к различным органам мышления и восприятия. С этой точки зрения обитатели Шамбалы олицетворяют энергию и сознание, проходящие по этим каналам. Кхемпо Норьянг добавил, что внешнее кольцо снежных гор представляет кожу, покрывающую тело, тогда как внутреннее кольцо или центральный дворец символизирует главный психический канал, проходящий через сердечный центр от основания позвоночника к макушке головы. Как мы увидели в предыдущей главе, два боковых канала, переплетающиеся вокруг центрального, образуют узлы, которые прерывают поток энергии по нему (см. рис. 5). Два озера возле центрального дворца Шамбалы можно считать символами этих двух каналов. Йог может использовать такую визуализацию с целью развязать образуемые ими узлы, чтобы энергия могла протекать по главному каналу и пробуждать самый внутренний ум в центре его сердца.

Как мы видели на примере других мандал, йог может также представлять в виде Шамбалы весь мир. Себя он может отождествить с царём в центре, людей, которых он встречает — с обитателями царства, а восемь направлений, окружающих его — с восемью

лепестковыми областями. Представляя мир чистой землёй Шамбалы, он старается очистить своё восприятие и наконец ощутить его так, как делает то самый внутренний ум. Если ему это удаётся, он видит более глубокую природу вещей, а поверхностные видимости, провоцировавшие раздражение и гнев, отступают. Их место занимают всё растущие чувства уважения и сострадания к другим. Мир и гармония, преобладающие среди жителей Шамбалы, входят в его отношения с людьми в повседневной жизни. Он открывает, что то, что он открывает в глубинах своего сердца, есть и снаружи — во всём и каждом, кого он встречает. Визуализацией мира как Шамбалы он достигает того состояния ума, символом которого согласно тибетцам и является это скрытое царство.

Посмотрев, что может символизировать царство в целом, теперь мы можем обратиться к символизму некоторых его отдельных элементов. Самым важным из них, вероятно, является царь. Как мы увидели, он воплощает самый внутренний ум с его чистой энергией и осознанностью. На духовном уровне он соответствует центральному божеству мандалы калачакры. Как говорит тибетская молитва о перевоплощении в Шамбале:

"Каждый год в новолуние чёрного месяца, великий царь, владеющий силой достижения, проявляет тело вездесущего владыки, великолепного учителя, самого Калачакры, и посвящениями он доводит до зрелости умы учеников".⁵

Как можно заключить из этого высказывания, владыка Шамбалы символизирует также учителя в обычном, внешнем мире — гуру, которого медитирующий визуализирует в виде самого божества калачакры. На самом глубоком уровне символизма этот владыка открывает то единство, которое лежит в основе всех трёх миров человеческого опыта — физического, ментального и духовного.

Следующими по важности большинство лам считают учения, хранящиеся в Шамбале, и мандалы, построенные недалеко от её центра. С внутренней точки зрения учения символизируют мудрость или осознанность глубинных уровней ума. Согласно Сакья Тризину, Калачакра-тантра существует в Шамбале в своей чистейшей форме. Это предполагает, что все прочие её формы, такие как имеющиеся в текстах, имеют свой истинный источник глубоко в уме, в чьём-то опыте внутренней Шамбалы. Поскольку царь использует мандалы калачакры, чтобы посвящать своих подданных в знание Изначального Будды, сути всего, эти мистические круги по всей видимости символизируют предельную природу реальности, открываемую чистой

осознанностью самого внутреннего ума. В этом смысле они соответствуют высшим тантрическим сокровищам, находящимся в скрытой долине таковости. Переживание того, что символизируют мандалы, ведёт к окончательному освобождению — согласно другой молитве о рождении в Шамбале, "даже видение их даёт высшее достижение".⁶ Находясь в центральной области Шамбалы, мандалы калачакры символизируют пустотность самого внутреннего ума и всего, что из него исходит.

Особенности царского дворца отражают разные аспекты силы и мудрости самого внутреннего ума. Свет, исходящий от этого великолепного здания, превращая ночь в день, символизирует яркую, ясную осознанность, которая рассеивает тьму невежества и иллюзии. Благодаря ей получают прямое переживание реальности, в сравнении с которым блекнут все иные формы знания; как гласит тибетский текст, "в этом свете луна* становится не более чем тусклым пятнышком". Потолочные окна с линзами, позволяющими увидеть жизнь на других звёздах и планетах, наводят на мысль о широком охвате и степени этой осознанности. В магическом экране, позволяющем царю увидеть всё, что происходит в пределах царства, мы можем узнать указание на способности ясновидения внутреннего ума. Золотой трон, поддерживаемый восемью львами, символизирует мощь и устойчивость внутреннего ума, который может достигать своих целей без всяких усилий и не делая ни малейшего движения. Это становится ясно из описания другого сокровища: "Боги-змеи дали царю драгоценность, выполняющую все желания его сердца, пока он сидит на своём троне". Согласно Кхемпо Норьянгу, драгоценности дворца в целом символизируют ум как драгоценный камень исполнения желаний, что является весьма обычной метафорой в тибетском буддизме. Как таковые они символизируют способность внутреннего ума исполнить самое сокровенное желание всех — желание освобождения.⁷

* Луна часто является обозначением для низшего аспекта ума. — Прим. пер.

У 96 меньших царей Шамбалы есть магические жезлы, называемые "владельцами силы ума", позволяющие им моментально посылать гонцов куда они пожелают. Эти жезлы символизируют эффективную связь и контроль, который глубочайшие уровни ума могут осуществлять над телом и разными видами сознания. В нашем обычном состоянии, когда эти уровни спят, мы не можем ни направлять свои действия, как нам хотелось бы, ни эффективно

координировать свои восприятия того, что мы переживаем. Например, пытаясь сделать что-то, мы часто натываемся на препятствие, которое являем сами, и нам удаётся добиться цели только с огромными усилиями. А из того, что мы видим и слышим, мы часто получаем два несогласующихся впечатления о человеке и испытываем трудность в распознавании его настоящих мыслей и намерений. Но как только пробуждаются более глубокие уровни ума, эти трудности исчезают, сменяясь чувством лёгкости и ясности.

Поскольку йог отправляется в Шамбалу, дабы освободиться от привязанности к мирским вещам, то, что он находит там изобильное богатство, может показаться несколько парадоксальным. Согласно одному тексту, "даже небогатые там имеют почти по сотне сундуков с драгоценностями", тогда как одна из многих резиденций, принадлежащих царю, "стоит целого корабля золота".⁸ Однако с внутренней точки зрения присутствие этих богатств в Шамбале вполне осмысленно: они символизируют истинное богатство, невообразимые сокровища духа, которые обретают в глубинах ума. Мы склонны ценить такие вещи как золото или драгоценные камни как раз за их долговечность и неразрушимость, божественный блеск, из-за которого они кажутся принадлежащими к иному, более духовному царству бытия. Немыслимое количество сокровищ, которым владеют жители Шамбалы, в неисчислимом количестве раз превышающее то, которое они могут использовать, указывает на неистощимую природу богатств, скрытых в глубочайших уровнях ума. Раз обретя их, мы больше не почувствуем нужды или желания чего-либо ещё — мы потеряем всякое чувство нищеты, которое когда-либо имели.

Согласно Чопгье Тричену ринпоче, озёра возле центра Шамбалы символизируют плоды духовной практики — результаты медитации. Один из этих результатов можно видеть в поэтическом описании этого царства, где говорится: "это как если бы озеро естественным образом очистило ум". Название этого озера, "Падма Карпо" (Белый лотос) подразумевает, что оно отражает чистую осознанность самого внутреннего ума. Другое высказывание из того же текста указывает на ещё более важный плод духовной практики:

"...там есть парк под названием Малайя, где растут сандаловые деревья с переплетёнными ветвями и листьями. Красивые облака, плавающие наверху в воздухе, создают прохладный дождь с ароматом камфары, который как бы смывает все страдания существования".⁹

Используя буддийские метафоры достижения освобождения, автор использует название "Малайя", означающее "прохладная роща",

чтобы символизировать освежающее осознание реальности, которая гасит болезненные огни желаний и иллюзий.

Как пастух или охотник из тибетских историй натывается на скрытую долину, так и мы в некоторые моменты схватываем проблески подобной осознанности и захватывающее чувство отдыха и счастья, которое они приносят. Если мы последуем за этими проблесками в поисках их источника, они могут начать появляться чаще. Если мы достаточно долго продержимся, сохраняя верное направление, то наконец можем достичь точки, где они перестанут исчезать. С этой точки зрения Шамбала представляет те этапы пути к просветлению, на которых мы уже не просто получаем проблески, но действительно живём в более глубоких уровнях ума, символизируемых этим царством. Первый этап, на котором мы достигаем постоянного пробуждения наименее глубокого из этих уровней, соответствует уровню наименее продвинувшихся жителей Шамбалы. Согласно одному из текстов, "даже мирские служители, которые не практикуют медитацию, в момент смерти могут перенести своё сознание в чистые земли и избежать рождения в низших царствах". Иными словами, они представляют тот этап, достигнув которого, человек уже не может опять скатиться на более низкий уровень. Высший же этап символизируется царём Шамбалы, пробудившим самый внутренний ум и переживающим истинную природу реальности. Прочие обитатели символизируют промежуточные этапы. Согласно уже процитированному тексту, "большинство обитателей достигают просветления уже в этой жизни". Как следует из этого высказывания, Шамбала не символизирует предельную цель — нирвану — а лишь важную ступень на пути к ней.¹⁰

Условия жизни в Шамбале могут много рассказать нам об этапах, которые она символизирует. Мир и гармония, преобладающие во всей этой стране, указывают, что кто бы ни достиг хотя бы низшей из этих стадий, он уже не будет подвержен внутренним конфликтам и беспокойствам, которые поражают столь многих людей. Подчинив свои желания воле внутреннего ума, подобно тому как обитатели Шамбалы добровольно принимают правление своего царя, он достиг состояния внутреннего спокойствия и единства. Более не смущаемый и не сбиваемый с пути противоречивыми импульсами, он может видеть вещи такими, как они есть, а к другим относиться с открытостью и состраданием. Уверенный в себе, как обитатели Шамбалы, он преодолел страхи и беспокойства, которые ведут к недоверию и чувству враждебности.

Согласно одному описанию Шамбалы, "обитатели живут по мягким

законам, и строгих наказаний никогда не бывает".¹¹ Всякий вступивший на путь освобождения сначала должен предпринять огромные усилия по преодолению своих привычных желаний и инерции, привязывающих к обычному для него состоянию заблуждения. Ему нужно принять какую-то внешнюю дисциплину и заставить себя следовать её правилам, а иначе он никогда не сможет освободиться от прежних привычек и наклонностей. Трудность жизни по этим правилам приведёт его к болезненным саморазоблачениям, заставив увидеть себя в истинном свете, что будет переживаться подобно строгому наказанию за проступки и прегрешения. Мягкие законы Шамбалы указывают на то, что достигший символизируемых ею этапов уже не нуждается в подобной дисциплине. Он достаточно овладел собой, чтобы спонтанно совершать всё необходимое для продвижения по пути к освобождению; его дисциплина стала чем-то естественным и исходящим из него самого. Как обитатели Шамбалы подчинили демонов и сделали их своими слугами, так и он укротил свои дикие побуждения и теперь использует их энергию для продвижения к цели. При виде неудач (всё ещё случающихся, но заметно сократившихся в числе), он уже не поддаётся реакции уныния и самоосуждения; он видит их как они есть и работает с ними соответственно необходимости. Он преодолел самое серьёзное из своих внутренних препятствий и может теперь ровно продвигаться к предельной цели — полному освобождению.

Достигнув этапов, символизируемых Шамбалой, человек может, подобно её обитателям, пользоваться богатством и комфортом, "не теряя добродетели". У него уже нет склонности создавать привязанность к материальным предметам, которая тянула бы назад и мешала бы его прогрессу на пути к освобождению. Превзойдя чувство отделённости от окружающего мира, он уже не нуждается в накоплении собственности — он и так уже владеет всем как частью себя. В то же время пробуждённые им более глубокие уровни ума позволяют ему находить богатство и красоту во всём, что он видит — даже в самом никчёмном куске грязи. А поскольку эти уровни ума также позволяют ему выносить неудобства и чувствовать себя комфортно, где бы он ни находился, он может получать удовольствие от любой роскоши без риска привязанности к ней. Необычайные богатство и комфорт Шамбалы показывают, что она символизирует те этапы, на которых наше восприятие мира уже радикально преображено. Разница между чудесами Шамбалы и тем, что мы видим вокруг себя, начинает стираться и исчезает.

Всякий, кто достиг этапа, символизируемого владыкой Шамбалы,

достиг полного господства над собой — он стал несомненным владыкой своего тела и ума. Как заметил Чопгье Тричен ринпоче, "если вы можете использовать своё тело правильно, тогда оно становится Шамбалой, все его 96 княжеств действуют согласно и вы обладаете самым этим царством." Овладев собой, человек пробуждает самый внутренний ум и воспринимает истинную природу реальности, которая за пределами всех слов и символов. В процессе этого он превосходит ограничения пространства и времени и обнаруживает, что суть скрытого царства и грядущего золотого века — прямо здесь, в настоящем моменте. В свете чистой осознанности весь мир становится чистой землёй Шамбалы, священным царством внутреннего ума. Джамспал Лама выразил это так: "Шамбала и здесь тоже, поскольку нет такого места, где не было бы Ригдэна Драпо [Рудрачакрин, владыка Шамбалы в будущей битве со злом], а где он — там и Шамбала".

Однако, для большинства из нас такое видение мира как Шамбалы должно казаться отдалённым и нереальным. Захваченные заботами и иллюзиями поверхностного сознания, мы оказываемся далеко от ясной осознанности внутренних уровней ума. Как и в путеводителях в Шамбалу, мы отделены от внутреннего царства, скрытого глубоко в наших умах, огромными расстояниями. И хотя наша интерпретация Шамбалы может дать какой-то проблеск этих уровней, или по крайней мере — какое-то представление о них, оно почти ничего не говорит нам о таинственных богатствах бессознательного, через которые мы должны пробраться, чтобы пробудить их. Для этого нам нужно обратиться к историям и путеводителям, описывающим путь в Шамбалу. С помощью их символизма можно будет получить некоторые ценные прозрения в природу внутреннего путешествия, ведущего от поверхностного сознания в скрытое святилище самого внутреннего ума.

7. ПУТЕШЕСТВИЕ

Тибетцы верят, что есть несколько способов попасть в Шамбалу. Многие из них считают, что единственный путь, открытый сегодня — это через смерть и новое рождение. Они чувствуют, что уже невозможно развить те сверхчеловеческие способности, который нужны, чтобы последовать указаниям путеводителей в Шамбалу — всё, что может сделать человек в наши времена упадка — это молиться и надеяться родиться там в каком-нибудь будущем воплощении. Несмотря на преобладание такой точки зрения, многие

тибетцы ещё верят в возможность достижения Шамбалы в этой жизни. В поддержку своей позиции они цитируют истории о йогах и ламах, обладавших исключительными способностями, которые заявляли, что путешествовали в Шамбалу в своих физических телах. Другие говорят о духовных или ментальных путешествиях, предпринятых вне тела в медитации. Также мы обнаруживаем некоторое количество отчётов людей, которые считают, что посетили Шамбалу в своих снах. В этой главе мы исследуем истории путешествий всех трёх видов — физические, ментальные (или духовные) и во сне.

Однако, прежде чем приступить к этому, мы должны заметить, что тибетцы склонны считать смерть и перевоплощение четвёртым видом путешествия, который тоже может привести в Шамбалу. Согласно тибетскому буддизму, когда человек умирает, его сознание покидает тело и начинает блуждать через видения посмертных состояний. Если он сможет распознать пустотную природу всего, что он там видит, и узнать в свечениях, божествах и демонах порождения своего собственного ума, он достигнет просветления. Если же, напротив, он примет эти видения за реальность и убежит от них в страхе, в конце концов решив искать убежище и покой в приятном чреве, то снова родится в бедственном состоянии существования. Ламы читают "Бардо Тхёдол" (Тибетскую книгу мёртвых) над телом умершего человека, чтобы отвести его сознание от этих ловушек и направить его к просветлению, или по крайней мере к рождению в чистой земле, такой, как Шамбала.¹

В следующей истории, рассказанной Дуджомом ринпоче, мы можем увидеть, что жизнь и смерть ясно рассматриваются как средство путешествия в мистическое царство. Один человек из Лхасы, который был очень предан своему гуру, однажды спросил его: "возможно ли мне попасть в Шамбалу?". В ответ святой благословил его и сказал ему медитировать особым образом несколько недель. "Если ты сделаешь это, — сказал он, — ты обязательно достигнешь Шамбалы". Ученик добросовестно выполнил его инструкции и медитировал точно так, как ему было сказано. К концу той недели, когда он должен был уже достичь своей цели, он умер и перевоплотился в Шамбале.

С первого взгляда эта история может показаться несколько жестокой и экстравагантной, как если бы учитель сыграл злую шутку над ничего не подозревавшим учеником. Но многие тибетцы вовсе не рассматривают её так — в конце концов, мечта ученика была исполнена, и он получил новую жизнь, которая обеспечивает ему прекрасную возможность достичь наивысшего из всех блага — просветления. В дополнение к этому, история наводит на мысль, что

гуру дал своему ученику продвинутый вид тибетской медитации, которая позволяет умирающему йогу перенести своё сознание в чистую землю. Согласно тантрическим текстам, если такую медитацию практиковать раньше времени, она может ослабить тело и вызвать преждевременную смерть.² Это может выглядеть так, как если бы ученик применил такую практику, чтобы намеренно вызвать смерть, чтобы попасть в Шамбалу.

Эта история даёт важное прозрение в природу других видов путешествий в Шамбалу. Она намекает, что какой бы путь ни попробовал человек, он может достичь её, лишь пройдя какой-то вид смерти и перерождения. У обычного "я", которым ощущает себя простой человек, нет ни силы, ни чистоты, необходимых для путешествия; потому оно должно умереть и уступить место чему-то более глубокому и могущественному. Хотя история рассказывает о физической смерти, она намекает и на другой её вид, который может произойти в этой самой жизни. Для этого нужно отсечь ранее лелеемые верования и привязанности, придающие этому "я" чувство конкретного существования. Это болезненный опыт, который переживается, как смерть, и подобный тому, как если бы из тела вырывались внутренности. Когда человек проходит этот опыт и умирает для своего прежнего "я", к жизни вызываются более глубокие уровни ума — рождается новый человек, способный совершить путешествие в Шамбалу.

Из способов достижения Шамбалы в этой жизни физическое путешествие рассматривается тибетцами как наименее вероятное. Немногие, верящие в неё, настаивают, что путеводители написаны как раз для этого, а иначе были бы бесполезны. Другие соглашаются, что тексты описывают физическое путешествие, но выдвигают аргумент, что они предназначены для будущего, когда появятся йоги, способные следовать их указаниям. Согласно Далай-ламе, большинство людей не могут даже правильно прочесть руководства, и уж тем более распознать описанные в них ориентиры. Слишком много иллюзий загрязняют их мышление и затуманивают их видение. В любом случае, для физического путешествия в Шамбалу требуется больше, чем ясное зрение и подходящее тело — нужно обладать духовными способностями, необходимыми для преодоления препятствий, преграждающих путь. Кунга Хочоцанг, когда его спросили о необходимости этих способностей, выразил это так: "Это как полёт на Луну — как вы думаете, могли бы вы отправиться туда без системы запуска?".

Для развития духовных сил, нужных для физического путешествия в

Шамбалу, йог должен медитировать. Но он может использовать то же средство, чтобы прямо отправиться туда вне тела. В тайных автобиографиях йогов прошлого мы можем найти записи о ментальных путешествиях, которые по их словам были совершены ими в Шамбалу и другие чистые земли. Многие тибетцы верят, что и некоторые современные ламы тоже отправляются туда, когда уединяются в своих кельях для медитации. Кто может сказать, где путешествуют их умы, когда их тела сидят в недвижимом молчании? Лама может отправиться в Шамбалу, используя для визуализации описания и изображения, пока не увидит их такими же реальными, как окружающий мир. Тогда он может войти в свою визуализацию и ощутить себя в Шамбале. В зависимости от уровня его подготовки, он может увидеть царство твёрдым и устойчивым или дрожащим и переменчивым, как мираж. Поскольку этот вид практики склонен пробуждать более глубокие уровни ума, здесь может быть задействовано нечто большее, нежели просто воображение — лама может приобрести способность ясновидения, чтобы видеть само царство, а не просто его образ.

Другой, более трудный способ перемещения с помощью медитации предполагает практику переноса сознания, подобную той, которую мы упомянули в связи с посмертным путешествием. Йог может применить эту технику, чтобы отделить своё сознание от тела и моментально послать его в Шамбалу. При этом его ум будет путешествовать сам по себе или в утончённом ментальном теле, способном проходить через препятствия, как свет через стекло. Достигнув Шамбалы, он сможет увидеть всё как есть, без всякого дрожания или искажения. А поскольку обычные люди могут отделить сознание от тела, лишь когда они умирают, метод переноса сознания подразумевает опыт смерти и высокую степень риска. Если йог не овладел этой практикой, он может покинуть тело и обнаружить, что не может вернуться. Тогда, согласно ламам, он действительно умрёт и станет развоплощённым духом, обречённым скитаться в аду, который он сам себе устроил.³

Хотя многие ламы соглашались, что йоги могут путешествовать в Шамбалу ментально, они расходятся в мнениях относительно того, труднее или легче этот вид путешествия, чем физический. Некоторые считают, что ум, будучи лёгким и невещественным, требует меньше энергии, чтобы её достичь, а путешествие в плотном теле требует больше сил, которые могут прийти лишь на более высоком уровне духовного развития. Другие, однако, настаивают, что лишь очень продвинувшийся йог может путешествовать в медитации, тогда как более простые люди должны путешествовать физически, таская с

собой свои обременительные тела. Согласно Самдонгу ринпоче, ментальное достижение Шамбалы означает, что человек освободил самый внутренний ум, заключённый в сердечном центре. С этой точки зрения ментальное путешествие более значимо, чем физическое. Если человек пробудил самый внутренний ум, он сможет отправиться в Шамбалу в теле в любое время. Но если он достигает её физически, не раскрыв сердечный центр, тогда ему ещё предстоит ментальное путешествие, ибо конечная цель путешествия в Шамбалу — высвобождение самого внутреннего ума и достижение просветления.

Тибетцы также говорят о путешествиях в сновидении, которые иногда трудно отличить от путешествий в медитации. Большинство рассказываемых ими историй о таких путешествиях описывают эти сны как происходящие спонтанно — не пытаясь никуда отправиться, и даже не думая об этом, человек видит сон, в котором путешествует в Шамбалу, где он получает нечто очень ценное — обычно учение или пророчество. В некоторых случаях тот же сон продолжается несколько ночей, из чего можно сделать вывод, что более глубокий уровень ума пытается общаться с поверхностным сознанием. Как мы увидим, некоторые ламы считают, что некоторые из видевших такие сны действительно путешествовали в Шамбалу в тонком теле, подобном тому, которое используется йогами в медитации.

Хотя считается, что большинство таких путешествий происходят спонтанно, йог может попытаться сделать это намеренно, практикуя особую йогу сновидений.* В этой разновидности медитации он учится распознавать сны и оставаться в них, осознавая, что он спит. Затем, находясь в этом состоянии, он вызывает разные видения и преобразует своё тело в разные формы — в животных, в предметы, в людей и божеств. Текст, трактующий об этой йоге, предлагает, как йог может использовать её для путешествия в Шамбалу в своих снах:

* См. например Намкай Норбу ринпоче, "Йога сновидений и практика естественного света" и Тензин Вангьял, "Тибетская йога сна и сновидений". — Прим. пер.

"Представьте, что вы стали божеством-покровителем, и мгновенно, подобно метеору, попали на небеса Индры, или какие-то другие небеса. Прежде чем вернуться, осмотрите место. Когда видение станет устойчивым, нужно будет отправиться в одну из чистых земель будд — таких как земли Вайрочаны, Амиабхи или им подобных. Это тоже делается в доли секунды. Достигнув чистой земли, мы должны выразить почтение будде, сделать ему приношения и выслушать его

наставления..."⁴

Из трёх способов попасть в Шамбалу в этой жизни у путешествия во сне самая большая вероятность, что оно произойдёт первым. Во время сна человек может переживать и принимать за реальное то, что его бодрствующее сознание отвергло бы как фантазию. Когда он засыпает, твёрдость его представлений о том, что возможно, а что невозможно, ослабевает и они исчезают, позволяя более глубоким уровням его ума проявиться и перенести его в Шамбалу. В некоторых путеводителях в Шамбалу указано, что человеку сначала должно присниться путешествие туда, прежде чем он действительно сможет туда отправиться. Это путешествие во сне устанавливает первичный контакт с глубинными уровнями ума, символом которых и является Шамбала, но ему недостаёт точности и надёжности физического и ментального путешествий. Согласно Самдонгу ринпоче, такие сны исходят от подсознательного и загрязнены и окрашены его предвзятыми идеями.

Если же обратиться к самим историям, то самые ранние (и самые важные для тибетцев) описывают путешествия индийских учёных йогов в поисках калачакры. В первой главе мы рассмотрели историю Чилупы — первого, кто вернулся с этим учением. Как видно из неё, Чилупа не прошёл весь путь до скрытого царства, а по пути, на вершине горы, встретил монаха, под видом которого и скрывался владыка Шамбалы. Предупредив его о трудностях дальнейшего пути, монах дал ему основные учения калачакры и отправил его обратно в Индию.

Некоторые тибетцы используют эту историю как доказательство того, что в Шамбалу можно попасть только через смерть и перевоплощение там — если такой великий йог, как Чилупа, не смог её достичь, то как это может сделать кто-либо ещё? Однако, на более глубоком уровне эта история указывает, что имея правильную мотивацию, можно найти то, что ищешь, даже не пройдя всего пути в Шамбалу. Суть Шамбалы, которую она содержит и символизирует, скрыта прямо в самом путешествии. Такое прочтение истории хорошо согласуется с тибетским воззрением, что путь и цель, просветление и путь к нему, в действительности — одно.

Те, кто желает опровергнуть утверждение о том, что нельзя в этом теле попасть в Шамбалу, указывают на истории о Душепе, другом индийском учёном йоге, принесшем оттуда учения калачакры. Согласно этим историям, после учёбы с одним из учеников Чилупы, Душепа осознал, что тому не удалось раздобыть несколько важных

текстов. Ему очень хотелось изучить эти тексты, и он стал молиться перед образом тары (спасительницы), и она чудесным образом заговорила с ним, рассказав, как совершить путешествие, и предсказав, что он достигнет Шамбалы. Следуя маршруту Чилупы, он достиг горы и встретил незнакомца в белом, который спросил его, куда он идёт. Когда Душепа рассказал ему о своей задаче, этот человек, который был воплощением Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания, сказал: "Даже если ты будешь идти всю свою жизнь, ты не достигнешь Шамбалы. Позволь мне дать тебе некоторые учения здесь". Практикуя медитацию, которую дал ему незнакомец, Душепа приобрёл магическую способность к полёту и смог перелететь через заснеженные горы в Шамбалу. Когда он прибыл туда, в великую мандалу в роще Малайя, владыка встретил его снова и дал ему остальные учения калачакры, включая и комментарии, составленные первым владыкой, Сучандрой. Тогда Душепа полетел обратно в Индию и там зачитал все тексты перед огромным собранием йогов и учёных.⁵

Рис. 12. Душепа, второй индийский учёный йог, отправившийся за калачакрой в Шамбалу.

В позднейших историях путешественники часто возвращаются из Шамбалы с сувенирами — такими как плоды или цветы. Согласно одной такой истории, около четырёхсот лет назад в монастыре Литанг в восточном Тибете был настоятель, два ученика которого присматривали за ним с большой преданностью и заботой. Один из них, повар, заметил, что каждую ночь настоятель тихо садится на свою

лошадь и отбывает в неизвестном направлении. Ага, — подумал он, — лама тайком отправляется на свидание с какой-то женщиной. Чтобы выяснить, куда ездит старик, он однажды спрятался в конюшне. Через некоторое время пришёл настоятель с седлом и оседлал лошадь. Повар, думая, что сможет бежать за лошадью, ухватился за её хвост, но внезапно лошадь скакнула и поднялась в воздух, потянув его за собой. Испуганный до смерти, но не имея выбора, он держался за хвост и летел по небу, рассекая лицом ветер. После долгого полёта лошадь наконец приземлилась перед дворцом, в который настоятель и вошёл, оставив поражённого ученика, которого он и не заметил, снаружи. В этот момент высокий, свирепый с виду человек заметил повара и потребовал от него отчёта, откуда он прибыл и как сюда попал. Когда повар рассказал ему, что случилось, незнакомец сказал: "тебе необычайно повезло!". Объяснив ему, что он божество, охраняющее страну, он дал ему плод, похожий на манго. Повар положил его в карман и стал ожидать возвращения настоятеля. По его возвращении он снова схватился за лошадиный хвост, и они полетели обратно в монастырь, где настоятель снял седло и удалился к себе, так и не заметив ученика. На следующий день повар положил полученный им плод на тарелку и подал учителю. "Где ты взял его?" — удивлённо спросил настоятель. После того, как повар всё рассказал, он кивнул и сказал: "Тебе действительно повезло, ведь страна, в которую мы путешествовали — это Шамбала".⁶

Эта история представляет нам два важных символических мотива — лошадь, чудесно доставляющую путешественника в Шамбалу, и особый плод, который он привозит оттуда. В ритуалах и историях шаманизма Центральной Азии, у которого много связей с тибетским буддизмом, шаманы обычно используют лошадей для мистических полётов в сверхъестественный небесный мир. Полёт на лошади ясно символизирует трансцендентальный скачок в другое, повышенное состояние осознанности, совершаемый шаманом.⁷ Сама лошадь воплощает внутреннюю способность, позволяющую превзойти обычное состояние сознания и пробудить более глубокие уровни ума, пусть даже и на мгновение. Что касается другого сюжета этой истории, то в буддийских текстах слово "плод" часто используется в качестве технического термина для обозначения результатов духовной практики. Это могут быть магические способности, мудрость, блаженство, или даже само просветление. Плод, похожий на манго, принесённый поваром, символизирует озарения и другие достижения, которые мистик может принести в мир повседневной жизни из своих прорывов в глубинные области ума.

Плод, принесённый из путешествий в Шамбалу, может принимать различные формы — от пищи для желудка до пищи для размышлений. Одна из более интересных его форм встречается в следующей истории о Самдэне Лоду, прежнем настоятеле монастыря Дерге Гомчен в восточном Тибете. Согласно его автобиографии, у него было семь возвращавшихся снов, в которых он путешествовал в Шамбалу и получал указания относительно физического путешествия, которое должно было быть предпринято позже. Во время одного из этих путешествий он услышал, как обитатели Шамбалы поют мелодию, которую ему удалось вспомнить, когда он проснулся. Он положил на эту мелодию молитву подношения и научил ей монахов своего монастыря. Они сделали её традиционной и сохранили её, передавая друг другу в течение многих лет. Тибетский лама из Сиккима, Кунга Хочоцанг, записал на магнитофон, как её исполняет старый отшельник из этого монастыря, и проиграл её мне. Эта мелодия поднимается вверх и опускается вниз долгими вибрирующими нотами, будто извлечёнными из самых глубин тела и ума.

В Тибете у историй о путешествиях в Шамбалу имелись как популярная привлекательность, так и эзотерическое послание. Вокруг лама-мани, странствующих художников и артистов, собирались большие толпы, чтобы проследить путь в Шамбалу на больших картинах, которые они разворачивали и показывали на праздниках. Согласно сообщению Калсанга Намгьяла об одном из таких представлений, которое он ещё в детстве видел в Лхасе, рассказчик начинал снизу картины и проходил указкой по пейзажу, состоявшему из гор и долин, усыпанных деревнями и храмами. Описав различные препятствия пути, он указывал на заснеженную гору с лестницей, поднимающейся в облака. Это, согласно ламе-мани, и был вход в Шамбалу — как только путешественник пройдёт его, его тело станет лёгким, как у насекомого. Очищенный от грехов, он сможет идти по облакам, как по вате, и продолжить свой путь в идиллическое царство, скрывающееся где-то над картиной. Как вы можете видеть, и он, и толпа считали Шамбалу чем-то вроде заоблачного рая.

Путешествие в Шамбалу также было популярной темой для притч с очевидной моралью. В типичной истории такого рода двое тибетцев, желавших туда попасть, обратились за разрешением и помощью к панчен-ламе. Подняв руку, он показал им видение Шамбалы у себя подмышкой, дал им указания и благословил их на путешествие. После многих дней трудного путешествия по пути им встретилась группа кочевников, которые предложили им в дар деньги и золото. Один

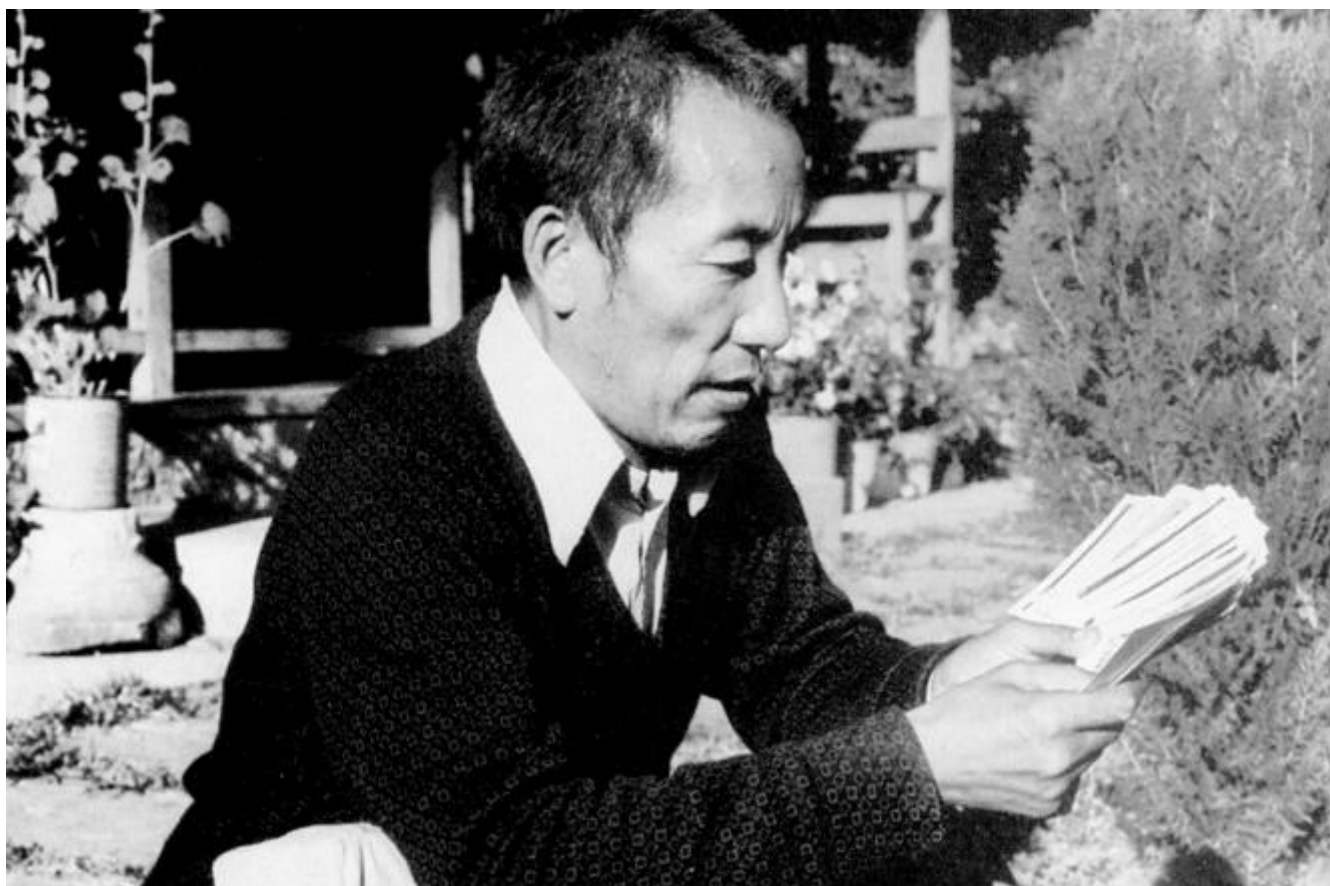
отказался, сказав, что это всё мирские вещи и они не могут взять их с собой. Но другой не видел в этом приношении никакого вреда и сказал: "Почему бы и нет? Они нам могут пригодиться". Он принял дары, но золото стало таким тяжёлым грузом, что его вдавило в землю, и он не мог идти. А его друг, отклонивший предложение, прошёл весь путь до Шамбалы и достиг просветления.⁸

Здесь мы видим классический пример основного выбора, который встаёт перед человеком, отправившимся на духовные поиски: отказываться ли от мирских владений ради достижения конечной цели. На более глубоком уровне сокровища, предложенные кочевниками, символизируют желания и привязанности, от которых искатель должен отказаться. Накопленные в прошлом, они нагружают его подобно ноше золота, привязывая его к нынешнему состоянию иллюзии. Согласно путеводителям, перед подобным выбором оказывается и идущий в Шамбалу, когда попадает в страны богатства и комфорта, такие как Кашмир. Пока он не достигнет достаточно высокого уровня духовного развития, он должен оставлять такие искушения позади и легко идти дальше. Подобно этому и в историях о скрытых долинах пастух или охотник должен войти туда один, без груза семьи или собственности.

Другая история такого рода подчёркивает необходимость в вере и решимости — даже перед лицом смерти. Два друга захотели отправиться в Шамбалу и пришли к далай-ламе, который послал их к панчен-ламе. "Похоже, вы готовы", — сказал панчен-лама и дал им запечатанное письмо, с которым они должны были прийти к одному мяснику в Лхасе. Получив письмо, мясник вскрыл его и прочитал. "Всё в порядке, вы готовы отправляться, ложитесь сюда" — сказал он, показав на деревянную доску для рубки мяса. Один из друзей лёг, и мясник отрубил ему голову. Затем он повернулся к другому и сказал: "Отлично, ты следующий". Но второй друг от страха прижался к стене и отказался подойти. Тогда мясник сказал: "смотри!" — и показал ему у себя подмышкой видение первого друга, идущего в Шамбалу и оглядывающегося назад в поисках своего товарища. Покачав головой, мясник добавил: "поскольку у тебя недостаточно веры, ты не можешь попасть в Шамбалу".⁹

Эта история поднимает интересный вопрос — отправился ли первый друг живым или в посмертном состоянии. Действительно ли мясник отрубил ему голову, или лишь создал иллюзию, чтобы испытать веру второго друга? Или же он действительно убил первого, но вернул его к жизни? Тибетские истории об учителях, использующих подобные средства для испытания веры своих учеников, делают возможными

все эти альтернативы. Наша история не отвечает на этот вопрос, но двусмысленность, которую она оставляет на месте ответа, служит важной цели: она напоминает, что и жизнь, и смерть — иллюзорны, и в конечном счёте между ними нет разницы. Согласно буддийской доктрине непостоянства, поскольку мы постоянно изменяемся, то каждый момент мы умираем и рождаемся вновь. В добавление к этой идее, история указывает на опыт смерти и перерождения, который мы рассматривали ранее, и на необходимость определённой уверенности, чтобы его пройти.

Илл. 19. Гардже Кхамтрул ринпоче — лама, которому приснилось путешествие в Шамбалу.

Пока что мы рассматривали истории, которые рассказывают о путешествии в Шамбалу других людей, будь то исторических или вымышленных. Однако, мне посчастливилось встретить ламу, который во сне сам путешествовал в скрытое царство. Когда мы встретились осенью 1975 г., Гардже Кхамтрул ринпоче работал в Совете делам религии и культуры Далай-ламы в Дхарамсале, в Индии. Хотя он был перевоплощённым ламой школы ньингмапа, он больше не носил монашеского одеяния и вообще мало уделял внимания себе. Он сразу произвёл на меня впечатление своими открытостью и дружелюбием. Я уже встречался с ним несколько раз, и собирался уехать днём раньше, когда вдруг решил увидеться с ним

ещё раз в надежде на то, что он может рассказать ещё какую-нибудь историю о путешествии. Когда я попросил его об этом, он ненадолго задумался, набросал какие-то заметки и попросил меня включить магнитофон. Затем он рассказал мне следующий сон:

В год земли и мыши (1948), когда мне был 21 год, Джамьянг Кензе Вангпо сказал мне отправиться в Потанг Нгаце и прочитать мантру Гуру Ринпоче 400000 раз. Так что я отправился туда и пять месяцев находился в затворничестве. Затем я отправился назад. Через два дня пути я остановился на священной горе.

В эту ночь, где-то около полуночи, мои мысли стали необычными. Медленно они очистились, и тогда передо мной появилась страна, которой я никогда раньше не видел. Появилась также девушка, и теперь, когда я об этом думаю, мне представляется, что она выглядела почти как девушки из Пенджаба, здесь, в Индии. На ней были узкие многоцветные брюки и узкая рубашка, а её плечи были обернуты длинным куском парчи. Она сказала: "Не спи. Просыпайся и иди — твой лама зовёт тебя".

Я был очень удивлён, потому что раньше никогда не видел эту девушку, и она носила то ли индийскую, то ли китайскую одежду. Так что я ответил ей: "Ты выглядишь наполовину по-индийски, наполовину по-тибетски. Я не знаю, кто ты, и не хочу идти с тобой".

Тогда она сказала мне много прекрасных слов, но я не могу их теперь припомнить. Так что я передам вам только суть сказанного ею. Она сказала: "Ты должен уметь различать между хорошим и плохим. В противном случае ты будешь плохо думать обо всём. Когда Будда был в этом мире, его двоюродный брат Девадатта видел его злым, тогда как сам Будда обладал только добрыми качествами. Если бы Девадатта видел его хорошие качества, он бы приобрёл веру. А когда у тебя есть вера, тогда даже череп собаки превращается в святые мощи. Вот почему ты не должен сомневаться во мне, а должен пойти со мной. Это твой лама прислал меня, потому что ты человек с правильной кармой".

Я ответил: "Ты обычная женщина, носящая хлопчатую одежду, ничего особенного. Ты не производишь на меня впечатления".

Тогда она показала мне свои руки и сказала: "посмотри". И на её руках были два глаза, на лице — три глаза, и ещё два глаза на ногах. "А это что?" — спросила она.

"Ничего необычного", — ответил я. — "В мире желания есть богиня с

девятью глазами и тремя головами".

Она сказала: "Не верь в плохое. Я Пхагма Чендумна, Благородная Семиглазая."

Тогда мои мысли переменялись: может это вправду Пхагма Чендумна, а моё впечатление было ложным. Я что-то сказал ей, но она тут же щёлкнула пальцами, и в тот же момент я почувствовал, что моё тело из плоти растворяется, и у меня уже не осталось тела, но я ещё мог думать. Тогда она взяла меня в руку и проглотила.

Внутри не было ничего, кроме трёх каналов — один в центре её тела и два по сторонам. Последние поднимались подобно колоннам и сходились в точке около её носа. Я зигзагами отправился к каналу, а в нём была девушка, точно такая же, как и первая. Она провела меня через канал к макушке головы, где находился венечный центр, колесо великого блаженства. У него было множество ответвлений-каналов, но я не могу сказать, как много. В центре были Изначальный Будда и много других будд, одних из которых я узнал, а других — нет, а также много лам.

Затем она провела меня вниз, в горловой центр, место тела удовольствия. Все каналы были квадратными [в сечении], и там было много божеств. Каждое из них было наполовину гневным, а наполовину мирным, и украшено драгоценностями и костями.

Затем мы перешли в сердечный центр, где каналы были взаимосвязаны и имели форму полумесяца. Мне удалось узнать три группы божеств, но было и много других, которых я не мог определить. Конечно, это был сон, и я не мог понимать в нём всё.

Затем она провела меня в пупочный центр, где каналы были треугольной формы. Там было три божества, которых я смог узнать, и много других, женских.

Затем мы спустились в тайный [половой] центр, где было четыре канала четырёх разных форм, символизирующих четыре вида деятельности. Внешние были круглыми. Внутри были каналы в форме полумесяца, а внутри тех — треугольные. А внутри них были мужские и женские охранительные божества, совершавшие четыре вида деятельности.

После этого она вышла через половой орган и я последовал за ней. Когда я вышел, то почувствовал себя очень необычно, как если бы у меня вообще не было тела. Мой ум был в приятном состоянии, ясным

и без мыслей. Тогда казалось, что я мог бы отправиться куда угодно, не идя туда, а просто захотев. Тут девушка сказала: "теперь мы должны идти".

Я полетел с ней по небу. Я видел много мест, но они не были похожи на этот мир. В то время я не имел представления о картах, но потом я записал свой сон в книге, которую теперь потерял, и там я начертил нечто вроде карты того, где тщательно зафиксировал то, что я видел. Когда мы летели, девушка указала вниз и сказала: "это Индия".

По форме эта страна не была похожа на Индию, но была указана в южном направлении. Она также показала мне страну, которую назвала Китаем. С неба я не мог видеть очень ясно, но мне показалось, что страны несколько различались по цвету. Китай был треугольным, но не совсем, а скорей был похож на лопаточную кость, острым концом направленную к Тибету. Затем я увидел много меньших стран — Непал, Японию и другие. Я также видел и Шри Ланку, и она сказала: "Это Шри Ланка, она символизирует царство Раваны. Гора, которую ты там видишь — это Рибо Малайя Намче Барва".

Мы продолжили свой полёт по небу и видели много стран, имевших глубокую окраску. Затем мы подлетели к стране, которая была зелёной с белыми крапинками. Поскольку девушка, по-видимому, была моей проводницей, я спросил её, что это за страна.

Она ответила: "Это страна Кангдэн, место снегов, а гора там называется Рибо Кангдэн".

Белые пятна, которые я видел, оказались заснеженными горами. Мы продолжили полёт, дальше была другая страна, совершенно жёлтая. "Это Дзамбу Чу Сэр" — сказала она. "Вся страна и её горы сделаны из золота".

После того мы подлетели к другой стране, которая вся была красная, и она сказала — "вся эта страна из рубинов". Там и сям я видел голубые горы, и она добавила: "Они из изумрудов и сапфиров. Все эти страны полны драгоценных камней".

Затем я увидел ещё одну страну, окружённую заснеженными горами и полную городов. Я не могу сказать, как они выглядели, но их было много, а между ними были реки и озёра. С неба каждый город казался размером почти с Индию. "В центре этой страны твой лама", — сказала девушка. — "Я должна доставить тебя туда".

Мы пошли к центру, где было огромное озеро, и я спросил её, как мы пересечём его. Она ответила: "Есть три моста — верхний, средний и нижний. Мы должны идти по нижнему. Мы не можем идти по среднему или верхнему".

Мы продолжили двигаться в направлении нижнего моста — я не знаю, где были другие два, а знаю лишь, что по её словам они были. Там было много скал, в общем похожих на тибетские, но были также белые и красные, разноцветные и сияющие. Похоже, что они были из драгоценных камней, золота, серебра, кораллов и других драгоценностей. Затем мы подошли к мосту, выглядевшему, как мосты в Тибете, однако он был не из железа, дерева, или сплетён из травы — я не могу сказать, из чего он был сделан. Когда мы переходили его, я посмотрел вниз и увидел воду с волнами. На том конце моста была другая девушка, с вазой в руке, и она помазала меня водой, которая в ней была.

Тогда моя проводница сказала: "Нам нужно на восточную сторону", и мы пошли. Там было много скал, а среди них — огромная скала, которая выглядела, как дверь, и я спросил: "что это?".

Она ответила: "Это для будущего, когда варвары захватят мир и все будут страдать. Тогда придёт Ригден Драгпо [Рудрачакрин], великий владыка Шамбалы, и откроет эту дверь своим копьём, и оттуда выйдет множество сокровищ, оружия и воинов. Ты должен произнести вумолитпожелание, обратившись к этой скале".

Я внимательно рассмотрел её. Это была просто скала, но по природе она была похожа на горный хрусталь, выходящий из очень старых гор. На её вершине рельефными буквами из белого камня несколько раз была написана мантра "Ом мани падме хум". Девушка сказала: "Это образ голоса Авалокитешвары, Сострадательного".

В другом месте были отпечатки рук и ног, и она сказала: "Помолись здесь, ибо они представляют освобождение всех чувствующих существ через способности зрения, слуха, памяти и осязания".

Когда я помолился, мы продолжили путь. Повсюду были цветы всех видов. Один из видов я не встречал в Тибете, но видел в Индии: он был похож на наши розы — у него были такие же лепестки, форма и цвет, но он был больше наших. Некоторые из цветов были ещё бутонами, некоторые начинали распускаться, а некоторые были полностью раскрыты. Большинство из них я никогда раньше не видел, и самые большие из них были достаточно велики, чтобы целиком охватить мою руку, тогда как те, что поменьше, были размером с

чайную чашку.

Мы прошли по ровной поляне, и когда достигли другой её стороны, я увидел здание, похожее на дворец с золотой крышей. Возле дверей был привратник, моя проводница попросила его открыть, и он открыл. Снаружи дворец не казался очень большим, но когда мы туда вошли, изнутри он выглядел огромным. Внутри всё было как из бирюзы. В некоторых местах были источники, а в некоторых — песок. В глубине, далеко от нас, я смог разглядеть голубую лошадь, непохожую на обыкновенную. Она была очень большая, и я спросил девушку: "что это за лошадь?".

И она ответила "Это Тамчог Махабала, великий и сильный, самый превосходный из коней, он — эманация Авалокитешвары. Ригдэн Драгпо, владыка Шамбалы, будет воплощением Манджушри, бодхисаттвы мудрости. В будущем мир захватят варвары, и Ригдэн Драгпо уничтожит их. Конь для него, тогда он будет ездить на нём. Конь — эманация природы будды, и есть много историй о его прошлых делах. Помолись ему."

Когда я помолился, мы пошли к западной стороне, и она сказала: "здесь твой лама".

Я увидел там дворец — так это выглядело, хотя я не могу точно сказать, какого вида и цвета он был. Он более или менее напоминал монастыри в нашей стране с большим двором вроде тех, что мы используем для религиозных диспутов. Там были ступени из чёрного и белого мрамора, по которым я поднялся. Достигнув верха, я мог видеть все виды украшений. Я вошёл во дворец, и там был огромный зал, в точности похожий на главный зал одного из наших монастырей. В дальнем конце была алтарная комната, а в середине — золотой трон, покоящийся на восьми львах, как обычно делают в нашей стране. На троне сидел лама, которого я никогда раньше не видел. Цвет его кожи был коричневым и он выглядел несколько пожилым. Он держал в руке чётки и читал "Ом мани падме хум".

Девушка сказала: "Вот твой лама".

Но я подумал: "Что такое? Мои учителя — трое других лам, а этот не из тех трёх. Кто бы это мог быть?"

Девушка сказала: "Не держись неверных воззрений. Это твой настоящий лама, тот, с которым ты связан кармой".

Но поскольку я не знал его, я не простёрся перед ним. Тогда лама

растворился и превратился в четверорукого Авалокитешвару. Две средние руки были сложены в молитве, а между ними был драгоценный камень. В правой из оставшихся рук он держал чётки, а в левой — лотос. У него была обычная форма Авалокитешвары, которую мы визуализируем, с украшениями полного тела блаженства. Тогда вера вернулась ко мне, и я простёрся перед ним и помолился ему.

Этот Авалокитешвара попросил меня остаться, и с большой заботой дал мне много учений и советов.

Когда он закончил, я сказал ему: "Я очень счастлив быть здесь, должно быть, это чистая земля. Можно ли мне остаться здесь и продолжать получать от вас учения? Не посылайте меня обратно в мир".

Авалокитешвара ответил: "Время для тебя ещё не пришло — ты должен вернуться. Я дал тебе все эти наставления, чтобы ты вернулся и мог рассказать их другим. И ты должен присматривать за своим монастырём. Конец почти пришёл, но даже несмотря на это, ты должен вернуться".

Он высказал мне много других причин для возвращения. Тогда я сказал ему: "Раз я должен вернуться, дайте мне ещё советов и скажите, что я должен делать в будущем".

Тогда он мне рассказал что-то вроде поэмы о том, что произойдёт в трёх областях Тибета. Рассказанное им, после того как я проснулся, заняло у меня тридцать или сорок страниц. В конце он благословил меня, возложив руки мне на голову, и сказал: "Теперь обойди эту страну и посмотри её, а затем ты должен будешь вернуться. Вернувшись, прочитай "Ом мани падме хум" сто миллионов раз. Если ты сделаешь это, твоя жизнь и практика будут исполнены. Тогда, когда тебе будет шестьдесят или семьдесят лет, ты перевоплотишься здесь. Молись за это, и я буду молиться тоже."

Тогда я спросил его: "Где эта страна?"

Он ответил: "Это Шамбала. Всё, что я сказал тебе здесь, ты должен помнить. Не забывай ничего из этого".

Затем девушка препроводила меня обратно в этот мир тем же путём, что мы и пришли. В конце я почувствовал, что меня втянуло в моё плотное тело, и в этот момент я проснулся.

На следующий день я мог помнить весь этот сон очень ясно. Я задержался в том месте на день или два и записал всё в книге, ничего не пропустив. В этой книге было пророчество: "Когда тебе будет тридцать лет, ты не сможешь больше оставаться в своём монастыре, и должен будешь уйти. Тогда тебе нужно будет выполнять особый вид религиозной практики". Так что причина того, что я не остался, когда пришли китайцы, и смог бежать из Тибета — в этом пророчестве. Я пришёл из моей страны, которая очень далеко отсюда, мимо оружия множества солдат. Это просто потому, что я поверил в то, что увидел лишь во сне и никогда не переживал в теле из плоти.

В Раджапуре и лагере беженцев в Като есть много людей, видевших мою книгу, которую мне пришлось оставить в Тибете. Если вы спросите их, они вспомнят, что там говорится. В Като есть человек по имени Ценор — он точно видел книгу и знает.

В этой книге полностью рассказывается о том, что случится в нашей стране, как придут китайцы и как, в будущем, произойдёт война Шамбалы.

То, что я рассказал вам — это лишь то, что мне приснилось и история того, как я установил во сне связь с Ригдэн Драгпо...¹⁰

Как живо и ясно следует из рассказа Кхамтрула ринпоче, это не просто сон. Согласно Чопхелу Намгьялу, с которым мы переводили его, он принадлежит к очень редкому классу "чистых видений", которые иногда приходят к йогам, много практиковавшим медитацию. В отличие от большинства снов, которые склонны быть неясными и спутанными, он демонстрирует невысказанную ясность и связность. В основном он лишён идеосинкретических черт, относящихся лишь к жизни видевшего сон и имеющих смысл лишь для него одного. Как мы увидим, всё в сне Кхамтрула, каким бы это причудливым ни показалось поначалу, хорошо сходится и имеет смысл для тех, кто знаком с символизмом и практиками тибетского буддизма.

Сам Кхамтрул определил первого персонажа своего сна, девушку, которая приходит, чтобы провести его в Шамбалу, как тару, спасительницу. Её имя, Пхагма Чендумна, или "Благородная Семиглазая", объясняет, кто она такая: тибетское искусство обычно изображает эту женщину-бодхисаттву с третьим глазом на лбу и имеющей по одному глазу на руках и на ногах, так что всего у неё их семь (см. илл. 21). Они символизируют всевидящее сострадание, призывающее её жалеть существ и помогать им пересечь океан страданий и достичь дальнего берега нирваны. Поскольку, по

преданию, она появилась из слезы Авалокитешвары, вполне уместно, что именно она провела Кхамтрула к этому бодхисаттве. Как мы видели из ранее приведённой истории, эта тара также вела в Шамбалу индийского учёного йога Душепу, искавшего учения калачакры.

Илл. 21. Белая тара, Спасительница. Женская форма бодхисаттвы, которая вела Кхамтрула ринпоче в его сне, в котором он путешествовал в Шамбалу. Заметьте глаза на ладонях и подошвах; всего, вместе с третьим глазом на лбу, получается семь.

Замечание девушки о собачьем черепе относится к популярной

тибетской истории о старой женщине, попросившей своего сына привезти из Индии священную реликвию. Когда он возвращался и уже был недалеко от дома, он внезапно вспомнил о её просьбе, и не желая расстраивать её, отломал зуб от лежавшего на дороге собачьего черепа и принёс ей, сказав, что это реликвия от одного из ближайших учеников Будды. Переполненная радостью, женщина почтительно поместила зуб в алтарь и поклонялась ему с таким благоговением, что он засиял божественным светом и стал настоящей святыней для всего сообщества. Девадатта, упомянутый девушкой, как человек, которому нехватало такой веры, так ненавидел своего двоюродного брата Будду, что пытался убить его с помощью бешеного слона.

Следующий эпизод сна, в котором она проглатывает Кхамрула, может показаться странным, но здесь используется установившийся традиционный тантрический символизм. Будучи проглочен и выйдя из её полового органа, Кхамтрул, очевидно, проходит через опыт смерти и нового рождения, связанного с посвящениями, которые он получает в её психических центрах. Он чувствует, как его тело растворяется, и выходит наружу новым человеком с умом "в приятном состоянии, ясным, и без мыслей". Прецедент этого мы можем узнать в следующем высказывании из текста, который описывает жизнь Падмасамбхавы, индийского мудреца, принесшего буддизм в Тибет.

"Узри божеств, — сказала богиня, — и прими посвящение"... Она поглотила божеств в своё тело. Она превратила Падму в слог "хум"... Затем она проглотила этот "хум", и внутри её тела Падма принял тайное посвящение Авалокитешвары. Когда "хум" достиг низшего из психических центров, она передала ему посвящение тела, речи и ума, и он был очищен от всех скверн и омрачений."¹¹

Как мы можем заключить из этого отрывка, экскурсия Кхамтрула по центрам тела тары представляет серию посвящений, которые очищают ум и придают ему силу и мудрость, необходимые для достижения Шамбалы и получения учений ламы. Разные божества, которых он видит в центрах, соответствуют стандартным тантрическим визуализациям системы психических каналов. Распространённое тибетское высказывание говорит о теле, как о мандале, обители будд и божеств-покровителей. Поскольку каналы, которые он видит в различных центрах, в сечении (квадратное, треугольное и так далее) соответствуют форме мифических континентов, окружающих гору Меру, они, вероятно, составляют часть дальнейшей визуализации тела как самой вселенной.

Последовавший за этим полёт, очевидно, символизирует мистический

прыжок, при котором Кхамтрул превосходит прежнее сознание и входит в новые, незнакомые царства повышенной осознанности. Он и его проводница пролетают над странами, которые мы можем узнать по форме. "Узкий заострённый конец" Китая, очевидно, представляет собой провинцию Синцзян, лежащую к северу от Тибета. Полёт продолжается, и Кхамтрул вступает в область мистической географии, которая, вероятно, представляет переход в изменённое и магическое восприятие мира. Знаменитая страна из золота и драгоценных камней встречается по крайней мере в одном из путеводителей в Шамбалу. Кангдэн, страна в белую крапинку, — это удалённая снежная область далеко на север от Индии и Тибета. Равана, которого упоминает девушка в связи со Шри Ланкой, — известный царь из индийского эпоса Рамаяна.

Мосты, ведущие в центр Шамбалы, очевидно, представляют собой важный этап путешествия. В мифологии многих культур такие мосты соединяют землю и небо, символизируя переход в более высокое состояние бытия. Здесь они, похоже, символизируют окончательный вход в царство самого внутреннего ума. Вода, политая на тело Кхамтрула девушкой на том конце моста, ясно представляет посвящение, знаменующее успешное завершение трудного перехода. В поддержку такого заключения можно привести тот факт, что затем проводница ведёт его на восточную сторону — ту сторону, с которой посвящённый входит в мандалу. Сами три моста — нижний, средний и верхний — могут символизировать пути хинаяны, махаяны и ваджраяны. Мы вполне можем догадываться, что Кхамтрул должен был выбрать нижний, поскольку не достиг ещё достаточно продвинутого этапа, чтобы воспользоваться двумя другими, которых он даже не мог видеть.

Скала, похожая на дверь, к которой он затем подошёл, имеет первичное свойство самого внутреннего ума. Как описывает её Кхамтрул, "по природе своей она была похожа на горный хрусталь, выходящий из очень старых гор". Оружие и воины, хранившиеся внутри, представляют спящие способности этого ума, которые в конце концов будут пробуждены, чтобы победить захватнические силы иллюзии. Мантра, написанная на скале, открывает, что она воплощает сущность Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания. Цветы, растущие неподалёку, очевидно, символизируют чистую осознанность, которая раскрывается в глубинах ума.

Голубой конь, замеченный Кхамтрулом вдалеке, имеет особое значение. Мы уже видели важную роль, которую играют сверхъестественные кони в переносе людей в Шамбалу. Девушка

говорит, что на нём Ригдэн Драгпо (будущий владыка Шамбалы) поедет в последний бой против сил зла. Фактически, некоторые тибетские картины на эту тему изображают владыку Шамбалы как раз на коне голубого цвета (см. илл. 4). Девушка добавляет, что конь — воплощение Авалокитешвары и эманация самой сущности будд. Как таковой, он символизирует сострадательную энергию и мудрость самого внутреннего ума, достижение просветления, которое разрушает все иллюзии. Его голубой цвет указывает на то, что он — проявление Изначального Будды, воплощающего предельную природу реальности, огромного и не заключённого в форму, подобно небу.

Старый лама, которого Кхамтрул встречает в конце путешествия, превращается в одну из многоруких форм Авалокитешвары (см. илл. 24). Принимаемое им тело блаженства с царскими украшениями — это одно из основных тел, которыми владеет будда или бодхисаттва. Этих тел три — физическое тело, видимое обычными людьми, и называемое телом преобразования; бесплотное тело, видимое лишь продвинувшимся йогам и называемое телом блаженства; и абсолютное тело вне формы, известное как тело истины.¹² Старый лама, явившийся сначала, очевидно, представлял Авалокитешвару в физическом теле преобразования. В тантрических практиках йог считает своего земного учителя проявлением своего божества-покровителя. Так что когда старый лама наконец открывает себя как воплощение Авалокитешвары, Кхамтрул наконец осознаёт, что этот лама представляет собой истинную суть трёх его тибетских учителей.

Согласно Кхамтрулу, лама в форме бодхисаттвы научил его полному пути медитации Авалокитешвары, показав ему все практики начиная от начальных этапов до конечной цели — полного просветления. Мантра, которую ему было сказано повторять тысячу миллионов раз, должна была позволить ему поддерживать контакт с Авалокитешварой и способности и мудрость, которую он воплощает. В пророчестве, в дополнение к личным моментам, лама показал, как кхампа в восточном тибете поднимут безуспешное восстание против китайской оккупации своей страны, и как Далай-лама будет вынужден бежать в Индию — события, действительно случившиеся примерно через десять лет, в 1959 г. Ему также было открыто, что в будущем Тибет снова будет свободным, и объяснено, как Мао Цзэдун смог прийти к власти благодаря действиям и желаниям своих прошлых жизней.

Кхамтрул чувствовал, что он действительно побывал в Шамбале, но не настаивал, чтобы другие с ним соглашались: "В конце концов, это был просто мой сон, так почему другие должны в него верить?". По его

мнению, его ум покинул тело "подобно второму я" и полетел с девушкой в Шамбалу. Другие знающие тибетцы, слышавшие об этом сне, соглашались, что это было возможно и вполне могло произойти. Чопхел Намгьял считает, что судя по тому, как Кхамтрул описывает то, как он потерял физическое тело и пролетел над разными странами, его ум в действительности путешествовал в другом, более тонком теле. С тибетской точки зрения, его описание возвращения — "я почувствовал, что был как бы втянут в своё тело из плоти" — подтверждает эту интерпретацию случившегося.

Однако, чтобы увидеть во сне весь этот символизм, Кхамтрулу вовсе не обязательно было действительно путешествовать в Шамбалу. С самой молодости он глубоко интересовался ей, и даже видел в монастыре Литанг реликвию, которую считали тем самым плодом, которую принёс повар из той истории, где он путешествовал на лошадином хвосте. Он был знаком с описаниями Шамбалы и практиковал визуализации тех божеств и психических центров, которые он увидел во сне. Его учителя также давали ему устные наставления на эту тему, которыми могут объясняться различия между его описанием Шамбалы и классическими письменными описаниями. Когда он заснул, у его ума имелся весь материал, необходимый, чтобы создать сон со всеми этими немислимыми подробностями.

Действительно он путешествовал в Шамбалу или нет, но представляется очевидным, что Кхамтрул совершил путешествие в глубины своего ума. Там, глубоко под поверхностным сознанием его обычной жизни, он нашёл внутренний источник мудрости и руководства в лице старого ламы, превратившегося в Авалокитешвару. Учения, полученные Кхамтрулом от этой фигуры — очевидного воплощения самого внутреннего ума — стали основой его ежедневной духовной практики. Пророчества, которые лама дал Кхамтрулу в видении, тоже изменили весь ход его жизни — он покинул монастырь точно вовремя, чтобы бежать из Тибета в Индию. Всё это наводит на мысль, что символизм путешествия в Шамбалу может помочь и другим найти подобный источник мудрости и руководства, которым они могли бы воспользоваться в жизни. Учитывая всё это и посмотрев на различные истории путешествий в скрытое царство, мы можем теперь обратиться к путеводителям за более подробными описаниями пути в Шамбалу.

8. ПУТЕВОДИТЕЛИ

Тибетцы проявляли интерес к путешествию в Шамбалу ещё с тех пор, как индийские учёные йоги отправлялись туда за учениями калачакры. Возможность достижения таинственной страны бодхисаттв, где можно быстро достичь просветления, всегда влекла немногие души, склонные к приключениям. На протяжении веков разные ламы и мистики составляли множество руководств в помощь таким людям. Большинство из авторов сводили вместе указания из разных текстов, но некоторые брали их из своих собственных снов и видений, а немногие даже описывали маршруты, которые, как они утверждали, они прошли собственными ногами. К сожалению, многие из этих путеводителей хранились в ненадёжных местах и были утеряны; тибетцы были склонны сверяться лишь с позднейшими трудами, которые они находили более лёгкими для понимания, и пренебрегать более древними, написанными архаическим языком. А поскольку и с самого начала существовало лишь немного копий этих древних текстов (большинство их переписывалось от руки, а не печаталось с деревянных клише), они легко терялись или просто рассыпались на части где-нибудь в тёмных углах.

В этой главе мы взглянем на четыре путеводителя, которым удалось уцелеть. Первый, и вероятно, древнейший из них, выглядит как анонимный фрагмент более объёмной рукописи. Он даёт краткое, но вполне реалистичное описание пути в Шамбалу, которое, по видимому, обеспечило основу для других путеводителей. Самый популярный и наиболее широко читаемый путеводитель, называющийся "Шамбалай ламйиг" или "Описание пути в Шамбалу", был написан в 1775 г. Третьим Панчен-ламой, Лобсангом Палдэн-еше. Говоря о путешествии в это скрытое царство, тибетцы обычно ссылаются на этот текст, который, похоже, у них заменил собой все другие. Он близко соответствует маршруту описанному в Танджуре* (разделе комментариев тибетского канона). Текст, включённый в Танджур, называется "Калапар джугпа" или "Вход в Калапу" (столицу и дворец царя Шамбалы) и был переведён с санскрита в XVII в. учёным ламой Таранатхой. Однако, самое красивое и впечатляющее описание путешествия встречается в "Ригпа дзинпай пхонья" ("Вестник знания**"), длинной поэме, написанной в форме письма тибетского принца XVI в. по имени Ринпунг Нгаванг Джигдаг.¹

* Здесь приводится общеупотребительное название, заимствованное буддистами России от монголов. Автор приводит иную, тибетскую транскрипцию — Тенгьюр. — Прим. пер.

** Ригпа переводят также как "прямое, непосредственное, высшее

постижение или мудрость". — Прим. пер.

Ламы говорят и о других путеводителях в Шамбалу, но их трудно найти, и может быть, их уже не существует. В предисловии к своей версии путешествия, Третий Панчен-лама упоминает путеводитель, написанный неким Мелунг ламой. Согласно его краткому изложению, сделанному этим панчен-ламой, он описывает маршрут, ведущий из западного Тибета на север, через верхний Хор и Сог — возможно, области монголов и уйгуров в районе Таримской котловины. Это путешествие в Шамбалу должно было занять два или три года пути. Панчен-лама указывает, однако, что Мелунг лама получил содержание своего путеводителя во сне, который он сам считал возможным источником заблуждения.²

Сакья Тризин в разговоре со мной упомянул, что его друг йог говорил ему о путеводителе, написанном одним ламой школы ньингмапа. Автор этого путеводителя утверждал, что ходил в Шамбалу пешком, и дал очень точное и подробное описание своего маршрута. Согласно его версии, путешествие занимает около трёх месяцев, если начинать от горы Кайлас в западном Тибете. Лама описал путь, как довольно простой, но предупредил, что после его смерти, без его личного руководства, его указаниям будет трудно, если не невозможно последовать. Когда я спросил, можем ли мы раздобыть этот путеводитель у упомянутого йога, Сакья Тризин ответил, что его друг удалился медитировать куда-то в горы Бутана и добавил: "Он из тех людей, у которых нет адреса".

Среди доступных нам путеводителей самым простым и кратким является один, принадлежащий анонимному автору, который даёт основные контуры путешествия с минимумом магических украшений. Немецкий учёный Бертольд Лауфер обнаружил его вставленным в более объёмный манускрипт, и около 1907 г. перевёл его на немецкий. Поскольку остальной текст описывает Пекин и императорский дворец такими, какими они выглядели при правлении монголов, захвативших Китай после Чингис-хана, Лауфер заключил, что путеводитель можно датировать по меньшей мере той эпохой — XIII в., если не ранее. Следующий раздел описывает это путешествие в Шамбалу.

"Если путешествовать далеко на север, где живёт царица Кхом Кхом, там есть, как говорят, красивые леса и воды. Ещё севернее располагается царство Ли, самое большое из шести стран этой области. Нужно шесть дней продвигаться по большой дороге, ведущей вдоль Железных Гор. Там есть река Сита, текущая с запада на восток,

по которой живёт народ хор. Обычно у них не бывает домов, и живут они просто в войлочных юртах. У юрт важных людей бывает две и даже три крыши. Для передвижения они пользуются верблюдами, 110 верблюдов составляют караван.

У подножия южной стороны внешних снежных гор, окружающих Шамбалу, есть большой город, где все люди, мужчины женщины одновременно, совершают половые сношения следующим образом. Мужской половой орган находится в верхней части внутренней стороны правого бедра, а женский — левого. И зародыш в течение трёх месяцев остаётся в левом бедре, а затем происходит рождение — так говорят они.

Что касается размеров Шамбалы, то она примерно в половину меньше лежащей на юге малой Джамбудвипы [что может означать как континент, так и Индию]. На севере же лежит большая страна Йо Сум, обычно называемая Шамбалой. Она окружена заснеженными горами длиной в 500 йоджан. Три внутренние горные цепи разрезают её на восемь лепестков, образуя форму лотоса, так что края внешних и внутренних гор соприкасаются.

На северо-западе есть вода и дорога, проходимая для пеших путешественников. Говорят, что согпо, кушцы, и новобрачные женщины, как и другие, часто путешествуют туда и сюда по этой дороге. На востоке там не только река и птицы, но также и проход, по которому люди никогда не путешествовали — даже в древние времена."³

За исключением города гермафродитов, путеводитель описывает обычное путешествие по Центральной Азии, проходящее во вполне обыкновенным местам, которые можно идентифицировать без особого труда. Земля царицы Кхом Кхом очевидно означает Кхо Кхом или Кхо Бом — старое тибетское название для столицы Непала Катманду. Как мы увидели в одной из предыдущих глав, Ли соответствует области вокруг Хотана в Таримской котловине. Поскольку река Сита течёт с запада на восток, Лауфер отождествил её с Таримом. Народ хор, живущий по её берегам, вероятно, является кочевым народом тюркского происхождения, тогда как согпо, путешествующие по дороге в Шамбалу — это монголы, либо согдийцы из западного Туркестана. Это простое описание путешествия выглядит так, будто в Шамбалу можно попасть, просто присоединившись к направляющемуся туда купеческому каравану. Одно высказывание из путеводителя свидетельствует, что автор и сам мог проходить этим путём во сне или видении. "Однажды, когда Владыка давал учение множеству людей, я

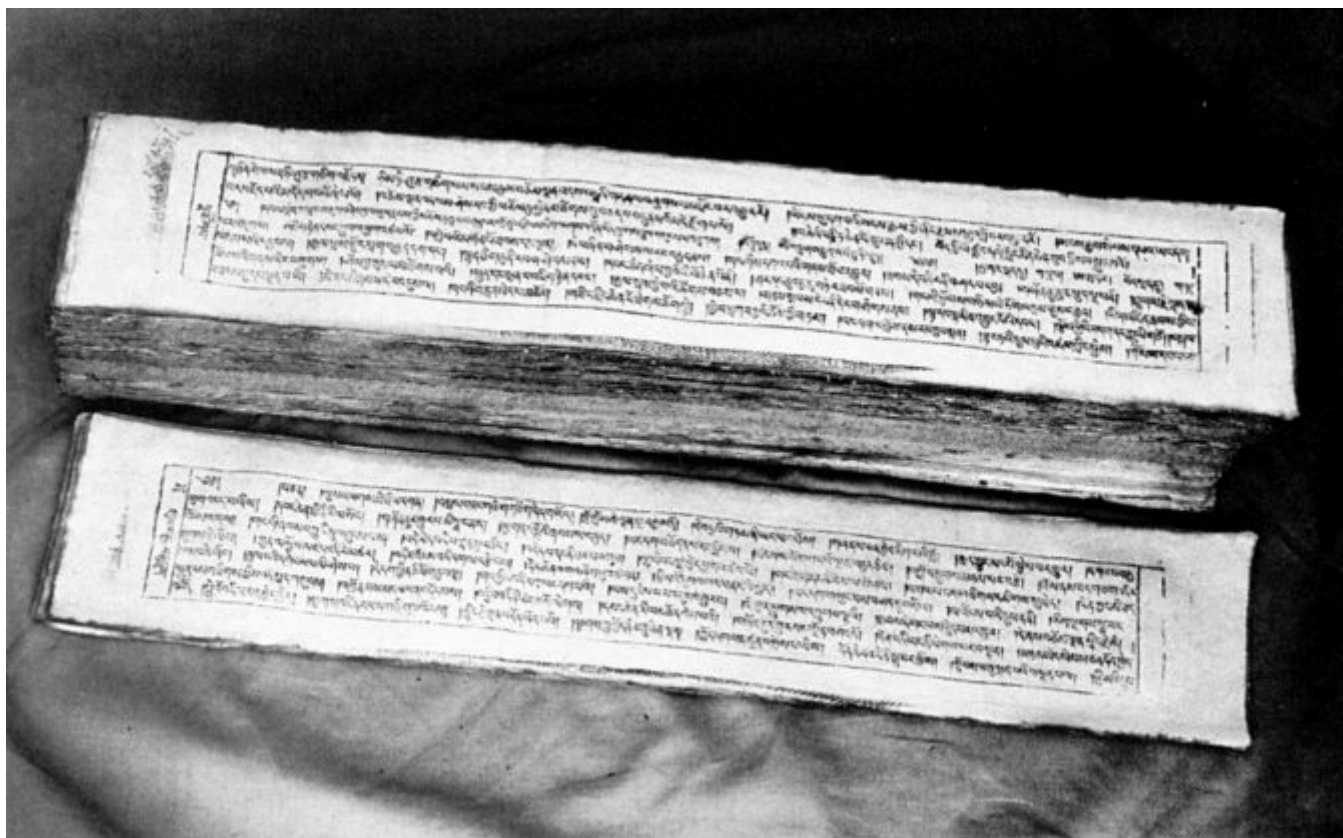
тоже лицезрел его и слышал его слова."⁴

Другие путеводители, похоже, позаимствовали основные особенности этого текста и включили их в гораздо более длинные и магические версии путешествия. Как мы увидим, все они описывают маршруты, ведущие на север, за реку Сита и стену заснеженных гор. В одном из них путешественнику нужно также пройти через город гермафродитов, лежащий на границе Шамбалы. Но между этими основными ориентирами более длинные руководства вставляют горячие пустыни, которые не пересечь ни одному смертному, леса, полные сверхъестественных существ, и горы населённые богами и демонами. Это любопытное сочетание реалистичных и фантастичных черт наводит на мысль, что авторы этих текстов могли наложить на описание настоящего путешествия мистический символизм, чтобы передать мистические озарения. В любом случае, описываемые ими путешествия требуют чего-то большего, чем физическая выносливость и деньги, необходимые для перехода с караваном — нужно иметь способности и видение, которые приходят с практикой медитации.

Наиболее широко читаемый из этих магических путеводителей, "Шамбалай ламйиг" Третьего Панчен-ламы, Лобсанга Палдэн-еше, очевидно, обязан своей популярностью статусу своего автора. Многие тибетцы считают панчен-лам духовно выше далай-лам, чьё политическое господство иногда оспаривалось. Например, после того, как в 1959 году Далай-лама бежал из Тибета, китайцы поставили номинальным главой тогдашнего панчен-ламу. Во всяком случае, тибетцы верят, что у панчен-лам есть особая связь с Шамбалой, что делает их уникальными авторитетами во всём, что связано с этим царством. Ведь считается, что прежним воплощением этой линии был Манджушрикirti, царь, объединивший касты Шамбалы, а будущим станет Рудрачакрин, царь, который уничтожит силы зла. Лобсанг Палдэн-еше сам изъявлял глубокий интерес к Шамбале и расспрашивал иностранных посетителей и путешественников о местах, упомянутых в текстах, описывающих путь туда.

В 1775 году по просьбе некоторых посещённых им лам Лобсанг Палдэн-еше написал свой путеводитель в Шамбалу. Первая часть текста имеет дело с общей географией и историей Азии и Индии, остальные же сосредоточены на путешествии в Шамбалу и включают в себя описание самого царства вместе с его историей и пророчествами о нём. При написании своей книги Лобсанг Палдэн-еше сводил материал из разных текстов Калачакра-тантры и комментариев, написанных разными ламами. По его собственному признанию, в своём описании путешествия он полностью следует тому

путеводителю, который он счёл лучшим — входящему в состав в Канджура. А поскольку этот древний текст использует санскритские названия мест, которые больше не в употреблении, большинство мест, упомянутых в описании пути в Шамбалу, оказывается трудно определить. Лобсанг Палдэн-еше, очевидно, предпочёл этот вариант по следующим причинам — согласно одному ламе, жившему примерно в одно время с ним, он хотел оставить маршрут неясным, чтобы по нему в Шамбалу не направились не те люди.⁵

Илл. 20. Путеводитель в Шамбалу. Текст из Танджура, переведённый на тибетский Таранатхой. Он начинается с верхней страницы.

Таранатха, видный лама-историк, родившийся в 1575 г., перевёл "Калапар джугпа", путеводитель из Танджура, с санскритского текста, найденного им в Непале (см. илл. 20). В конце своего перевода он упоминает, что ему помог его сделать один учёный брахман, но не указывает автора и время написания оригинала. Путеводитель имеет форму диалога между разными мудрецами и бодхисаттвами, находящимися в сверхъестественном окружении. Один из них, мудрец Арья Амогханкуша, описывает путешествие другим. Поскольку Будда в этом диалоге не присутствует, как обычно бывает в ранних диалогах, этот текст должен быть довольно поздней работой, составленной намного позже его смерти, последовавшей около 500 г. до н. э. Мы можем лишь выдвинуть догадку, что что он должен был быть написан

где-то после появления в Индии учений калачакры в X в., но всегда остаётся возможность его датировки более ранним периодом. У Таранатхи должен быть личный интерес к содержанию текста — его тайная автобиография упоминает сон, в котором маленький белый мальчик провёл его в Шамбалу, где он обнаружил, что это царство населено почти полностью женщинами.⁶

Третий Панчен-лама взял свою версию путешествия прямо из путеводителя, входящего в Танджур, и пересказал его на более современном тибетском лишь с немногими изменениями, самым важным из которых было добавление страны гермафродитов на границе Шамбалы. Два путеводителя больше разнятся в описаниях самого царства, и более древний текст даже не упоминает пророчества о последней битве и грядущем золотом веке. Лобсанг Палдэн-еше получил свои сведения о них из других источников. Поскольку текст из Танджура ближе к санскритскому оригиналу, мы взглянем на его сжатый перевод и посмотрим, где путеводитель Панчен-ламы от него отклоняется.⁷

После обычных призываний, текст из Танджура начинается с обстоятельств диалога. Однажды Манджушри, бодхисаттва мудрости, и Авалокитешвара, бодхисаттва сострадания, находились на прекрасной горе в окружении огромного сонма бодхисаттв, богов, людей и других существ. Услышав, что они здесь, пятьсот мудрецов пришли просить учения для будущих времён вырождения, когда люди будут в таком заблуждении, что духовные практики будут приводить их только к страданию. Где же в те времена, — спросили они, — можно будет найти истинный путь к совершенству?

В ответ на это Авалокитешвара рассказал о городе Калапа на севере, месте изобилия и счастья, где ещё можно будет найти истинное учение. Те, кто пожелают отправиться туда безвозвратно в поисках великого смысла, — сказал он, — могут пойти и получить искомое от Владыки и мудрецов Шамбалы.

Тогда богиня Экаджати, бодхисаттва, сметающая все препятствия, сказала Авалокитешваре: "О владыка, в будущем, во времена упадка, будут те, кто пожелает искать просветления ради блага других. Ради них, дабы увести их прочь от заблуждающихся, пожалуйста, объясни путь в город Калапа".

И благородный Амогханкуша, отвечая за Авалокитешвару, сказал:

Слушайте мои слова, вы, числом в пятьсот. Кто пожелает отправиться в Шамбалу, должен вступить на праведный путь и практиковать

медитацию. Он должен иметь веру и непоколебимую решимость достичь просветления ради блага всех существ. Ему также нужно получить посвящение в мандалу, чтобы знать науку ритуала, и приступить к изучению тантры. В дополнение к этому, у него должны быть ясный ум вместе с пониманием, и правдивая природа.

Тот, кто соответствует этим условиям, сначала должен медитировать на своём божестве-покровителе, и через некоторое время ему должна явиться Шамбала, наяву или во сне. Если он получил от божества этот знак позволения, тогда он может отправиться в путешествие в Калапу. Однако если же он попытается пойти без такого знака, он встретится с огромными страданиями, и все его усилия окажутся тщетными. Предпринимающие путешествие без необходимой подготовки и без нужных качеств, подобны глупым детям, пытающимся, забравшись на кучу грязи, достать до Луны.

Ищущий, получивший такое разрешение, должен 800000 раз прочитать мантру Манджушри и сделать 80000 огненных приношений цветов. Чтобы преодолеть демонов и злых духов, ему нужно 100000 раз прочитать мантру Амритакундали и принести ещё больше цветов. Чтобы искоренить всякую ненависть и агрессию, он должен читать мантру Ямантаки, великого гневного, победителя владыки смерти. После ещё большего количества огненных приношений цветов он должен приготовить кулички для этих бодхисаттв и молиться им об успешном заверении своей миссии.

Кто совершит эти ритуалы без греха или лжи, делая их лишь для обретения сил, чтобы помочь другим, непременно достигнет Шамбалы. Но если ритуалы делаются не по уставу, или человек, совершающий их, имеет дурные намерения, он будет атакован и всячески наказан гневными божествами и демонами. Те, кто достиг совершенства в тантрах, не нуждаются в этих методах — они могут быстрее и легче отправиться туда с помощью мантр и энергетической медитации. Но путём практики этих ритуалов даже люди с малыми достижениями могут совершить невозможное и достичь Шамбалы.

Затем ищущий должен вступить на путь, ведущий к Шамбале, сделав приношения дереву бодхи в Бодхгае, где все будды достигли просветления. Оттуда он должен отправиться к океану, лежащему на западе, и на лодке отправиться на север к острову, именуемому Островом Сокровищ. Он должен избегать города варваров на его западной стороне и направиться прямо к городу на его восточной стороне, где он найдёт ступу Канакамуни, будды одного из прежних эонов. Ищущий должен обойти эту реликвию 5000 раз, всё время

читая Стослоговую мантру будд.

После шестимесячного пребывания на острове он должен на лодке отправиться к берегам западной Индии. На север оттуда лежат много стран, но не нужно наслаждаться путешествием по ним: если искатель отправится туда, он потеряет себя в бесцельных блужданиях. Избежав этого неверного направления, он должен отправиться на северо-восток. Затем, путешествуя на север и на север, он шесть месяцев будет идти мимо многочисленных городов, пока не достигнет большой реки Сатру и снежных гор Какари. Он должен пересечь их, но ему нечего бояться по пути — люди, живущие в окружающих странах, имеют добрую и правдивую природу.

На тамошних горах есть два вида лекарственных растений. Одно, называемое туджанайа, очень сладкое и имеет острые колючки, листья, подобные зубьям боевого топора и красные цветы цвета заката. Оно всегда растёт на скалах, на обращённой к югу стороне. Другое, называемое тилака, имеет очень горький вкус, млечный сок, и белые цветы в форме соска буйволицы. Оно свисает со стен ущелий. Ищущий должен сделать кинжал из дерева патали и использовать его для выкапывания корней этих растений, повторяя могущественную мантру Ваджраланки семь раз. Высушив корни в течение семи дней и спев другую мантру, он должен поместить их в горную пещеру.

Возле того места есть минералы пяти цветов — белые, жёлтые, красные, чёрные и зелёные. Собрав и вымыв их в снеговой воде, ищущий должен использовать их для того, чтобы нарисовать изображение Маричи, богини восхода, на плоском белом камне. Фигура должна быть оранжевой, с тремя красными глазами и шестью руками. У неё два лица: правое — красное, а левое — чёрная свиная морда со свирепым выражением. Она носит на плечах синюю полосатую одежду, и несёт в руках разные предметы, такие как цветочная стрела и чаша из черепа. Кабан, на котором она едет верхом, попирает своими копытами злые качества. Рисуя её образ, ищущий должен читать ей мантру и делать приношения из красных цветов. Этот ритуал не для тех, кто ведёт себя недостойно; он для тех, кто достиг самоконтроля и развил способность сострадания.

Тогда ищущий должен взять из пещеры корни, перемолоть их, и сварить этот порошок в молоке диких коров, живущих в снежных горах. Получившееся снадобье нужно поставить перед образом Маричи. В конце чтения каждой мантры искатель должен добавить слова "принеси капли нектара". Повторив это тысячу раз и получив силу, он должен выпить снадобье. Затем ему нужно поместить образ

так, чтобы он был обращён лицом к северу и покрыть его плодами и цветами. Сделав это, он станет неподвержен голоду, жажде и усталости. Сила богини позволит ему преодолеть препятствия, лежащие впереди.

Затем ему нужно двадцать один день идти на север через пустыню, где нет даже следов травы, деревьев и воды. Далее путь ведёт через огромный лес, полный ядовитых змей, тигров и других опасных животных. Понадобится двенадцать дней, чтобы пересечь его. На той его стороне возвышаются огромные горы, и царя этих гор зовут Гандхара. Там живут крылатые львы, и каждый день они убивают множество магических существ, тела которых имеют переменчивый образ.

Кровью одного из этих существ, убитых львом, ищущий должен нарисовать на плите чёрного камня образ богини Мандехи. Она должна быть красной, яростной, с выдающимися клыками, и с поясницей, обёрнутой человеческой кожей. Её левая рука размахивает мечом, а правая держит плеть, наполненную кровью, плотью и сердцами. Ищущий должен положить приношения из крови и плоти перед нарисованным им образом и представить себя Ямантакой, победителем владыки смерти, едущим верхом на буйволе. Чтение мантры этого бодхисаттвы заставит демоницу выйти. Когда она появится, ищущий должен предложить ей плоть и немедленно подчинить её силой Великого Гневного, Ямантаки. Тогда она спросит, чего он желает, и он должен ответить: "О демоница, поскольку я хочу отправиться в Калапу ради блага всех существ и чтобы сделать их счастливыми, снабди меня пищей в этих пустынных землях". И, согласившись сделать это, она исчезнет. После этого, каждую ночь, когда ищущий будет останавливаться у подножия дерева арджуна, он найдёт утончённую пищу белого цвета со вкусом мёда.

К северу находится великая заснеженная гора, полная аскетов, мудрецов и разнообразных демонов. Если ищущий развил способность подчинять других, он должен отправиться туда и играть с ними, после чего они поместят его к себе на плечи и полетят, доставив его прямо в Калапу. Но если ему недостаёт этой силы, он не должен идти туда — он должен поспешить по очевидному пути, ведущему на север в направлении ветра.

С этой заснеженной горы низвергается огромная река, и течёт на восток и на запад. Достигая равнины, она смешивается с тысячами ручьёв и так замедляется, что принимает вид неподвижного озера. По причине её белого цвета, она называется Сита, или Белая. Она течёт

тысячи миль и впадает в ядовитые озёра на востоке и на западе. Шириной она в несколько миль, и её воды так холодны, что в ней не живут ни рыбы, ни птицы, ни крокодилы. Только адские существа обитают в ней. Поистине она столь холодна, что пересиливает касание ветра и снега и никогда не замерзает — даже в середине зимы.

На этом берегу реки есть гора медного цвета с тысячью пещер и многими видами деревьев. Там живёт демоница по имени Вспыхивающая Молния. Ищущий должен совершить для неё тот же ритуал, что и для предыдущей демоницы. Она должна быть изображена серой, едущей на слоне и держащей пест. Рисовать её следует коноплёй, розами и кровью диких быков и слонов; всех их тоже нужно использовать для приношений. Ищущий должен представить себя Ямантакой с телом цвета чёрных туч, шестью ногами и двенадцатью руками, держащими разные орудия, а также чашу из черепа, до краёв наполненную кровью (см. илл. 22). После того, как он пропоёт нужные мантры, явится демоница, и нужно попросить её показать путь через реку. Своей силой она заставит воду замёрзнуть, и слой льда будет достаточно прочным, чтобы легко по нему пройти.

Илл. 22. Ваджрабхайрава, форма Ямантаки, победителя Владыки Смерти. Он обнимает свою супругу и попирает демонов, символизирующих иллюзии "я". Вокруг него можно видеть нескольких лам и мудреца, монгольского царя, а также божеств-защитников и йидамов. Внизу слева — Яма, владыка смерти.

На том берегу Ситы есть лес с множеством разных видов красивых деревьев. Ищущий должен отдыхать в нём месяц и есть плоды и корни, растущие в этом месте — они очень вкусные и придадут ему силы. Он должен также читать мантру богини Чунды, эта мантра имеет благословение семи миллионов будд. В результате он увидит, во сне или наяву, как из частей его тела капает чёрная кровь. Это значит, что его тело избавлено от всех недугов и стало очень лёгким и сильным.

Затем ищущий должен собрать так много золотых плодов, растущих там, сколько удастся найти; и сколько бы их ни нёс он с собой, они его не будут отягощать. На пути он встретит цепь небольших заснеженных гор. Все потоки, льющиеся с них, текут на юг, и хороши для питья, но за этими горами на протяжении нескольких сотен миль к северу он не найдёт никакого питья. Однако благодаря собранным им золотым плодам он не будет страдать ни от голода, ни от жажды, а новые способности и лёгкость его тела позволят ему преодолеть это пустынное плато всего за семь дней. Когда он достигнет другой его стороны, все плоды кончатся, сколько бы их у него ни было вначале. На большом расстоянии от этого места к западу возвышается белая гора с красивыми лесами, но ищущий не должен идти туда: иначе обитатели этого места, пятьсот демониц с медными губами, причинят ему большой вред. Он должен следовать прямому пути, ведущему на север.

После дня пути он придёт к горе Кетара; она чёрная и с виду пугающая. Поразительной колонной возвышается она на тысячу миль, а наполнена она золотом и серебром. Четыре озера цветов окружают эту гору, а над их водами летают прекрасные птицы с красивыми голосами. Иногда защитник мира, Вирудхака, царь-охранитель юга, приходит туда поиграть. Многие дочери богов и тысячи прекрасных девушек-змей служат ему там. Читая должную мантру, ищущий должен сделать приношение из рыбы и мяса и возжечь благовоние из древесной смолы, трав и плоти. Так он умилостивит опасных полубогов, богинь, пожирателей плоти, демонов и голодных духов.

После этого он должен направиться на север к горе Менако, окружённой лесом из сандаловых и других деревьев. Там живут дочери титанов и змеи-божества, равно как и дочери демонов с лошадиными мордами.⁸ Всё своё время они проводят в играх, всегда поют, танцуют и исполняют музыку. Ищущий не должен позволять себе быть привлечённым девушками или получать удовольствие от их музыки и пения. Он должен просто запастись провизией и продолжить путешествие.

Пройдя Менако, он придёт к реке Сатвалотана, текущей с востока на запад; в ней много водоворотов и через неё очень трудно перебраться. В ней есть рыбы многих цветов с человеческими лицами, тигры, львы, пантеры, коровы, обезьяны, попугаи, и другие создания. Ветви деревьев, растущих по обоим берегам, смыкаются над водой и переплетаются. Ищущий должен перебраться через реку по ветвям деревьев или с помощью рыбы. Если он выберет второй путь, он должен собрать рис и зерно с окружающих холмов и мёд, капающий с деревьев поблизости. Смешав эти ингредиенты и приготовив их, он должен очистить их мантрой возвышенного сокровища пространства. Тогда он должен молиться своему божеству-покровителю и предложить эту пищу рыбе. Прочитав другую мантру, он должен крикнуть: "О царь рыб, я направляюсь в Калапу ради блага всех существ. Помоги мне пожалуйста переплыть эту реку". После этого появится царь рыб и перенесёт ищущего через воды.

По пути, ведущему на север от снегов Какари до этой реки, нет никаких человеческих жилищ — есть лишь нечеловеческие существа и свирепые демоны. В стороны от него, в сотнях миль на запад и на восток, есть города и селения, но если ищущий отклонится в их направлении, он сойдёт с пути и никогда не достигнет Калапы, даже если будет идти сотню лет. Область прямо к северу от реки Сита изобилует заснеженными горами, но они не закрывают путь. За ними, на той стороне только что пересечённой им реки, лежат города северной Джамбудвипы [Азии или мира].⁹ Народы тех мест счастливы и живут в процветании, без страха и печали. Там ищущий найдёт много стран с красивыми реками, долинами, озёрами и лесами. Он пройдёт мимо великолепных царских дворцов и рыночных площадей, полных всевозможных товаров и предметов роскоши. Но он не должен уделять внимания ничему из этих вещей — они только отвлекут его и помешают ему в его миссии. Он должен думать о Калапе и идти дальше, через Китай, Великий Китай и северные страны, всегда двигаясь на север. Тому, кто обладает силой мантр, для пересечения всех стран этих обширных и удвлённых областей потребуется не более

шести месяцев.

На пути ищущий встретит много источников, и некоторые из них, те, что бьют из гор, полных золота, серебра, меди, железа и других металлов, ядовиты. Эти кучи металлов скрыты от взгляда деревьями, полянами и слоями земли и драгоценных камней. Вода, проистекающая из золотых гор, причиняет смерть, из серебряных — сумасшествие, а из прочих — приносит болезнь и заставляет терять кожу и волосы. Но ищущий, вооружённый силой мантр, найдёт эти источники благотворными. Вода золота даст ему долгую жизнь, вода серебра сделает его кожу свежей и придаст ей здоровый цвет, а прочие исцелят любые болезни, которые у него ещё могут оставаться.

Пройдя эти источники, ищущий придёт к пяти горам, покрытым красивыми цветами, деревьями и драгоценными камнями. Там счастливо живут легендарные существа, сразу являющиеся и мужчинами, и женщинами, и играют с красивыми предметами.¹⁰ Они будут петь соблазнительные песни, чтобы обольстить ищущего. Если это не удастся, они переменят свою форму на устрашающую и будут угрожать ему пугающими звуками или выпускать разные виды мрачного дыма, чтобы навести грусть и подавленность. Ищущий не должен позволять себе привлекаться, пугаться или печалиться. Оставшись непоколебим в созерцании пустоты, он может преодолеть эти проявления и двигаться дальше. Если же он поступит иначе, то подвергнется страшным страданиям.

Преодолев эти страхи и искушения, теперь он может двинуться в страну, где в магических формах живут ваджрадакини — богини, которые ходят по небу. Он не должен ни возбуждаться, ни пугаться при виде их прекрасных и устрашающих тел. Те, кто обладает алмазным глазом, добродетельны и сострадательны ко всем. Поскольку ищущий оставил все грехи, он испытает в этом месте великое счастье. Он должен оставаться там и молиться ваджрадакиням семь дней. В конце этого срока они спросят его: "что нужно тебе, искатель?", на что он должен ответить: "пожалуйста, быстро доставьте меня в Калапу". Тогда, подняв его на плечи, одна из этих женщин, обладающих чудесными силами, за час пронесёт его по небу над тысячами миль гор, покрытых снегами и ледниками. В конце полёта она опустит его в красивой долине лекарственных растений у подножия Чандракалы, лесистой горы на границе Шамбалы.

В этом месте обитает гневная форма богини Экаджати с одним пучком заплетённых волос. Ищущий должен сделать огненные приношения цветов и молиться ей о духовной силе и достижении. Затем он должен

сорвать снежные цветы лотоса и читать её мантру 5000 раз. Привязав цветы на макушку своей головы, он обретёт власть над вредоносными демонами и пробудит ту мудрость, которая беспрепятственно проникает через все вещи. Теперь он может пройти через оставшиеся немногочисленные страны и леса, лежащие между ним и его целью.

Пройдя несколько сотен миль на север, он достигнет долины Самсукха, где вместе растут все существующие в мире виды деревьев. Далее он пройдёт через Лес Непрестанного Счастья. А пройдя его, он наконец придёт в великий город Калапа и вступит в присутствие Владыки Шамбалы.

Дав ищущему наставления о том, как получить от Владыки учения, на последних нескольких страницах путеводитель описывает чудеса Шамбалы. Это описание самым разительным образом отличается от того, что даёт Панчен-лама, в том, что не упоминает восьмилепестковой лotosной формы. Текст Танджура, однако, говорит, что страна круглая и из её центра расходятся восемь дорог в разных направлениях, где стоят стражи. В описании самого путешествия Панчен-лама делает лишь несколько незначительных изменений; в основном это небольшие добавления. Например, он отождествляет большую снежную гору с мудрецами и демонами, способными доставить ищущего прямо в Калапу, с обителью одного из шестнадцати главных учеников Будды. Он также пытается соотнести древние географические названия из Танджура с местами, знакомыми современным ему тибетцам. В том месте, где ищущий приближается к холодной реке Сита, Панчен-лама добавляет предупреждение, что если он дотронется до воды, она превратит его в камень. Но самое его значительное добавление, которое приближает его версию путешествия к анонимному путеводителю XIII в., касается долины Самсукха на границе Шамбалы. Согласно ей, гермафродиты из предыдущего текста, имеющие половые органы на бёдрах, живут именно там. Как мы увидим, это добавляет к символизму путешествия кое-что важное.

Теперь обратимся к путеводителю несколько иной и более глубокой природы — поэме тибетского принца Ринпунги Нгаванга Джигдага. Ринпунгпа, как мы будем его называть далее, был последним в династии, управлявшей большей частью Тибета в XV и XVI в. Хотя он считается одним из лучших поэтов, писавших на тибетском, и заслужил звание "царя-учёного", к сожалению, в правлении он был не так удачлив. Очевидно, он тратил слишком много времени на поэзию и недостаточно — на управление, поскольку в 1565 г., через восемь лет после написания своего путеводителя в Шамбалу, он был свергнут

одним из своих губернаторов. Его поэма живо описывает беспорядок и коррупцию, мучившие его в годы, предшествовавшие его падению.

Ринпунгпа сочинил свой "Вестник знания" в 1557 г. в виде письма к своему умершему отцу, который, как он верил, перевоплотился в Шамбале. В этом послании он изливает всё своё горе и просит помощи и руководства в решении проблем, с которыми он столкнулся. Та часть поэмы, которая нас интересует, состоит из указаний, которые он даёт посланцу, которого он визуализировал, чтобы тот доставил письмо его отцу в Шамбалу. Хотя сам Ринпунгпа никогда не заявлял, что физически бывал там, он мог совершить путешествие во сне или в видении. В любом случае, как хорошо начитанный поэт и учёный, он должен был быть знаком с текстами калачакры, описывающими путешествие в Шамбалу, однако, поскольку он написал свою поэму по крайней мере за сорок лет до того, как Таранатха нашёл и перевёл руководство, включённое в Танджур, он, вероятно, не имел доступа к этому тексту. Как мы увидим, он в большей степени, чем авторы других руководств, трактовал путешествие в Шамбалу как метафору для передачи мистических учений. Хотя он не был официально признан перевоплощённым ламой, тибетцы признают его высоко просветлённым и считают его сочинения плодами истинного озарения, а не просто фантазиями.

Поэма написана сложным и вычурным стилем, происходящим от санскритской поэзии Индии. Она нагромождает друг на друга сложноподчинённые предложения и обильно использует богатые эпитеты, которые даже тибетцам трудно понять. По этой причине вместо длинного и витиеватого перевода самой поэмы я дам тут сжатый её пересказ, который будет более легкочитаемым, но всё же передаст какое-то ощущение стиля оригинала.¹¹

Открывает поэму обращение к разным божествам мудрости — таким как Манджушри и Калачакра. Затем автор переходит к восхвалению своего отца и сожалению о его смерти. Он перешёл в мирную страну Шамбалу, оставив своего сына одного среди бед, опечаленного и беспомощного. Каждый день после его смерти казался годом нескончаемого горя. Жизнь в этом мире печалей порочна и непредсказуема. Лишь всеобщее уважение к имени отца позволило Ринпунгпе бороться с проблемами, осаждающими его со всех сторон.

К нему пришла мысль, что если он напишет отцу письмо, тот сможет откликнуться и помочь силой своего великого сострадания. Но как послать это письмо в Шамбалу? Стоя на крыше своего дворца, Ринпунгпа смотрит на небо и видит солнце и луну — их свет достигает

Шамбалы, но они не могут доставить письмо. Он замечает облака, которые легко проплывают мимо, и думает, что они могут попасть туда, но не могут доставить послание. Разные птицы пролетают над его головой, направляясь на север — он взывает к ним, но без успеха. Никто больше не может доставить послание — в эти времена упадка никто не обладает чудесными силами, нужными для достижения Шамбалы, а божества, которые раньше могли бы помочь, больше недоступны — они удалены заблуждениями, заполняющими сейчас умы большинства людей. Отправиться в Шамбалу при таких обстоятельствах — всё равно что пытаться увидеть звезду в полдень.

Внезапно у Ринпунгпы появляется новая идея — визуализировать посланца, подобного йогу, обладающего способностями и мудростью, необходимыми для такого путешествия, и попросить его доставить письмо отцу.¹² Увидев, как посланец появляется из его собственного ума, он обращается к этому йогу, в котором узнаёт себя — своего спутника во многих жизнях:

Возьми это послание и отправляйся к моему отцу в Шамбалу. Пусть мои слова истины, покоряя горы дуализма, ведут тебя по пути и помогут тебе преодолеть все лежащие перед тобой препятствия.

Сначала иди в святилище моего отца во дворце Рингпунг и молись о его благословениях, а затем — Шигадзе, к моим божествам-покровителям, и попроси их о помощи в путешествии в Шамбалу. После этого ты должен пройти через центральный Тибет, по пути посещая святилища и монастыри и ища аудиенции у лам, которые могут благословить тебя на это предприятие. В монастыре Залунг Трубу окажи почтение большому образу Майтреи, грядущего будды. Остановись также в горах Непала, в святилище Муктинатх, и искупайся там в горячих источниках, наполненных ароматными цветами.

Затем поверни на север и на запад, на высокое плато у священной горы Кайласа, где живут обладатели знания. Тем, кто видит их необычным зрением, эти мудрецы видятся божествами-покровителями со своими алмазными супругами. Там, в районе золотых пещер, живёт старец Ангаджа, один из шестнадцати учеников Будды, окружённый тысячей святых. Если ты внимательно прислушаешься к звуку колоколов и цимбал, то услышишь музыку их просветлённых учений.

От Кайласы продолжай путь на северо-запад, в Ладак, и через горы и лес спустись в долину Кашмира. Там, рассыпанные среди зелёных

полян, растут красивые роши шафрана и сандала, давая прохладную тень и наполняя воздух сладким ароматом. В этом радостном месте более трёх миллионов городов, дома в которых из драгоценных камней, и окружённых стенами из хрусталя. Между ними и в стороне ты найдёшь лавки, где продают изумруды и рубины, кораллы и жемчуг, золото и серебро. Толпы счастливых людей, одетых в белое и поющих песни, наполняют улицы, подобно снежным сугробам. Прекрасные женщины с тёмно-синими глазами и красивыми грудями будут посылать тебе соблазнительные взгляды. Хотя для глаза они как нектар, они сжигают ум огнями страсти: они — цветочные стрелы бога желаний. Будь осторожен и избегай привязанностей, помни о своей цели и продолжай путь.

Теперь путешествие станет более трудным. Тебе придётся следовать узкими тропинками, которые, извиваясь, ведут на север через лабиринт предательских гор. Многие из этих тропинок заводят в долины, откуда путник уже никогда не вернётся. Выбрав неверный путь, ты безнадежно заблудишься. Но если ты наберёшься смелости и посвятишь свои усилия благу других, ты безопасно пройдёшь через них и выйдешь в страну паксиков, всадников в белых тюрбанах и ватных халатах. Хотя они широкоплечи и с виду свирепы, они вполне дружелюбны и не причинят тебе вреда. Ты увидишь у них много богатств — драгоценных камней и других сокровищ.

Оставь их позади и иди на север, через равнины. После многих дней пути ты войдёшь в густой лес с такими высокими деревьями, что они достают до облаков. Поэтому под ними совсем темно. Хотя у тебя не будет света, ты должен пройти через лес. На той стороне этого тёмного и мрачного пути ты выйдешь к дикой пенящейся реке, именуемой Сита.¹³ Её бурлящие воды создают такой шум, что рёв напоминают урагана конца света. Всякий, кого коснутся её брызги, превратится в камень. Остерегайся. Возмись за ветку дерева, осторожно оттяни её назад, и пусть она перебросит тебя через реку, так что ты полетишь, как птица.

На том берегу ты окажешься в тихом парке, где возле горы, богатой травой цвета зелёных перьев на шее павлина, играют слоны. Над головой, влажные от капель тумана, подобно кобрам, смыкаются ветви сандаловых деревьев, образуя полог, дающий прохладную тень. С деревьев свисает вкусный плод золотого цвета, пахнущий шафраном, и ждёт, когда его сорвут и съедят. Оленихи оставляют для своих оленят молоко в листьях в виде блюдец, будто сами боги устроили это, чтобы ты пил. Оставайся там некоторое время и отдохни.

Отдохни хорошо, ибо впереди много дней изнурительного путешествия через тёмный и страшный лес. Стаи хищных животных с огненными глазами и косматой, спутанной шерстью, перепачканной кровью, рыщут в этом лесу, жадные до жира и крови своих жертв. Отовсюду ты будешь слышать, как они рычат и перекусывают кости со страшными звуками, подобными звукам топора дровосека. Весь путь будет усыпан ещё тёплыми кусками мяса и костей. Со всех сторон из темноты за тобой будут следить глаза демонов, красные, как медь. Ведьмы будут появляться днём в человеческом обличьи, а ночью примут вид тигров и львов. Подобные посланцам бога смерти, орды призрачных ночных путешественников, питающиеся мясом, попытаются полакомиться тобой. Направив на всех этих угрожающих чудовищ глубокое и неисчерпаемое сострадание, ты сможешь умерить их ярость и безопасно пройти через лес.

После этого ты придёшь к большой воде, которая будет выглядеть безбрежной, как небо. Благодаря твоим благим заслугам, тебя будет ожидать лодка, на которой ты сможешь пересечь её. Добродетельность твоих прошлых дел также вызовет попутный ветер, и если ты будешь умело управлять лодкой, он пригонит тебя к тому берегу, к которому ты стремишься.

На север оттуда будет простираться голая безводная пустыня, подобная одиноким путям страдания, что пролегают через этот мир иллюзий. Беспощадный жар солнца, отражаясь от песка, поджарит тебя так, как если бы ты оказался в печи, где плавят серебро. А если ты попытаешься охладиться, обмахиваясь ветвями с засохшими листьями, то только опалишь своё тело горячим воздухом. Заунывный свист ветра над выжженной травой заставит тебя вздыхать от грусти и отчаяния. Помни своё мистическое знание и примени его, чтобы натереть свои миндалины так, чтобы из тайной луны внутри тебя стал истекать нектар. Если ты знаешь, как пить этот поток утоляющей жидкости, жажда и голод исчезнут вместе со старостью и смертью.

После пустыни, переход через которую займёт много дней и ночей, тебе нужно будет перейти через высоченную горную цепь. Когда ты будешь взбираться на эти горы, ураганный ветер будет бросать тебе в лицо крупный песок и кусочки листьев и веток, обдирая кожу и причиняя сильную боль. Снова примени своё знание, чтобы изготовить секретную мазь, которая защитит тебя от ветра. Средство это очень могущественное, и оно также очистит твои глаза и сделает зрение ясным.

За горами путь лежит в страшный Медный Лес, логово гигантских

змей, челюсти у которых величиной с дом. У них медные глаза и ужасные чёрные тела, которые громоздятся, как горы. Шесть месяцев в году они спят, а затем просыпаются, чтобы убивать и есть. От их дыхания ядовитый пар расходится на милю и более, и всё, чего он касается, превращается в пыль. Но если ты приготовишь правильное противоядие, это восстановит твоё тело и позволит пройти сквозь их мертвящее дыхание без вреда.

Затем ты подойдёшь к высокой горе с тремя острыми вершинами. Её склоны покрыты камнями и острыми колючками так, что никто в обычной обуви не может её преодолеть. Опять применив свои тайные знания, ты сможешь сделать свои подошвы твёрдыми, как медные пластины, и легко пройдёшь через это болезненное препятствие.

Через несколько миль к северу возвышается другая вершина, называемая Горой Благовоний. Издалека её зелёные луга и богатая растительность выглядят, как куча ярких изумрудов. Повсюду на её пологих склонах растут лекарственные растения и благовонные деревья, наполняя воздух приятным ароматом. На этой горе в драгоценных пещерах живут многочисленные мудрецы и могущественные йоги. Они прямо сидят в постоянной медитации, глядя вперёд и никогда не моргая своими глубокими голубыми глазами. Их кожа золотая, а на их губах — лёгкая улыбка. Как только ты увидишь их, ты должен в почтении простереться перед ними и сделать им приношение из красивых цветов. Затем попроси их помощи и совета в достижении Шамбалы. Поскольку они могут достичь всего, чего пожелают, то защитят тебя от опасностей пути и помогут преодолеть лежащие впереди препятствия.

Перед тобой лежит долгое путешествие через опасную область красных пыльных бурь, которые возносятся в небо подобно жертвенному огню. Повсюду вокруг тебя будут ударять громы и молнии, и их удары в землю будут подобны алмазному граду. В любой момент стаи пронзительно кричащих орлов могут наброситься на тебя с неба, чтобы когтями разорвать тебя в клочья. Демоны с красными глазами и существа, воплощающие безымянные страхи, скрываются в засаде, ожидая, когда им удастся попить твоей плотью. Но сила и учения мудрецов отвратят эти опасности и позволят тебе продолжить путь на север, к Шамбале.

После многих дней мучительного пути ты придёшь в красивую страну золота и алмазов — страну легендарных существ, которые и не люди, и не боги.¹⁴ Повсюду в этой стране есть чистая вода, сверкающая в красивых прудах из драгоценных камней. Ты увидишь и дома из

драгоценных камней, окружённые стенами сияющего хрусталя; а в их садах найдёшь деревья исполнения желаний. Девушки, которые живут там, всегда счастливы и поют песни, их лица подобны луне и красивы, как лотосы, а глаза похожи на синие цветы. Их золотые тела украшены лентами из тонкой ткани с жемчугом. Их изящные руки и ноги движутся подобно ветвям деревьев под лёгким ветерком.

Как только девушки увидят тебя, они загорятся страстью и станут виться вокруг тебя, как пчёлы вокруг цветка. Они будут улыбаться и стрелять глазами так, что ваши умы как бы сольются воедино, они будут обнимать тебя, соблазнительно обвиваясь вокруг тебя, как лианы вокруг дерева. Почему бы не получить удовольствие с этими девушками, которые достигли чистоты и духовной силы озарённых дакинй? Отведай мёд их грудей, тянущихся к тебе, подобно цветам, предлагающим свой нектар.

Когда ты сделаешь это, великая волна радости и блаженства унесёт тебя за пределы всех телесных ощущений. Жар внутреннего огня, подобно огню, сияющему на южном краю вселенной, поднимется по твоему телу, выжигая чащи умственных омрачений. Достигнув макушки твоей головы, он расплавит мистический слог "хум" в капли лунного цвета. Поток серебряного нектара будет ниспадать через твои психические центры, ослабляя их узлы и заставляя их раскрываться. Распространяясь по тысячам каналов, он очистит твоё тело и преобразит его в нерушимое алмазное тело блаженства. Каким ещё путём ты сможешь достичь этого так быстро? Теперь, обладая этим чудесным телом, ты обязательно достигнешь чистой земли Шамбалы.

Теперь иди через красивые страны, что лежат впереди. Твой путь будет проходить через идиллические города, похожие на кусочки небес, упавшие на землю. Ты пройдёшь мимо гор, сияющих блеском драгоценных камней, и пересечёшь реки, сверкающие множеством жемчужных пузырьков. Пройди через все эти земли с лёгкостью и радостью на сердце.

Затем ты подойдёшь к последнему большому препятствию на пути — стене сильно заваленных снегом гор, громоздящихся столь высоко, что даже орлы не могут перелететь через них. Пронзая небо своими вершинами, они возвышаются, как огромные демоны, закрывающие путь и грозящие порушить все твои надежды. Не пугайся, но помни сострадательное всемогущество ума будды и отбрось все сомнения. Направь на свои страхи и иллюзии ясный свет осознанности, и они исчезнут, как миражи тьмы в сиянии чистого восхода. Тогда, под музыку золотых колокольчиков на ногах, благородные поднимут тебя

на плечи в паланкине богов и легко, как груз хлопка, перенесут тебя через стену снежных гор. Благодаря их чудесной силе ты проплывёшь по небу, как зонтик, устыдив даже орлов.

После гор тебе останется пройти через один последний лес, полный змей и диких животных, но если ты проявишь ко всякому встреченному существу дружелюбие и сострадание, у тебя не будет трудностей. Хотя ты будешь истощён и нездоров после лишений пути, держись своей цели и продолжай посвящать свои усилия благу всех существ.

Тогда ты наконец увидишь города Шамбалы, сияющие среди цепей заснеженных гор подобно звёздам в волнах молочного океана. Один вид этих цветов света освободит твой ум от всякого неведения и принесёт счастье — ты сразу почувствуешь себя отдохнувшим и оправившимся от всех трудностей путешествия. Теперь ты можешь пить, отдыхать и пользоваться плодами всех своих усилий...

В сравнении с другими путеводителями, этот даёт гораздо более живой и близкий образ путешествия в Шамбалу. Ринпунгпе удаётся сделать это, используя поразительную образность, которая фокусирует наше внимание на внутренних чувствах и переживаниях его йога. Мы не только видим опасности и красоты путешествия, но и чувствуем страх и радость, которые они внушают. Кроме того, в то время как путеводитель из Танджура сосредоточивается на совершении внешних ритуалов, таких как создание образов для вызывания божеств, поэма Ринпунгпы углубляется во внутренний опыт медитации. В этом отношении она представляется мне написанной для более продвинутых йогов, упомянутых в Танджуре — тех, которые могут отправиться в Шамбалу иным методом, в котором применяется сила мантр и психическая энергия.

Все три путеводителя, рассмотренных нами в этой главе, описывают физические путешествия, в общем следующие одному и тому же маршруту. И искатель из Танджура, и йог из поэмы Ринпунгпы проходят через ментальные и духовные преобразования, которые вместе составляют нечто вроде параллельного внутреннего путешествия. Каждый преодолевает свои собственные слабости, приобретает различные способности и достигает нового тела, или более высокого этапа на пути к просветлению. Посмотрев на взаимодействия между местами, которые они проходят, и тем, что происходит у них в уме, мы можем читать эти путеводители не только как описания физических путешествий, но и как аллегории внутреннего путешествия к большей свободе и осознанности. Это мы и

предпримем в следующей главе. Согласно Дуджому ринпоче, тексты описывают настоящие путешествия, совершаемые в теле, "но самое важное в путеводителях в Шамбалу — практика ума".

9. ВНУТРЕННЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Если Шамбала символизирует цель путешествия в скрытые глубины ума, то Индия или Тибет представляют его начало в знакомом царстве поверхностного сознания. А это, в свою очередь, предполагает, что огромные пространства стран, лежащих между ними, которые описаны в путеводителях, символизируют ещё какую-то часть ума, которую мы ещё не рассматривали. Пока что из того, что лежит глубже поверхностного сознания, мы исследовали лишь самый внутренний ум и глубинные уровни вокруг него. Но бессознательное, как мы будем называть всё, что лежит за пределами обычной осведомлённости нашего сознания, включает в себя гораздо большее. В нём есть обширная и таинственная область, подобная малоисследованным странам между Индией и Шамбалой, со всеми её демонами и божествами — область, полная омрачённых страстей и возвышенных озарений, подавленных желаний и альтруистических побуждений, смесь демонического и божественного, приводящая в замешательство.

Бессознательное состоит из двух основных частей, которые мы назовём сверхсознательным и подсознательным. Сверхсознательное — это чистая область, символизируемая Шамбалой, царство самого внутреннего ума вместе с глубинными уровнями, которые его окружают. Мы используем для неё этот термин, потому что она содержит ту чистую и утончённую осознанность, которая может проникнуть в истинную природу вещей и увидеть их такими, каковы они есть. Огромные пространства, отделяющие Шамбалу от Индии и Тибета указывают, что сверхсознательное скрыто глубоко в уме, вдали от иллюзий поверхностного сознания.

Подсознательное, как следует из названия, лежит непосредственно под поверхностным сознанием в промежутке между ним и сверхсознательным. Его символизируют огромные пространства земель, лежащих между началом и концом путешествия. Как мы увидим при интерпретации путеводителей, подсознательное содержит смесь разных элементов, некоторые из которых происходят из сверхсознательного, а некоторые — из поверхностного сознания. Первое даёт яркие лучи озаряющих осознаний, тогда как второе

создаёт тёмные облака заблуждений. Поверхностное сознание, само того не замечая, вносит свой вклад в подсознательное, подавляя те части себя — страсти, страхи и так далее, — которые не подходят к его "я", его символу себя. В результате они переходят в бессознательное и смешиваются с элементами более глубоких уровней ума, которые движутся к сознательному, пытаясь пробудиться. По причине этого мы, когда погружаемся под поверхностное сознание, оказываемся в текучей области смещающихся состояний ума, где вещи имеют двустороннюю природу, которая может и помочь, и помешать нам в поисках освобождения.

Подавленные и скрывшиеся из виду, отчуждённые части поверхностного сознания тем не менее продолжают действовать, причём часто искажённым и хаотичным образом. Без всякого контроля и управления, они могут распространиться по подсознательному подобно раковым метастазам, захватывая энергию разных элементов глубинных уровней ума, которые там есть. В процессе этого они обретают власть над оставшейся частью поверхностного сознания, производя необъяснимые странности в мыслях и эмоциях. Невидимые конфликты между подавленными побуждениями, борющимися между собой, могут вырваться на поверхность в виде экстравагантного и противоречивого поведения в диапазоне от лёгкого невроза до сильного психоза. Содержание подсознания, хотя обычно и скрытое от глаз, иногда вдруг выскакивает на поверхность, только чтобы снова исчезнуть в глубинах, из которых оно пришло, оставив его поражённого обладателя с впечатлением, что это принадлежит не ему, а кому-то совсем чуждому.

В нашем исследовании сна Кхамтрула ринпоче о путешествии в Шамбалу мы увидели, как его особенности воплощали более глубокие части его ума, оказавшиеся для него странными и неизвестными. Девушка, которая вела его, страны, над которыми он пролетал, мост, который он перешёл, увиденный им голубой конь и старый лама, которого он наконец встретил, очевидно символизируют содержимое бессознательного, лежащего вне его обычного сознания. Сон открыл ему (и нам) его бессознательные страхи и надежды, равно как и внутренние ресурсы силы и мудрости. А если такой сон может использовать особенности путешествия в Шамбалу, чтобы раскрыть скрытые аспекты ума, то имеет смысл предположить, что путеводители могут сделать то же самое. Буддийская традиция, стоящая за этими текстами, не проводит большого различия между тем, что мы видим во сне, и что мы видим наяву; согласно известному

высказыванию Будды, "разнообразие вещей подобно волосяной сети, выступлению иллюзиониста, сну". Во всяком случае, представляется ясным, что особенности путешествия в Шамбалу, описанные в путеводителях, отражают сознание путешественника, который видит их и переживает. Как говорит один тибетский текст, "наблюдая внешние предметы, обнаруживаю лишь свой собственный ум".¹

Иначе говоря, мы можем читать путеводители как инструкции для внутреннего путешествия из знакомого мира через дикое места подсознательного в скрытое святилище сверхсознательного. С этой точки зрения описанные в текстах божества, демоны, горы, реки и пустыни символизируют разнообразное содержание подсознания, с которым мы должны встретиться лицом к лицу и которым должны овладеть, дабы воспользоваться им на пути к пробуждению самого внутреннего ума. Это содержимое включает в себя некоторое количество внутренних препятствий или психологических блоков двух общих видов. Одни происходят из подавленных частей поверхностного сознания и включают в себя потаённые страхи, желания, иллюзии и привычки, которые держат нас в нашем обычном состоянии ограниченной осознанности. Другие имеют свой источник в элементах более глубоких уровней ума, которые действуют как барьеры, защищающие сверхсознательное от забивания его нечистым и хаотическим содержанием подсознательного.

Значительная часть внутреннего путешествия состоит в том, чтобы сделать содержимое подсознание осознанным, дабы встретиться с ним и овладеть им. Это происходит, когда мы начинаем пробуждать элементы из более глубоких уровней ума. А поскольку к этим элементам прицепился подавленный материал из поверхностного сознания, он тоже выходит на поверхность, давая характерный опыт обнаружения чего-то такого, что представляется плохим и угрожающим тому хорошему, что мы пытаемся открыть в себе. Многие ужасающие демоны путешествия, например, воплощают тот ужас, который мы переживаем, обнаруживая в себе те скрытые недостатки, за которые сами презираем других. Это не только угрожает целостности наших "я", но хуже того, угрожает выпустить яростный поток отвращения к себе. В результате мы видим эти отчуждённые части поверхностного сознания опасными и угрожающими демонами, которых мы должны избегать. Они становятся препятствиями, к которым мы не отваживаемся даже подступиться, не говоря уж о том, чтобы их преодолеть. И всё же лишь сделав это, мы рассеем иллюзорные образы себя и продвинемся по пути к освобождению. Встречая внутренние препятствия, а также боль и ужас, которые они

влекут, мы очищаем свой ум и делаем своё восприятие реальности более ясным.

Но кроме демонов и пустынь в путешествии в Шамбалу есть и нечто большее. Путешественник приходит в приятные рощи с освежающими плодами и встречает мудрецов и добродетельных божеств, которые помогают ему двигаться к цели. Они символизируют элементы более глубоких уровней ума, скрытые за подсознательным, и воплощают такие положительные силы как духовные устремления, истинные озарения, побуждения к состраданию, запасы энергии и чувство внутренней безмятежности. Выводя негативные аспекты себя в сознание, мы открываем этим позитивным силам путь к пробуждению. А поскольку в бессознательном они перемешаны, то когда в сознание вводятся одни, появляются и другие.

Путеводители проектируют содержание бессознательного во внешний ландшафт, где мы можем легче его видеть и работать с ним. В уме его элементы могут иметь аморфную и невещественную природу, из-за чего они ускользают от восприятия. Направив основную часть своего внимания наружу, мы привыкли иметь дело с осязаемыми вещами внешнего мира, а не с призрачными сущностями бессознательного. Придав им конкретные формы, мы можем увидеть и узнать их. В горах и реках, демонах и божествах путеводители символизируют содержимое нашего подсознательного таким образом, чтобы дать нам более глубокое прозрение, чем мы могли бы получить из прямого описания этих элементов, которое могло бы дать нам в лучшем случае лишь интеллектуальное признание их существования.

Установив общую канву их интерпретации, теперь мы можем обратиться к конкретному символизму самих путеводителей. Ритуалы, характерные для текста из Танджура, первого путеводителя, который мы рассмотрим, предоставляют нам полезное средство для того, чтобы проследить маршрут внутреннего путешествия. Как мы увидели из нашего исследования тибетского буддизма, предпринятого в пятой главе, божества, визуализируемые при подобных ритуалах — такие как Манджушри и Ямантака — символизируют этапы и опыты пути к освобождению. Через них, а также демонов, которых тоже вызывает ищущий, мы можем различить содержимое подсознательного, с которым мы должны будем столкнуться на пути пробуждения самого внутреннего ума. Порядок, в котором путеводитель представляет эти ритуалы, даёт нам общий набросок внутреннего путешествия в Шамбалу.

В своеобразном предисловии к своим инструкциям, касающимся

самого путешествия, текст Танджура открывается с обращённого к Шамбале прошения о водительстве в будущем, когда широко распространившиеся заблуждения сделают духовную практику во внешнем мире невозможной. Мы можем понимать это так, что внутреннее путешествие может начаться только после того, как мы осознаем омрачённую природу поверхностного сознания. До этого оно кажется вполне надёжным — мы не видим иллюзий, искажающих наше восприятие и ограничивающих возможность прогресса на пути к освобождению. Когда мы осознаём это, мы наконец перестаём полагаться на поверхностное сознание и начинаем искать способ пробуждения более глубоких уровней ума. Иными словами, мы достигаем той точки, где мы осознаём невозможность дальнейшего прогресса в нашем обычном состоянии сознания.

Чтобы достичь этой точки и безопасно приступить к путешествию в Шамбалу, ищущий должен выполнить некоторые предварительные требования. Он должен развить устремление достичь просветления ради блага других;* иначе же его усилия просто пойдут на то, чтобы скорее укрепить эго, чем превзойти его. Если он не вступил на верный путь, ведущий к самому внутреннему уму, он рискует заблудиться в пустынной области подсознательного. Чтобы различить путь и следовать ему, он должен обладать ясным умом, пониманием, и правдивой природой. Они позволят ему распознавать заблуждения и ложные пути, ведущие в никуда, и избегать их. Необходимость в посвящении и подкованность в тантрических учениях указывают на то, что он должен уметь обращаться с той психической энергией, которая неизбежно будет высвобождена в ходе его миссии. Понадобится вера в реальность своей цели, чтобы выдержать трудности этого внутреннего путешествия, а особенно — боль и оторопь, которую придётся испытать, увидев негативные аспекты самого себя. Это должна быть вера, основанная на убеждении, которую дают знание и озарение, а не на слабых сентиментальных чувствах и пожеланиях.

* Бодхичитта — прим. пер.

Согласно тексту, ищущий затем должен медитировать на своём ствебожепокровителе, пока не увидит Шамбалу во сне или видении. Таким образом он направляет своё внимание на самый внутренний ум и открывает себя для его водительства. Сон или видение показывают, что ему удалось установить контакт с ним и достичь этапа, достаточно продвинутого для того, чтобы быть в состоянии довести внутреннее путешествие до конца. В тантрических практиках подобные сны

приходят как знаки того, что медитирующий начал получать передачи силы и мудрости от своего божества — воплощения самого внутреннего ума. Поскольку в состоянии бодрствования поверхностное сознание склонно блокировать эти передачи, это обычно впервые случается во сне. Необходимость иметь сон или видение о Шамбале указывает на то, что импульс к внутреннему путешествию должен идти от самого внутреннего ума, а не от желаний поверхностного сознания. Если ищущий пытается идти, не получив знак того, что он готов, если у него ещё есть эгоистические наклонности, и он совершает последующие ритуалы ради себя самого, подавленные страхи и страсти, символизируемые демонами и чудовищами, набросятся на него и разорвут его сознание на куски, результатом чего будет распад личности на части, как при шизофрении. Чтобы иметь дело с опасным проходом через подсознание, требуются сила и водительство самого глубокого ума.

Повторение мантр и подношения Манджушри, Амритакундали и Ямантаке, которые ищущий должен затем совершить, служат тому, чтобы пробудить и сфокусировать глубокие способности, символизируемые этими бодхисаттвами. Манджушри, который держит в одной руке меч, а в другой — книгу, воплощает трансцендентальную мудрость, позволяющую отсечь иллюзии и невежество подсознательного (см. илл. 23). Ищущий также призывает силу Амритакундали, "спираль нектара бессмертия", дабы противодействовать саморазрушительным и самоубийственным порывам, которые будут проявляться всякий раз, когда он будет отчаиваться при виде своих неудач. Согласно легенде, Ямантака однажды подчинил владыку смерти Яму, когда некий отшельник, принявший форму Ямы, в безумии бежал, убивая всякое замеченное им живое существо.² Гневная форма Манджушри, Ямантака, воплощает мудрость, понимающую иллюзорную природу смерти и преодолевающую ненависть и агрессивные склонности, происходящие от страха умереть. Эта мудрость понадобится ищущему, чтобы принять те истины о себе, которые покажутся ему угрозой для жизни, так как угрожают иллюзиям его "я".

Илл. 23. Манджушри, бодхисаттва мудрости. Меч в его правой руке символизирует трансцендентальную мудрость, отсекающую иллюзии и невежество.

Путеводитель говорит о совершении невозможного и путешествии в Шамбалу. Чтобы достичь сверхсознания, символизируемого Шамбалой, ищущий должен превзойти ограничения своего я. Но поскольку он отождествляет себя с этими самыми ограничениями, это и кажется ему задачей непреодолимой. Ему нужна помощь какой-то внешней силы. Двинувшись вперед и предприняв то, что кажется превышающим его силы, он может достичь точки, когда глубинные уровни ума проявятся, чтобы преодолеть ограничения его нынешнего состояния осознания. Этот процесс символизируется тем, что каждый раз, когда ищущий подходит к препятствию, которое он не может преодолеть, он обращается за помощью к божеству. "Я", или поверхностное сознание, отождествляемое с ним, может играть во внутреннем путешествии полезную роль, совершая усилия, которые побуждают более глубокие уровни ума пробудиться.

Путешествие начинается с паломничества в Бодхгаю, то место, где

Будда достиг просветления. Это наводит на мысль, что ищущий должен начать с прозрения в природу своей цели — пробуждение самого внутреннего ума. Тогда всё оставшееся путешествие будет постепенным осуществлением того, что Будда достиг в Бодхгае. То, проблеск чего видит искатель вне своего обычного сознания, будет расти и развиваться, пока навсегда не преобразит его осознание реальности. Внутренний ум скрывается как в начале, так и в конце путешествия, но нужно на своём опыте осознать этот факт.

Первый этап путешествия ведёт на остров в западном океане. Океаны с их обширными пространствами, таинственными глубинами и потопленными сокровищами представляют собой естественные символы бессознательного. Путешествие по океану показывает, что ищущий оставляет поверхностное сознание позади и отваживается войти в текучие и скрытые области своего ума. Остров, которого он достигает, олицетворяет смешанную природу многого из того, что он обнаружит в своём путешествии по подсознательному. Варварский город на западной стороне острова представляет подавленную часть поверхностного сознания, присоединившуюся к элементу внутреннего ума, символизируемому ступой будды Канакамуни на восточной стороне острова. Ищущий должен развить способность различать эти два элемента и пользоваться последним. Он делает это, совершая обход ступы и читая мантру будд. Соприкосновение с останками Канакамуни, воплощающими следы внутреннего ума, дают ему благословение этого будды — силу бесстрашия.

По возвращении на материк его ждёт длинное, но лёгкое путешествие по многим привлекательным странам, где он может потеряться в бесцельном блуждании, если пойдёт в неверном направлении. Проходя чистую и приятную зону подсознательного, он не должен позволять себе быть сбитым с пути её радостями или быть убаюканным ложным чувством лёгкости или чрезмерной уверенности в себе. Ибо за этим лёгким переходом лежит первое серьёзное препятствие пути — великая пустыня, которую можно пересечь лишь с помощью особого снадобья, избавляющего от голода и жажды.

Ритуал, который нужно совершить для приготовления этого снадобья, даёт ему конкретное средство для сосредоточения своего внимания и пробуждения более глубоких уровней ума. Собирая травы и другие ингредиенты, он собирает вместе и сочетает разные элементы содержимого подсознания, чтобы извлечь из них энергию. Часть нужной ему энергии исходит из элементов более глубоких уровней ума, воплощением которых является богиня Маричи. Рисуя на камне её образ и читая её мантру, ищущий позволяет этим глубинным

уровням влиться в его сознание. Тибетские йоги обычно рисуют такие образы в качестве средства сосредоточения на божествах и призывания их сил; в частности, Маричи они призывают для приготовления особых таблеток, используемых для поста. Здесь ищущий использует эту технику, чтобы активизировать энергию содержимого подсознания, которое он свёл вместе, выведя в область сознания. Так он производит нечто вроде внутреннего эликсира, который даёт ему стойкость, позволяющую не обращать внимание на настойчивые позывы божеств голода и жажды. С этой силой Маричи он может пройти через лежащую перед ним пустыню — бесплодную область подсознательного, которая стимулирует мощные желания, но не даёт средств для их удовлетворения.

Ищущий должен также выстоять атаку агрессивных и хищных импульсов, символизируемых дикими зверями лесов, лежащих за пустыней. Он изображает Маричи в гневной форме, чтобы она дала ему силы для преодоления этих враждебных сил подсознания путём ясного осознания их природы. Как бодхисаттва Восхода, она несёт свет мудрости в тёмные области ума. Ищущий использует вдохновляемую ею яркую осознанность, чтобы видеть сквозь подавленные страсти поверхностного сознания, которые скрывают путь к просветлению и угрожают сбить с него.

Ищущему нужна дополнительная энергия, чтобы поддерживать усилия, требуемые для достижения самого внутреннего ума. С помощью тантрических ритуалов он извлекает её из тех самых страстей и иллюзий, которые преграждают ему путь. Магические существа Гандхары с их переменчивыми формами представляют иллюзорные надежды и желания, которые всегда меняются, перелетая с одного предмета на другой. Ищущий использует плоть и кровь этих созданий в качестве приношений для привлечения Мандехи, демоницы, воплощающей подсознательные силы отчаяния, которые кормятся крушением этих надежд и желаний.* Она символизирует гнев, ярость, ревность и другие формы негодования, происходящие от разочарования. Эти страсти высасывают много энергии из элементов более глубоких уровней ума. Чтобы восстановить эту энергию и использовать её, нужно подчинить демоницу. Как и в случае с Маричи, он рисует на камне её образ как средство вывести воплощаемые ею силы в осознанность. Представляя себя Ямантакой, мощным проявлением самого внутреннего ума в форме столь же яростной, как и она, он обретает власть над Мандехой и смертельными страстями, которые она символизирует. Будучи приручены, они дают ему нужную энергию в форме белой пищи со

вкусом мёда, что напоминает манну, данную детям Израиля во время их путешествия через Синайскую пустыню.

* Они могут рассматриваться не только как символы, поскольку на астральном плане элементалы могут принимать формы этих страхов и желаний, придавая им субстанциональное существование. Эти формы переменчивы, завися от мыслей самого человека. Интересно отметить тот же символизм, который несут дементоры и некоторые другие существа в книге Дж. Роулинг "Гарри Поттер и узник Азкабана". — Прим. пер.

Ламы иногда совершают такой ритуал, чтобы подчинить демонов и использовать злые силы, которые они воплощают, в благих целях. Но процесс этот считается сложным и опасным: сильные страсти, пробуждаемые при нём, легко могут сами овладеть практикующим. Визуализация такого гневного бодхисаттвы как Ямантака может противодействовать власти этих злых сил, но самая важная защита — это чистота намерений. Ищущий должен сказать демонице, что он хочет отправиться в Шамбалу ради блага всех существ. Если он попытается подчинить её для своих личных целей, даваемая ею энергия пойдёт на укрепление его эго, и он может стать демоном сам.

Мудрецы и демоны снежной горы, что лежит прямо перед ним, символизируют более мощные составляющие подсознательного — сильно заряженную смесь более глубоких уровней ума и сильно отчуждённых страстей поверхностного сознания. Если ищущий сможет управиться с внезапно появляющейся осознанностью и энергией, которую они высвобождают, тогда он может использовать их, чтобы отправиться прямо в Шамбалу, область сверхсознания. Но если он не может этого, они могут поколебать его умственное здоровье: мудрецы откроют его взору больше, чем он сможет выдержать, а демоны захлестнут его яростью некогда подавленных эмоций. Он будет разорван на части противодействующими силами сверхсознания и поверхностного сознания. Путеводитель рекомендует избегать этого и двигаться к цели более медленным, но безопасным путём.

Следующее препятствие, река Сита, представляет внутренний барьер, который сковывает всякую инициативу и спонтанность. Оно состоит из той парализующей разновидности самоосуждения, которая терзает обитателей холодных адов, единственных существ, способных жить в этой ледяной реке. Это препятствие появляется, когда ищущий с ужасом и самоотвращением осознаёт, насколько он не соответствует тем высоким стандартам, которое задало себе его "я". Чтобы увидеть

себя в истинном свете, он должен преодолеть свою склонность к оцепенению при виде своих неудач. Он делает это, стимулируя вспышку некогда подавленного гнева, символизируемое демоницей Вспышки Молнии. Путём визуализации Ямантаки он обретает контроль над этим гневом и использует его для нейтрализации обездвиживающих сил самоосуждения: демоница замораживает реку так, чтобы она не могла заморозить его, когда он будет её пересекать.

Преодолев этот барьер, преграждающий путь к более высокой осознанности, ищущий оказывается в области внутреннего спокойствия и духовного обновления, которую символизирует лес с питательными плодами. Здесь он ощущает освежающий вкус глубоких уровней ума, который он в более полной мере переживает в мирных рощах Шамбалы. Чунда, богиня, мантру которой он теперь распевает, — проявление Ваджрасаттвы, бодхисаттвы пустоты. Тибетские йоги обычно визуализируют Ваджрасаттву, чтобы очистить свою осознанность, опустошив свой ум от омрачений. Сон, который приходит к ищущему после чтения мантры Чунды, является знаком того, что большинство его скверн — заблуждений и обманчивых страстей — вышли из него, подобно чёрной крови, вытекшей из его тела. Избавившись от их ноши и мешающих эффектов, он чувствует себя лёгким и сильным — его ум и тело очищаются и оживляются.

Золотые плоды, которые ищущий собирает в лесу, содержат в себе магические силы глубинных уровней ума. Сколько бы он ни собрал, они не отягощают его, однако их запас не сохраняется дольше, чем необходимо. С этими плодами, питающими его, он может пересечь пустынное плато, лежащее впереди. Их сила придаёт ему стойкость и вдохновение, нужные для того, чтобы пройти через чувства внутреннего отчуждения, которые он испытает в результате потери тех иллюзий, которые он ещё лелеял до этого момента. Однако, к тому времени, как он доберётся до другой стороны плато, он уже достигнет стадии, на которой уже не будет чувствовать потребности в чём-то таком, чем бы эти иллюзии можно было заменить — и все плоды кончатся.

Теперь ищущий приближается к Кетаре, устрашающей горе, часто посещаемой Вирудхакой, царём-хранителем юга. В тибетской мифологии это божество защищает буддизм от демонических сил и охраняет южный вход в рай над горой Меру. Похоже, в этом путеводителе он символизирует тот мощный элемент глубинных уровней ума, который преграждает путь к сверхсознательному. Ищущий может пройти, лишь если его пропустит его внутренний страж. Четыре озера, окружающие Кетару, образуют явную мандалу с

горой посередине. Остановившись там прочитать мантру и сделать подношения, ищущий, очевидно, проходит посвящение, дающее ему разрешение и силу, нужные для того, чтобы решиться войти в ещё более глубокие области ума. Это позволяет ему невредимым пройти мимо опасных сил подсознания, символизируемых хищниками, голодными духами, полубогами и богинями.

Затем ищущий должен запастись провизией на Менако, горе, населённой сверхъестественными девушками, которые проводят своё время в песнях и танцах. Путеводитель предупреждает, чтобы он не поддавался на привлекательность их самих или их музыки. Подобно Кирке и сиренам из Одиссеи, они угрожают отвлечь его от выполнения своей миссии, а возможно, эта угроза и смертельна. Как дочери демонов, змей и титанов, они представляют сексуальные желания извращённого и губительного характера. Из места нахождения этих желаний нужно извлечь энергию в форме провизии, однако, не стимулируя их.

Сделав это, он приводит в движение бушующие эмоции, которые угрожают унести его. Они являются в форме следующего препятствия — бурной реки под названием Сатвалотана. Рыба, живущая в её водах, представляет разнообразное содержание подсознательного, которое выводят в сознание эти эмоции. В животном и человеческом лицах рыбы ищущий может узнать те части себя, которые он отверг — склонность к попугайскому подражанию, бычьей тупости, неумению сосредоточиваться, перепрыгивая с одной мысли на другую, как обезьяна, и тому подобное. Пока он отказывается принять их и даже отрицает их существование, эмоции, вынесшие их на поверхность, будут подобно реке блокировать его прогресс. Он не сможет избавиться от кипящего негодования и разочарования, вызванным отрицанием их. Но делая подношение рыбе, он признаёт существование этих подавленных частей себя и усваивает их, включая в сознание. Так он вновь получает энергию, которую они присвоили, и получает их помощь в преодолении внутреннего препятствия бурных эмоций, символизируемого рекой.

До этого момента ищущему приходилось путешествовать через ненаселённые области, полные призраков и демонов. Там он переживал теневые страхи, происходящие от предчувствия одиночества и отсутствия всяких человеческих контактов. Хотя он может испытать искушение искать избавления от одиночества в городах к востоку и западу от своего пути, путеводитель предупреждает его не поддаваться ему: если он отклонится в их направлении, то уже никогда не достигнет цели, даже если бы он

путешествовал сто лет. Он должен встретить в лицо эти глубочайшие страхи одиночества и распознать их источник в изоляции своего "я", настаивающего на своём отдельном существовании. Если он не преодолеет это иллюзорное чувство отделённости от всего другого, то как бы далеко ни зашёл он в подсознательное, и как бы много ни пережил мистических опытов, он никогда не сможет преуспеть в пробуждении самого внутреннего ума.

Устранив, или по крайней мере ограничив свою тенденцию к самоизоляции, ищущий оказывается более открыт миру и способен относиться к нему с большей теплотой и интересом. Это находит отражение в счастливых народах и привлекательных вещах стран к северу от реки Сатвалотана. Но путеводитель предупреждает, чтобы ищущий не позволял им отклонить его от цели — он должен продолжать двигаться на север без остановки. Если он замешкается, чтобы получить удовольствие от обрётённого им нового восприятия окружающего мира, его открытость станет столь же великим препятствием, как и его прежняя склонность отделять себя от всего остального. Он должен следовать срединным путём между двумя крайностями.

На пути он встречает источники, чьи воды несут болезнь и смерть обычным людям, но ему дают здоровье и долгую жизнь. Здесь путеводитель использует распространённую тантрическую аналогию, чтобы показать, что ищущий достиг этапа, на котором он может трансмутировать яд в нектар бессмертия — то есть преобразить ещё связывающие его страсти и иллюзии в средства освобождения. Теперь он осознаёт, что эти страсти и иллюзии коренятся в глубинных уровнях ума, символизируемых золотом и другими драгоценностями, скрытыми в горах, из которых бьют источники. В результате он может воспользоваться чистой энергией и осознанностью, которую в действительности символизируют ядовитые воды. Если обычный человек, у которого нет этого осознания, предастся этим страстям и иллюзиям, они приведут его к страданию, сумасшествию и даже к смерти. В любом случае, поскольку чистая энергия и осознанность, скрытые в источниках, угрожают растворить иллюзии "я", с которыми человек ещё себя отождествляет, то если он случайно и пробудит их, они покажутся ему смертельными ядами.

Легендарные существа, которые пытаются соблазнить и испугать ищущего на следующем этапе путешествия, воплощают его глубочайшие страхи и желания. Теперь, когда у него есть доступ к чистой энергии и осознанности, скрытых в них, он может добраться до их корней и освободиться от их хватки. В сцене, напоминающей

просветление Будды, когда бог иллюзии Мара послал соблазнительных девушек и угрожающие армии, чтобы отклонить Будду от своей цели, ищущий должен выстоять искушения и атаки со стороны этих существ путём медитации на пустоте. Таким образом он раз и навсегда осознаёт пустотную природу своих страхов и желаний — они проистекают от иллюзий "я" и не имеют собственного реального существования. Как только он превзошёл эти иллюзии, они уже больше не могут оказывать на него какое-либо влияние.

Теперь ищущий готов преодолеть последнее большое препятствие на пути — великие заснеженные горы, окружающие Шамбалу. Они представляют тот внутренний барьер, который отделяет сверхсознательное от хаотического содержания подсознательного. Кто ещё пестует в себе что-либо из этого содержания и не осознал ещё его пустотной природы, не может преодолеть последний барьер. Белые снега и огромная высота гор показывают, что они воплощают чистую и неуязвимую силу глубоких уровней ума.

Ищущий может преодолеть это препятствие лишь оставив позади любые привязанности, которые ещё могли быть у его "я". Это происходит, когда одна из ваджрадакинь берёт его к себе на плечи и перелетает через снежные горы. Эти богини используются в тантрической медитации, чтобы вдохновить непреодолимую жажду просветления. Их прекрасные тела пробуждают мощный импульс, скрытый в половом желании — побуждение потерять себя в экстазе освобождения. Ищущий использует силу этого импульса, чтобы превзойти последние иллюзии поверхностного сознания и слиться с более глубокими уровнями ума. Он делает это в скачке духовного экстаза, символизируемом магическим перелётом через снежные горы к границе Шамбалы. С помощью ваджрадакинь он полностью использует энергии, связанные в сексуальных желаниях, чтобы освободиться от всех оставшихся привязанностей "я" — чего-то такого, с чем он был не готов или не мог справиться раньше, когда встретил девушек в Менако.

Ищущий приземляется в красивой долине, полной лекарственных трав, символизирующих целительные качества глубоких уровней ума. Там он совершает ритуал, посвящённый Экаджати, могущественной форме Тары-спасительницы. Тибетцы медитируют на этом бодхисаттве, чтобы устранить препятствия с пути к освобождению. В результате чтения мантры Экаджати и водружения её цветов на макушку своей головы, ищущий обретает власть над препятствующими демонами (мешающими импульсами бессознательного), а также способность постигать и видеть природу

всех вещей. Преодолев препятствия подсознательного, он может вступить в область сверхсознательного и двигаться к просветлению без дальнейших помех.

Согласно версии Панчен-ламы, прежде чем достичь столицы Шамбалы, ищущий должен пройти через красивую долину, населённую гермафродитами. Это странное добавление к тексту Танджура отражает состояние внутренней гармонии, достигнутое ищущим, объединившим свою мужскую и женскую природы. Например, мысли и чувства у него больше не воюют между собой, создавая внутренние напряжения, поражающие столь многих людей. На более глубоком уровне он больше не ощущает какой-либо разницы между своей энергией и своей осознанностью — мужским и женским выражениями его ума. Он достиг продвинутого этапа тантрической практики, на котором пути формы и пустоты уже сошлись вместе. В нём сострадание и мудрость стали одним. Он достиг внутреннего единства, требуемого для пробуждения самого внутреннего ума и проникновения в предельную природу реальности. Теперь, наконец, он может войти в присутствие Владыки Шамбалы.

Мы можем увидеть подобное же, но более глубокое путешествие в поэме Ринпунгпы. Центрирование на медитативных переживаниях и избыточное использование мистических метафор способствуют внутреннему прочтению этого путеводителя в Шамбалу. Как мы заметили в конце предыдущей главы, поэма описывает, по-видимому, более продвинутый тип путешествия для тех, кто овладел высшими уровнями тантрической практики. Но этих уровнях обычное разделение между внешним и внутренним опытом исчезает: мир и ум отражают и воплощают друг друга. В результате внешнее путешествие в Шамбалу естественным образом приобретает внутренний смысл, который может дать нам дополнительные и более глубокие прозрения в процесс освобождения.

Версия путешествия, которую даёт Ринпунгпа, начинается с поиска того, кто мог бы доставить послание в Шамбалу. Не найдя никого подходящего вне себя, Ринпунгпа обращает своё внимание внутрь и визуализирует йога, обладающего способностями и мудростью, необходимыми для её достижения. Подобно божествам, более часто визуализируемым в тантрической медитации, этот йог, по всей видимости, воплощает более глубокую и чистую часть ума медитирующего. Иными словами, тот, кто совершает описанное в поэме путешествие — сам Ринпунгпа, но не в своём обычном

состоянии сознания. То, что ему не удалось найти посланца во внешнем мире, символизирует то, что никакая часть поверхностного сознания не обладает энергией и осознанностью, нужной для достижения Шамбалы. Лишь пробудив нечто более глубокое, можно преодолеть препятствия пути.

Ринпунгпа начинает путешествие своего посланца с того, что посылает его в паломничество по Тибету. Пробудив более глубокую осознанность, воплощаемую этим йогом, он фокусирует её на знакомом содержании поверхностного сознания. Там он постепенно различает проникающее влияние культуры и окружения. Он видит, как они сформировали его восприятие себя и мира, и как они определяют характерные для него способы мышления, чувства и действия. Так он приобретает некоторое знание о себе, которое позволит ему проникнуть в корни своего "я" и в конце концов освободиться от его иллюзий. В то же время из некоторых слоёв своего поверхностного сознания (таких как религиозные чувства и идеи, отразившие влияние глубинных уровней ума на тибетские культуру и общество) он извлекает прозрения и вдохновение. Это происходит, когда йог получает благословения от лам и святынь, путешествуя по Тибету. В частности, гора Кайлас и образ грядущего будды Майтреи вселяют в него устремлённость к достижению пробуждения — то самое, что даёт Ринпунгпе мотивацию и направление, нужные для внутреннего путешествия. Всякий, кто желает достигнуть и пробудить самый внутренний ум, должен начать с исследования тех условий, которые сделали его таким, каков он есть. Он не может позволить себе игнорировать содержание своего поверхностного сознания: в нём есть ценные источники мудрости и сил, равно как и вещи, которые ему нужно знать о себе, чтобы избавиться от иллюзий своего "я".

Следующий этап путешествия уводит йога за границы Тибета в красивую долину Кашмира. Описанные в поэме легендарные города с домами, полными драгоценностей, и людьми в белом напоминают полудрёму, переживаемую при погружении в сон. Здесь Ринпунгпа, по-видимому, уже покидает своё поверхностное сознание и вступает в радостное состояние мечтаний на границе бессознательного. Поскольку он может легко привязаться к нему и потерять свою мотивацию к дальнейшему продвижению, это идиллическое состояние ума представляет собой первое из основных препятствий, которые он должен преодолеть во внутреннем путешествии. Поэма указывает йогу помнить свою цель и игнорировать соблазнительные взгляды красивых синеглазых женщин. Они воплощают сексуальные фантазии, угрожающие пробудить мощные желания, которые он не

сможет контролировать. Лишь гораздо позже, когда он встретит девушек в стране мифических существ, он уже достигнет этапа, на котором сможет безопасно пользоваться энергией, которая содержится в таких желаниях.

Оставив Кашмир позади, йог вступает в ошеломляющий горный лабиринт, полный обманчивых дорожек, которые могут завести в никуда. Теперь Ринпунгпа погружается собственно в незнакомый и дезориентирующий мир подсознания. Не зная обходного пути, он рискует забрести в такие области ума, из которых нет возврата. Приняв неверный путь, он может легко заблудиться в дорожках безумия. На этом этапе он может лишь открыться таинственному внутреннему водительству, которое приходит, когда он отбрасывает эгоистические амбиции и посвящает все свои усилия благу других. Как показывает лежащий впереди тёмный лес, ему придётся идти слепо, пока он не привыкнет к густой тьме подсознательного и не приобретёт осознанности, необходимой, чтобы видеть, куда он идёт. Свирепые с виду, но дружелюбные всадники, встречающиеся на пути, открывают тот вселяющий уверенность факт, что многое из того в подсознании, что кажется враждебным, в действительности вполне может помочь, если распознать в нём то, чем оно действительно является.

Река за лесом, по-видимому, совмещает в себе замораживающие и бурные свойства Ситы и Сатвалотаны из текста Танджура. Подобно взгляду Медузы-горгоны, прикосновение её брызг превращает человека в камень. Такая судьба представляет самую полную форму привязанности, какую можно только вообразить — предельный результат усилий по фиксации ума в неизменном образе себя. Ум становится заперт в нём из-за неверного желания "я" достичь бессмертия в материальной форме, что в действительности есть смерть для духа. Потому река воплощает сущность всех бессознательных сил, противодействующих освобождению, а в бурном её характере мы можем узреть грубую и нечистую природу страшной энергии, которой обладают эти силы. Йогу удаётся преодолеть эту обманчивую преграду с помощью ветвей, перебрасывающих его через её смертоносные брызги. Как естественные символы жизни и роста, ветви представляют источник внутренней жизненности, которыми Ринпунгпе удаётся воспользоваться для преодоления сил привязанности, которые он обнаруживает внутри себя.

Благодаря этому скачку, превосходящему препятствия, он вступает в блаженное состояние внутренней лёгкости и безмятежности, символизируемой спокойным парком на берегу реки. Всё теперь

появляется спонтанно, без нужды в усилии: оленьё молоко, питательные плоды и прохладная тень ожидают його, чтобы удовлетворить его потребности. Такие состояния очевидного достижения случаются во внутреннем путешествии всякий раз, когда он преодолевает какое-либо значительное препятствие подсознания и позволяет проявиться более глубокому уровню ума. Но это не длится долго — после спокойного парка следует страшный лес. Путешествие, похоже, состоит из ряда обескураживающих открытий: только начинаешь думать, что достиг состояния постоянной безмятежности, как вдруг выявляется ещё более глубокий хаос, который зачастую оказывается ещё хуже, чем что-либо пережитое ранее. Так происходит, потому что эти состояния дают всё более ясное осознание, которое вскоре открывает в подсознании ещё более глубоко подавленное содержимое, с которым нужно разбираться. Таким образом, во внутреннем путешествии кажущиеся отступления в действительности являют собой знаки прогресса.

Пугающие существа леса за парком символизируют то свирепое содержание подсознательного, с которым Ринпунгпа должен теперь столкнуться. Хищные и разрушительные импульсы подавленной ярости, жадности и зависти восстают в форме хищных животных, демонов и других поедателей плоти. Смертоубийство, происходящее в лесу, символизирует внутреннюю битву, которую ведут эти борющиеся между собой импульсы — те самые внутренние конфликты, которые высасывают энергию и ограничивают осознанность. Ведьмы, принимающие образ людей днём и львов и тигров ночью, символизируют иллюзорную и переменчивую природу подсознательных сил, которые теперь пытаются разорвать сознание Ринпунгпы на части. Вместо того, чтобы пытаться избавиться от этих сил, что было бы лишь их подавлением и усилением их власти над ним, Ринпунгпа принимает их как свои собственные импульсы. Более не гневные из-за подавления, более не заточённые там, где они томились, они теряют свой яростный характер и прекращают изливать на него свой изматывающий гнев. Направив на угрожающих ему существ своё сострадание, його рассеивает их ярость и жажду убийства.

Выбравшись из леса, он выходит на берег огромного водного пространства, которому, как кажется, нет конца. Более не ограниченный боязнью диких импульсов внутри себя, Ринпунгпа внезапно ощущает всё величие подсознательного и его моментально захлёстывает это переживание. Как можно пересечь безмерные области ума, лежащие перед ним? Вследствие добродетельных

поступков, совершённых в прошлом, йог обнаруживает лодку и попутный ветер, которые ждут, чтобы быстро перенести его через воды. Согласно обычной буддийской метафоре, образы лодки и ветра символизируют тело и силу кармы. Используя их с мудростью и умением, можно пересечь воды иллюзии — обширные и обманчивые просторы подсознательного, отделяющие Ринпунгпу от чистой осознанности самого внутреннего ума.

Пустыня, которую приходится пересечь затем, символизирует характерный этап всех мистических исканий — непереносимое чувство духовной жажды и отчуждения, которое приходит, когда нужно оставить некогда вдохновлявшие, а теперь отжившие идеи и чувства, которые уже исчерпали свою полезность и стали препятствиями для дальнейшего прогресса во внутреннем путешествии. Здесь йог страдает от страшного жара солнца — опаляющего осознания своих недостатков. Поскольку внешняя защита со стороны утешительных иллюзий больше невозможна, он должен посмотреть внутрь, ища средства для того, чтобы выдержать этот болезненный переход. Тайная луна, которую он активизирует мистическим потиранием своих миндалин, указывает на визуализируемую каплю серебристо-белого семени, воплощающую импульс к просветлению. Когда Ринпунгпа пробуждает энергию этого импульса, она ощущается как прохладная, утоляющая жажду жидкость, текущая по телу и оживляющая его дух. Будучи чем-то вроде нектара бессмертия, она даёт ему силу справиться со своими недостатками и продолжить путь к освобождению.

Здесь подсознательные силы, мешающие внутреннему путешествию, прорываются в форме горного ветра, иссекающего лицо йога песком и кусками листьев и веток. Он испытывает страшную энергию, связанную в собственном нежелании Ринпунгпы увидеть себя таким, как он есть. Дикий натиск ветра заставляет йога сделать защитную мазь для лица, которая также очищает и его видение: столкновение с негативными силами подсознательного ведёт к пробуждению более глубокой и чистой осознанности. Как мы заметили ранее, стимулируя развитие духовных способностей, нужных для их преодоления, такие силы в действительности играют во внутреннем путешествии в Шамбалу позитивную роль. При правильном подходе они предоставляют естественные возможности для пробуждения более глубоких уровней ума.

Мы можем увидеть этот процесс в действии, перейдя к рассмотрению двух следующих препятствий. Первое из них, смертоносное дыхание гигантских змей, представляет разрушительные силы

подсознательного, которые, похоже, угрожают самому существованию Ринпунгпы. В качестве противовоядия здесь действует знание о том, что они могут уничтожить лишь его иллюзорные представления о себе, а не его истинную природу. Оно даёт ему смелость встретить их и пройти опыт смерти и нового рождения, освобождающий его от значительной части отождествлений со своим "я". У следующего препятствия, горы с острыми колючками, потеря иллюзий приводит к болезненному признанию более подавленных частей поверхностного сознания. Тайное знание, которое использует йог для защиты своих ног, символизирует более глубокое понимание, позволяющее Ринпунгпе встретиться с этими частями себя без пронзающих реакций стыда и отвращения.

Совершив огромные усилия по преодолению всех этих препятствий, йог наконец приходит в место отдыха — на красивую Гору Благовоний. Мудрецы, медитирующие там в атмосфере высшей святости, воплощают элементы бессознательного, которые приходят с глубочайших и чистейших уровней ума. Фактически, для Ринпунгпы они символизируют суть его истинной природы, для прямого восприятия которой ему ещё не хватает осознанности. Он может ловить лишь проблески её во взглядах мудрецов. Простираниями, которые совершает йог перед ними, Ринпунгпа отказывается от прихотей и желаний своего "я" и признаёт верховенство самого внутреннего ума. Так он получает доступ к мудрости и силе, необходимым для завершения внутреннего путешествия.

С помощью мудрецов йог может избежать опасностей, лежащих впереди — страшных бурь и смертоносных нападений демонов и птиц. Оставив своё "я" и успокоительное чувство идентификации, которое оно давало, Ринпунгпа испытывает ужасный страх внезапного уничтожения. В любой момент, со скоростью орла, бросающегося с неба, он может прекратить существование. Смутные беспокойства, таившиеся в глубинах подсознания, теперь проявляются как демоны с красными глазами и существа, воплощающие безымянные страхи. Только осознание своей истинной природы, каким бы смутным или отдалённым оно ни было, даёт ему чувство внутреннего единства, необходимое ему, чтобы не поддаться ужасу и не дойти до безумия.

После многих дней изнурительного путешествия йог приходит в райскую страну легендарных существ. Чистая вода и сияющие драгоценности, имеющиеся там в изобилии, отражают чистую и подобную драгоценным камням осознанность глубоких уровней ума. Превзойдя страх потери себя, Ринпунгпа открывает рай в глубинах бессознательного. Поскольку он уже не цепляется за захватнические

склонности "я", он может наслаждаться предметами желаний без риска привязаться к ним — в глубоких уровнях ума он нашёл настоящее дерево исполнения желаний. Благодаря этому он может безопасно насладиться с легендарными девушками, чего не мог сделать с соблазнительными женщинами Кашмира. Достигнув уровня просветлённых дакинь, эти девушки, вместо того, чтобы стать причиной привязанности, вдохновляют на достижение просветления. Ринпунгпа тут достиг достаточно продвинутого этапа, чтобы полностью использовать энергию, содержащуюся в сексуальных желаниях.

Мы можем видеть это совершенно ясно, рассмотрев то, что происходит, когда йог наслаждается любовью с девушками. Жар внутреннего огня внезапно проносится вверх по его позвоночнику, чтобы растворить мистический слог на макушке его головы и заставить нектар стекать вниз через тело, очищая его и преобразя в алмазное тело блаженства. Это ясно указывает на визуализацию и результаты продвинутого вида тантрической медитации, направленной на получение психического тепла. Практикующие её визуализируют именно такой огонь и слог, равно как и такой же нектар, протекающий через тело. В качестве физического побочного эффекта это даёт столько телесного тепла, что они могут голыми выходить на мороз, ходить по снегу и высушивать этим теплом полотенца, вымоченные в ледяной воде и накинутые им на плечи. Некоторые медитативные тексты даже рекомендуют представлять себе занятия любовью, подобные тем, что йог Ринпунгпы совершает с девушками.³

Ринпунгпа представляет каплю спермы в форме мистического слога на макушке головы йога. Когда энергия сексуального желания заставит её раствориться и растечься по системе психических каналов, побуждение к просветлению, воплощаемое ею, наполнит ум и изгонит оттуда другие, отвлекающие от цели импульсы. Полностью сосредоточив энергию и внимание на достижении освобождения, йог ощущает себе физически преобразённым и наделённым новым, нерушимым телом, способным достичь Шамбалы. Лишь достигнув уровня чистоты, символизируемого алмазным телом блаженства, Ринпунгпа может вступить в область сверхсознательного. Очищенное от всех омрачающих скверн, его "я" стало прозрачным окном, открывающим вид в глубины ума и через них. Это приносит с собой и преобразённое восприятие мира, отражённое в красивых странах, лежащих впереди. Всё теперь предстаёт в свете своей истинной и божественной природы, как будто кусочки небес упали на землю.

Как и в тексте Танджура, великая стена снежных гор, окружающих

Шамбалу, представляет внутренний барьер, созданный глубинными уровнями ума, чтобы не пропускать нечистое содержание подсознательного.* Подобно свирепым божествам-стражам, вершины принимают гневный образ демонов, которые закрывают путь и, похоже, разбивают все надежды на достижение Шамбалы. При их виде у йога выявляется последний из его страхов — страх того, что он не сможет преодолеть ограничения своего ума. Как он может попасть туда, куда не могут воспарить даже орлы? Как становится совершенно ясно из поэмы, он должен увидеть, что этот страх — иллюзорное препятствие. Тогда, после исчезновения его подобно ночным миражам при ясном свете восхода, самые глубокие уровни ума явятся в образе благородных — бодхисаттв или дакинй — чтобы перенести его через горы в мистическом полёте превосхождения, который устыдит даже птиц.

* Конечно, никакой защиты "внутреннего ума" от подсознания не требуется, и мысль о возможности проникновения туда каких-то нечистых элементов вызвана материалистическими представлениями автора, принявшего буквально метафору о поверхностных и глубинных уровнях, тогда как уровни, ассоциируемые им с "подсознательным", принципиально отличаются по качеству и в "сверхсознательное" проникнуть не могут — как впрочем и человек, сознание которого ограничено ими. — Прим. пер.

Царственная лёгкость, с которой йог преодолевает последнее препятствие в паланкине богов, показывает, что Ринпунгпа достиг той стадии, когда уже не требуются усилия — он может ровно двигаться к освобождению. Больше ему не придётся бороться с собой — он вышел за пределы конфликтов подсознательного и достиг состояния постоянного единства с глубокими уровнями своего ума. Ничто, даже змеи и дикие звери лежащего перед ним леса не могут помешать его дальнейшему продвижению — сострадание и дружелюбие, излучаемые им, спонтанно удаляют любую враждебность у всех, кого он может встретить. Путь к сияющим городам Шамбалы ясен и открыт.

Мы использовали символизм путеводителей, чтобы интерпретировать путешествие с внутренней, психологической точки зрения. Медитации и ритуалы, предписываемые ими путешественнику, равно как и описания переживаний, которые он должен пройти, явно указывают на то, что текст следует читать именно так. И ясная основа для такой

интерпретации конечно же есть в тантрическом видении мира как отражении тела и ума — соответствия макрокосма и микрокосма. Но остаётся вопрос — а станут ли тибетцы читать путеводители так, как мы — или каким-то подобным способом.

Большинство тибетцев, знакомых с этими текстами, принимают их как буквальные описания внешнего путешествия в Шамбалу. Они обычно не говорят о них, как об инструкциях по путешествию внутрь ума.* Это неудивительно, поскольку такая интерпретация должна бы принадлежать к тайной части калачакры, которую посвящённые в неё, которые могли бы знать это, дают обет не открывать. В любом случае, сравнительно немногие тибетцы имеют основу для такого прочтения путеводителей.

* Автор подходит тут с дуалистической точки зрения, разделяя внешнее и внутреннее, но такая постановка вопроса скорее чужда буддийскому воззрению, поскольку не может быть деления на внешний и внутренний опыт там, где не признаётся субстанциональное существование отдельного "я" — прим. пер.

Однако, когда я спросил, могли ли тексты предназначаться для прочтения с внутренней точки зрения, многие ламы соглашались, что это возможно. Сакья Тризин считал, что можно рассматривать путешествие в Шамбалу как способ очищения ума, а встречи с божествами — как стадии этого процесса. Чопгье Тричен ринпоче, мастер и учитель калачакры, сказал, что он не может раскрыть подробности, но в зависимости от уровня человека, путешествие может быть более или менее подобно пути, ведущему к просветлению. Он считал, что поэма Ринпунгпы указывала на внутренний медитативный опыт на пути к освобождению, которое символизирует Шамбала. По мнению Калу ринпоче, препятствия путешествия — горы, реки, демоны и так далее — вероятно то же самое, что и негативные тенденции ума, которые нужно преодолеть, чтобы достичь просветления.

Два ламы — Чогьял ринпоче и Самдонг ринпоче — предложили более подробные интерпретации путеводителей. Согласно Чогьялу ринпоче, путешествие в Шамбалу представляет продвижение йога по следующим друг за другом этапам хинаяны, махаяны и ваджраяны, которые мы исследовали в главе 5. Препятствия, описанные в текстах, символизируют разные мистические практики, ведущие к достижению тантрической медитации в самой Шамбале. Он добавил, что снежные горы, окружающие Шамбалу, символизируют мирские добродетели,

тогда как Владыка в центре её символизирует чистый ум, обретённый в конце путешествия.

Согласно Самдонгу ринпоче, путеводители в Шамбалу можно читать как инструкции по путешествию в ум без посещения самого царства. Он выразил мнение, что описанное в них путешествие имеет близкое соответствие этапу завершения согласно калачакре — высшую стадию медитации, ведущую к окончательному просветлению.⁴ По его мнению, физические препятствия на пути в Шамбалу символизируют внутренние барьеры в психических центрах, с которыми придётся столкнуться. Они образуют узлы, блокирующие правильный поток энергии по системе психических каналов, и соответствуют омрачениям ума, таким как невежество и вожделение, которые ограничивают нашу осознанность. Таким образом, путешествие в Шамбалу символизирует процесс прохождения через психические центры, пока все они не будут открыты, а самый внутренний ум — освобождён от заточения в последнем из достигнутых центров — сердечном. Йог может сделать это, взяв божеств из текста Танджура и визуализировав их в соответствующих центрах, чтобы развязать узлы, препятствующие ровному потоку энергии через систему психических каналов. При этом он автоматически очистит своё сознание и пробудит более глубокие уровни ума.

Как можно видеть, ламы толкуют путеводители в Шамбалу несколькими разными способами. Заимствуя из некоторых этих интерпретаций, мы подошли к путешествию с психологической точки зрения, что делает их более доступным для людей с современными западными представлениями. В конечном счёте ценность или полезность наших интерпретаций не столько зависит от того, соответствует ли она тому прочтению текстов, которому следуют тибетцы, сколько от того, может ли она дать нам осмысленный проблеск понимания природы и возможностей нашего ума. Это читатель должен проверить на опыте и решить сам. Красота и богатство путеводителей в Шамбалу заключаются как раз в их открытости к многообразию интерпретаций.

10. ВНУТРЕННЕЕ ПРОРОЧЕСТВО

Всмотревшись во внутренний смысл Шамбалы и путешествия туда, мы можем обратиться к последней из основных тем мифа: пророчестве о последней битве и грядущем золотом веке. Подобно двум предыдущим темам, оно говорит об освобождении — как внешнем, так

и внутреннем. Согласно пророчеству, будущий владыка Шамбалы придёт не только избавить мир от внешней тирании варваров, но и освободить его обитателей из внутреннего плена их собственных заблуждений. Главная цель последней битвы и золотого века — предоставить условия и учения, требуемые для достижения просветления и помочь людям пробудить самый внутренний ум и познать истинную природу реальности. Поскольку события пророчества ведут к этой цели, имеет смысл несколько подробнее исследовать их, чтобы посмотреть, что о пути освобождения может открыть их символизм.

В самих текстах пророчество обычно начинается с истории Шамбалы. Последняя битва и грядущий золотой век не являются изолированными событиями — они возникают из событий прошлого и зависят от них. Без существования Шамбалы и знакомства с калачакрой не могло бы появиться царя, который спас бы мир от зла, и учения, которое освобождало бы умы людей от иллюзии. Если мы хотим взглядеться в смысл пророчества, нам нужно исследовать и историю царства. Если у событий будущего есть внутренний смысл, он должен быть и у событий прошлого; по крайней мере, они скажут нам кое-что о том, что предшествовало всему, что символизируют эти предсказанные события. История Шамбалы и пророчество о ней образуют единый процесс, который нужно рассматривать в его целостности.

Потому мы начнём с легендарных истоков самого царства. Хотя тексты калачакры не углубляются в историю, предшествующую жизни Будды, разные ламы считают, что Шамбала как скрытая страна существовала и раньше, хотя ни её цари, ни её учения не могли привести её обитателей к просветлению. Согласно легенде, где-то после рождения Будды один индийский царь во время нападения убил тысячи представителей рода Шакьев, к которому принадлежал и Будда. Один членов этого рода, Шакья Шамбха, в это время ушёл на охоту и таким образом избежал смерти. Когда он пришёл искать убежища у Будды, тот посоветовал ему уехать в другую страну. Последовав его совету, Шакья Шамбха перелетел через заснеженные горы в далёкую страну севера. Когда он прибыл туда, её жители спросили его, кто он и откуда. "Я прибыл из Индии", — ответил он. — "Я посланец великого царя Шакья Шамбхи, и за мной идёт целая армия его солдат, чтобы покорить эту страну".

"Насколько они сильны?" — спросили жители.

Выхватив свой меч, он рассёк надвое скалу и сказал: "У меня вот

столько силы, но я всего лишь гонец; так что вы можете представить, насколько сильны солдаты!"

Тогда люди испугались и сдались Шакья Шамбхе, отдав ему свою страну и попросив милости и защиты. С тех пор по его имени эта страна известна как Шамбала. Согласно одному источнику, обсуждаемому Панчен-ламой, Шакья Шамбха был отцом Сучандры (что значит "Благая Луна"), первого религиозного владыки Шамбалы.¹

Писаная тибетская история Шамбалы начинается с проповеди калачакры у ступы Дханьякатака в южной Индии. В возрасте около восьмидесяти лет, перед тем, как покинуть этот мир, Будда отправился к этой огромной насыпи с реликвиями, оформленной в виде мандалы, и дал разные учения — в частности, учение Манджушри, бодхисаттвы мудрости. В то время к этой ступе прибыл царь Шамбалы Сучандра с 96 подчинёнными ему принцами и свитой разнообразных божеств. Выслушав другие учения, он встал и попросил Будду дать учение калачакры, высшее из всех. Обрадовавшись этой просьбе, Будда принял форму главного божества калачакры и дал всему собранию полное учение. Затем Сучандра со своими последователями улетел обратно в Шамбалу и записал проповедь, которая стала основным, или коренным текстом Калачакра-тантры.² Он не только познакомил своих подданных с новым учением, но и сочинил тысячи стихов комментариев и построил огромную трёхмерную мандалу, выложенную драгоценными камнями. Тексты считают его воплощением Ваджрапани, бодхисаттвы силы и мастера тайных учений.

Илл. 25. Будда, проповедующий калачакру. Сверху виден шпиль ступы Дханьякатака в Индии. В левом нижнем углу — царь Шамбалы Сучандра, сложив руки над головой, просит дать ему учение.

Через два года после получения учений калачакры в Индии Сучандра умер. После него, по сотне лет каждый, правили шесть религиозных владык. Согласно текстам, эта династия происходила из рода Будда — Шакьев, и все они были воплощениями разных бодхисаттв, таких как Ямантака, победитель владыки смерти. Пользуясь своей мудростью и писаниями, оставленными Сучандрой, они посвящали своих подданных в мистерии Колеса Времени, и при их просвещённом правлении царство процветало, став важным центром мистических учений.

Сыном седьмого царя (если считать Сучандру первым) был Манджушрикирти, "знаменитый, великолепный и мягкий". Как следует из его имени, он был воплощением Манджушри, бодхисаттвы мудрости. Тибетцы также считают его вторым в линии воплощений панчен-лам. По некоторым источникам, он взошёл на трон Шамбалы около 200 г. до н. э.³ В течение своего правления Манджушрикирти объединил разные касты, или религиозные группы царства, в одну алмазную касту, и благодаря этому получил для себя и своих преемников титул Кулика Ригдэн, что значит "держатель каст". Это произошло благодаря событию, которую тексты считают имеющим в истории Шамбалы особую важность.

Незадолго до конца своего правления Манджушрикирти собрал мудрецов своего царства и попросил их объяснить свои воззрения и практики. Они высказали так много противоречащих мнений, что пришли в крайнее замешательство и ошеломлённые, попадали на землю. "Что же делать с этими несогласными взглядами?" — спросил он. — "В полнолуние следующего месяца я дам всем людям этого царства посвящение в единую, алмазную касту. Если вы хотите следовать этому пути, оставайтесь здесь, а если нет, уходите куда-нибудь, а иначе доктрины варваров распространятся даже в Шамбале."

Обсудив это между собой, мудрецы сказали: "Мы будем несчастны, отойдя от своего пути. А поскольку мы также не можем идти против ваших повелений, о Учитель Людей, мы отправляемся в Индию".

После того, как они ушли и продвигались на юг уже двенадцать дней, у Манджушрикирти появились опасения и предчувствия: "Когда люди

Шамбалы увидят, что этим искателям мудрости пришлось уйти в Индию, они подумают, что тантрические учения ложны". Осознав, что из-за этого изгнания может создаться ложное впечатление, своей магической силой он ввёл мудрецов в ступор и послал за ними огромных птиц, чтобы те вернули их и поместили возле мандалы, построенной царём Сучандрой. Когда мудрецы очнулись, они были так поражены, что сразу сделали Манджушрикирти золотые приношения и попросили его дать им своё учение. Тогда он сжал и упростил Калачара-тантру и посвятил их в новую алмазную касту. После месячной медитации над пересмотренным учением, мудрецы наконец достигли мудрости, которой искали.⁴

Сын Манджушрикирти, Пундарика, или "Белый Лотос", дальше разъяснил Калачакра-тантру и составил основной комментарий к ней, который называется Вималапрабха, или "Безупречный свет". Как воплощение Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания, он был вторым в династии двадцати пяти "кулика-царей", то есть "держателей каст", которые считаются хранителями и учителями калачакры. Каждый из этих божественных самодержцев (возможно, за исключением двух) правил по сотне лет. Согласно пророчеству, династия этих царей достигнет своей кульминации в Рудрачакрине, "Гневном с колесом", который придёт разгромить варваров и установить золотой век.⁵

Тексты калачакры также сообщают и о другой линии учителей, которые будут создавать и распространять в мире варварские материалистические доктрины. В этом списке мы можем узнать имена Авраама, Моисея, Иисуса и Мани (последний является основателем гностической религии манихейства). Но главное своё внимание — и ужас — тексты сосредоточивают на Мухаммеде, которого они называют Мадхумати, или "медовый ум". Они описывают возникновение ислама под его руководством в "стране Макха" (Мекке) во время правления десятого царя династии Кулика в VII в. Согласно этим текстам, варвары и их доктрины будут захватывать одну нацию за другой, и в результате положат конец практике буддизма вне Шамбалы.⁶

Хотя некоторые учёные отождествляли этих варваров с мусульманами, из списка их учителей мы можем видеть, что туда были включены и последователи таких религий как иудаизм, христианство и манихейство. Похоже, имеются в виду любые иностранные учения, угрожавшие буддизму как "млечча" или "варварские".* В X веке, когда калачакра появилась в Индии, самой большой угрозой был ислам, уничтоживший буддизм в Центральной

Азии и принявшийся за его уничтожение в Индии. По этой причине ислам стал в то время символом всех доктрин, враждебных истинной духовности, как видел её буддизм. Но используемый в текстах термин "млеччха", в действительности указывает на любых материалистичных варваров, какова бы ни была их религия. Согласно Чопгье Тричену ринпоче, "Есть много видов варваров. Всем им нехватает духовных ценностей, они материалистичны и не задумываясь убьют миллионы людей просто во славу себя и своих стран."

* Это заявление довольно безосновательно, так как в списке не фигурируют индийские и китайские учения, наверняка известные тибетцам. Все упомянутые в списке религии, однако, объединяет вера в абсолютное существование материального мира и отдельного "я", из-за чего авторы текстов о Шамбале, очевидно, и относили эти верования к варварским и материалистическим. — Прим. пер.

Во время правления двенадцатого царя династии Кулика, когда ислам захватывал Центральную Азию, из Шамбалы в Индию пришла калачакра, и в скором времени нашла убежище в Тибете, где сохранялась на протяжении почти тысячи лет. В одной из предыдущих глав мы рассмотрели истории индийских учёных йогов, про которых сообщается, что в X в. они ходили за учением и принесли его на свою родину. Получили ли они его действительно из Шамбалы или нет, но центры по изучению калачакры развились в Кашмире, Бенгалии и восточной Индии. Из этих мест разные буддийские миссионеры принесли это учение в Тибет и установили много линий ученической преемственности для его передачи и сохранения. Позже вместе с тибетским буддизмом калачакра попала и в Монголию и южную Сибирь, где люди проявили особый интерес к мистическому северному царству Шамбалы.⁷

Считается, что всё это время цари Шамбалы, не затронутые событиями внешнего мира, продолжали учить калачакре своих подданных. Согласно большинству источников, двадцать первый царь династии Кулика, Анируддха, или "Неостановимый", принял власть в 1927 г. и будет править до 2027 г. Согласно пророчеству, за период его правления буддизм и калачакра почти прекратят существование в Тибете, Монголии, Китае и большей части Азии. Эта тенденция будет продолжаться в течение правления трёх последующих царей, пока двадцать пятый, "Гневный с колесом", не взойдёт на трон в 2327 г., чтобы победить свирепствующих варваров. Однако некоторые ламы верят, что это произойдёт намного раньше, возможно, в самом

недалёком будущем. Они приводят довод, что не все цари Шамбалы правили по сто лет. Чогьям Трунгпа ринпоче, например, считает, что сроки правления некоторых из них были короче, судя по преждевременной смерти далай-лам в Лхасе. Во всяком случае, дата смерти Будды, отправная точка для вычисления прихода золотого века, в тибетских источниках варьируется от 2422 до 546 г. до н. э., что даёт широкий диапазон дат для него, включая и настоящее время.⁸

Но прежде чем произойдёт последняя битва, обстоятельства станут намного хуже. Согласно пророчеству, засухи, голод, болезни и войны охватят мир. У людей больше не будет никакой религии, к которой они могли обратиться за утешением и тем более — за освобождением: доктрины материализма завладеют умами и заставят их бороться, преследуя эгоистические цели. Жажда власти и богатства возобладает над учениями истины и сострадания. Народы будут бороться между собой, и более крупные поглотят более мелкие. Затем победоносные варвары начнут ссориться между собой. Согласно разным версиям пророчества, две группы, захватившие больше других, нападут друг на друга, и многие тибетцы верят, что это будет третья мировая война. В результате один злой царь явится в качестве победителя и станет владеть всем миром, или по крайней мере областями южнее реки Сита. Не зная о существовании Шамбалы, он будет думать, что больше нет никого столь же могущественного, как он.

Однако к тому времени Рудрачакрин, двадцать пятый "держатель каст", взойдёт на трон и будет править Шамбалой уже несколько лет. Согласно одному тибетскому комментарию, знаменуя начало его правления, с неба упадёт железное колесо — оттого и его имя — "Гневный с колесом".⁹ Этот атрибут отождествляет его с Вселенским Императором буддийской мифологии и символизирует его мирские и духовные силы. В некоторых версиях пророчества Рудрачакрин использует своё колесо как боевой диск, чтобы рассекать своих врагов. Это также символизирует его способность распространять буддийское учение — когда Будда после достижения просветления прочитал свою первую проповедь, он, как говорится, "повернул Колесо Истины". Согласно большинству источников Рудрачакрин будет воплощением Манджушри, бодхисаттвы мудрости.

Есть разные версии того, как варварский царь, чьё имя значит "ребяческий ум" или "ум делания" узнает о Рудрачакрине и его скрытом царстве.¹⁰ Однако, большинство из них сходятся в том, что это случится лишь после того, как царь варваров решит, что он покорил весь мир и устранил всех возможных соперников. Тогда, согласно Кхемпо Цонду, к надменному монарху придёт женщина, которая

будет воплощением Тары-спасительницы, и в дыме благовоний покажет видение Шамбалы. Увидев Рудрачакрина и великолепие его дворца, царь придёт в ярость, узнав, что есть кто-то сравнимый с ним по силе и величию, и охваченный ревностью, поведёт свою армию в атаку на Шамбалу.

В другой версии пророчества Палдэн Лхамо, гневная богиня, защищающая буддийское учение, родится царицей, супругой варварского царя. После того, как тиран захватит большую часть мира, он обезумит от гордости, как бешеный слон. Разделяя его высокомерие, его министры будут хвалиться, что теперь нет никого, столь же могущественного, как он. Тогда царица скажет министрам: "О гордые и ребячливые министры, я видела мир ещё более великий, чем этот. Если мы не покорим его, ваша гордость будет не более чем детским хвастовством."

Уязвлённые её словами, министры ответят: "Если такой мир существует, мы обязательно его захватим".

Затем они проведут воздушную разведку по всей Земле, и когда она откроет существование Шамбалы с её несравнимым богатством и счастьем, их ревность перейдёт все пределы и станет бурлить, как морские волны. Разозлённые тем, что ещё может быть страна, не находящаяся под их контролем, они соберут армию и отправятся на её завоевание.¹¹

Источники расходятся в том, удастся ли варварам действительно достичь Шамбалы. Многие ламы считают, что у них не будет духовной силы, требуемой для преодоления препятствий, защищающих скрытое царство. Версия Третьего Панчен-ламы, похоже, склоняется в поддержку этого мнения. Согласно его путеводителю, когда варвары наконец станут невыносимы, Рудрачакрин сам явится, чтобы победить их в великой битве южнее реки Сита в стране Рум — возможно, это Иран или Турция. Согласно Кхамтрулу ринпоче, у которого был сон о путешествии в Шамбалу, последняя битва произойдёт на берегах самой Ситы. Главный текст калачакры не указывает места битвы, но из него следует, что для борьбы с варварами Рудрачакрин и его армия выйдут из своего царства.¹²

Однако некоторые ламы считают, что варвары на самом деле вторгнутся в Шамбалу, будь то с помощью научных или иных средств. Кхемпо Лоду Зангпо считает, что они перелетят через снежные горы на самолётах и устроят над царством воздушный бой. Некоторые участвующие в этом столкновении самолёты упадут в реку,

протекающую возле дворца в центре Шамбалы, и её воды станут красными от крови. Разгневанный при виде этого Рудрачакрин решит уничтожить вторгнувшихся, осквернивших его царство.

Другой лама, Дардо ринпоче, от своего учителя в Тибете слышал следующее пророчество. После того, как варвары объединятся, злой дух, которому они поклоняются, скажет им, что они ещё не самая великая сила на Земле, и что существует царство Шамбалы. Открыв, где она скрывается, они приступят к прорубанию дороги через заснеженные горы, окружающие царство. К тому времени много снега растает, что сделает их задачу намного проще. Когда варвары достигнут Шамбалы, их вторжение не будет беспокоить царя, пока они не попытаются поразить его в сердце копьём, когда он будет прогуливаться по террасе своего дворца. Невредимый, но разгневанный, он обойдёт три раза вокруг оскорбившего его оружия, а затем начнёт последнюю битву.

Согласно Самдонгу ринпоче, варвары используют для перелёта через внешнее кольцо гор, окружающих Шамбалу, летательные аппараты из железа. Захватив внешнюю часть царства с восемью лепестковыми областями, они обратят своё внимание к центру и в течение многих лет будут пытаться преодолеть более высокое, внутреннее кольцо снежных гор, скрывающих центральную область. После многих неудачных попыток они всё-таки преодолеют эту преграду и достигнут столицы, Калапы. Будучи сострадательным и не желая никому зла, Рудрачакрин приветствует варваров и пригласит их царя править вместе с ним. Несколько лет они будут сидеть на одинаковых тронах, но затем варварский царь попытается убить Рудрачакрина и сделаться единоличным властителем Шамбалы. Тогда неизбежное столкновение наконец произойдёт. Самдонг ринпоче считает, что весь этот процесс — от начала вторжения до последней битвы — займёт около пятидесяти лет.

Поскольку варвары достигнут предела возможного в материальном оружии и силе, Рудрачакрин должен будет победить их духовными средствами. Согласно комментарию к калачакре, "Недвижим, как гора, он войдёт в медитацию о Лучшем из Коней".¹³ Из его сосредоточения возникнет магическая армия, состоящая из боевых слонов, золотых колесниц, каменных коней, обладающих силой ветра, кавалерии и миллионов солдат. Теперь мы можем оценить значение коня, которого видел Кхамтрул ринпоче в своём сне о Шамбале — Рудрачакрин не только отправится на нём в последний бой, но и будет медитировать на нём для обретения духовной силы, необходимой для разгрома сил материализма. Что касается летающих каменных коней,

то ламы склонны интерпретировать их как самолёты. Согласно Чопгье Тричену ринпоче, тут имеется в виду нефтяное топливо, потому что нефть выступает из камней. Другие считают, что тут говорится о металле самолётов. Во всяком случае, духовная сила, происходящая от медитации на Лучшем из Коней, позволит Рудрачакрину материализовать любые виды оружия и транспортных средств, которые варвары построят с помощью науки и технологии.

В армии Шамбалы в качестве офицеров будут также многие перевоплощения высоких лам Тибета. Например, считают, что настоятель монастыря Ретинг, возле Лхасы, родится генералом, командующим защитой правого фланга гор, охраняющих скрытое царство. Другой, более интригующей реинкарнацией, будет лама из Амдо, в восточном Тибете, который станет командиром войск варваров и заманит их туда, где они окажутся в руках у Рудрачакрина и потерпят поражение. Сам лама будет убит, но его жертва поможет освободить мир от сил зла. Похоже, роль этого ламы в пророчестве подобна роли богини, которая откроет Шамбалу царю варваров и побудит его попытаться её захватить.¹⁴

Две армии столкнутся в великой битве, которая кончится поражением варваров и их доктрин материализма. Как мы увидели из молитвы Панчен-ламы о Шамбале, слоны её царя переселят других слонов, лошади затопчут лошадей, колесницы разобьют колесницы, а воины убьют воинов. Даже боги поднимутся, чтобы победить антибогов, напавших на Шамбалу. Сам Рудрачакрин пронзит копьём сердце царя варваров, тогда как его генерал Хануманда поразит главнокомандующего варварской армии (см. илл. 4). Все убитые в этом бою, включая и злого тирана, достигнут освобождения, или по крайней мере хорошего перевоплощения в чистой земле. Смерть от руки царя Шамбалы в действительности окажется величайшим из благословений. По этой причине тибетцы даже молятся переродиться хотя бы насекомыми, которые будут убиты в этой последней битве.

После победы Рудрачакрин распространит своё правление на весь мир и установит золотой век. Всякая борьба закончится, и вся Земля станет мирным продолжением Шамбалы. Людям больше не придётся зарабатывать на хлеб: на деревьях появятся фрукты, а зерно будет расти без всякого возделывания. Все будут жить по сто лет, и им не будут угрожать ни войны, ни болезни. Согласно Калачакра-тантре, коренному тексту калачакры, жизнь человека увеличится до 800 лет. Хотя люди всё ещё будут умирать, у них не будет страха смерти, поскольку они будут знать, что это принесёт освобождение или перерождение в месте даже ещё лучше, чем Шамбала. При

правлении Рудрачакрина учения буддизма вообще и калачакры в частности распространятся и будут процветать во всём мире. Вне зависимости от того, приведут ли они людей к освобождению в этой жизни, все сделают большой духовный прогресс и приобретут чудесные силы, такие как способность проходить за день чрезвычайно большие расстояния. Люди станут также очень сведущи в науке и технологии, но будут использовать их только в мирных целях. Разные мудрецы прошлого в это время вернутся к жизни и поведут многих счастливых людей к освобождению — согласно Панчен-ламе, их будет так много, "как пылинок в целой стране".¹⁵

Тибетцы расходятся во мнениях о том, настанет ли эпохе Шамбалы конец. Некоторые верят, что она будет длиться вечно; другие говорят, что она продержится только 1000 лет, или, по всей вероятности, даже 800. Тексты не решают этот спор окончательно. Согласно большинству из них, после ухода Рудрачакрина, за ним последуют восемь царей, таким образом со времён Будды их будет всего сорок. (Достаточно интересно, что среди этих восьми мы находим имена воплощений Вишну, предшествующих Калки, эквиваленту Рудрачакрина в индийской мифологии. Поскольку семь религиозных царей предшествовали династии Кулика, то Рудрачакрин, двадцать пятый её представитель, в действительности будет тридцать вторым царём Шамбалы.) Коренной текст калачакры говорит, что срок жизни человека будет постепенно снижаться от 800 лет при первых двух преемниках Рудрачакрина до 100 лет при последнем. Но там не указывается, что случится потом — ни с Шамбалой, ни с миром.¹⁶

Согласно более распространённому пророчеству, учения Гаутамы Будды будут постепенно приходить в упадок и искажаться, продержавшись в лучшем случае лишь 5000 лет. После этого буддизм исчезнет, восторжествует развращённость, и жизнь станет жалкой и короткой. Затем условия начнут медленно улучшаться, пока через много тысяч лет не придёт следующий будда, Майтрея, чтобы установить золотой век и просветить мир. Он будет пятым в последовательности из тысячи будд, каждый из которых принесёт своё учение на замену потерявшему жизнь учению своего предшественника. Как и в индусских представлениях о времени, здесь предвидятся повторяющиеся циклы вырождения и обновления.¹⁷

Большинство лам совмещают эти два пророчества в одно и говорят, что золотой век Шамбалы подойдёт к концу с вымиранием буддизма через 5000 лет после смерти Гаутамы. Тогда истинное учение будет снова потеряно до прихода Майтреи. Поскольку каждый из тридцати двух царей Шамбалы правит по сто лет, золотой век должен начаться

примерно через 3200 лет после смерти Будды и продлится около 1800 лет. Предсказывая, что преемники Рудрачакрина будут править меньшей частью мира, чем он сам, и что продолжительность человеческой жизни будет постепенно снижаться, тексты калачакры указывают на определённый упадок золотого века. Тхубтен Норбу, брат нынешнего Далай-ламы, в своей книге "Тибет" так описал одну из версий конца золотого века Шамбалы:

"Тысячу лет будет проповедоваться религия, но затем наступит конец света. За огнём последует ветер, уничтожая всё построенное нами, а затем придёт вода, чтобы покрыть всё, что мы знаем. Лишь немногие выживут в пещерах и на верхушках деревьев. Из рая Гандэн придут боги и заберут этих людей с собой. Они будут так научены, что религия не умрёт, и когда снова ветры всколыхнут молочный океан и снова сформируется мир, эти просветлённые, спасённые из прежнего мира, станут звёздами в небе."¹⁸

Другие ламы, составляющие меньшинство, склонны не акцентировать пророчество о Майтрее, делая больший упор на пророчество о Шамбале. Похоже, они рассматривают первое как добавление ко второму, которое они считают более древним и авторитетным. Они указывают на то, что тексты калачакры не предсказывают какого-то конца золотого века и не упоминают Майтрею и его пришествие. Согласно Чопгье Тричен ринпоче, в текстах ничего не говорится о том, что случится после сорокового царя Шамбалы, поскольку Гаутама Будда сделал пророчество только досюда. Потому мы не должны считать сорокового царя последним, а конец его правления — концом Шамбалы. Тенгбоче ринпоче, соглашаясь с этим мнением, считает: что бы ни случилось во внешнем мире, уйдёт золотой век или нет, в самой Шамбале процветание и блаженство будут продолжаться без конца. В любом случае те, кто достиг просветления в результате поражения варваров, войдут в состояние нирваны, которое за пределом всяких возможностей разрушения; для них золотой век Шамбалы будет длиться вечно в безмятежности их сердец.

Сделав подробный обзор истории Шамбалы и пророчества о ней, мы можем обратиться к внутреннему смыслу событий, ведущих к золотому веку и его следствиям. Последняя битва, в которой Рудрачакрин является, чтобы победить варваров, ясно символизирует тот решающий внутренний конфликт, который является следствием пробуждения самого внутреннего ума. Чтобы раскрыть природу этого конфликта и того, что становится его причиной, мы должны выстроить

каркас интерпретации этой части мифа. Как и в случае с особенностями путешествия в Шамбалу, мы будем трактовать тех, кто фигурирует в истории и пророчестве, как воплощения разных видов содержания нашего ума. Рассматриваемые таким образом, мудрецы, цари и царицы станут актёрами внутренней драмы, которая происходит в уме человека, находящегося на пути к освобождению. В их жизни и борьбе мы можем увидеть деятельность и столкновение мыслей, эмоций, побуждений и других элементов, составляющих содержание ума. Например, варвары внешнего мира символизируют эгоистическое содержание поверхностного сознания, тогда как обитатели Шамбалы представляют более глубокие уровни ума, скрытые в сверхсознательном.

С этой точки зрения начало истории Шамбалы в период до прихода туда буддизма символизирует предварительную стадию, когда глубинные уровни ума находятся в спящем состоянии и ими пренебрегают. Отсутствие учений, которые могут привести к освобождению, указывает, что человек ещё не начал свои поиски просветления. Он не знает, что у него есть глубокие уровни ума, которые нужно пробудить, и не имеет доступа к средствам, которыми это можно сделать. Поскольку его сверхсознание спит, то чтобы вывести его из состояния невежества, нужно какое-то внешнее влияние. Оно приходит в форме Шакьи Шамбхи, представителя рода Будды, который покоряет Шамбалу и основывает династию божественных царей, тем приготовив царство для пришествия буддизма. Это символизирует какое-то потрясение от пришедших извне идеи или опыта, проникающих в сверхсознание и пробуждающих стремление искать освобождения. Будучи тронут этим импульсом, но не обязательно сознавая его природу, ищущий уже не может быть удовлетворён своим нынешним состоянием существования и начинает искать какой-то путь выхода из него.

Стремление к освобождению является в форме царя Сучандры и его свиты, которые покидают Шамбалу, чтобы посетить Индию и попросить Будду дать им учения калачакры. В некоторых ранних точках своих поисков ищущий схватывает проблески пробуждённого состояния и пути его достижения. Это может случиться в результате спонтанного мистического опыта или встречи с духовным учителем. Получение учения калачакры в Индии символизирует такой момент пробуждения и энергию и озарение, которые он даёт. Будда олицетворяет учителя или ситуацию, которые дают ищущему вкус освобождения. Как мы увидели из нашей интерпретации самого царства, учения калачакры представляют тут осознание более

глубокого ума, которое на краткий миг переживает теперь искатель. Тибетские ламы обычно передают свои силы и мудрость через посвящения, которые должны пробудить у посвящаемых более глубокие уровни ума и дать им проблеск состояния, которого они однажды достигнут. Передача учения калачакры у ступы Дханьякатака, святилища с реликвиями, выполненного в виде мандалы, представляет собой такое посвящение и моментальное пробуждение, которое за ним следует.

Как воплощение Ваджрапани, учителя тайн и вдохновителя тантрических учений, царь Сучандра представляет самый внутренний ум в роли вдохновляющего водителя и внутреннего учителя. Его возвращение в Шамбалу, чтобы записать учения калачакры и сочинить комментарии к ним, символизирует то, как самый внутренний ум запечатлевает и усваивает полученные искателем озарения. В мандале из драгоценных камней, которую строит Сучандра, мы видим драгоценные воспоминания, в которые ищущий заключает свой первый проблеск просветления и пути к нему. Сучандра также учит калачакре обитателей Шамбалы — самый внутренний ум передаёт эти озарения глубинным уровням, чтобы пробудить в них осознанность. Хотя эти уровни пробуждаются сначала, когда самый внутренний ум представляется ещё спящим, в действительности это он ведёт весь процесс освобождения, и только кажется, что он появляется последним.

Первый проблеск просветления стимулирует и заблуждения поверхностного сознания. Ослеплённый тем, что он увидел в себе, ищущий приписывает силу и мудрость внутреннего ума своему "я" и делает вывод, что он стал тем человеком, каким всегда мечтал стать. Если он желал стать великим вождём, теперь он вождь, если стремился стать бескорыстным святым, теперь он святой. Какой бы пышный и преувеличенный образ себя он ни имел, он теперь возвышается, чтобы захватить поверхностное сознание. Сам того не сознавая, он заменяет этим образом действительный опыт своей истинной природы. Вместо того, чтобы стремиться пробудить сознание, мельком увиденное им в глубинах ума, он развивает его поверхностную имитацию — иллюзорный образ реальности и себя.

Мы можем видеть отражение этого процесса в подъёме варваров, имевшем место после того, как возле Дханьякатаки было дано учение калачакры. Их материалистические доктрины символизируют те иллюзии силы и мудрости, которые захватывают поверхностное сознание стремящегося. Пленённый раздутым образом себя, он начинает утверждать превосходство своего эго и подавлять всё, что

могло бы противодействовать ему или открыть его иллюзорную природу. В конце концов он уже не помнит полученных когда-то озарений: подобно учениям калачакры, скрытым в Шамбале, они становятся скрыты в глубинах его ума.

Некоторое время, несмотря на растущую силу своих иллюзий, ищущий ещё получает вспышки озарения от сверхсознания — около X в. калачакра приходит из Шамбалы в Индию и Тибет. Немногочисленным частям поверхностного сознания, ещё не поддавшимся иллюзиям силы и славы, удаётся обрести и сохранить более глубокую осознанность, символизируемую учением. Мы видим их воплощение в индийских учёных йогах и тибетских ламах, путешествовавших в Шамбалу за учением калачакры. Но наступившая в конце концов потеря религии в Тибете, произошедшая в силу внутренней коррупции и внешней агрессии, показывает, что заблуждения остальной части поверхностного сознания в результате возобладали над его более просвещёнными частями и исказили даже те озарения, которым удалось сохраниться. Варварским доктринам материализма суждено захватить весь внешний мир и ниспровергнуть все духовные ценности. Тогда последуют голод, болезни и другие беды, символизируя страдания, которые испытает ищущий в результате потери связи со своей внутренней природой. Его бесплодный поиск силы и славы опустошает поверхностное сознание и превращает его в умственную пустыню.

Тем временем, без ведома ищущего, более глубокие уровни его ума постепенно пробуждаются. Когда буддизм во внешнем мире оказывается вытеснен варварскими доктринами, цари Шамбалы продолжают учить калачакре и упрощают её, чтобы вести своих подданных к освобождению. Это символизирует то, как самый внутренний ум делает осознанность глубинных уровней ума более ясной, чтобы они могли пробудиться из своего состояния спячки. История Манджушрикирти, первого царя династии Кулика, и мудрецов, которые хотели покинуть Шамбалу, представляет важный шаг этого процесса. Чтобы избежать путаницы и замешательства, Манджушрикирти посвящает всех мудрецов в одну алмазную касту: очищая их осознанность, самый внутренний ум даёт глубинным уровням ума единый взгляд на реальность, чтобы они могли действовать вместе для конечного просветления ищущего. Без такого внутреннего единства сверхсознание могло бы распасться и стать добычей иллюзий поверхностного сознания. Манджушрикирти предупреждает мудрецов, что если они не избавятся от своих несогласующихся взглядов и не войдут в единую алмазную касту,

"доктрины варваров распространятся даже в Шамбале".

Параллельное объединение происходит и в поверхностном сознании. Мы видим его в том, как в результате войн появляется один злой царь, который объединяет всех варваров под своим правлением. Борьба варваров между собой представляла конфликтующие образы себя, которые борются за обладание умом ищущего. Наконец одному эго, символизируемому злым царём, удаётся подчинить другие и поставить их под свой контроль. Так ищущий подавляет внутренние конфликты поверхностного сознания и достигает некоего внутреннего единства. Но несмотря на видимость мира, которую это единство создаёт, оно требует постоянного напряжения, чтобы сдерживать подавленные враждебные эго. Как только победившее эго ослабит свою хватку, все подавленные им импульсы вырвутся наружу, разрушив спокойствие, которое, казалось, было достигнуто. Ведь как злой царь держится у власти только благодаря режиму тирании, так и ищущему приходится установить диктаторский контроль над своими мыслями и чувствами. Единство, достигнутое им на поверхности сознания — это непрочный фасад, который может развалиться в любой момент. Фактически, это поверхностная имитация того внутреннего единства, что развивается в более глубоком уме.

Объединив иллюзорные представления ищущего о себе, победившее эго невольно облегчает задачу самого внутреннего ума по их уничтожению: злой царь собирает все варварские силы в одном месте, чтобы царь Шамбалы мог одолеть их в одном решающем бою. Самый внутренний ум находит и другое, подобное же применение гордости эго, чтобы освободить ищущего от иллюзий. В одной из версий пророчества богиня, защищающая буддизм, рассказывает министрам варваров о Шамбале и подначивает их напасть на неё. В другой версии Тара-спасительница открывает существование Шамбалы злому тирану, оставляя его ревности довершить всё остальное. В обоих случаях элементы более глубокого ума, символизируемые женскими божествами, используют гордость эго, чтобы заманить его в смертельную ловушку фатального для него столкновения с более мощными силами сверхсознания. Лама из Амдо, который, как считается, воплотится главнокомандующим варварской армии и поведёт её к поражению, воплощает ещё один элемент глубинного ума, который проникает в поверхностное сознание, и использует надменность эго, чтобы повести к его собственному разрушению — и освобождению искателя.

Узнав о существовании скрытого царства, злой царь пытается покорить Шамбалу и навязать её обитателям свои варварские

доктрины. Узнав о сверхсознательном, эго пытается захватить его и распространить свои иллюзии на более глубокие слои ума. Несогласие лам в том, смогут ли варвары проникнуть в Шамбалу, отражает разные взгляды относительно того, обладает ли эго силой ввести глубинные уровни ума в заблуждение. Как бы то ни было, его беспредельное самомнение вызывает реакцию, которая сметает его и уничтожает. Это происходит, когда оно пытается подчинить даже самый внутренний ум и свести его к своему поверхностному уровню сознания.

Попытка царя варваров покорить Шамбалу побуждает Рудрачакрина выйти и освободить мир от сил материализма — находящаяся в заблуждении энергия эго обеспечивает тот удар, который необходим для того, чтобы подвинуть самый внутренний ум к проявлению, что освобождает ищущего от иллюзий. Чопгье Тричен ринпоче указывает, что заставляя Рудрачакрина явиться и установить золотой век, варвары в действительности помогают распространить буддизм, несмотря на все их попытки его уничтожить. Он сравнивает их роль в пророчестве с использованием невежества в некоторых тантрических практиках — "Те, кто ищет просветления, обычно избегают невежества, но иногда само невежество поддерживает их медитацию".

Попытка вторжения со стороны злого царя также являет пример неправильного способа путешествия в Шамбалу. Как мы видели, путеводители советуют путешественнику идти туда ради блага других, но царь варваров отправляется туда исключительно ради своего собственного возвеличения. Вместо того, чтобы искать учения, он старается уничтожить их и лишить царство всех его богатств. Эго пускается во внутреннее путешествие не чтобы пробудить самый внутренний ум и получить его водительство, а чтобы подчинить его и присвоить его силы. Там, где путешественник преодолевает препятствия с помощью божеств, царь варваров полагается на изысканные им материальные средства, такие как летательные аппараты. Иными словами, эго пытается ворваться в сверхсознательное без разрешения и поддержки глубинных уровней ума. И как показывает судьба варваров, даже если ему удастся достичь своей цели, его усилия лишь приведут его к уничтожению.

Но даже неправильный вид путешествия может нести благотворные последствия. Варварская попытка вторгнуться в Шамбалу приводит к смерти злого царя и освобождению внешнего мира от доктрин материализма. Хотя здесь ищущий предпринимает путешествие и неправильно, тем не менее, оно освобождает его от отождествления со своим эго и освобождает поверхностное сознание от его иллюзий. Даже

злой царь получает пользу от своей движимой неверными мотивами попытки вторжения в Шамбалу — смерть, которую он находит в конце путешествия, даёт ему освобождение или перерождение в чистой земле, идеально подходящей для духовного прогресса. Внутреннее путешествие преображает "я", из иллюзорного образа делая его прозрачным окном, которое открывает самый внутренний ум. Смерть злого царя символизирует то преобразование сознания, при котором ищущий открывает мудрость, присущую даже его иллюзиям.

Счастливого перевоплощения или освобождения царя варваров указывает, что ищущий находит то, что действительно искал в своём походе за силами и славой. Сознал он это или нет, но он пытался установить превосходство своего "я", чтобы освободиться от обусловленности и страданий, поставив себя выше пределов их досягаемости. Но выстраивая иллюзорный образ всемогущества, который ему приходилось оборонять от всевозможных угроз, таких как самый внутренний ум, он достигал совершенно противоположного — привязывал себя к источнику постоянного беспокойства и неизбежного разочарования. Лишь когда ищущий оставит своё стремление к силе и власти (то есть злой царь потерпит поражение в последней битве), сможет он достичь настоящей цели своих усилий. Тогда он обретёт внутреннюю безмятежность и свободу, которой действительно искал, и осознает, что не нуждается во власти и славе, которые казались столь существенно важными.

Сам последний бой символизирует решающую внутреннюю конфронтацию, которая в конце концов должна произойти между эго и самым внутренним умом. Она следует за разрешением меньших конфликтов между противодействующими импульсами поверхностного сознания — варварскими междуусобными войнами во внешнем мире. В этой кульминационной конфронтации чистая осознанность самого внутреннего ума наконец преодолевает заблуждения "я". Рудрачакрин, воплощение Манджушри, бодхисаттвы мудрости, побеждает варварского царя, чьё имя означает "ребяческий интеллект" или "ум делания" — последнее указывает на поверхностную деятельность сознания. Поскольку ищущий отождествился с эго, воплощением которого является злой тиран, последняя битва означает для него опыт смерти и нового рождения, который он должен пройти на пути к освобождению. Чтобы пробудить свою истинную природу, он должен умереть для своего иллюзорного образа себя.

В последней битве Рудрачакрин использует для уничтожения сил материализма духовные средства. Медитацией о лучшем из коней он

создаёт сверхъестественную армию, способную победить даже невидимых варваров. Из этого следует, что вместо того, чтобы опуститься до эго и бороться средствами его уровня, самый внутренний ум прихлопывает его прямым осознанием его иллюзорной природы. Сделай внутренний ум иначе, он погрузился бы на уровень эго и покорив его, просто дал бы начало другому эго — новому и ещё более могущественному тирану. Ищущему, чтобы вырваться на свободу из ослепляющих его иллюзий, требуется нечто большее, нежели новые идеи и вдохновения, какими бы истинными они ни были — ему нужна трансцендентальная осознанность более глубокого ума.

Победив варваров, Рудрачакрин распространяет своё правление на внешний мир. Установленный им золотой век символизирует состояние гармонии, которого искатель достигает, когда самый внутренний ум наконец является, чтобы овладеть поверхностным сознанием. Раскол между сознательной и бессознательной областями ума исчезает, причём со всеми конфликтами и иллюзиями, которые он плодил. Процесс пробуждения, который неведомо для него происходил в скрытых глубинах сверхсознательного, теперь распространяется и на поверхностное сознание. Подобно этому, многие великие учителя появляются во внешнем мире, чтобы вести бесчисленные множества людей к просветлению. Золотой век представляет этап или этапы, на которых внутреннее путешествие становится полностью осознанным. Теперь ищущий может полностью посвятить себя задаче достижения освобождения, не работая больше против самого себя. Поскольку внешний мир становится продолжением Шамбалы, ранее сделанная нами её интерпретация сама даёт неплохое представление о достигнутом им состоянии.

Смотря как мы читаем пророчество, у этого состояния достижения может быть конец или конца быть не может. Версия, которая гласит, что золотой век будет длиться вечно, намекает на то, что ищущий полностью преодолел иллюзии своего "я" и больше не может попасть под их чары. С другой стороны, версии, предсказывающие конец золотого века, намекают на то, что ищущий обречён соскользнуть вниз из достигнутого им состояния.* Но в дополнительных предсказаниях о приходе следующего будды Майтреи они подразумевают, что он вновь обретёт потерянное. Это открывает интересные прозрения в циклическую природу внутреннего путешествия.

* Буддизм ничему подобному не учит, однажды достигнутое просветление не может быть потеряно, и циклический приход будд

следует понимать буквально. В то же время это не отрицает циклической природы развития человека — от общеизвестного цикла реинкарнаций, при котором приходится вспоминать ранее уже освоенные вещи, до более масштабных циклов, охватывающих целые мировые периоды. — Прим. пер.

Циклическую природу внутреннего путешествия ещё яснее можно увидеть с помощью связанного с этим мифа о Калки, последнем воплощении Вишну. Согласно ему, каждый раз, когда мир проходит через цикл упадка, этот эквивалент Рудрачакрина возвращается, чтобы истребить силы зла и вернуть золотой век. Поскольку этот цикл повторяется на внутреннем уровне, самый внутренний ум постепенно освобождает ищущего от одного иллюзорного образа за другим, пока он не будет свободен от их всех. Если подходить так, то история Шамбалы и пророчество о ней открывают не только ход внутреннего путешествия, но и природу составляющих его отдельных этапов. Иными словами, каждую стадию можно рассматривать как повторение в миниатюре всего пути к освобождению.

В то время как путеводители сосредотачивают наше внимание на усилиях ищущего достичь сверхсознательного, история и пророчество выявляют другую сторону внутреннего путешествия — роль самого внутреннего ума, который в действительности мотивирует его и ведёт. Они исправляют склонность считать процесс освобождения скорее искусственной работой "я", чем естественным раскрытием внутреннего ума. История и пророчество вносят в наши интерпретации путеводителей чувство роста и неизбежности. Как царь Шамбалы приходит победить варваров, лишь когда это пророчествовано, так и самый внутренний ум является, лишь когда время пришло. Ищущий не может форсировать своё освобождение — если он попытается, он лишь преуспеет в выстраивании своего эго и ещё крепче завяжет в его хватке. Всё, что он может делать — это помогать естественному ходу процесса, понимая, что это внутренний ум, а не он сам в действительности совершает его. Когда этот ум наконец рассеет его иллюзии, он увидит Шамбалу в окружающем его мире. Как заметил Кхецун Зангпо, "как цветок распускается, когда тепло, вода и удобрение сходятся вместе, так и Шамбала станет видима всем в должное время".

11. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ШАМБАЛЫ

Пока что мы рассматривали Шамбалу как скрытое царство в

Центральной Азии, символизирующее скрытую область ума. Хотя такая интерпретация помогает нам открыть более глубокий смысл этой легенды, она в то же время склонна вдохновлять эскапистские фантазии: если не отнестись к этой интерпретации с осторожностью, она может увести нас от проблем повседневной жизни в мечтания об идиллическом состоянии спокойствия и блаженства. Шамбала, скрытая глубоко в бессознательном, столь же далека от нашего обычного мирского опыта, как любое мифическое царство Центральной Азии. Будучи столь далёкой и нереальной, такая версия Шамбалы может легко стать раем, который мы просто воображаем в глубине ума — иллюзорным внутренним святилищем, в которое мы убегаем от неприятных реальностей окружающего мира. Если следовать самой легенде, то ясно, что назначение Шамбалы вовсе не в этом: ищущий отправляется туда не чтобы убежать от реальности, а чтобы найти её — получить те учения, которые позволят ему видеть вещи такими, каковы они есть. Чтобы быть верными легенде и избежать её использования в качестве ещё одного источника иллюзий, мы должны соотнести её с миром, в котором мы живём — постараться увидеть, как мы можем пережить её в обычных событиях повседневной жизни.

Хотя скрытая природа Шамбалы склонна стимулировать эскапистские мечтания, это придаёт легенде значительную часть её силы и привлекательности. Идея о таинственной стране, скрытой за дальними снежными горами, имеет особое очарование — она трогает что-то глубоко внутри нас, что хочет ощущать себя в присутствии непознанного. Чувство тайны, вызываемое такими скрытыми местами, как Шамбала, мы ищем не в меньшей степени, чем то, что они могут скрывать. Неизвестное само по себе содержит свежесть и надежду, глубину и богатство, которым ничто из того, что мы находим, похоже, не может соответствовать. В его присутствии мы переживаем чувство трепета и удивления, что лишь оно имеет силу вдохновлять.

В дополнение к этому, благодаря своей скрытой природе Шамбала обладает чистотой, которая не может быть запятнана внешним миром. Ведь только те, кто избавился от всяких намерений осквернить её, могут её найти — по крайней мере до тех пор, как её попытаются покорить варвары. Это придаёт Шамбале особое качество, ставящее её особняком среди других идиллических мест, которые, как бы далеки они ни были, тем не менее, достижимы и доступны для эксплуатации. В отличие от Хунзы, мирной долины в горах Каракорума в Пакистане, которая могла вдохновить Хилтона на идею о Шангри-ла, Шамбалу трудно представить превращённой в курорт для богатых туристов. В

нашем представлении она лежит далеко за пределами досягаемости тех, кто мог бы найти ей такое применение. Мощная притягательность Шамбалы отражает нашу тоску по чистому и нерушимому месту, которое никогда не сможет быть осквернено ни нами, ни кем-либо другим.

Такое место, наполненное чувством тайны и чистоты, которое мы ищем, лежит ближе, чем мы думаем. Скрытое царство Шамбалы фактически символизирует скрытую природу мира, который прямо здесь, вокруг нас. Пока мы остаёмся привязаны к заблуждениям "я", нам недостаёт осознанности, чтобы его воспринимать. Завеса предвзятых идей, наброшенная поверхностным сознанием, омрачает наше видение всего, что нас окружает. Вместо того, чтобы видеть мир таким, как он есть, мы видим лишь свою картину этого мира. Лишь когда мы пробудим непосредственную осознанность более глубокого ума, перед нами явится наше действительное окружение, больше уже не скрытое за туманом иллюзий. А поскольку поверхностное сознание не может этого воспринимать, мир, открытый более глубоким умом, никогда не может быть тронут и осквернён эгоистичными желаниями "я". Так как он за пределами всех концепций и доступен только непосредственному опыту, он всегда обладает качествами свежести и таинственности. Мы не можем ни описать этот мир таким, каков он есть, ни втиснуть его в какую-либо систему установившегося знания. И даже когда мы познаём его, он остаётся в глубочайшем смысле непознанным.

Легенды о скрытых местах, подобных Шамбале, помогают нам вспомнить, пусть даже подсознательно, что мир — это гораздо больше, чем мы воображаем. Такое напоминание нужно нам, чтобы противостоять склонности поверхностного сознания отсекал нас от непосредственного опыта и запирает нас среди иллюзий "я". Без чего-то такого, что может вдохновлять чувство неизведанного, без царства, которое за пределами всяких представлений, наша жизнь стала бы замкнутой и статичной, ограниченной поверхностными взглядами, которых мы придерживаемся. Наш интерес к Шамбале является не просто формой бегства от реальности, а скорее отражает глубокое стремление к переживанию реальности. Можно сказать, что она представляет то место в нашей жизни, через которое мы соприкасаемся с миром, в котором действительно живём. Таким местом может быть и лес в лунном свете, и росинка, сияющая по лучами солнца, и улыбка любимой — всё, что пробуждает более глубокое и интенсивное осознание того, что в нас и вокруг нас.

Когда появляется эта осознанность, она возвращает потерянные

воспоминания опыта детства. Она напоминает нам о времени, когда мы не знали, на что похож мир, когда всё казалось таким же непознанным и таинственным, как Шамбала. В ту эпоху у нас не было предвзятых концепций, чтобы закрывать и притуплять наше восприятие. Вместо того, чтобы втискивать вещи в фиксированные идеи о том, какими они должны быть, мы воспринимали их непосредственно, со всем чувством трепета и удивления, которые они вдохновляли. В результате мир вокруг нас обладал свежим и волшебным качеством скрытого царства. Мы были открыты ко всему, что он мог содержать, каким бы странным или фантастическим это ни казалось.

Предпринимая внутреннее путешествие в Шамбалу, мы стремимся вновь обрести непосредственную осознанность ребёнка, со всем её ощущением трепета и чуда. Но мы не можем сделать это бегством в прошлое и попытками снова стать детьми. Мы потеряли ту невинность, которая позволяла нам прямо воспринимать мир. Мы не можем просто игнорировать или отбросить экран предрассудков, который теперь закрывает нам обзор. Мы должны встать лицом к лицу с собой и посмотреть, что мы наделали в своих умах. Лишь осознав свои иллюзии и своё цепляние за них, можем мы освободиться от их власти и пробудить свежее и прямое осознание окружающего мира. Чем возвращаться назад, нам лучше идти вперёд к новой и более мудрой невинности — той, что сочетает непосредственность ребёнка с мудростью мудреца.

Из нашего толкования путеводителей в Шамбалу следует, что сделать это мы можем, проживая свою жизнь как путешествие к более глубокому осознанию себя и мира вокруг нас. Рассматривая обычные события повседневной жизни как магические черты путешествия в Шамбалу, мы можем открыть скрытые аспекты себя, которые нам нужно знать, чтобы пробудить глубинный ум. Подобно демонам и божествам, горам и рекам, встречаемым путешественником из путеводителей, люди, которых мы встречаем каждый день, отражают разнообразное содержимое подсознательного, которое мы проектируем в наше окружение. Поэтому, если мы подойдем к ним как к элементам пути в Шамбалу, эти объекты внешнего восприятия смогут действовать как символы, открывающие иллюзии и озарения, скрытые в нашем уме. Иначе говоря, мы можем использовать события повседневной жизни в качестве средства для действительного совершения внутреннего путешествия, символизируемого путеводителями.

Наша интерпретация этих путеводителей может помочь нам увидеть

символизм, присущий событиям повседневной жизни. Если мы будем трактовать разочарования, например, как препятствия на пути в Шамбалу, они обретут новое значение, которое направит наше внимание к внутренним барьерам обид и гнева, закрывающим нам доступ к большей осознанности. Подобно этому, очаровательные люди и завлекательные ситуации могут подействовать, как соблазнительные девушки из путеводителей, давая нам ценные прозрения в природу наших желаний и привязанностей, которые они создают. Подобно непреодолимым снежным горам на пути в Шамбалу, проблемы, кажущиеся неразрешимыми, могут вызывать у нас чувство негодности, которое нам нужно признать и преодолеть. Лай собаки на тёмной ночной улице может стать яростным рыком хищных животных в страшном лесу из поэмы Ринпунгпы, позволяя нам узнать силу и масштаб иррациональных страхов, затаившихся в глубинах нашего ума.

Подобно подробностям путешествия в Шамбалу, события повседневной жизни могут открывать энергию и озарения более глубоких уровней ума. Некоторые люди, которых мы встречаем в ходе нашей жизни, могут научить и вдохновить нас так, что это оставит особенно глубокое и долговременное впечатление. Благодаря им, как с помощью мудрецов из путеводителей, мы можем узнать свои внутренние ресурсы мудрости и сил. Иногда, если мы остаёмся, чтобы разобраться с проблемой, а не пытаемся её избежать, случается прорыв вдохновения. Оно появляется как бы ниоткуда, чтобы решить её для нас, подобно богам, которые внезапно являются, чтобы перенести йога из поэмы Ринпунгпы через снежные горы в Шамбалу. В таких случаях столкновение с препятствиями служит пробуждению осознанности более глубокого ума. А моменты удовлетворения от выполнения трудной задачи или просто переживания вроде тех, что даёт прекрасное утро, могут действовать подобно мирным рощам на пути в Шамбалу, напоминая нам о глубоком спокойствии, которое скрывается под завихрением наших эмоций.

Достигнем мы когда-нибудь предельной цели или нет, подход к своей жизни как к выражению внутреннего путешествия ценен сам по себе: он позволяет нам оценить и использовать те стороны своего опыта, которыми мы склонны пренебрегать, или даже подавлять их. Будучи рассмотрены как необходимые этапы внутреннего путешествия, даже самые пустячные события нашей жизни, вроде похода за какой-нибудь мелочью, приобретают значимость и смысл. Мы начинаем видеть, что они тоже могут сказать нам что-то важное о нас и нашем

обычном образе мышления и действия. Открывая более глубокие страсти и иллюзии, которые привязывают нас к нашему представлению о "я", даже негативный опыт разочарований и неудач может оказаться благоприятной возможностью для развития большей свободы и осознанности.

Иными словами, проживая жизнь как путешествие, мы можем добиться того, чтобы она состоялась, и наполнить её смыслом. Придавая повседневным событиям символическое измерение, мы делаем их в некотором смысле прозрачными, превращая в окна, открывающие нам свежие виды на себя самих и мир вокруг нас. В результате наша жизнь станет богаче и глубже, наполняясь растущим осознанием реальности. Таким образом, вместо того, чтобы стимулировать эскапистские фантазии ума, символизм путешествия в Шамбалу скорее помогает нам жить более полно прямо здесь, в этом мире повседневной жизни.

Живя жизнь, как путешествие, мы можем рассматривать её и как сбывающееся пророчество — пророчество о конечном освобождении от плена наших иллюзий. Когда мы рассматриваем свою жизнь так, становится легче пережить те процессы пробуждения, которые символизируют история Шамбалы и пророчество о ней. Например, мы можем воспользоваться нашей интерпретацией подъёма и падения варваров, чтобы глубже понять то, как развиваются наши иллюзии — как они растут и расползаются, пока не столкнутся с чем-то более могущественным, что разрушит их и откроет их пустотную природу. Символизм царя варваров, в частности, поможет нам сосредоточить своё внимание на нашем внутреннем тиране — том эго, которое склонно захватывать поверхностное сознание и покушаться на территорию более глубокого ума.

Мы можем видеть, как каждый раз это пророчество повторяется, когда мы обретаем новый взгляд на природу реальности. Поначалу это прозрение обладает поразительной глубиной и жизненностью, открывая новые виды, полные смысла, но затем, подобно варварским доктринам, вытесняющим учения калачакры, старые идеи постепенно берут верх и искажают первоначальное прозрение, превращая его во что-то безжизненное и плоское. Вместо того, чтобы использовать его, чтобы увидеть вещи такими, каковы они есть, мы используем его для строительства эго — мы гордимся тем, что обладаем таким глубоким и значимым прозрением, и теряем из виду его смысл. Отравленные следующим из этого высокомерием и впадая в заблуждение, мы, подобно варварскому царю из пророчества, в конце концов влипаем в ситуацию, с которой не можем справиться, и она разоблачает наши

претензии, оставляя нас ни с чем. Эта кажущаяся беда, однако, расчищает путь новым озарениям, символизируемым учениями, которые распространятся в золотой век Шамбалы.

Символизм пророчества помогает нам отличить позывы эго от интуиции, исходящей от более глубокого ума. В любой конкретной ситуации мы можем посмотреть, чью они отражают мотивацию — варварского тирана или владыки Шамбалы. Это даёт нам такой взгляд на себя, который помогает не поддаваться желаниям и иллюзиям. В частности, благодаря этому мы можем избежать иллюзии того, что мы освобождаем себя, когда мы лишь наращиваем мощь и иллюзии своего эго. По крайней мере, мы учимся скептически подходить к своим мотивам, что помогает нам избежать совершения таких вещей, о которых мы бы потом пожалели. В то же время мы учимся распознавать то водительство, которое исходит от более глубокого ума, и обращать на него внимание. Это та устремлённость к освобождению и те озарения, которые символизируются учением калачакры, исходящим из Шамбалы. Когда мы начинаем полагаться на это водительство, мы оказываемся всё менее склонны мешать процессу пробуждения, происходящему в нашей жизни. Вместо того, чтобы пытаться навязать себе освобождение, мы позволяем ему раскрываться естественно, подобно пророчеству о Шамбале.

В истории Шамбалы мы можем даже увидеть аллегорию нашей жизни в целом, от невинности детства до зрелости преклонного возраста. Передача Буддой учений калачакры в Индии символизирует рождение ребёнка со свежим, новым видением реальности.* Потеря истинной религии во внешнем мире символизирует утрату ребёнком осознанности и спонтанности, по мере того, как он растёт в обществе, которое побуждает его игнорировать свою внутреннюю природу и быть неискренним к себе. Как варварские доктрины захватывают мир, так и ценности и заботы других заполняют его ум, наполняя его конфликтующими желаниями и иллюзиями. Он достигает этапа, который символизируют войны, которые победившие варвары ведут между собой. Большинство людей дальше этой стадии и не идут; захваченные конфликтами поверхностного сознания, они не могут получить того, что хотят, или увидеть себя такими, как они есть. Тем, кто достиг мирского успеха, просто удаётся подчинить все свои желания и иллюзии единой цели, которой они в результате добиваются — они достигли стадии, на которой один царь объединил всех ссорившихся варваров под своей диктатурой. Последний бой и золотой век, напротив, символизируют то, что жизнь действительно состоялась — это достижение истинной зрелости. Если, после многих

лет борьбы, человеку удаётся преодолеть свои иллюзии и пробудить свой внутренний ум так, чтобы это пробуждение было постоянным, он вновь обретает свежее видение ребёнка, обогащённое и углублённое мудростью опыта. Всякий, кто достигает такой зрелости, проживает свою старость, как золотой век Шамбалы.

* Здесь автор излагает очень популярное сейчас на Западе учение, однако оно не согласуется с буддизмом, согласно которому человек рождается с определённым набором скандх (психических совокупностей), уже несущих в себе мысленные ассоциации и даже модели поведения прошлых жизней, которые, подобно семенам, дают всходы в тех или иных подходящих ситуациях, что создаёт иллюзию загрязнения изначально чистого восприятия под влиянием общества и его идей. — Прим. пер.

Пока что мы говорили главным образом о пробуждении индивидуальности, но само пророчество говорит о гораздо большем — оно предсказывает приход золотого века, в котором каждый сделает большой прогресс на пути к просветлению. Из этого становится ясно, что цель внутреннего путешествия — не удаление от мира, а превращение его в такое место, которое будет способствовать просветлению всех. Стремясь к пробуждению более глубокого ума, мы ищем новой осознанности, которая позволит нам помочь другим освободиться из плена своих иллюзий. Пророчество противоречит тенденции рассматривать внутреннее путешествие исключительно в понятиях нашего собственного освобождения. Оно приглашает нас отважиться вступить в глубины ума, чтобы явиться, подобно владыке Шамбалы, с силой и мудростью, нужными для преобразования общества и установления золотого века.

Фактически, из пророчества следует, что лишь пробудив более глубокий ум, или получив доступ к нему, мы действительно можем изменить мир к лучшему. Лишь тогда у нас будут осознанность и сострадание, необходимые для создания справедливого и гуманного общества, в котором каждый будет по-настоящему свободен. Как золотой век придёт с царём Шамбалы, так и перемены к лучшему, к которым мы стремимся, должны произойти благодаря вдохновению со стороны более глубокого ума. Пророчество подразумевает, что решение мировых проблем придёт из внутреннего источника, скрытого в каждом из нас. И пока мы продолжаем игнорировать этот источник и пытаемся навязать изменения извне, экспериментируя с теми или иными идеями, мы просто участвуем в бесплодных манипуляциях эго, и все наши усилия, подобно попыткам варваров,

окончатся неудачей. Но когда каждый из нас, обратившись к более глубокому уму, начнёт видеть скрытую природу реальности и действовать на неё, сам мир станет продолжением Шамбалы.

Теперь мы увидели, какие прозрения может дать нам легенда о Шамбале. Мифы, способные вдохновлять подобные прозрения и пробуждать более глубокое осознание реальности — это нечто большее, чем просто поверхностные порождения воображения или интеллекта: источник большинства из них находится глубоко в бессознательном. Многие из них появились из снов и видений людей, которые по-видимому вошли в соприкосновение с более глубоким умом, даже если оно длилось лишь мгновение.¹ Пример этого мы видели в сне Кхамтрула ринпоче о путешествии в Шамбалу. Встреченный им в конце путешествия старый лама, который превратился в бодхисаттву и передал ему учения, очевидно, воплощал мудрость самого внутреннего ума. Хотя большая часть сна отражала то, что Кхамтрул уже знал о Шамбале, он добавил к мифу и некоторые новые черты, такие как три моста, ведущие в центр царства. Мифы такого происхождения обладают особой силой, которая позволяет им проникать сквозь иллюзии поверхностного сознания и пробуждать отклик глубоко внутри нас. Они — средства, с помощью которых более глубокий ум передаёт нам озарения и сообщает импульс к большей осознанности.

Хотя такой миф происходит из глубин ума, он должен проявиться через поверхностное сознание получающего его человека. При этом он неизбежно принимает ту форму, которая что-то значит в понятиях культуры, сформировавшей его мировоззрение. Это значит, что несмотря на свою внешнюю видимость, легенда о Шамбале не является сугубо тибетской или индийской — это, скорее, тибетское выражение чего-то намного более глубокого и универсального. Хотя она приняла ту форму, которая особенно много значит для тибетцев, суть её лежит за пределами любой культуры или религии. Как мы увидели в четвёртой главе, темы, лежащие в основе легенды о Шамбале, во многих разнообразных формах повторяются в сходных мифах из других частей света.

Некоторые из этих мифов оказывают значительное влияние на нашу жизнь, воздействуя не только на то, что происходит с нами, как индивидуальностями, но и на то, что происходит с обществом и ходом самой истории. Из четвёртой главы мы увидели, как пророчество о мессии и поиске земли обетованной развилось в современный миф о прогрессе — убеждение, что наука и индустрия превратят Землю в материальный рай и установят золотой век процветания для всех. Во

многим именно это убеждение стоит за стремлением к социальным реформам и экономическому развитию, которое сейчас определяет как политику, так и судьбу правительств по всему миру, невзирая на их конкретную идеологию. Даже в странах, которые, похоже, уже достигли золотого века процветания, этот миф продолжает иметь силу, порождая ожидания постоянного повышения доходов и качества жизни. Как ясно показали недавние события, правительства, которые не могут удовлетворить эти ожидания, сталкиваются с большими неприятностями. Во многих отношениях миф о прогрессе стал одной из самых мощных сил, действующих сегодня в мире.

Этот миф, который столь долго двигал нас, теперь, однако достигает своих пределов. Сталкиваясь с недостатком энергии и естественных ресурсов, мы начинаем сознавать, что бесконечный рост, обещаемый мифом, не может продолжаться. В то же время мы осознаём, что наши попытки создать материальный рай при помощи науки и техники в действительности всё больше и больше загрязняют и разрушают окружающую среду. Если мы продолжим развиваться, как раньше, то можем даже Землю сделать необитаемой. Под лозунгом прогресса и эффективности этот миф также породил растущую дегуманизацию, сведя людей к цифрам, которые легче перетасовывать и обрабатывать компьютерам. Даже те, кто по всей видимости получил от этого выгоду, и живут в благополучных пригородах или других оазисах процветания, испытывают всё растущее чувство скуки и бессмысленности существования, что ведёт многих из них к внезапным актам насилия и самоуничтожения. Миф о прогрессе, похоже, завёл нас в тот упадочный период материализма, который должен предшествовать золотому веку Шамбалы.

В это затруднительное положение мы попали во многом потому, что упустили из виду внутреннюю сторону мифа о прогрессе. Пытаясь создать земной рай, мы забыли о нуждах и природе тех, кто должен в нём жить. Очарование перспектив постоянного роста материального процветания заставило нас развить односторонний взгляд на прогресс, который ставит упор на внешнее развитие за счёт внутреннего. Не осознав, что и то, и другое должны идти вместе, мы попытались преобразить мир, не преобразив себя. В результате мы не смогли развить мудрость, нужную для того, чтобы знать, что действительно должно быть сделано. Подобно доктринам варваров из тибетского пророчества, одержимость материальным прогрессом в качестве самоцели захватила наши умы и грозит привести нас к уничтожению.

Нам нужно восстановить баланс и видение, которые позволят нам

использовать миф о прогрессе, а не быть его рабами. Прозрения того рода, что мы получили из тибетской легенды о Шамбале, могут помочь нам в этом, перенаправив наше внимание к внутренней стороне мифов, которые формируют нашу жизнь. Через эти озарения мы можем приобрести более глубокое понимание в частности и внутренней природы мифа о прогрессе, и того, как мы его исказили. С таким пониманием мы сможем обратить вспять нынешний ход событий и начать преображать и себя, и мир вокруг нас. Мы даже сам миф о прогрессе можем использовать как символ для пробуждения глубинного ума и освобождения из плена иллюзий.

Однако, в конечном счёте каждому из нас нужно самому искать и находить свой собственный эквивалент Шамбалы — место, вещь, человека, или даже идею, которые способны вдохновить нас на внутреннее путешествие к большей свободе и осознанности. Такой символ может придать нашей жизни смысл и направление, равно как и дать нам силы и решимость, чтобы преодолеть испытания, лежащие впереди. Однако, чтобы это произошло, он должен иметь для нас такую же реальность, как скрытые долины для тибетских йогов, которые ищут их. Наш личный эквивалент Шамбалы должен быть чем-то подлинным, естественно вырастающим из нашей жизни и опыта, чем-то приходящим от вдохновения более глубокого ума. Легенда о Шамбале — это для нас не шаблон для копирования; её подробности являются символами другого места и другой эпохи. Вместо этого она должна вдохновить нас на нахождение нашей собственной формы, которая не заменит, а скорее откроет нам суть скрытого царства.

В поисках сути Шамбалы, в какой бы форме мы её для себя ни находили, мы приходим к осознанию, что она скрывается прямо здесь, в мире вокруг нас. Оно открывает нас к растущему ощущению святого во всём, что мы видим. Люди и вещи, к которым мы относились с презрением или безразличием, станут внушать трепет и чувство чудесного. Что казалось мёртвым и бессмысленным, заживёт таинственным значением, глубоко и необъяснимо соединяющим его с нами. Начиная сознавать священную природу всего, что нас окружает, мы перестанем рассматривать людей и вещи в качестве предметов, которыми можно просто пользоваться и злоупотреблять. Вместо этого мы будем любить и ценить их за то, чем они являются, и относиться к ним с предельной заботой и уважением. Если мы сможем пробудить это ощущение священного в окружающем мире, тогда у нас появится шанс установить золотой век, присутствующий в столь многих мифах и мечтах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания содержат большинство тибетских и санскритских терминов в транслитерации с диакритическими знаками. Ради простоты я решил транслитерировать тибетские слова как слоги без промежуточных дефисов, хотя на титульных листах изданий они выглядят иначе. Имена современных тибетцев и немногих важных деятелей прошлого, как и названия некоторых мест, записаны так, как они звучат, как и в основном тексте книги. Санскр. и тиб. обозначают соответственно "санскрит" и "тибетский".

К главе 1

Цитата из Киплинга взята из: "The Explorer" ("Исследователь"), *Collected Verse of Rudyard Kipling* (New York: Doubleday, Page & Company, 1907), с. 19.

1. Sven Hedin, *My Life as an Explorer*, пер. А. Huebsch (Garden City, N.Y.: Garden City Publishing Company, 1925), p. 188.

2. Там же, с. 186.

3. James Hilton, *Lost Horizon* (London: Pan Books, 1966), с. 128, там же, с. 129.

4. Следующее описание Шамбалы взято из нескольких источников: *Klong rdol bla ma ngag dbang blo bzang, Dus kyi 'khor lo'i lo rgyus dang sham bha la'i xhing bkod bcas* (cited hereafter as *Sham bha la'i zhing bkod*) in Ven. Dalama, ed — *Tibetan Buddhist Studies of Klon-rdol bla-rna Nag-dban-blo-bzan* (Mussoorie: Ven. Dalama, 1963) 1:128-32; the Third Panchen Lama, *Blo bzang dpal ldan ye shes, Grub pa'i gnas chen po sham bha la'i rnam bshad 'phags yul gyi rtogs brjod dang bcas pa* (ксилограф, 58 листов), листы 41b—44a (обычно упоминается и далее цитируется как *Sham bha la'i lam yig*), тибетский текст и перевод на немецкий Альберта Грюнведеля в: Albert Grunwedel, ed. and trans., *Der Weg nach Sambhala, Abhandlungen der Koniglich Bayerischen Akademie der Wissenschaften* 29, No. 3 (Munich, 1915). сс. 70-74, Gar-je K'am-trul Rinpoche, "A Geography and History of Shambhala," trans. Sherpa Tulku and A. Berzin, *The Tibet Journal* 3, No. 3 (Autumn 1978), сс. 6-8; *Rin spungs ngag dbang 'figs grags kyis rang gi yab la phul bai zhu 'phrin rig pa 'dzin pai pho nya* (manuscript, 39 fols., переиздано:

Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1974). сс. 50-55 (далее цитируется как Rin spungs pa'i pho nya); Berthold Laufer, "Zur buddhistischen Litteratur der Uiguren", T'oung Pao, Ser. 2, Vol. 3 (1907), сс. 405-7.

5. K'am-trul Rinpoche, "Geography and History of Shambhala," с. 7.

6. Тибетский аналог санскритского слова "шамбхала" — bde 'byung, "источник счастья" (см. Sarat Chandra Das, A Tibetan-English Dictionary, with Sanskrit Synonyms, rev. ed. [переиздано: Delhi: Motilal Banarsidass, 1976], сс. 670 и 1231). Этот перевод с санскрита не очевиден. "Шам" значит "счастье", но смысл термина "бхала" неясен, и вероятно происходит от малопонятного глагольного корня "бхал", который может означать "давать" (см. Sir Monier Monier-Williams, A Sanskrit-English Dictionary, new ed. [1899; переиздано: London: Oxford University Press, 1970], сс. 748 и 1054).

7. Ссылки на тексты калачакры, касающиеся медицины вообще и оспы в частности см. в английском предисловии Рагху Виры и Локеша Чандры к Калачакра-тантре (Raghu Vira and Lokesh Candrs, eds. Kalacakra-Tantra and Other Texts. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1966), ч. I, с. 12. Об астрологии и хронологии см. Robert Bleichsteiner, L'Eglise jaune, trans. J. Marty (Paris: Payot, 1950), сс. 249-61. Об упоминании алхимии и использования сил природы см. английское введение Сонама Казы, Sonam Kazi, ed. Encyclopedia Tibetica: The Collected Works of Bo-dong pan-chen Phyogs-les rnam-rgyal (New Delhi: Tibet House, 1969), Vol. 2.

8. В основном взято из бесед с бонским ламой Тензином Намдаком. О боне и Олмолунгринге см. Samten G. Karmay, ed. and trans., The Treasury of Good Sayings: A Tibetan History of Bon (London: Oxford University Press, 1972), сс. xxvii-xxxi, 15-26; id., "A General Introduction to the History and Doctrines of Bon," Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, No. 33 (1975), сс. 171-76; David L. Snellgrove, ed. and trans., The Nine Ways of Bon (London: Oxford University Press, 1967). с. 14 и иллюстрация XXII. (Об учении бон и его основателе Шенрабе также см. книгу Тензина Вангьяла "Чудеса естественного ума" — прим. пер.)

9. Helmut Hoffmann, The Religions of Tibet, trans. E. Fitzgerald (New York: The Macmillan Company, 1961), с. 126.

10. О Чилупе (Цилупе) см Ю. Перих, "К изучению Калачакры" — Georges de Roerich, "Studies in the Kalacakra," Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum 2 (1931): 18-19. О

проникновении калачакры в Индию, см. напр., Hoffmann, Religions of Tibet, сс. 126-29.

11. Sarat Chandra Das, Journey to Lhasa and Central Tibet (London: John Murray, 1902), с. 181.

12. О Доржиеве и "большой игре" см. Sir Charles Bell, Tibet: Past and Present (Oxford: Clarendon, 1924), сс. 62-63. Грюнведель упоминает книгу, прослеживающую династию Романовых к Шамбале в "Der Weg nach Sambhala", с. 4.

13. Песня в передаче Ю. Периха — George N. Roerich, Trails to Inmost Asia (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1931). с. 157. Цит. по С. R. Bawden, The Modern History of Mongolia (New York: Frederick A. Praeger, 1968), сс. 262-63. Ханаманд — генерал, который будет помогать Рудрачакрину, будущему царю Шамбалы, в последней битве против варваров. См. главы 10.

14. См. G. Roerich, "Studies in the Kalacakra," сс. 15-16.

15. См. M. Hue, Recollections of a Journey Through Tartary, Thibet, and China, trans. P. Smith (New York: D. Appleton Company, 1866), сс. 162-64.

16. Цитируется в John MacGregor, Tibet: A Chronicle of Exploration (New York: Praeger Publishers, 1970), с. 60. В интервью газете "Нью-Йорк таймс" за 26 июля 1936 г., ч. IX, с. 3, Хилтон сказал, что позаимствовал большинство тибетского материала из Библиотеки Британского Музея, особенно у Гюка. Я безуспешно пытался выяснить, слышал ли он о Шамбале. В указанном интервью она точно не упоминается.

17. Alexander Csoma de Koros, "Note on the Origin of the Kala-Chakra and Adi-Buddha Systems," Journal of the Asiatic Society of Bengal (Журнал Азиатского общества Бенгалии, сокращённо JASB) 2, No. 14 (1833), с. 57. Переводы Лауфера и Грюнведеля см. выше в прим. 4.

18. Николай Перих, "Шамбала" — Nicholas Roerich, Shambhala (New York: Frederick A. Stokes, 1930).

19. Речь Фрэнсис Грант о Пакте Периха и Знамени Мира (New York: The Roerich Pact and Banner of Peace Committee, 1947), с. 6. Эта публикация также включает черновик Пакта, копии газетных вырезок о его подписании, и пр.

20. Newsweek (March 22, 1948), с. 28. Об Уоллесе, Перихе и "письмах к

гуру" см. эту статью и Arthur M. Schlesinger, Jr., *The Coming of the New Deal* (Boston, Mass.: Houghton Mifflin Company, 1959), сс. 31-34. Два из писем к гуру, опубликованных Пеглером, упоминают Шамбалу (Westbrook Pegler, "As Pegler Sees It," *New York Journal-American* [Mar. 10 and 12, 1948]). Уоллис отрицал, что писал их, но Шлезингер, похоже, считает, что они подлинные.

21. Переведено из молитвы, написанной Blo bzang dpal ldan ye shes, обычно упоминаемой как Sham bha la'i smon lam (далее цитируется под этим названием), цитируемой ламой Klong rdol bla ma в "Tibetan Buddhist Studies" 1:150-51.

22. K'am-triil Rinpoche, "Geography and History of Shambhala," с. 11.

23. Замечание геше Рабтэна. Х. Адамс Картер рассказал мне эту историю об англо-американской экспедиции к Нанда Дэви, в которой он участвовал в 1936 г.

24. Из Jacques Bacot, *Introduction & l'histoire du Tibet* (Paris: Societe Asiatique, 1962), с. 92 и далее.

К главе 2

1. Подробности см. в главе 10.

2. Srid pa (тиб.) означает "возможное существование".

3. Более подробное описание мистической географии см. в "Тибетской книге мёртвых" под ред. Эванса-Венца — W. Y. Evans-Wentz, ed.. *The Tibetan Book of the Dead*, 2nd ed. (New York: Oxford University Press, 1968), сс. 61-66. Южный континент Джамбудвипа в действительности имеет почти треугольную форму, с отрезанным нижним углом. О Меру как об Алтае см. R. G. Harshe, "Mount Meru: The Homeland of the Aryans," *Vishveshvaranand Indological Journal* 2, ч. I (март 1964), с. 140.

4. Btsan po no mun ban в своей географии, 'Dzam gling rgyas bshad — см. Turrell V. Wylie, "Was Christopher Columbus from Shambhala?" *Bulletin of the Institute of China Border Area Studies*, No. 1 (июль 1970), сс. 26 and 31.

5. О том, что говорил Сакья Пандита (Sa skya pandi ta kun dga' rgyal mtshan) о Шамбале, см. Sdom pa gsum gyi rab tu dbye ba в *Bsod-nams rgya-mtsho*, ed.. *The Complete Works of the Great Masters of the Sa Skya*

Sect of the Tibetan Buddhism (Токуо: Тоуо Вунко, 1968) 5:312. Согласно Btsan po no mun ban, Третий Панчен-лама хотел оставить маршрут в Шамбалу неясным (Wylie, "Christopher Columbus," с. 28).

6. См. главу 8 о путеводителях в Шамбалу.

7. О шести зонах см. R. A. Stein, *Recherches sur l'epopee et le barde au Tibet* (Paris: Presses Universitaires de France, 1959), с. 309, прим. 85. Klong rdol bla ma цитирует источники, помещающие Шамбалу в Большом Китае (Sham bha lai zhing bkod, *Tibetan Buddhist Studies* 1:128); Третий Панчен-лама помещает её в Кайласе, Стране Снегов (Sham bha la'i lam yig, fol. 42a). Об Аюши см. Stein, *Le Barde au Tibet*, с. 309, прим. 83. Ekai Kawaguchi, *Three Years in Tibet* (Benares and London: Theosophical Publishing House, 1909), сс. 499 и далее.

8. Hoffmann, *Religions of Tibet*, с. 125. Sir Charles Eliot, *Hinduism and Buddhism, an Historical Sketch* (London: Edward Arnold, 1921) 3:386.

9. Об именах Иисуса и прочих см. Helmut Hoffmann, "Kalacakra Studies I: Manichaeism, Christianity, and Islam in the Kalacakra Tantra", *Central Asiatic Journal* 13, No. 1 (1969), сс. 56 и далее. О числовом символизме, общем у манихейства и калачакры, см. там же: *Religions of Tibet*, с. 52.

10. Об уйгурах и царстве Хочо (Khocho) см. Denis Sinor, *Inner Asia: History, Civilization, Languages; a Syllabus* (Bloomington: Indiana University Press, 1969), сс. 118 и далее.

11. Бертольд Лауфер и Поль Пеллио помещали Шамбалу в Таримскую котловину возле Хотана (Laufer, "Zur buddhistischen Litteratur", сс. 403-4; Paul Pelliot, "Quelques transcriptions apparentees a Cambhala dans les textes chinois", *T'oung Pao* 20, No. 2 [март 1920-21], с. 74, прим. 2). О хотанской традиции см. Kshanika Saha, *Buddhism and Buddhist Literature in Central Asia* (Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, 1970). с. 5. О легенде о Шакья Шамбхе см. примечание 1 к главе 10.

12. Заключение Хельмута Хофмана были переданы им в личной переписке. О локализации Олмолунгринга см. главу 4.

13. См. Edgar Knobloch, *Beyond the Oxus: Archaeology, Art, and Architecture of Central Asia* (London: Ernest Benn, 1972), с. 54, о согдийской колонии в Баласагуне.

14. О Шамбале как о Бактрии см. Sarat Chandra Das, *A Tibetan-*

English Dictionary, with Sanskrit Synonyms, rev. and ed. G. Sandberg and A. W. Heyde (переиздано: Delhi: Motilal Banarsidass, 1976), с. 1231. О дискуссии о Кушанском царстве и буддийском искусстве см. Tamara T. Rice, *Ancient Arts of Central Asia* (New York: Frederick A. Praeger, 1965), сс. 140. Об уйгурских развалинах к северу от Тянь-Шаня см. там же, с. 195. Покойный Сёун Тоганоо из Кюясанского университета считал, что Шамбала была в Кашмире или Уддияне, согласно его сыну, Сёдзуи Тоганоо.

15. См. Aurel Stein, *On Ancient Central-Asian Tracks* (Chicago: University of Chicago Press, Phoenix Books, 1974), сс. 278-82.

16. См. *Encyclopaedia Britannica*, 14е издание, на "Thug" и "Assassin"; а также Arkon Daraul, *A History of Secret Societies* (New York: Citadel Press, 1961).

17. См. Thomas Atkins and John Baxter, *The Fire Came By* (Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, 1976).

К главе 3

1. Sbas yul mkhan pa lung gi lam yig (неполная рукопись без указания автора, 31 листов.), л. 31 (далее цитируется как Lamyig A). В следующих цитатах оттуда в этом разделе главы я опустил ссылки на номера листов.

2. Padma gling pa, gter ston (открыватель), Sbas yul mkhan pa lung gi gnas yig dang lam yig bcas (скопировано с текста (35 листов), хранящегося в монастыре Gsang sngags chos gling в Бутане, за что выражаю благодарность Э. Джин Смитту (E. Gene Smith), лист. 12b (далее цитируется как Lamyig B). Этот текст не упоминает дороги в Кхембалунг из Кхумбу. Йохан Райнхард опубликовал тексты и переводы двух других путеводителей в Кхембалунг, которые описывают этот путь подобно Lamyig A (Johan Reinhard, "Khembalung: The Hidden Valley", *Kailash* 6, No. 1 [1978], сс. 15-35). В своей статье Райнхард описывает предпринятую им в 1977 г. экспедицию к пещере у южного входа в Кхембалунг, вероятно той, которой пытался достичь Олеше, когда встретился с йети. Сама скрытая долина, похоже, лежит к северу от этой пещеры, в области, куда я ходил в апреле 1976 г. Моими спутниками были Кент Оби и четыре шерпа из Кхумбу. Мы нашли следы оснований временных хижин, которые свидетельствуют, что местное население приходит сюда пасти животных в период летнего сезона дождей. Кроме статьи Райнхарда о Кхембалунге

опубликовано очень мало (см. Alexander W. Macdonald, "The Lama and the General", *Kailash* 1, No. 3 [1973] с. 232, прим. 28).

3. Lamyig A, л. 27. Lamyig B, л. 30а. Линг Гэсар — герой тибетского национального эпоса, см. главу 4.

4. Lamyig A, л. 29.

5. Lamyig B, л. 33а.

6. Eva M. Dargyay, *The Rise of Esoteric Buddhism in Tibet* (Delhi: Motilal Banarsidass, 1977). сс. 62-67. Она описывает традицию скрытых сокровищ (терма, *gter ma*) и их открывателей (тертонов, *gter ston*). Ламы используют Бардо Тхёдол (*Bar do thos rdol*, см. "Тибетскую книгу мёртвых" в переводе Эванса-Венца) чтобы сопровождать умерших к хорошему перевоплощению или нирване. См. главу 7.

7. Lamyig A, л. 6. Lamyig B, л. 18а.

8. Переработано из перевода Падмы Тханьига (*Padma thang yig*), см. Dargyay, *Esoteric Buddhism*, с. 147, и Gustave-Charles Toussaint, trans., *Le Diet de Padma* (Paris: Ernest Leroux, 1933), с. 387. Падма Тханьиг использовался как основной источник в связи с пророчествами о тертонах, открывателях скрытых сокровищ.

9. Lamyig B, л. 32а.

10. В транслитерации — *sbas yul 'bras mo ljongs*. Эта история Сиккима взята из беседы с Кхемпо Цонду. Дальнейшую информацию о Ригдзине Годэме (*Rig 'dzin rgod ldem*) и Намкха Джигме (*Nam mkha' 'jigs med*), см. Dargyay, *Esoteric Buddhism*, сс. 129-32, 166-69.

11. Пемако (*Padma bkod*) значит "лотосовый образ." О Сангье Тхомэ см. Jacques Bacot, *Le Tibet revolte: Vers Nеремако, la terre promise des Tibetains* (Paris: Hachette, 1912), сс. 10-12. Жак Бако упоминает Пемако как Неремако (место Пемако).

12. Согласно Дэвиду Лихтеру, кхемба (*mkhan pa*) — это *Artemisia vulgaris*, или полынь. Тибетцы используют это растение для благовоний. Лунг означает долину. Отчёт о Къимолунге (*Skyid mo lung*) см. у Michael Aris, "Report on the University of California Expedition to Kutang and Nubri in Northern Nepal in Autumn 1973", *Contributions to Nepalese Studies* 2, No. 2 (июнь 1975) сс. 56-66.

13. Это сообщил мне Чопе Церинг.

14. Это сообщил мне Сангье Дава.
15. Это сообщил мне Дуджом Кхачопа ринпоче из Сиккима.
16. Witter Bynner, trans., *The Jade Mountain: An Anthology* (Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1964), сс. 166-67.

К главе 4

1. Источники см. в прим. 7 к главе 1.
2. Stein, *Le Barde au Tibet*, представляет собой подробное исследование эпоса о Гэсаре. О видении коня Гэсара *Thub bstan 'jam dbyangs grags pa's* см. там же., *L'dropee tibetaine de Gesar dans sa version lamaïque de Ling* (Paris: Presses Universitaires de France, 1956), сс. 12-14. Александра Давид-Неэль тоже описывает эпос о Гэсаре и его связь с Шамбалой, см. *The Superhuman Life of Gesar of Ling* (New York: Claude Kendall, 1934), сс. 47-49.
3. Из Вишну Пураны 4.24 в переводе Х. Уилсона. H. H. Wilson, trans., *The Vishnu Purana: A System of Hindu Mythology and Tradition*, ed. F. Hall (London: Triibner & Company, 1868) 4:225-27.
4. Там же, с. 229, перевод адаптирован.
5. О санскритском упоминании Рудрачакрина как Калки см. *Vira and Chandra, Kalacakra-Tantra and Other Texts*, ч. 1, с. 339, *Klong rdol bla ma* упоминает царей Шамбалы с именами воплощений (санскр. аватара) Вишну в *Sham bha lai zhing bkod*, *Tibetan Buddhist Studies* 1:134-35.
6. Краткое изложение Калки Пураны см. R. C. Hazra, *Studies in the Urapuranas*, *Calcutta Sanskrit College Research Series*, No. 2 (Calcutta, 1958) 1:303-8.
7. Два самых известных рая бессмертных — это дворец Си-ванму и остров Пэн Лай (см. E. T. C. Werner, *A Dictionary of Chinese Mythology* [Shanghai: Kelly and Walsh, 1932], сс. 163-64, 234, 372). О подземных раях см. Wolfgang Bauer, *China and the Search for Happiness*, trans. M. Shaw (New York: Seabury Press, 1976), сс. 189 и далее.
8. Перевод см. в Homer H. Dubs, "An Ancient Chinese Mystery Cult", *Harvard Theological Review* 35, No. 4 (Oct. 1942), с. 231.
9. См. Arthur Waley, trans., *Monkey* (New York: Grove Press, Evergreen

Books, 1958), Чаp. 5.

10. О путешествии императора Му см. Bauer, *Search for Happiness*, с. 95. Об У Ти и Си-ванму см. Werner, *Dictionary of Chinese Mythology*, с. 163, и Dubs, "Ancient Chinese Mystery Cult", с. 234, прим. 43.

11. См. Bauer, *Search for Happiness*, с. 95.

12. S. Hedin, *My Life as an Explorer*, с. 121.

13. См. Н. К. Рерих, "Сердце Азии". Nicholas Roerich, *The Heart of Asia*. (New York; Roerich Museum Press, 1929), сс. 136-38.

14. Махабхарата 6.8, переложение из перевода пратапа Чандры Роя. Pratap Chandra Roy, trans., *The Mahabharata of Krishna-Dwaipayana Vyasa*, n. ed. (Calcutta: Datta Bose & Co., 1925) 4:18 (указано как Mahabharata 6.7).

15. См. Harshe, "Mount Meru," с. 140; Buddha Prakash, "Uttarakuru," *Bulletin of Tibetology* 2, No. 1 (1965), с. 28; Nirmal C. Sinha, "Notes and Topics," *Bulletin of Tibetology* 2, No. 1 (1965), сс. 35-36; Shyam Narain Pande, "Identification of the Ancient Land of Uttarakuru", *The Journal of the Ganganatha Jha Research Institute* 26, ч. 1-3 (1970), сс. 725-27.

16. Путеводитель из Рамаыны, 4.42, перевод см. в Hari Prasad Shastri, *The Ramayana of Valmiki* (London: Shanti Sadan, 1957) 2:282-85 (указано как Ramayana 4.43). Путешествие Арджуны и невидимость Уттаракuru упоминаются в Махабхарате 2.25, см. J. A. B. van Buitenen, trans. and ed. *The Mahabharata* (Chicago: University of Chicago Press, 1975) 2:79-80.

17. О скифском мифе см. G. M. Bongard-Levin, *Studies in Ancient India and Central Asia, Soviet Indology Series, Indian Studies*, No. 7 (Calcutta, 1971), сс. 55-58.

18. О гиперборейцах и Персее см. Edith Hamilton, *Mythology* (New York: Mentor, 1969), сс. 68 and 145.

19. N. K. Sandars, *The Epic of Gilgamesh*, rev. ed. (Baltimore, Md.: Penguin Books, 1975), сс. 103-4.

20. Весьма полная версия легенды о Персевале и поиске св. Грааля приводится в Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, trans. H. M. Mustard and C. E. Passage (New York: Vintage Books, 1961).

21. Третий Панчен-лама, Sham bha la'i smon lam в Klong rdol bla ma,

Tibetan Buddhist Studies 1:150.

22. Dante Alighieri, *The Purgatorio* trans. J. Ciardi (New York: Mentor, 1961), с. 279.

23. *Encyclopaedia Britannica*, 14th ed., s.v. "Mahdi" and "Eschatology."

24. Цитировано в Mircea Eliade, *The Quest: History and Meaning in Religion* (Chicago: University of Chicago Press, Phoenix Books, 1975), с. 91. О земном рае, открытии и колонизации Америки, а также об эволюции мифа о прогрессе см. там же, сс. 88-101.

25. Thomas More, *Utopia*, trans. P. Turner (Baltimore, Md.: Penguin Books, 1975).

К главе 5

Значительная часть этой главы основывается на беседах с разными ламами, такими как Чопгье Тричен ринпоче, Кхемпо Норьянг, Кхемпо Цонду, Кунга Ринаоче, Намгьял Вангчен, Сакья Тризин и Самдонг ринпоче. Я пытался передать общее впечатление о тибетской философии и медитации, но в действительности есть много разных школ мысли с противоречащими воззрениями. Для получения информации о буддизме вообще и тибетском буддизме в частности, читатель может навести справки в следующей литературе на английском языке:

John Blofeld, *The Tantric Mysticism of Tibet* (New York: Dutton Paperback, 1970); Garma C. C. Chang, trans. and annot., *Teachings of Tibetan Yoga* (New Hyde Park, New York; University Books, 1963) and *The Practice of Zen* (New York: Harper & Row, Perennial Library, 1970); Edward Conze, *Buddhism: Its Essence and Development* (New York: Harper & Row Torchbooks, 1959); W. Y. Evans-Wentz, ed. *Tibetan Yoga and Secret Doctrines*, 2nd ed. (New York: Oxford University Press, Galaxy, 1970); Lama Anagarika Govinda, *Foundations of Tibetan Mysticism* (New York: Samuel Weiser, 1973); Helmut Hoffmann, *The Religions of Tibet*, trans. E. Fitzgerald (New York: The Macmillan Company, 1961); Lama Kunga Rimpoché and Brian Cuttillo, trans., *Drinking the Mountain Stream* (New York: Lotsawa, 1978); R. A. Stein, *Tibetan Civilization*, trans. J. E. Stapleton Driver (London: Faber & Faber, 1972). (Книги Гарма Ч. Чанга "Учения тибетской йоги" и У. Эванса-Венца "Тибетская йога и тайные учения" имеются на русском языке — прим. пер.)

1. Школа мадхьямика (срединный путь), которая делает упор на пустотность всех явлений.

2. Из "Песни махамудры" Тилопы, перевод см. у Г. Чанга в "Учениях тибетской йоги". Chang, Teachings of Tibetan Yoga, с. 26. Санскритский термин для пустоты — шуньята.

3. Идею о более глубоких уровнях ума я взял из бесед с Самдонгом ринпоче. Такой взгляд на ум хорошо вписывается в объяснение тибетского буддизма и интерпретацию Шамбалы, даваемую в следующей главе, но это лишь манера говорить, и его нельзя понимать слишком буквально. Тибетский термин, употреблённый Самдонгом ринпоче для самого внутреннего ума — gnyugs sems.

4. См. Klong rdol bla ma, Rgyal ba tsong kha pa'i lugs dang mthun pa rnam phyogs gcig tu btus pa'i dpal dus kyi 'Khor lo'i ming gi rnam grangs (далее цитируется как Dus 'khor ming gi rnam grangs) в Tibetan Buddhist Studies 1:162.

5. Из перевода Чакрасамвара-тантры, цитированной у Эванс-Венца, "Тибетская йога и тайные учения" (Evans-Wentz, Tibetan Yoga and Secret Doctrines, с. 45.)

6. Большая часть этого раздела о калачакре основана на беседах с ламами, уже упомянутыми выше в примечании к этой главе. а западных языках о калачакре написано очень мало. Краткое изложение учение, сосредоточенное на самом посвящении, см. в Ngawang Dhargyey, "An Introduction to and Outline of the Kalacakra Initiation," trans. Sherpa Tulku, A. Berzin, and J. Landaw, The Tibet Journal 1. No. 1 (1975). сс. 72-77. Калачакра обсуждается и в следующих работах: Английское введение Марио Карелли в Mario E. Carelli, ed., Sekoddesatika of Nadapada (Naropa) (Baroda: Oriental Institute, 1941); Shashi Bhushan Dasgupta, An Introduction to Tantric Buddhism (Berkeley, Calif.: Shambhala Publications, 1974) сс. 64-69; Hoffmann, Religions of Tibet, сс. 33-34, 123 и далее, и "Kalacakra Studies I", сс. 52-75; and Roerich, "Studies in the Kalacakra," сс. 11-22. Одно из самых ясных и простых объяснения калачакры на тибетском языке имеется в Klong rdol bla ma. Sham bha la'i zhing bkod and Dus 'khor ming gi rnam grangs, в Tibetan Buddhist Studies 1:125-81.

7. Я перевёл слово "бодхичитта" (ум или мысль просветления) как импульс к просветлению, чтобы указать, что это нечто более активное и побуждающее, нежели просто мысль. Белая и красная капли мужского семени и женской крови, символизирующие бодхичитту в тантрическом буддизме, называются на санскрите "бинду", а по-

тибетски "тигле" (thig le).

К главе 6

Рассуждения о символах и интерпретация Шамбалы — мои собственные. Частично, однако, эта интерпретация основана на разговорах с разными ламами.

1. Из "Auguries of Innocence" Уильяма Блэйка в *The Poetry and Prose of William Blake*, ed. D. V. Erdman, rev. ed. (Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, 1968), с. 481.

2. У термина "дхарма", применённого в выражении "дхармачакра", много значений. В данном контексте, говоря о буддийском учении, его часто переводят как "закон". Я использовал слово "истина", чтобы указать, что он означает учение об истинной природе реальности.

3. Мундака Упанишада. Swami Prabhavananda and Frederick Manchester, trans., *The Upanishads: Breath of the Eternal* (New York: Mentor, 1957), с. 46.

4. Этот рисунок основан на наброске, сделанном Кхемпо Норьянгом. Диаграмма из тибетского медицинского текста показывает как пять видов чувственного сознания проводятся одним из четырёх каналов, исходящих из сердечного центра. Пятый канал на этой диаграмме, очевидно, соответствует центральному, который содержит самый внутренний ум, обозначенный здесь как *yid bzang ma rnam shes* (сознание благого ума). (Rechung Rinpoche Jampal Kunzang, trans., *Tibetan Medicine* [Berkeley, Calif.: University of California Press, 1973], илл. 3).

5. Из *Sham bha lar skye ba'i smon lam rig 'dzin grong du bgrod pa'i them skas zhes bya ba* в *Собрании Трудов (Csun 'Bum) Blo-bzan-dam-chos-rgya-mtsho. Ron-tha Che-tshan Sprul-sku*, воспроизведено Нгавангом Сопой (New Delhi: Ngawang Sopa, 1975) 6:467.

6. См. прим. 22 к главе 4.

7. Третий Панчен-лама, *Sham hha la'i lam yig*, л. 42b. Laufer, "Zur buddhistischen Litteratur," с. 407.

8. *Klong rdol bla ma*, *Sham bha la'i zhing bkod*, *Tibetan Buddhist Studies* 1:132; там же, с. 129.

9. Rin sprungs pa'i pho nya, с. 52; там же.
10. Klong rdol bla ma, цит. соч., с. 132; там же.
11. Там же, с. 131.

К главе 7

1. См. Эванс-Венц, "Тибетская книга мёртвых" (Evans-Wentz, Tibetan Book of the Dead).
2. См. ниже прим. 3.
3. О йоге переноса сознания, тиб. пхова ('pho ba) и её опасностях см. Эванс-Венц "Тибетская йога и тайные учения" (Evans-Wentz, Tibetan Yoga and Secret Doctrines, сс. 253-59)
4. Пересказ из перевода "Введения в глубинный путь шести йог Наропы — краткого изложения Драши Намджхала (См. Г. Чанг, "Учения тибетской йоги, ч. II). (The Epitome of an Introduction to the Profound Path of the Six Yogas of Naropa" by Drashi Namjhal in Chang, Teachings of Tibetan Yoga, с. 33.) Индра — царь богов. Амитабха и Вайрочана — будды.
5. Эти история Душепы (тиб. Dus zhabs pa; санскр. Калачакрапада) основана на версии, изложенной у Ю. Рериха в "К изучению калачакры" и изложения Чопгье Тричена ринпоче, взятого из Bu ston.
6. История рассказана мне Гардже Кхамтрулом ринпоче.
7. Рассуждения о шаманизме и роли коня в мистических полётах см. Mircea Eliade, Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy, trans. W. R. Trask (Princeton, N.J.: Princeton/Bollingen, 1972), особенно сс. 467-70.
8. История рассказана мне Лхакпой Дролми из Джунбеси.
9. История рассказана мне Цетаном Гьюрме.
10. Перевод и редакция Чопхела Намгьяла с моим участием.
11. Пересказ из перевода Ugyan gu ru radma 'byung gnas gyi rnam thar в "Тибетской книге великого освобождения" под ред. У. Эванса-Венца. (W. Y. Evans-Wentz, ed. The Tibetan Book of the Great Liberation. New York: Oxford University Press, Galaxy, 1969, с. 132-33.

12. Санскритские термины для этих тел — нирманакая, самбхогакая и дхармакая.

К главе 8

1. Laufer, "Zur buddhistischen Litteratur," сс. 404-7; the Third Panchen Lama, Sham bha la'i lam yig (Tibetan text and German trans. in Griinwedel, Der Weg nach Sambhala), Kalapavatara (Тб. Ka la par 'jug pa), trans. Taranatha in The Tibetan Tripitaka, Peking Edition, ed. D. T. Suzuki (Tokyo-Kyoto: Tibetan Tripitaka Research Institute, 1957) 149:159-65; Rin sprungs pa'i pho nya. Полные ссылки см в прим. 4 к главе 1.

2. Третий Панчен-лама, Sham bha la'i lam yig, л. 34а.

3. Laufer, "Zur buddhistischen Litteratur," сс. 404-5, пер. с нем. Йоланды Герритсен под моей редакцией.

4. Там же, с. 406. О народах "хор" and "согпо" см. Stein, Tibetan Civilization, с. 34. Со временем народы, упоминаемые по этими названиями, менялись.

5. См. прим. 5 к главе 2.

6. Согласно Хельмуту Хоффману (из личной переписки с ним), Арья Амогханкуша (тиб. 'Phags pa don yod lcags kyus) может быть формой Авалокитешвары. О сне Таранатхи см. Stein, Le Barde au Tibet, с. 277.

7. Следующее представляет собой наш совместный перевод с ламой Кунга ринпоче. Я упростил транслитерацию, суммировал первый раздел текста, сделал более ясными туманные выражения и опустил некоторые детали, такие как некоторые географические названия и читаемые мантры. В остальном перевод довольно близко следует оригиналу.

8. В описании маршрута в Уттаракуру из Рамааны (см. прим. 16 к главе 4) упоминается гора Майнака с женщиной с лошадиной мордой. За ней лежит река Шайлода, которую можно преодолеть, подобно Сатвалотане в этом тексте, при помощи ветвей — в данном случае бамбука.

9. Текст даёт длинный список географических названий, которые я опустил.

10. Легендарные существа — это киннары (тиб. *mia'm ci*).
11. Этот пересказ основан на подробных изложениях и объяснениях текста, данных Чопгье Триченом ринпоче и ламой Кунга ринпоче. Нгор Тхарце Кхен ринпоче (Сонам Гьяцо) тоже помог объяснить некоторые трудные моменты. Само путешествие занимает сс. 22-50 текста.
12. Здесь в тексте использованы метафоры, которые очень трудно передать. Согласно Тхарце Кхен ринпоче, Ринпугпа визуализирует фигуру, представляющую собой разновидность йога (*Rin sprungs pai rho* нуа, с. 21).
13. Сам текст не называет эту реку Ситой, но её местоположение и примечание в рукописи указывают на это (там же, с. 42).
14. Это киннары, те же легендарные существа, что упомянуты и в Калапааватаре (см. выше прим. 10).

К главе 9

1. Из Ланкааватара-сутры, 157, цит. по. Edward Conze et al., eds. and trans., *Buddhist Texts Through the Ages* (New York: Harper & Row Torchbooks, 1964), с. 214. Из "Молитвы махамудры" Кармапы Рангджанга Дордже в "Учениях тибетской йоги" Г. Чанга, ч. I (Chang, *Teachings of Tibetan Yoga*, с. 35.)
2. Относительно легенды о Ямантаке см. лама Анагарика Говинда, "Путь белых облаков". *Lama Anagarika Govinda, The Way of the White Clouds* (Berkeley, Calif.: Shambhala Publications, 1970), с. 249.
3. Описание йоги тепла (тиб. *gtum mo*) см. "Шесть йог Наропы" в изложении Драши Намджхала у Г. Чанга, "Учения тибетской йоги", ч. II. Далее там описана визуализация, подобная выполненной Ринпунгпой: "..можно применить Мудру Матери-Мудрости, когда визуализируется сексуальный акт с дакини при одновременном использовании дыхания для разжигания огня думо, растапливания белой тигле и так далее." (там же, с. 68). Белое тигле (тиб. *thig le*; санскр. бинду) — капля семени, символизирующая импульс к просветлению, соответствует мистическому слогу, который растворяется в визуализации Ринпунгпы.
4. В калачакре и других высших тантрах есть два основных этапа медитации, известные как стадия порождения (санскр. *utpannakrama*,

тиб. *bskyed rim*) и стадия завершения (санскр. *сампаннакрама*, тиб. *rdzogs rim*). На первой йог овладевает визуализацией божеств и прочим; на второй он переходит к окончательному осознанию пустоты. Об этих стадиях см. Stein, *Tibetan Civilization*, сс. 180 и далее.

К главе 10

1. Stag tshang lo tsa ba shes rab rin chen рассказывает эту историю и отождествляет Шакья Шамбху с отцом Сучандры в *Dus 'khor sru'i don bstan pa'i rgya mtsho*, изданной Траянгом и Джамьянгом Самтэном (Trayang and Jamyang Samten. New Delhi, 1973). с 295-96. Третий лай-Далама оспаривает это отождествление в *Sham bha la'i lam yig*, л. 47b.

2. Похоже, текст коренной тантры калачакры (Калачакра-мула-тантра) не сохранился. То, что мы называем основным текстом, *Parama-adibuddhoddhrita-sri-kalacakra-nama-tantraraja*, trans. Somanatha and Ses-rab grags-pa in *The Tibetan Tripitaka*, Peking Edition, ed. D. T. Suzuki (Токио-Киото: Tibetan Tripitaka Research Institute, 1955) 1:127-74 — по-видимому, лишь сокращённая версия основного текста, записанного Сучандрой.

3. См. Sarat Chandra Das, *Contributions on the Religion and History of Tibet* (New Delhi: Manjusri Publishing House, 1970), с. 82.

4. Из *Sham bha la'i lam yig* Третьего Панчен-ламы, лл. 45а-46а. Пачен-лама, по-видимому, взял историю из Вималапрабхи (см. ниже прим. 5). Английский пересказ этой истории см. в Biswanath Bandyopadhyaya, "A Note on the Kalacakratantra and its Commentary", *Journal of the Asiatic Society, Letters* 18, No. 2 (1952), сс. 74-75, где Манджушрикirti назван Яшас.

5. Полностью Вималапрабху см. *Vimalaprabha-nama-mulatantranusarini-dvadasasahasrika-laghukalacakra-tantraraja-tika*, trans. Somanatha and Ses-rab grags in *The Tibetan Tripitaka*, Peking Edition, ed. D. T. Suzuki (Токио-Киото: Tibetan Tripitaka Research Institute, 1958) 46:121-335. согласно *Klong rdol bla ma*, правления X и XI кулика-царей вместе составят 403 года (*Sham bha la'i zhing bkod*, *Tibetan Buddhist Studies* i: 134-35). Транслитерированный список семи религиозных и двадцати одного кулика-царей см. Vira and Chandra, *Kalacakra-Tantra and Other Texts*, Pt. 1, сс. 5-6.

6. См. Hoffmann, "Kalacakra Studies I", сс. 56-60. Согласно Хоффману, Авраам фигурирует там как Варахи, Моисей как Муса, Иисус как Иса,

а Мани как Шветавастрин (человек в белом одеянии).

7. Через монголов, манчжуров и влияние панчен-лама калачакра повлияла даже на Китай: один из главных ориентиров Пекина Пайта, белая ступа в тибетском стиле на холме над Запретным Городом, несёт на себе эмблему учения калачакры, "Десятку силы" (см. рис. 7). В Пекине также давали и великие посвящения калачакры.

8. Об Анируддхе (тиб. Ма 'gag pa) см. Hoffmann, *Religions of Tibet*, с. 125. О разных датировках смерти Будды см. Alexander Csoma de Koros, *A Grammar of the Tibetan Language in English* (Calcutta, 1834; repr. ed.. New York: Altai Press, Triad Beprints), сс. 199-201. (См. также статью Суббы Роу "Век смерти господина Будды" в сб. "Оккультная философия", с. 52 — прим. пер).

9. Klong rdol bla ma, Sham bha la'i zhing bkod, *Tibetan Buddhist Studies* 1:137.

10. Тибетские источники называют царя варваров Bu'is pa'i blo (детский интеллект) и Bu'ed pa'i blo gros (ум делания). Путаница, похоже, возникла, из-за искажённого санскритского имени, использованного в санскритском оригинале, Кринамти (см. Калачакратантрапараджа в Vira and Chandra, *Kalacakra-Tantra and Other Texts*, ч. 1, с. 339).

11. Пересказ из K'am-trul Rinpoche, "Geography and History of Shambhala", с. 10.

12. О версии места последней битвы согласно Панчен-ламе см. Sham bha la'i lam yig, л. 46. Версию Кхамтрула ринпоче см. K'am-trul Rinpoche, "Geography and History of Shambhala," с. 10. Согласно тибетскому переводу Калачакратантрапараджи, "на краю времени, из горы Кайласа, из города, устроенного богами придёт воинство Вселенского Царя [санскр. чакравартин, т.е. Рудрачакрин] ..." (Vira and Chandra, *Kalacakra-Tantra and Other Texts*, с. 96).

13. Из Вималапрабхи, цит. в Klong rdol bla ma, Sham bha la'i zhing bkod, *Tibetan Buddhist Studies* 1:138.

14. О настоятеле Бетинга ("царе" Rva sgreng) см. Stein, *Le Barde au Tibet*, с. 525. Пророчество о ламе из Амдо, Джамьянге Джепа, было рассказано мне Олеше (Гечунг Нгаванг Леше).

15. О золотом веке см. Sham bha la'i lam yig Третьего Панчен-ламы, л. 47a-b, and Klong rdol bla ma, Sham bha la'i zhing bkod, *Tibetan*

Buddhist Studies 1:139. Среди мудрецов, которые вернутся к жизни, будут Нагарджуна и Цонкапа — последний упомянут у Thubten Jigme Norbu, Colin M. Turnbull, Tibet (New York: Simon and Schuster, 1968), с. 344.

16. Имена царей, которые последуют за Рудрачакрином, см. Klong rdol bla ma, Dus 'khor ming gi rnam grangs, Tibetan Buddhist Studies i: 171. Klong rdol bla ma похоже, добавил трёх царей к обычному списку восьми тех, что следуют за Рудрачакрином. О росте и сокращении срока человеческой жизни см. Калачакратантрапараджа у Vira and Chandra, Kalacakra-Tantra and Other Texts, с. 98.

17. Есть разные версии пророчества о Майтрее. О Майтрее и тысяче будд см. E. Obermiller, trans., History of Buddhism (Chos-hbyung) by Bu-ston (Heidelberg, 1931; Suzuki Besearch Foundation, Beprint Series 5) ч. 1, сс. 90 и далее.

18. Norbu, Turnbull, Tibet, сс. 344-45.

К главе 11

1. Одним из лучших примеров этого является Откровение Иоанна в Новом Завете. Многие мифы имеют свой источник в реальных внешних событиях, таких как Троянская война. Это не исключает их происхождения из бессознательного — в подобных случаях мы можем предположить, что внутренний ум использовал исторические события как формы для изложения сути разных мифов, и именно поэтому память об этих событиях сохранилась в таких эпосах как Илиада и Махабхарата.

(С традиционной точки зрения внешние события с самого начала имеют внутренний смысл. Э. Кришнамачарья в "Трактате о ритуалах" поясняет: "История эволюции пространства в солнечную систему, а атома — в человека, это и есть те две великие драмы, или мистерии, что разыгрываются ритуалистом в его утончённых ритуальных пьесах. Даже те сюжеты, которые преимущественно историчны, представляются в полном соответствии явлениям вселенной. Они находят своё место в периодических явлениях, случающихся в природе, и заключены в книгах, называемых Пуранами. Нам же остаётся ознакомиться с природой упомянутых символов... Всё творение должно пониматься как мистерия, разыгрываемая Богом. И точно так же, как сценарий драмы существует ещё задолго до того, как её разыгрывают актёры, так и ритуал творения существует ещё до

того, как ритуалисты (будь то боги или люди) приступают к игре. — Прим. пер.)

Список иллюстраций

Если не указано иначе, все фотографии сделаны автором.

Карта

1. Центральная Азия и Индия (автор Джоан Колленбах).

Рисунки

1. Шамбала (рис. Мойры Хан)
2. Чилупа (рис. Мойры Хан, выполненный по R. Vira, L. Chandra, A New Tibeto-Mongol Pantheon).
3. Тибетская система мистической географии (диагр. Мойры Хан)
4. Мантра Ом мани падме хум (воспроизведено с разрешения Тибетского буддийского центра Эван Чоден)
5. Система каналов психической энергии (диагр. Мойры Хан)
6. Структура мандалы (диагр. Мойры Хан)
7. Десятка силы (воспроизведено с разрешения Тибетского буддийского центра Эван Чоден)
8. Божество Калачакра с супругой (рис. Мойры Хан, выполненный по R. Vira, L. Chandra, A New Tibeto-Mongol Pantheon).
9. Лотосная форма Шамбалы (рис. Мойры Хан)
10. Лотосная форма Шамбалы и каналы сердечного центра (диагр. Мойры Хан по наброску Кхемпо Норьянга)
11. Образ Шамбалы и глубинные уровни ума (диагр. Мойры Хан)
12. Душепа (рис. Мойры Хан, выполненный по R. Vira, L. Chandra, A New Tibeto-Mongol Pantheon.)
13. Сучандра, первый религиозный царь Шамбалы (рис. Мойры Хан, выполненный по R. Vira, L. Chandra, A New Tibeto-Mongol Pantheon.)

14. Манджушрикирти, первый царь Шамбала династии Кулика (рис. Мойры Хан, выполненный по R. Vira, L. Chandra, A New Tibeto-Mongol Pantheon).

15. Рудрачакрин, будущий царь Шамбалы (рис. Мойры Хан, выполненный по R. Vira, L. Chandra, A New Tibeto-Mongol Pantheon).

Иллюстрации

1. Царство Шамбалы (тибетская картина из музея Гиме, Париж)

2. Скрытая долина Кхембалунг

3. Монастырь Тенгбоче

4. Рудрачакрин в последней битве с варварами (деталь тибетской картины, музей Роуз Арт, университет Брандейс).

5. Сучандра, первый религиозный царь Шамбалы (тибетская или китайская картина, Музей Изящных Искусств, Бостон). Фото Сёдзуи Тоганоо.

6. Отшельник Олеше в своём ските.

7. Падмасамбхава (статуя, монастырь Тенгбоче).

8. Тулши ринпоче читает свой путеводитель в Кхембалунг.

9. Титульный лист путеводителя в Кхембалунг Тулши ринпоче.

10. Кангтега, заснеженная гора в виде седла.

11. Такмару, красная скала с ключом к Кхембалунгу.

12. Заснеженные горы над Кхембалунгом.

13. Река Персикового источника (китайская картина из Музея Азиатского Искусства в Сан-Франциско).

14. Олмолунгринг, бонский эквивалент Шамбалы (рис. Тензина Намдака, взят из David L. Shellgrove, "The Nine Ways of Bon").

15. Калки, будущее воплощение Вишну (индийская картина, Национальный Музей, Нью-Дели).

16. Дворец Бессмертных (китайская картина, Британский Музей,

Лондон).

17. Калачакра с супругой (тибетская картина из Музея Альберта и Виктории, Лондон).

18. Мандала калачакры (тибетская картина, монастырь Намгьял, Джхарамсала).

19. Гардже Кхамтрул ринпоче.

20. Путеводитель в Шамбалу (из Тибетского канона изд. Дерге, хранящегося в Восточно-азиатской библиотеке Калифорнийского университета в Беркли).

21. Белая тара, Спасительница (статуя, музей Роуз Арт, университет Брандейс).

22. Ваджрабхайрава, форма Ямантаки, победителя Владыки Смерти (тибетская картина из Музея Азиатского искусства в Сан-Франциско)

23. Манджушри, бодхисаттва мудрости (статуя из собрания Сонама Гьяцо, Нгор Тхарце Кхен ринпоче).

24. Авалокитешвара, бодхисаттва сострадания (статуя из собрания Сонама Гьяцо, Нгор Тхарце Кхен ринпоче).

25. Будда, проповедующий калачакру (тибетская или китайская картина, Музей Изящных Искусств, Бостон.)

СЛОВАРЬ

Имена и термины здесь даются в той же транскрипции, что и в тексте. Некоторые санскритские и тибетские и так даны в точной транслитерации, у других она даётся в скобках.

Авалокитешвара (санскр.). Бодхисаттва сострадания.

Бессознательное. Весь ум вне области, осознаваемой обычным сознанием. Состоит из подсознательного и сверхсознательного.

Бодхгая. Место в северной Индии, где Гаутама Будда достиг просветления.

Бодхисаттва (санскр.) 1) Тот, кто не входит в нирвану, чтобы помочь

другим достигнуть освобождения. 2) Просветлённое существо, являющееся воплощением какой-либо духовной способности, такой как мудрость или сострадание.

Божество-покровитель (тиб. *yi dam*). Визуализируемое божество, которое ведёт йога в его практике и обычно воплощает какой-либо аспект глубинного ума.

Бон (тиб.) Добуддийская религия Тибета.

Будда (санскр. *буддха*). 1) Пробуждённый или просветлённый — тот, кто полностью пробудился к истинной природе реальности. 2) При написании с заглавной буквы — Сиддхартха Гаутама, историческая личность. Достиг просветления и основал буддизм около 500 г. до н. э.

Ваджра (санскр.) Алмаз. Подобная молнии или алмазу субстанция, символизирующая нерушимую природу пустоты.

Ваджраяна (санскр.) Алмазный путь. Школа буддизма или этап практики, где используются самые быстрые из возможных средства достижения просветления.

Вишну (санскр.) Всевышний Бог индуизма в роли сохраняющего.

Восемь видов сознания (санскр. *виджняна*). Сознание зрения, слуха, запаха, вкуса, осязания, мыслей, "я", и прошлых впечатлений.

Гаутама. См. Будда.

Глубинный уровень ума. Слой ума за пределами обычного сознания, которому свойственна более чистая энергия и осознанность.

Глубокий ум., см. сверхсознание.

Гуру (санскр.) Духовный учитель.

Дакиня (санскр. *дакини*). Идущая по небу. Женское божество, вдохновляющее йога и помогающее ему в достижении просветления.

Джамбудвипа (санскр.) В мистической географии континент, лежащий к югу от горы Меру, обозначает Индию, Азию или всю Землю.

Дханьякатака (санскр.) Ступа в южной Индии, где Будда проповедовал Калачакра-тантру.

Изначальный Будда (санскр. *адибуддха*). Сущность всех будд и самой

вселенной.

Йог (санскр. йоги). Тот, кто практикует йогу.

Калапа (санскр.) Столица Шамбалы и местопребывание её царя.

Калачакра (санскр.) Колесо времени. Мистическое учение, хранящееся в Шамбале.

Калки (санскр.) Будущее воплощение Вишну. Согласно индуистской мифологии, он принесёт золотой век.

Карма (санскр.) Последствия мыслей и действий, формирующие судьбу и характер человека.

Кулика или Ригдэн (тиб. rigs ldan). Держатель каст. Титул второй династии царей Шамбалы.

Кхембалунг (тиб. mkhan pa lung). Скрытая долина возле горы Эверест.

Кхумбу. Область в Непале непосредственно к югу от Эвереста.

Лама (тиб. bla ma). Превосходный. Титул, прилагаемый к тибетскому монаху или духовному учителю, который обычно считается воплощением бодхисаттвы.

Майтрея (санскр.) Грядущий будда.

Мандала (санскр.) Мистический круг, используемый для медитации и посвящений.

Манджушри (санскр.) Бодхисаттва мудрости.

Манджушрикирти (санскр.), (тиб. 'jam dral grags pa). Первый представитель династии Кулика, объединивший все касты Шамбалы в единую алмазную касту).

Мантра (санскр.) Священный звук; слоги или слова, используемые в медитации.

Махаяна (санскр.) Великий путь. Школа буддизма или этап пути, где стремятся к освобождению всех существ.

Меру (санскр.) Согласно индуистской и буддийской мифологии — гора в центре мира или вселенной.

Нирвана (санскр.) Цель буддизма, неопределимое состояние вне

всяких страданий.

Ньингмапа (тиб. rnying ma pa). "Древние" — последователи старейшей школы тибетского буддизма, основанной Падмасамбхавой.

Олмолунгринг (тиб. ol mo lung ring). Место происхождения бона, мистическое царство, которое последователи этой религии равняют с Шамбалой.

Освобождение. Свобода от плена страстей и иллюзий.

Падмасамбхава, также известен как Гуру Ринпоче. Индийской йог, который в VIII в. принёс буддизм в Тибет, а также скрыл много сокровищ и долин.

Поверхностное сознание. Область, осознаваемая обычно, и включающая в себя сознательные мысли, чувства и восприятия повседневной жизни.

Подсознательное. Промежуточная область ума между поверхностным сознанием и сверхсознательным.

Посвящение (санскр. абхишека). Церемония или опыт, где передаётся мудрость и способности, а во многих случаях и допуск к практике мистического учения.

Просветление (санскр. бодхи). Пробуждение к истинной природе реальности.

Психический центр (санскр. чакра). Фокус в системе психической энергии, часто символизируемый колесом или лотосом.

Пустота (санскр. шуньята). Предельная природа всех вещей, лишённая всех свойств.

Рама (санскр.) Воплощение Вишну и герой индийского эпоса Рамаяна.

Ригдэн Драгпо, или Джапо (тиб. rigs ldan drag po). см. Рудрачакрин.

Ринпоче (тиб rin po che). Драгоценный. Титул воплощённого ламы.

Рудрачакрин (санскр.) (тиб. drag po 'khor lo can). Гневный с Колесом. Будущий царь Шамбалы, который победит силы зла и установит золотой век.

Самый внутренний ум. Самый глубокий и чистый уровень ума, способный переживать истинную природу реальности.

Сверхсознательное. Чистая область глубинных уровней ума вместе с самым внутренним умом.

Сита (санскр.) Главная река на пути в Шамбалу, предположительно отождествляемая с Таримом или Сырдарьей.

Скрытая долина (тиб. sbas yul) Страна, скрытая (обычно Падмасамбхавой), в качестве святилища для медитации, часто полная богатств (терма, тиб. gter ma).

Ступа (санскр.) Священная насыпь или монумент для помещения буддийских реликвий.

Сучандра (санскр.) (тиб. zla ba bzang po). Благая Луна. Первый религиозный царь Шамбалы, который получил от Будды учения калачакры.

Танджур, или Тенгьюр (тиб. bstan 'gyur). Вторая часть тибетского канона, содержащая 225 томов комментариев на буддийские учения.

Тантра. Учение или система ваджраяны. Практика, использующая радикальные средства для быстрого достижения просветления.

Тантрический буддизм. См. ваджраяна.

Тара (санскр.) Спасительница. Женская бодхисаттва сострадания, соответствие Авалокитешвары.

Хинаяна (санскр.) Малый путь. Школа буддизма или этап пути, где стремятся к индивидуальному освобождению.

Чистая земля (тиб. zhing khams). Особый вид рая для тех, кто находится на пути к просветлению.

Шамбала (санскр. шамбхала, тиб. bde 'byung). Источник счастья. Таинственное царство к северу от Тибета, где, как считается, хранятся учения калачакры.

Шерпы (тиб. шерпа). Народ тибетского происхождения, расселившийся в Непале, особенно в Солу Кумбху, области к югу от горы Эверест. Некоторые из них работают в экспедициях альпинистов.

Эго. Символ или образ себя, который человек принимает за себя.

Экаджати (санскр.) Женская бодхисаттва, помогающая йогас преодолеть препятствие. Разновидность тары.

Ямантака (санскр.) Победитель владыки смерти (Ямы). Гневная форма Манджушри, бодхисаттвы мудрости.

Перевод К. З.